АВТОБИОГРАФИЯ БЕЗ ЦЕНЗУРЫ

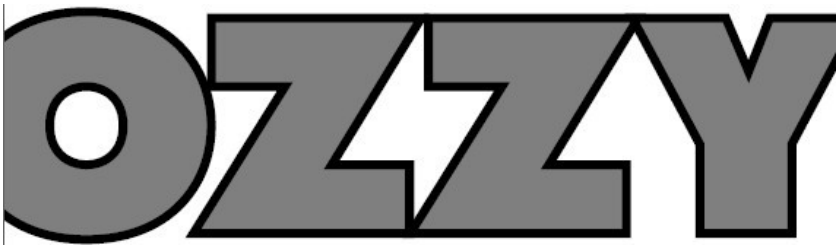
OZZY

ВСЕ, ЧТО МНЕ УДАЛОСЬ ВСПОМНИТЬ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ ЛЕКСИКУ

18+

БЕСТСЕЛЛЕР «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»



Оззи Осборн
Оззи. Автобиография без цензуры

Я хотел бы посвятить эту книгу всем своим поклонникам. Это благодаря вам я прожил такую удивительную жизнь. Благодарю вас от всего сердца.
Да благословит вас всех Бог.

Оззи

И я не забуду еще одного особенного парня, который так много для меня значил, – мистера Рэнди Роадса, светлая ему память. Я никогда тебя не забуду и надеюсь, что когда-нибудь где-нибудь мы снова встретимся.

Ozzy Osbourne, Chris Ayres
I Am Ozzy

© 2009 by Ozzy Osbourne

Редакция выражает особую благодарность за помощь при создании книги Алексею Певчеву.

© Попова А., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Часть первая
В начале...

Они говорили, что я никогда не напишу эту книгу.
Ну и на хер их – потому что вот и книга.
Теперь мне остается только что-нибудь вспомнить...
Твою мать. Я вообще *ничего* не помню.
Разве что вот это...[1]

1. Джон-вор

Мой отец всегда говорил, что однажды я сделаю что-нибудь важное. «У меня есть предчувствие на твой счет, Джон Осборн, – говорил он мне, осушив несколько бутылок пива. – Ты либо сделаешь что-то очень особенное, либо попадешь за решетку».

И мой старик оказался прав.

В первый раз я загудел в тюрьму в неполных восемнадцать.

Ограбление – вот за что меня скрутили. Или, как было сказано в протоколе, «кража со взломом имущества общей стоимостью в 25 фунтов». По нынешним деньгам это примерно три сотни фунтов. Прямо скажем, не ограбление века. Я воровал всякое дерьмо. Потом возвращался и проделывал то же самое снова и снова. Однажды мне приглянулся магазин одежды «Sarah Clarke's», который находился недалеко от моего дома в Астоне. Во время первого взлома, схватив несколько вешалок, я подумал, что смогу загнать это барахло в пабе. Но забыл взять с собой фонарик, поэтому оказалось, что я спер детские слюнявчики и ползунки.

С таким же успехом можно было пытаться загонять собачье дерьмо.

Так что я вернулся и на этот раз стащил 24-дюймовый телик. Но он оказался слишком тяжелым и свалился и мне на грудь, когда я перелезал обратно через забор за магазином. Около часа я не мог даже пошевелиться, просто лежал в канаве с крапивой и чувствовал себя полным идиотом. Под наркотой я был как Мистер Магу[2], это да. В конце концов мне удалось сбросить с себя телик, но пришлось его там и оставить.

С третьей попытки мне удалось стащить несколько рубашек. И даже пришла в голову блестящая идея надеть перчатки, чтобы работать как настоящий профессионал. Единственная проблема оказалась в том, что у одной перчатки не было большого пальца, так что я оставил идеальные отпечатки по всему магазину. Через несколько дней, когда копы пришли ко мне домой, то обнаружили и перчатки, и кучу барахла. «Перчатка без пальца? – сказал коп, застегивая на мне наручники. – До Эйнштейна совсем немножко не дотянул, да?» Примерно через неделю состоялся суд, на котором мне влепили штраф в сорок фунтов. Это оказалось больше, чем у меня было за всю мою жизнь. Я никак не мог их заплатить, если только не ограбить банк… Или не одолжить у отца. Но мой старик

отказался помогать.

«Я честно зарабатываю свои деньги, – сказал он. – С чего бы мне отдавать их тебе? Пусть это станет для тебя гребаным уроком».

– Но, папа…

– Ради твоего же блага, сынок.

Разговор окончен.

Судья приговорил меня к трем месяцам в тюрьме Уинсон Грин за «неуплату штрафов».

Если честно, когда я узнал, что сяду в тюрьму, то от страха чуть не наложил в штаны. Уинсон Грин представляла собой старую викторианскую тюрьму 1849 года постройки. Работали там отъявленные ублюдки. Даже главный тюремный инспектор страны позднее признавался, что Уинсон Грин – самая жестокая, вонючая, беззаконная гребаная дыра из всех, виданных им ранее. Я умолял отца заплатить штраф, но он настаивал на том, что пребывание в тюрьме, возможно, наконец научит меня уму-разуму.

Как и большинство подростков, которые совершают преступления, я просто хотел произвести впечталение на своих дружков. Думал, что круто быть плохим парнем, и старался им быть. Но передумал, как только попал в Уинсон Грин. В комнате приема сердце у меня билось так громко и часто, что я решил, будто оно выскочит из груди прямо на бетонный пол. Охранники вытряхнули всё у меня из карманов, положили в маленький пластиковый пакет – кошелек, ключи, сиги, – и хорошенько посмеялись над моими длинными мягкими каштановыми волосами.

«Ты понравишься парням в блоке Н, – шепнул мне один из них. – Приятного душа, сладкий пирожочек».

Я понятия не имел, что он имеет в виду.

Но очень скоро понял.

Если только ты не мечтал работать на заводе и упахиваться в ночные смены на сборочной линии, то от юности в Астоне ждать было нечего. Единственные рабочие места были на заводах. А жилые дома разваливались, в них даже не было сортиров. В Мидлендсе во время войны производили много танков, грузовиков и самолетов, поэтому в Астоне во время «Блица» сосредоточилась промышленность. Когда я был маленьким, на каждом углу были «строительные площадки» – дома, которые немцы сровняли с землей, пытаясь разбомбить оружейный завод Касл Бромвича.

Много лет я думал, что так называются детские площадки.

Я родился в 1948 году и вырос в доме номер 14 в середине улицы Лодж-роуд, по обеим сторонам которой стояли дома с террасами. Мой отец Джон Томас Осборн был слесарем-инструментальщиком и работал в ночные смены на заводе компании «Дженерал Электрик» на Уиттон-лейн. Все называли его Джеком – по какой-то причине тогда так называли Джонов. Отец часто рассказывал мне о войне – в начале 1940-х он работал в Кинг Стенли в Глостершире, а немцы каждую ночь бомбили Ковентри, находящийся примерно в пятидесяти милях. Они сбрасывали взрывчатые вещества и парашютные мины, и город горел таким пламенем, что при отсутствии электричества отец мог читать газету. В детстве я по-настоящему не понимал, какой это был ад. Представьте себе: люди ложатся спать и не знают, достоит ли их дом до рассвета..

Кстати, после войны жизнь была не намного легче. Когда отец возвращался утром домой с ночной смены, моя мама Лиллиан шла работать на завод «Лукас». Чертовски изнурительная рутина, и так день за днем. Но они никогда не жаловались.

Мама была католичкой, но не особо религиозной. Никто из Осборнов не посещал церковь – правда, какое-то время я ходил в воскресную школу при Церкви Англии, потому что больше не хера было делать, а там на халяву давали чай с печеньем. Но мне это не сильно помогло в жизни – учить по утрам рассказы из Библии и рисовать младенца Иисуса. Не думаю, что викарий гордился бы своим учеником.

Воскресенье было для меня худшим днем недели. Я был ребенком, которому постоянно нужно развлекаться, а с развлечениями в Астоне было не густо. Только серое небо, пабы на углу каждой улицы и не очень здоровые люди, которые, как животные, пахали на сборочных линиях. Но у работяг была своя гордость. Например, они выкладывали фальшивыми камнями стены муниципальных домов, чтобы те выглядели так, будто это гребаный Виндзорский замок. Не хватало только рвов и подъемных мостов. У большинства домов были террасы, как у нашего, и каменная облицовка одного дома заканчивалась как раз там, где начиналась штукатурка на другом. Смотрелось ужасающе.

Я был четвертым ребенком в семье и первым мальчиком. У меня три старших сестры: Джина, Айрис и Джиллиан. Не понимаю, когда мои родители успевали этим заниматься, но вскоре у меня появилось еще два младших брата: Пол и Тони. Так что в доме

номер 14 на Лодж-роуд было шестеро детей. Полный дурдом. Как я уже говорил,

В те дни в домах не было унитазов, только ночное ведро у кровати. Джине, как самой старшей, досталась отдельная спальня в пристройке позади дома. Все остальные жили в одной комнате, пока Джина не выросла и не вышла замуж. После этого пристройку заняла Айрис.

Большую часть времени я старался не путаться у сестер под ногами. Они постоянно ссорились друг с другом, как это бывает у девчонок, а я не хотел попасть под перекрестный огонь. Но Джина всегда старалась присматривать за мной, она была как вторая мама. Мы до сих пор говорим по телефону каждое воскресенье, что бы ни случилось.

Честно признаться, не знаю, что бы я делал без Джины, потому что был очень нервным ребенком. Меня все время преследовал страх неминуемой смерти. Я был уверен, что, если наступать на трещины в асфальте по пути домой, то мать умрет. А когда отец спал днем, я начинал волноваться, что он умер, и тыкал его промеж ребер, чтобы убедиться, что старик еще дышит. И поверьте – отец был этим чертовски недоволен. А подобные жуткие мысли постоянно крутились у меня в голове.

Большую часть времени мне было очень страшно.

Мое самое первое воспоминание – именно о том, что мне было страшно. Это было 2 июня 1953 года: День коронации королевы Елизаветы. В то время отцу безумно нравился Эл Джолсон, американский актер и звезда эстрады. Мой старик ходил по дому, пел его песни, читал наизусть комедийные реплики и при любом удобном случае наряжался в его костюм.

Тогда Эл Джолсон был знаменит в основном своими пародиями на негров. Его выступлениями с зачерненным под негра лицом были настолько неполиткорретными, что в наше время ему бы за это здорово прилетело. Однажды отец попросил тетушку Виолетту сшить нам пару черно-белых костюмов в стиле исполнителей негритянских песен, чтобы мы облачились в них на время празднования коронации. Костюмы были просто потрясающие! Тетушка Виолетта даже достала нам подходящие белые цилиндры и белые бабочки, а еще пару полосатых красно-белых тросточек. Но, когда отец спустился вниз с черным лицом, у меня на хрен снесло башню. Я кричал и плакал: «Что вы с ним сделали? *Верните моего папу!*» – и не затыкался, пока кто-то не объяснил, что папа просто

намазался гуталином. Потом меня тоже попытались намазать этой штукой, но я снова взбесился. Я не хотел, чтобы на мне была эта штука, полагая, что она останется навсегда.

– Нет! Нет! Нет! *Не-е-е-е-е-е-ет!* – кричал я.

– Не будь трусишкой, Джон, – рявкнул отец.

– Нет! Нет! Нет! *Не-е-е-е-е-е-ет!*

Потом я узнал, что у нас в семье уже были сумасшедшие. Бабушка по папиной линии находилась в пограничном состоянии. Точнее – она реально была долбанутая. Всё время била меня без причины. Помню, как она шлепала и шлепала меня по бедрам. А еще была мамина младшая сестра, тетя Эдна, которая совершила самоубийство, сиганув в канал. Однажды она вышла из дурки и просто решила утопиться. Бабушка по маминой линии тоже была немного с приветом. У нее на руке была татуировка с инициалами моего деда – А. Ю., значит Артур Юнитт. Я думаю о ней каждый раз, когда вижу по телику одну из этих роскошных телочек с татуировками по всему телу. Выглядит нормально, когда ты молода и свободна, но, поверьте, смотрится не слишком сексуально, когда ты бабушка, укачиваешь внуков на ночь, а у тебя на бицепсе сморщенный кинжал и две облезлые змеи. Но ей было по херу, моей бабуле. Она мне очень нравилась. Она дожила до девяноста девяти лет. Когда я стал слишком много пить, бабушка била меня по заднице свернутой в трубочку газетой *«Mirror»* и говорила: «Ты жиреешь! Хватит пить! Ты воняешь как чертова подставка для кружки!»

А мои родаки были относительно нормальные. Папа был строгим, но он никогда меня не бил и не запирал в угольном чулане – ничего такого. В худшем случае шлепал, если я делал что-то плохое, например, хотел заклеймить дедушкину коленку горячей кочергой, пока тот спит. Но зато папа ссорился с матерью, и позднее я узнал, что он ее бил. Однажды мать, по-видимому, даже подала на отца в суд. Я часто слышал, как они кричат и ругаются, но не знал, из-за чего – полагаю, что из-за денег. Поверьте, никто из живущих в реальном мире не говорит постоянно что-то типа «да, дорогая, я понимаю, давай поговорим о наших «чувствах», бла-бла-бла, черт возьми». Те, кто утверждает, что ни разу не сказали грубого слова, живут на другой планете, мать их. И понятие брака в то время было другим. Даже не могу себе представить, каково это было – ты

вкалываешь всю ночь, а твоя благоверная работает весь день, но у вас всё равно нет денег.

Он был хорошим парнем, мой старик: простым, старомодным. Он был очень худым и носил толстые очки в черной оправе, как у Ронни Баркера[3]. Отец говорил мне: «Хорошего образования у тебя может и не быть, но хорошие манеры ничего тебе не стоят». И сам жил по этому принципу: всегда уступал женщинам место в автобусе, помогал старушкам переходить дорогу.

Хороший он был человек. Очень по нему очень скучаю.

Сейчас я понимаю, что отец был немного ипохондриком. Может, у меня это именно от него. Папу всё время беспокоила нога, он постоянно ее забинтовывал, но к врачу его было не загнать. Он бы скорее умер, чем обратился к специалисту. Врачи приводили отца в ужас, как и многих людей его возраста. И он никогда не брал отгулы. Если бы папа заболел и остался дома, это значило бы, что пора звать гробовщика.

Что у меня точно не от отца, так это склонность к зависимостям. Отец пропускал несколько кружек пива, но никогда не напивался. Больше всего ему нравилось пиво «Mackeson Stout». Он ходил в клуб для работяг потусоваться с парнями с завода и приходил домой, напевая «Show Me the Way to Go Home». И всё. Никогда не видел, чтобы он валялся на полу, обмочил штаны или блевал. Ему просто становилось хорошо и весело. Иногда по воскресеньям я шел с отцом в паб, а потом играл на улице и слушал через дверь, как он во весь голос горланит. И я думал, черт возьми, должно быть тот лимонад, который папа пьет, просто потрясающий… У меня было невероятное воображение. Много лет мне было интересно, какое же пиво на вкус, пока я его наконец не попробовал и не подумал – что это, на хрен, за дерьмо? Не может быть, чтобы папа такое пил! Но потом понял в чем дело. Я обожал всё, что меняет мое состояние, поэтому к восемнадцати годам мог влить в себя пинту[4] пива за пять секунд.

В нашей семье любили петь все, а не только папа, будучи навеселе. Мама и сестры тоже. Джина приходила домой с записями Чака Берри и Элвиса Пресли, женщины их разучивали и устраивали маленький субботний концерт. Однажды мои сестры даже разучили несколько мелодий The Everly Brothers. Впервые в жизни я выступал как раз на таком семейном концерте Осборнов – пел песню Клиффа Ричарда «Living Doll», которую услышал по радио. Но в то время я даже не помышлял о карьере певца, об этом и речи быть не могло.

Насколько я знал, единственный способ заработать хоть сколько-то денег – пойти работать на завод, как и все в Астоне. Или ограбить долбаный банк.

Этот вариант я точно не исключал.

Преступления пришли в мою жизнь естественно и непринужденно. У меня даже был сообщник – паренек с моей улицы по имени Патрик Мерфи. И Мерфи, и Осборны были жесткими ребятами, хотя дети семейства Мерфи были настоящими католиками и ходили в другую школу. Мы с Пэтом начинали с воровства яблок. Но не продавали их, – просто жрали, потому что были вечно голодные. Но частенько попадалось какое-нибудь гнилое, и нас проносило несколько дней подряд. Недалеко от нашего дома была Тринити-роуд, от которой шла улица пониже, так что можно было просто прислониться к стене, задрать футболку и насыпать в нее яблок с деревьев, которые росли внизу. Однажды, когда я стоял на стене, как чертов беременный яблочный контрабандист, владелец этой земли спустил с цепи двух немецких овчарок. Они набросились на меня сзади, и я упал со стены головой вниз прямо в сад, да так неудачно, что через несколько секунд один глаз у меня раздулся и заплыл. Отец чертовски взбесился, когда я в таком виде явился домой. Потом была больница, где врач тоже задал мне трепку.

Но нас с Пэтом это не остановило.

После яблок мы перешли к «зачистке» парковочных автоматов. Потом дело долшло до мелких краж. У моих предков было шестеро детей и не много денег, а в таком отчаянном положении ради того, чтобы хоть немного набить живот, пойдешь на всё. Я не горжусь этим, но я и не один из тех парней, которые говорят: «Ой, у меня теперь всё хорошо, у меня куча денег, давайте не будем ворошить прошлое».

Именно мое прошлое сделало меня таким, какой я есть.

Потом мы замутили еще одну тему: встали у стадиона «Астон Вилла» во время матча и брали с фанатов по полшиллинга за то, чтобы «присмотреть» за их машиной. В то время все оставляли машины незапертыми, так что во время матча мы забирались в них и безобразничали. Иногда пытались дополнительно заработать мытьем этих машин. Это был блестящий план, пока как-то раз мы не решили вымыть машину одного несчастного придурка проволочной щеткой. Когда мы закончили, с машины слезла половина краски. Увидев результат, чувак реально охренел.

Я не был плохим парнем, но очень хотел им быть. Я был обычным подростком и хотел, чтобы меня приняли наконец в одну из уличных шаек. Помню, у нас были клевые игры. Мы играли в войнушку, ребята с одной улицы против ребят с другой, бросались друг в друга камнями, а вместо щитов у нас были мусорные ведра, и мы изображали битву греков против римлян. Было весело, пока одному парню не попали камнем в лицо, и его не увезли в неотложку, потому что из глазницы хлестала кровь. Еще мы мастерили бомбы из подручных материалов: берешь кучу дешевых хлопушек, высыпаешь из них порох, сплющиваешь один конец медной трубки, прокручиваешь в середине отверстие, наполняешь ее порохом, загибаешь второй конец, затем берешь фитиль из одной хлопушки и вставляешь в отверстие. А потом нужно просто поднести спичку к фитилю и на хрен свалить оттуда, да побыстрее.

Ба-бах!

Хе-хе-хе.

Не всё, что мы делали, было настолько же хитроумно, как изготовление бомб, но почти всё – так же опасно.

Мы с Пэтом как-то построили землянку, вырыв ее в твердой глиняной набережной, вставили туда раму и доски, а в крыше проделали дыру для дымохода. Рядом были ржавые бочки из-под бензина, и мы спрыгивали с них на кусок старого рифленого металла, который служил идеальным трамплином – бумс! – приземляясь прямо на крышу землянки. Так мы развлекались несколько недель, пока в один прекрасный день я не угодил в чертов дымоход и чуть не свернул себе шею.

На пару секунд Пэт решил, что я отбросил коньки.

Но лучше всего были «строительные площадки». Мы часами страдали на них херней, что-то строили из щебня, что-то ломали, жгли костры. И всё время искали сокровища… у нас было безумное воображение. Вокруг было множество заброшенных викторианских домов, где можно было играть, потому что Астон тогда только начинали отстраивать заново. Они были великолепны, эти старые дома, в них можно было заниматься чем угодно. Мы покупали пару двухпенсовых сигарет, садились в разбомбленных гостиных или каких-нибудь других комнатах, бездельничали и курили. Нашими любымими марками сигарет были «Woodbine» и «Park Drive». Сидишь там, в грязи и пыли, дымишь папироской и в то же время

вдыхаешь плотный желтый бирмингемский смог.

Эх, было времечко.

Школу я терпеть не мог. Точнее – просто ненавидел.

До сих пор помню первый день в начальной школе Prince Albert Juniors в Астоне: меня пришлось тащить туда за загривок, потому что я верещал и брыкался.

Единственное, чего я с нетерпением ждал, – это звонок с уроков в четыре часа. Я не умел как следует читать и не получал хороших оценок. В голове у меня ничего не задерживалось, и я не мог понять, почему мой мозг – бесполезный кусок долбаного желе. Я смотрел на страницу в книге, но толку от этого не было – словно она была написана на китайском. Я чувствовал, что из меня ничего не выйдет, будто уже родился неудачником. Только в тридцать с лишним лет я узнал, что у меня дислексия и синдром дефицита внимания. В то время об этом дерьме еще никто ничего не знал. В моем классе было сорок человек, поэтому, если ты чего-то не понимаешь, то учителю было на это глубоко плевать. Остается лишь бездельничать. Именно так я и делал. А когда надо мной смеялись – например, когда надо было читать вслух, – я старался развлекать класс и придумывал разные безумные штуки, чтобы всех рассмешить.

Единственный плюс от дислексии в том, что дислексики обычно – очень творческие люди. По крайней мере, мне так сказали. Мы мыслим очень необычно. Но это клеймо на всю жизнь – когда не можешь читать как номальные люди. Я до сих пор жалею, что не получил нормального образования. Думаю, что книги – это и правда круто. Зачитываться какой-нибудь книгой – просто восхитительно, черт возьми. У каждого должна быть такая возможность. Но я смог прочитать от начала до конца всего несколько книг за всю жизнь. Раз в сто лет случается, что эта хрень в моей голове проходит, и я стараюсь читать как можно больше, потому что, когда она вернется, всё будет как раньше, и я буду сидеть и пялиться в иероглифы.

Насколько я помню, в школе меня всегда называли Оззи. Понятия не имею, кто первым это придумал, когда и почему. Полагаю, это просто кличка для Осборна, но она отлично сочеталась с моим клоунским поведением. Как только кличка приклеилась, Джоном меня продолжали называть только дома. Сейчас я даже не узнаю свое настоящее имя. Если кто-то скажет: «Эй, Джон! Смотри

сюда!» – я даже глаза не подниму.

После окончания начальной школы я перешел в среднюю школу Birchfield Road Secondary Modern в Перри Барре. Там у нас была школьная форма. Она была необязательной, но большинство детей ее носили, в том числе мой младший брат-паинька Пол. Каждый день он надевал пиджак, серую фланелевую рубашку, галстук и майку. А я ходил в заляпанных сапогах, джинсах и вонючих старых джемперах. Директор школы мистер Олдхэм бранил меня каждый раз, когда видел. «Джон Осборн, приведи себя в порядок, ты позорище! – кричал он с лестницы. – Почему ты не можешь брать пример с брата?»

Единственный раз мистер Олдхэм сказал обо мне доброе слово, когда я сообщил ему, что один из старших школьников пытался убить рыбок, налив в аквариум моющее средство. Он даже похвалил меня на собрании. «Благодаря Джону Осборну, – заявил он, – мы смогли уличить злодея, ответственного за этот низкий поступок». Чего мистер Олдхэм не знал, так это того, что убить рыбок моющим средством пытался я, но потом почему-то передумал. Я знал, что все будут ругать меня за мыльную пену в аквариуме – меня ругали вообще за *всё*, поэтому подумал, что если я вовремя переведу стрелки на кого-нибудь другого, то мне удастся избежать наказания. Все получилось как надо.

Был один учитель, который мне нравился, – мистер Черрингтон. Он был любителем местной истории и однажды водил нас в место под названием Пимпл Хилл в Бирмингеме, где раньше стоял старый замок. Это было чертовски здорово. Он рассказывал о крепостях, захоронениях и средневековых приспособлениях для пыток. Это был лучший урок в моей жизни, но я всё равно не получил хороших оценок, потому что ничего не смог записать.

Как ни странно, единственное, за что я получал хорошие оценки в школе на Берчфилд-роуд, – это «обработка тяжелых металлов». Полагаю, это потому, что отец занимался изготовлением инструментов, и знания были усвоены естественным путем. Я даже выиграл первый приз в конкурсе нашего класса за лучший металлический стопор для окна. Но это никак не мешало мне валять дурака. Учитель, мистер Лейн, бил меня по заднице большой деревяшкой так сильно, что я думал, у меня задница отвалится. На самом деле он был хорошим парнем, мистер Лейн. Хотя и страшным расистом. Черт возьми, что он говорил… Сегодня за такое он бы точно загремел в тюрьму.

Мой любимым приколом на уроке по обработке металлов был такой: берешь однопенсовик, три-четыре минуты нагреваешь его паяльной лампой, а потом кладешь на стол мистеру Лейну, чтобы он поднял его из любопытства.

Сначала слышишь: «А-а-а-а-а-а-а-ай!» – а потом: «Осборн, ах ты, маленький ублюдок!»

Хе-хе-хе.

Старый фокус с горячим пенсом. Забавно, приятель.

Когда я был помладше, надо мной какое-то время издевались старшие дети. Поджидали по дороге из школы, стягивали с меня штаны и дразнили. Мне было одиннадцать-двенадцать лет и это было очень неприятно. Они не трахали меня, не дрочили – просто мальчишки играли в мальчишечьи игры, – но мне было очень стыдно и страшно, а рассказать родителям я не мог. В моей семье дети и так дразнили друг друга – и это нормально, когда вас шестеро в одном доме – но из-за этого попросить о помощи было невозможно. И я думал, что сам во всём виноват.

По крайней мере, когда я вырос и у меня появились собственные дети, я говорил им: «Никогда не бойся подойти к маме с папой с любой проблемой. Ты сам решаешь, что хорошо, а что нет, и, если кто-то трогает твое тело, а тебе это не нравится, просто скажи нам». И, поверьте, если бы я узнал, что с моими детьми кто-то ведет себя не должным образом, то пролилась бы чертова *кровь*.

В конце концов, я нашел способ отделаться от этих подонков. Я выбрал самого крупного парня на площадке и смешил его, пока тот не рассмеялся. Так мы подружились. Фигура у него была чем-то средним между кирпичным сортиром и долбаной горой Сноудон[5]. Если свяжешься с таким, то следующие пару месяцев придется пить свой школьный обед через соломинку. Но в глубине души этот громила был добрым великаном. Как только мы подружились, хулиганы оставили меня в покое, что стало большим облегчением, ведь в драке от меня было столько же толку, сколько и в чтении.

Единственным парнем в школе, который *никогда* ко мне не лез, был Тони Айомми. Он был на год старше, и его знали все – Тони умел играть на гитаре. Хотя он меня и не бил, но всё равно пугал. Может, даже заехал по яйцам пару раз или ткнул пальцем, но больше ничего. Тони был высоким, красивым и нравился всем девочкам. Победить Айомми в драке не мог никто. Мое самое яркое

школьное воспоминание о нем – это день, когда нам разрешили принести в школу свои рождественские подарки. Тони пришел с такой яркой красной электрогитарой. Помню, как подумал, что это самая крутая вещь, которую я видел в жизни. Я тоже всегда хотел играть на каком-нибудь инструменте, но у моих родителей не было денег, да, к тому же, мне бы все равно не хватило усидчивости. Я мог сосредотачиваться максимум на пять секунд. А Тони умел играть. Он был просто невероятен. Тони один из ребят, одаренных от природы: можно дать ему какую-нибудь монгольскую волынку, и за пару часов он разберется, как играть на ней блюзовые риффы. Еще в школе мне было интересно, какое будущее ждет Тони Айомми.

Но наши пути снова пересеклись лишь через несколько лет.

Я рос и всё меньше времени проводил в классе и больше – за курением в мужском туалете. Курил я так часто, что постоянно опаздывал на утреннюю регистрацию, которую проводил учитель регби мистер Джонс. Он меня ненавидел, поэтому всё время оставлял после уроков и позорил перед другими детьми. Больше всего на свете мистер Джонс любил меня бить. Обычно он велел мне идти к ящику с теннисными туфлями в задней части класса, выбрать самую большую и принести ему. Потом шел сам, рылся в ящике, и, если находил туфлю большего размера, то бил меня по заднице с удвоенной силой. Пожалуй, именно он издевался надо мной больше всех в школе.

Еще мистер Джонс занимался тем, что с утра выстраивал всех нас в классе в линейку, а затем ходил за спинами туда-обратно и смотрел на шеи – проверял, что мы умываемся по утрам. Если он считал, что у тебя грязная шея, то проводил по ней белым полотенцем. И если полотенце пачкалось, то тащил за воротник к раковине в углу и оттирал, как животное.

Во всей школе он был самым большим хулиганом, этот мистер Джонс.

Довольно быстро я понял, что у моих родителей денег меньше, чем у большинства других семей. Об отдыхе на Майорке каждое лето речь как-то не заходила – родителям нужно было кормить и одевать шестерых маленьких Осборнов. До четырнадцати лет я

даже не видел море. Впервые это произошло благодаря моей тетушке Аде, которая жила в Сандерленде. И не видел океана – большой воды, в которую не стекает дерьмо из местной канализации и от которой у тебя не наступает гипотермия за три долбаных секунды, – до двадцати с лишним лет.

Нашу бедность можно было определить и по другим признакам. Например, вместо туалетной бумаги мы пользовались кусочками газет. Летом я носил резиновые сапоги, потому что у меня не было обуви, а мама никогда не покупала мне нижнее белье. А еще был изворотливый парень, который постоянно приходил в дом и просил денег. Мы назвали его «тук-тук». Он был коммивояжером и втюхивал маме в кредит всякое барахло из своего каталога, а потом исправно наведывался каждую неделю за следующим платежом. Но у мамы никогда не было денег, поэтому она всегда посылала к двери меня – сказать, что ее нет дома. В конце концов я от этого устал. «Мама говорит, что ее нет дома», – ответил я.

Несколько лет спустя я искупил свою вину: открыл дверь этому тук-туку и оплатил все мамины счета. Потом велел ему проваливать к черту и никогда больше не возвращаться. Но это не помогло. Две недели спустя, вернувшись домой, я увидел, что маме доставили новенький костюм-тройку. Как вы думаете – откуда он взялся?

Когда я был маленьким, с деньгами было очень туго. Один из худших дней всего моего детства – когда мама дала мне десять шиллингов на День рождения, чтобы я купил себе фонарик, светящийся разными цветами, – а по пути домой я потерял сдачу. Должно быть, четыре или пять часов я шарил по всем канавам и сливным трубам Астона, чтобы найти те несколько медяков. Самое смешное, что я даже не помню, что сказала мама, когда я пришел домой. Но очень хорошо помню, что был чертовски напуган.

Не то чтобы жизнь в доме номер 14 на Лодж-роуд была плоха. Но едва ли ее можно назвать семейной идиллией.

Хотя бы потому, что моя мать не Делия Смит[6].

Каждое воскресенье она потела на кухне за плитой, а мы все тряслись в ожидании результата. Жаловаться было нельзя. Как-то раз я ем капусту, а она на вкус, как мыло. Джина ловит мой взгляд, тычет промеж ребер и шепчет: «Не говори ни слова». Но меня сейчас или вывернет, или я умру от отравления этой дрянью. К счастью, в ту же секунду папа возвращается из паба, вешает пальто и садится за обеденный стол. Берет вилку, втыкает ее в капусту, подносит ко рту, а из нее торчит спутанная проволока! Да

благословит Бог мою старую маму, она сварила щетку для мытья посуды!

Мы все побежали в сортир, чтобы проблеваться.

В другой раз мама дала мне с собой на обед сэндвичи с вареным яйцом. Я поднимаю хлеб, а там сигаретный пепел и кусочки скорлупы.

Классно, мам.

Школьные обеды просто спасли мне жизнь. Это одна из немногих прекрасных вещей в моем сраном образовании. Они были просто волшебные, эти школьные обеды. Нам давали основное блюдо *и* пудинг, и это было просто невероятно. Сейчас берешь что-нибудь и сразу начинается: «Ой, здесь двести килокалорий, – или, – ой, здесь восемь граммов насыщенных жиров». Но тогда еще не было такой срани, как калории. Была просто еда на тарелке. И ее всегда было мало.

Каждое утро я искал предлог прогулять школу. Поэтому, когда причины были настоящие, мне никто не верил.

Например, когда я услышал привидение.

Я на кухне, собираюсь выходить в школу. Зима, мороз, в кране нет горячей воды, я кипячу чайник, чтобы налить воды в раковину и помыть посуду. И вдруг слышу голос: «Осборн, Осборн, *Осборн*». Папа работал в ночную смену, поэтому по утрам он собирал нас в школу и ложился спать. Я повернулся к старику и сказал: «Папа! Пап! Я слышу, как кто-то нас зовет! Кажется, это призрак! Похоже, он охотится на наш дом!»

Папа отрывает глаза от газеты.

– Хорошая попытка, сынок, – говорит он. – Призрак или не призрак, а в школу ты идешь. Давай поживей мой посуду.

Но голос всё звучал.

– Осборн, Осборн, *Осборн*.

– Но, папа! – кричал я. – Там голос! Он есть, *есть*. Послушай!

Наконец папа тоже услышал.

– Осборн, Осборн, *Осборн*.

Казалось, голос раздается из сада. Мы оба выбежали на улицу – я прямо босиком, – в саду никого не было. Но мы снова услышали голос, на этот раз ближе и громче.

– Осборн, Осборн, *Осборн*.

Голос раздавался из-за забора. Мы заглянули в соседний сад и

увидали, что наша соседка, одинокая старушка, лежит прямо на льду. Она поскользнулась, упала и не смогла встать, а помочь ей было некому. Скорей всего, если бы вовремя не подоспели, она замерзла бы насмерть. Мы с папой перелезли через забор, подняли и отнесли соседку в гостиную, где раньше никогда не были, хотя жили в соседнем доме всю жизнь. Оказалось, у старушки раньше были муж и дети, но во время войны мужа отправили во Францию, где его застрелили нацисты, а дети погибли в бомбоубежище. Но она жила так, будто все еще живы. Всюду были фотографии, детская одежда и игрушки. Весь дом словно застыл во времени. Было очень грустно. Это самая душераздирающая картина, какую я видел в жизни. Помню, как мама выплакала все глаза, когда в тот день вернулась из этого дома.

Удивительно, да? Живешь в нескольких сантиметрах от соседа и ничегошеньки о нем не знаешь.

В тот день я опоздал в школу, но мистеру Джонсу было всё равно, почему – ведь я опаздывал почти каждый день. Для него это был очередной повод превратить мою жизнь в ад. Однажды утром – может, это было в тот день, когда мы нашли старушку на льду – я пришел на перекличку с таким опозданием, что она уже закончилась, а на линейке уже стоял другой класс.

Для меня это был особенный день, потому что папа дал мне связку металлических стержней с завода «Дженерал электрик», и я собирался сделать несколько отверток на уроке обработки металлов. Стержни лежали у меня в сумке, и я с нетерпением ждал, когда смогу показать их одноклассникам.

Но день был испорчен, еще не успев начаться. Помню, как стою перед столом мистера Джонса, а он бесится и орет на меня, пока другой класс рассаживаются за партами. Мне было так стыдно, что я хотел забиться в какую-нибудь нору и никогда из нее не вылезать.

– ОСБОРН! – кричал он. – ТЫ ПОЗОРИШЬ САМОГО СЕБЯ И ЭТУ ШКОЛУ! НЕСИ МНЕ БОТИНОК!

В классе воцарилась такая тишина, что можно было услышать, как перднет мышь.

– Но, сэр!

– НЕСИ МНЕ БОТИНОК, ОСБОРН. И УБЕДИСЬ, ЧТО ОН САМЫЙ БОЛЬШОЙ, ИЛИ Я ТРЕСНУ ТЕБЕ ПО ЗАДУ ТАК СИЛЬНО, ЧТО ПОТОМ МЕСЯЦ СИДЕТЬ НЕ СМОЖЕШЬ!

Я огляделся и увидел лица учеников, уставившихся на меня. Черт, приятель, я готов был умереть. Ребята в этом классе были на год

старше и пялились на меня, как будто я какой-нибудь чертов урод. Я втянул голову в плечи и совершил свой променад позора в конец класса. Кто-то пытался подставить мне подножку. Еще кто-то подвинул свой портфель в проход, чтобы мне пришлось его обойти. Все мое тело дрожало и онемело, а лицо горело огнем. Я не хотел заплакать перед старшими детьми, но уже чувствовал, как накатывают слезы. Я подошел к ящику, нашел туфлю – но так нервничал из-за того, что на меня все смотрят, что даже не смог определить самый большой, – и отнес ее мистеру Джонсу. Подаю ему ботинок, не поднимая глаз.

– ПО-ТВОЕМУ, ЭТО САМЫЙ БОЛЬШОЙ? – орет мистер Джонс. Потом быстро шагает в конец класса, смотрит в ящик, возвращается с ботинком побольше и велит мне наклониться. А все смотрят. В этот момент я отчаянно силюсь не заплакать, но у меня из носа уже льются сопли, и я утираюсь тыльной стороной ладони.

– Я СКАЗАЛ, НАКЛОНИСЬ, ОСБОРН!

Я слушаюсь. Затем он заносит руку как можно дальше и со всей силы бьет меня чертовым ботинком 44 размера.

– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

Мне чертовски больно. Ублюдок бьет еще раз. И еще. Но к третьему или четвертому удару я уже на хрен натерпелся. И вдруг я разозлился. Во мне кипит чертова слепая ярость! Он шлепает меня снова, я лезу в сумку, достаю папины железные прутья и изо всей силы бросаю их прямо в жирную потную рожу мистера Джонса. Мне не очень давался спорт, но в эти пару секунд я бы забил мяч за английскую сборную по крикету. Мистер Джонс отшатывается назад, у него из носа хлещет кровь, и я понимаю, что натворил. Ребята в классе пооткрывали рты. О, *че-е-е-е-ерт*. Я выбегаю из класса, несусь по коридору, выбегаю из школы и мчусь по дороге в дом номер 14 на Лодж-роуд. Забегаю наверх, где спит отец, и бужу его. И тут я разревелся.

Отец был просто в ярости.

Слава Богу, злился он не на меня, а на мистера Джонса. Папа сразу же отправился в школу и потребовал директора мистера Олдхэма. Крики было слышно в другом конце школы. Мистер Олдхэм каялся, что понятия не имел о методах воспитания мистера Джонса, но пообещал разобраться в ситуации. Отец ответил, что это было бы чертовски неплохо.

С тех пор меня ни разу не били.

В школе я был далеко не Ромео – большинство девчонок считали меня психом, – но какое-то время у меня была подружка по имени Джейн. Она ходила в школу для девочек на той же улице. Я сходил по ней с ума. До ужаса. Каждый раз перед встречей с ней я шел в школьный туалет и намыливал волосы, чтобы уложить их назад и казаться крутым. Но в один прекрасный день пошел дождь, и моя голова превратилась в мыльный пузырь, а мыло потекло по лбу прямо в глаза. Джейн взглянула на меня, спросила: «Ты что – дебил? – и сразу бросила. Прямо там же. У меня разбилось сердце. Через несколько лет я встретил свою любовь выходящей из клуба в Астоне, и она была пьяна в такое говно, что я удивился, из-за чего же раньше так парился.

Были и другие девчонки, но ничего стоящего из этого так и не вышло. Вскоре я узнал, как больно, когда девушка, которая тебе нравится, гуляет с другим парнем. Когда тебя динамят, тоже не очень весело. Однажды я договорился встретиться с девчонкой у отеля «Crown and Cushion» в Перри Барре. Когда я пришел туда в полвосьмого, лил дождь, а ее нигде не было. Я подумал: «Ну ладно, придет через полчаса». И подождал до восьми. Ничего. Подождал еще полчаса. По-прежнему ничего. В итоге я прождал до десяти часов, а потом поковылял домой, промокший до нитки, подавленный и отвергнутый. Теперь, сам став отцом, я искренне недоумеваю, какого хрена я тогда себе думал? Ни один нормальный отец не выпустит свою дочь вечером на улицу в дождь встречаться с каким-то парнем из школы.

Это всего лишь мальчишеская любовь. Тебе кажется, что ты взрослый, но на самом деле это совсем не так.

Еще как-то раз, когда мне было около четырнадцати, я пригласил девочку в кино. Я решил, что буду плохим парнем, поэтому закурил, чтобы произвести впечатление. К тому времени я уже пробовал курить, но это еще не вошло в привычку. В тот вечер у меня в кармане было пять сиг и однопенсовый коробок спичек. И вот сижу я в кинотеатре, строю из себя невесть что, как вдруг покрываюсь холодным потом. Какого черта, что со мной происходит? Рыгаю и чувствую вкус рвоты. Бегу в туалет, запираюсь в кабинке, и меня от кашля на хрен выворачивает наизанку. Мне было так плохо, приятель. Я еле доплелся до выхода и побрел домой, меня рвало

всю дорогу. Не знаю, что было дальше с той девчонкой, но, по крайней мере, она получила коробку конфет «Maltesers».

И за время моего взросления это не единственная печальная история, связанная с сигаретами. Как-то вечером, примерно тогда же, я курил в своей спальне на Лодж-роуд. Потом притушил сигаретку чтобы докурить утром, а через несколько часов проснулся от удушья. Всё было в дыму. *Чёрт побери*, подумал я, *я поджег дом!* Но потом посмотрел на пепельницу рядом с кроватью и увидел, что сигарета не горит. Чего я не знал, так этого того, что тем вечером папа пришел домой немного навеселе и тоже курил дома. Но не потушил сигарету, а уронил ее за диван, так что поролон в подушках начал тлеть. По всему дому расползся удушливый черный дым.

Следующее, что я помню, как бегу вниз в гостиную и вижу, что у папы похмелье и виноватое лицо, у мамы по лицу текут слезы, и она сгибается пополам от кашля.

– Джек Осборн, – заорала мать в перерыве между кашлем. – Какого черта ты…

А потом закашлялась так сильно, что вставная челюсть вылетела у нее изо рта и разбила окно, впустив холодный ветер с улицы. Взлетело пламя – и диван вспыхнул как гребаный костер. Я не знал, смеяться мне или обосраться от страха. Все-таки каким-то образом нам с папой удалось потушить огонь, а мама пошла в сад искать свою челюсть.

В доме воняло еще несколько недель.

Но это не помешало мне курить. Я был уверен, что с сигаретой выгляжу круто. И, возможно, был прав, потому что через несколько недель после пожара мои отношения с девочками наконец-то пришли к счастливой развязке. Незадолго до этого я обнаружил, что пенис нужен не только для того, чтобы мочиться в ведро, и стал неустанно дрочить. Я передергивал повсюду. Я не мог уснуть, потому что всю ночь гонял лысого. И вот однажды я пошел на танцы в паб в Астоне. Это было еще до того, как я начал пить, но в дальнем зале был чей-то развеселый день рождения. Там была девчонка постарше – в жизни не вспомнить, как ее звали, Богом клянусь, – и она со мной танцевала. Потом привела к себе домой и трахала всю ночь. Понятия не имею, почему она выбрала меня. Может, просто припекло, а я оказался единственным незанятым членом в этом пабе. Кто знает? Во всяком случае, я не жаловался. Конечно, после этого мне захотелось продолжения. Поэтому на следующий день побежал к ней домой, как пес, который второй раз нюхает тот же

столб.

Но она выпалила: «Какого хрена *тебе* здесь надо?»

– Как насчет перепихнуться еще раз?

– Отвали.

Так закончился наш чудесный роман.

В пятнадцать лет я закончил школу. И что же за десять лет я получил от британской системы образования? Листок бумаги, на котором написано:

«Джон Осборн посещал школу «Birchfield Road Secondary Modern»».

И подпись:

«Мистер Олдхэм (Директор)».

И всё. Ни одной оценки. Ничего. Поэтому у меня было два карьерных пути: физический труд и физический труд. Первым делом я стал искать работу в рубрике вакансий на обороте *«Birmingham Evening Mail»*. В газете как раз был специальный раздел для тех, кто только что закончил школу и интересуется перспективами трудоустройства. Я просмотрел их все: молочник, мусорщик, работник сборочной линии, укладчик, дворник, водитель автобуса и тому подобное – и выбрал работу водопроводчика, потому что это, по крайней мере, ремесло. А мне говорили, что без знания ремесла в жизни ничего не добьешься.

К тому времени, когда я получил эту работу, наступил конец года, начинало холодать. А я не знал, что водопроводчики больше всего надрываются в середине зимы, когда лопаются трубы. Так что в основном ты торчишь, наклонившись над люком в минус пять градусов, бодро отмораживая себе яйца. Меня не хватило даже на неделю. Но меня сломил не холод. Меня выперли за то, что я воровал яблоки в обеденный перерыв.

Старые привычки дали о себе знать.

Моя следующая работа была менее претенциозной. Я устроился на промышленный завод недалеко от Астона. Там производили

автомобильные запчасти, а я отвечал за большой чертов аппарат для удаления смазки. Тебе дают корзину с кучей деталей – проводов, пружин, рычагов и прочего, – ты кладешь их в бак с бурлящими химикатами, и они очищаются. Химикаты были токсичными, и наверху аппарата висел знак: «ОПАСНО! НИКОГДА НЕ СНИМАЙТЕ ЗАЩИТНУЮ МАСКУ. НИКОГДА НЕ НАКЛОНЯЙТЕСЬ НАД БАКОМ».

Помню, поинтересовался у кого-то, что в баке, и мне ответили, что это дихлорметан. Я подумал про себя: «Хм, интересно, можно ли словить приход от этой штуки?» И как-то раз снял маску и на секундочку наклонился над баком. Это было нечто: *«Ого-о-о-о-о-о-о!»* – как будто нюхаешь клей. Только, черт возьми, в сто раз сильнее. Так что я стал каждое утро нюхать дихлорметан – это было намного дешевле, чем ходить в паб. Потом стал делать это два раза в день. А затем три. А потом каждые долбаные пять минут. Проблема была в том, что, каждый раз, когда я туда наклонялся, мое лицо становилось черным и жирным от испарений. Ребята на заводе быстро догадались, что происходит. Я уходил на перерыв, а потом они видели мое лицо, покрытое этой черной дрянью, и говорили: «Ты что, опять торчал у обезжиривателя, да? Ты, на хрен, убьешь себя, приятель».

– О чем вы говорите? – отвечал я с невинным видом.

– Это же токсично, черт возьми, Оззи.

– Поэтому я никогда не снимаю защитную маску и *никогда* не наклоняюсь над баком, как написано на табличке.

– Брехня. Прекрати, Оззи. Ты убьешь себя.

Через несколько недель дошло до того, что я постоянно был не в себе и разгуливал по заводу, напевая песни. У меня даже начались галлюцинации. Но я продолжал нюхать – просто не мог остановиться. И в один прекрасный день я пропал. Меня нашли лежащим на баке без сознания. «Вызовите «неотложку», – сказал надзиратель. – И чтобы больше этого идиота я не видел».

Мои родители, когда узнали, что меня снова уволили, чуть с ума не сошли. Я продолжал жить в доме номер 14 на Лодж-роуд, и они ждали, что аренду мы наконец будем платить вместе, несмотря на то, что я старался проводить дома как можно меньше времени. Мама поговорила со своим начальником и устроила меня на работу на завод «Лукас», чтобы я хотя бы там был под присмотром. «Это отличная возможность научиться новому, Джон, – сказала она. – Большинство людей твоего возраста отдали бы правую руку на

отсечение за такой шанс. Ты приобретешь очень полезный навык – станешь настройщиком автомобильных клаксонов».

У меня сердце в пятки ушло.

Настройщиком автомобильных клаксонов?

В те времена работяги рассуждали так: получаешь хоть какое-то образование, идешь в подмастерья, тебе дают дерьмовую работу, ты этим страшно гордишься, несмотря на то, что она дерьмовая. А потом занимаешься этой дерьмовой работой до гробовой доски. Твоя дерьмовая работа – это *всё*. Многие люди в Бирмингеме даже не доживали до пенсии. Они просто падали замертво прямо на пол завода.

Мне нужно было свалить на хрен, пока я не попался в этот капкан. Но я понятия не имел, как уехать из Астона. Попытался было эмигрировать в Австралию по специальной программе, но не смог оплатить сбор в 10 фунтов. Я даже пытался пойти добровольцем в армию, но меня не взяли. Парень в военной форме взглянул на мою рожу и сказал: «Извини, нам нужны люди, а не *вещи*».

Так что я пошел работать на завод. Своему другу Пэту я сказал, что теперь работаю в музыкальном бизнесе.

– Что ты имеешь в виду под музыкальным бизнесом?

– Настраиваю всякое, – туманно ответил я ему.

– Всякое какое?

– Не суй нос не в свое собачье дело!

На том обсуждение моей новой работы было закончено.

В первый день работы на заводе «Лукас» мастер привел меня в комнату со звукоизоляцией – в ней предстояло работать. Моя работа заключалась в том, чтобы брать автомобильные гудки с конвейерной ленты и класть в хитрый аппарат в форме колпака. Затем подключать их к электрической сети и регулировать отверткой, чтобы раздавались звуки: «БИП, БУ-У, УИ-У, УР-Р, БИ-УП». И так 900 раз в день – столько автомобильных гудков требовалось настроить в соотвествиии с дневной нормой. Контролеры вели подсчет, поэтому каждый раз, когда гудок был готов, нужно было нажимать на кнопку. В одном помещении нас было пятеро, так что пять гудков бибикало и пищало, и верещало одновременно, с восьми утра до пяти вечера.

Когда выходишь из этой чертовой комнаты, то в ушах звенит так громко, что не слышно собственных мыслей.

Так проходил мой день.

Берешь гудок.

Подсоединяешь провод.
Настраиваешь отверткой.
БИП, БУ-У, УИ-У, УР-Р, БИ-УП.
Кладешь гудок обратно на ленту.
Нажимаешь кнопку.
Берешь гудок.
Подсоединяешь провод.
Настраиваешь отверткой.
БИП, БУ-У, УИ-У, УР-Р, БИ-УП.
Кладешь гудок обратно на ленту.
Нажимаешь кнопку.
Берешь гудок.
Подсоединяешь провод.
Настраиваешь отверткой.
БИП, БУ-У, УИ-У, УР-Р, БИ-УП.
Кладешь гудок обратно на ленту.
Нажимаешь кнопку. И по новой.

А мама глядела на меня с гордостью через смотровое стекло.

Но через несколько часов этого чертового бибиканья я начал сходить с ума. Я был готов убивать все живое. Поэтому стал нажимать на кнопку два раза за один гудок, надеясь уйти с работы пораньше. Что угодно, лишь бы выбраться из этой гребаной будки. Когда я смекнул, что это работает, то стал нажимать по три раза. Потом по четыре. Ну, а потом и по пять. Так я проработал несколько часов, а потом услышал треск и визг микрофона громкой связи откуда-то сверху. Конвейерная лента завибрировала и остановилась. Из громкоговорителя раздался сердитый голос:

«ОСБОРН. В КАБИНЕТ К НАЧАЛЬНИКУ! НЕМЕДЛЕННО!».

Начальству захотелось узнать, каким образом мне удалось настроить пятьсот клаксонов за двадцать минут. Я ответил, что, очевидно, кнопка неисправна. Но мне возразили, что, оно начальство, черт возьми, не вчера родилось, а единственная неисправность кнопки заключается в том, что на нее нажимает гребаный идиот. И, если я сделаю это еще раз, то меня вышвырнут отсюда на хер пинком под зад. Точка. Понятно? Я сказал: «Да, я понимаю», – и потопал назад в свою будку.

Берешь гудок.
Подсоединяешь провод.
Настраиваешь отверткой.
БИП, БУ-У, УИ-У, УР-Р, БИ-УП.

Кладешь гудок обратно на ленту.

Нажимаешь кнопку.

И так с утра и до вечера.

Изо дня в день.

После нескольких недель этой канители я решил завязать разговор с Гарри – пожилым мужчиной, который работал со мной.

– Сколько вы уже здесь работаете? – спросил я его.

– А?

– Сколько вы уже здесь работаете?

– Что ты там шепчешь, сынок?

– СКОЛЬКО ВЫ УЖЕ ЗДЕСЬ РАБОТАЕТЕ? – закричал я. Гарри, очевидно, полностью оглох от того, что каждый день слушал эти клаксоны.

– Двадцать девять лет и семь месяцев, – сказал он с улыбкой.

– Шутите.

– А?

– Ничего.

– Перестань шептать, сынок.

– ЭТО ЧЕРТОВСКИ ДОЛГО, ГАРРИ.

– Знаешь, что во всем этом самое приятное? – Я развел руками и помотал головой.

– Через пять месяцев я получу золотые часы. Выйдет, что я проработал здесь тридцать лет!

Когда я представил, что в этой комнате можно провести тридцать лет, мне захотелось, чтобы русские сбросили на нас бомбу и разом покончили с этим.

– Если вам так нужны золотые часы, – сказал я, – нужно было просто украсть их из долбаного ювелирного магазина. Даже если бы вас поймали, тюремный срок был бы в десять раз меньше, чем вы прозябали в этой вонючей дыре.

– Повтори, сынок?

– Ничего.

– А?

– НИЧЕГО.

На этом мое терпение лопнуло. Я бросил отвертку, ушел из будки, прошел мимо мамы, вышел на улицу и отправился прямиком в ближайший паб. Так закончилась моя первая работа в музыкальной индустрии.

Мысль о том, чтобы найти настоящую работу в музыкальном бизнесе, казалась тогда какой-то идиотской шуткой. Это было так же невозможно, как стать космонавтом, каскадером. Или трахнуть Элизабет Тейлор. Но с тех самых пор, как я спел «Living Doll» на семейном концерте, у меня была мечта. Я хотел собрать свою группу. Какое-то время даже ходил и хвастался, что играю в коллективе под названием Black Panthers. Брехня. Моя «группа» представляла собой пустой футляр от гитары, на котором было написано «The Black Panthers» (я сам написал это эмульсионной краской, найденной в садовом сарае). Еще я говорил людям, что у меня есть собака по кличке Hush Puppy. На самом же деле это был ботинок, подобранный на помойке и привязанный на провод, как на поводок. Всё это было у меня в воображении. Я разгуливал по улицам Астона с пустым чехлом от гитары, таская за собой ботинок на проводе и представляя себя блюзовым музыкантом из Миссисипи. Неудивительно, что все вокруг думали, будто я окончательно спятил.

Когда я не проводил время со своей воображаемой группой и воображаемой собакой, то тусовался с тедди-боями[7]. К моменту моего взросления культура тедди-боев уже сходила на нет, так что я так и не поносил длинное пальто, ботинки на платформе и всё остальное дерьмо. Но мне нравилась музыка, которую они ставили на музыкальных автоматах. Несколько недель я ходил и пел песню «Hey Paula» дуэта Paul & Paula. Эти старые мелодии просто заслушаешься! Потом мне приглянулся стиль модов[8] – их узкие мохеровые костюмы. Потом я переметнулся в рокеры, носил кожаные куртки и шипованные ремни. Так меня и носило туда-обратно. Я просто искал приключений. Чего угодно, лишь бы не работать на заводе.

Ну а потом появились битлы!

Внезапно эти четыре парня из Ливерпуля с прическами моп-топ заполнили радио- и телеэфир. С последней зарплаты на заводе «Лукас» я купил их вторую пластинку – альбом *«With the Beatles»*.

Как только я принес его домой, всё изменилось.

Когда игла проигрывателся легла на диск, у меня в голове разлился свет. Этот альбом меня просто поглотил. Мелодии Леннона и Маккартни были похожи на какую-то магию. Они унесли меня из Астона в волшебный мир The Beatles. Я не переставая слушал эти четырнадцать песен (восемь оригинальных и шесть каверов, в том числе на песню Чака Берри «Roll Over Beethoven»). Возможно, вам

покажется, что я преувеличиваю, но тогда мне впервые показалось, что жизнь обрела смысл. Я слушал и слушал эти мелодии по кругу на большой полированной отцовской радиоле, которая сочетала в себе радиоприемник и старомодный фонограф и выглядела настоящим предметом мебели, занимая почетное место у нас в гостиной. На катке «Silver Blades», куда я ходил, этот альбом включали через громкоговорители. Иногда я просто ходил с пластинкой под мышкой и чувствовал себя дико крутым! Вскоре я начал собирать всё, что хотя бы как-то было связано с битлами: фотографии, плакаты, открытки. *Вообще всё*. И развешивал всё это на стене в спальне. Братья не возражали – они тоже были без ума от The Beatles.

Но это не шло ни в какое сравнение с тем, что происходило со мной.

Конечно, мне пришлось сэкономить немного деньжат, чтобы купить первый альбом The Beatles *«Please Please Me»*. А когда вышел *«A Hard Day's Night»*, я стоял первым в очереди в музыкальный магазин. Благодаря битломании я понял, что не хотеть работать на заводе – это нормально. Ведь Джон Леннон и Пол Маккартни тоже не хотели работать на заводе! И они были такие же, как я – парни из рабочих семей, из провинциального полуразрушенного промышленного города. Единственная разница в том, что они из Ливерпуля, а не из Астона. А раз они играют в группе – значит, я тоже могу попробовать. Я был на восемь лет младше Леннона, на шесть лет младше Маккартни, и у меня было достаточно времени для того, чтобы прославиться. Проблема в том, что я понятия не имел, как это сделать. Я даже не знал никого, кто умеет играть на музыкальном инструменте. Кроме Тони Айомми, которого ни разу не видел после окончания школы. Поэтому я решил, что лучше отрастить волосы и набить себе татуировки. По крайней мере, это будет *выглядеть* соответствующе.

Волосы – это не проблема. А татуировки делать чертовски больно.

Сначала у меня на руке появился кинжал. Потом я научился делать татуировки сам при помощи иголки и туши. Всё, что нужно, – это взять крупную капельку туши на кончик иголки и воткнуть ее в кожу достаточно глубоко, чтобы тушь осталась внутри. В семнадцать лет я просидел целый день в парке Саттон – шикарном районе Бирмингема, – набивая буквы OZZY себе на пальцах. Вечером вернулся домой, чертовски довольный собой, но папа моей радости не разделил. Он побелел, увидев мои руки, и сказал: «Сынок, ты выглядишь как чертов идиот».

В 1964 году свершилось нечто невообразимое!

Я получил работу, которая мне нравилась.

Оказалось, что, несмотря на мои неудачи в освоении профессий сантехника, настройщика гудков, строителя и специалиста в области большой кучи других дерьмовых работ, у меня есть талант к убийству животных. Говорят, что после того, как среднестатистический человек попадает на скотобойню, он становится вегетарианцем. Возможно, но только не я. Мне там удалось многому научиться. Например, очень быстро я узнал, что не бывает цыплят в форме наггетсов и маленьких коров в форме гамбургеров. Животные – это большие вонючие штуки. Думаю, любой, кто ест мясо, должен посетить скотобойню хотя бы раз в жизни – просто чтобы знать, что там происходит на самом деле. Это кровища, вонища и прочая хрень.

Бойня, куда меня взяли, находилась в Дигбете, одном из старейших районов Бирмингема. Моей первой обязанностью было выгребать рвоту. Я должен был разрезать кучу овечьих желудков в углу, один за другим, чтобы вынуть оттуда полупереваренную пищу. Весь первый день я блевал как сукин сын. И очень долго мне не становилось легче. Целый месяц я блевал примерно каждый час. У меня все мышцы в животе горели. Иногда товарищи по работе подшучивали надо мной и подсовывали желудок забракованного животного – например старой больной овцы, мясо которой нельзя было есть. Как-то я взял такой желудок, и он лопнул прямо у меня в руках – гной и кровь забрызгали мне лицо. Ребята почему-то посчитали, что это чертовски забавно.

Но потом скотобойня стала мне нравиться. Вскоре я привык к вони, неплохо зарекомендовал себя на первой должности, я пошел на повышение и меня назначили забойщиком коров.

Это была чертова работенка. Я хочу сказать только одно – если вас когда-нибудь лягнет корова, вы все поймете. Когда одна из них заехала мне по правому шару, я думал, что левый выйдет из меня с кашлем.

Процесс начинается с того, что группа из пяти-шести мужиков связывает корову и ведет ее в комнату смерти. Животное поднимается по рампе, а я жду его с пневматическим пистолетом в руках. Пистолет заряжен пустым картриджем, который создает достаточное давление, чтобы выстрелить большим гвоздем типа круглой стамески прямо корове в мозг. Он устроен так, чтобы животное не почувствовало боли – кроме того момента, когда

огромный чертов гвоздь проходит через его голову. Для того, чтобы выстрелить из этого пистолета, нужно стоять прямо рядом с коровой. Но если животное взбесилось, то вырубить его с первого раза никак не получится. При этом ни тебе, ни животному деваться все равно некуда. Не могу сказать, сколько раз мне пришлось биться насмерть с коровами на этой скотобойне. В одного быка мне пришлось выстрелить раз пять или шесть, пока он не упал – чертовски сильно взбесился. В какой-то момент я даже решил, что сам закончу свои дни в булке с кетчупом.

Когда корову вырубили, ей связывают ноги и привязывают к движущейся рельсе, которая поднимает животное вверх ногами и везет дальше по линии переработки. Следующий работник перерезает ей горло, и кровь стекает в специальный желоб внизу. Так что в конце концов животное умирает от потери крови. Однажды корова всё еще находилась в сознании, когда я прицепил ее к рельсе, но я-то этого не знал. Пока буренка болталась вверх ногами, она умудрилась лягнуть меня копытом в зад так, что я полетел лицом вниз прямо в кровавый желоб. Когда меня вытащили, я был похож на что-то из фильма ужасов. Моя одежда пропиталась кровью, ботинки хлюпали от нее, а волосы слиплись в ком. Да и нахлебался я этой жижи сполна.

Ведь по желобу течет не только кровь. В этой чертовой канаве еще много других неясных смердящих веществ. Я так провонял всем этим делом, что сидеть со мной в автобусе желающих не нашлось.

В Дигбете я занимал разные должности. Какое-то время специализировался на потрохах: вырезаешь у коровы желудок, кладешь его в большую тачку и замачиваешь на ночь. Поработал и «съемщиком каблуков» – отрезал коровам копыта. Потроха – это одно, но кто, черт возьми, будет есть чертовы копыта? Работал и забойщиком свиней. Говорят, что единственная часть свиньи, не пригодная к употреблению, – это ее визг, и это правда. Так или иначе, каждая часть этого животного становится продуктом. Моя работа заключалась в том, чтобы взять щипцы с губками на концах, намочить в воде, приложить к голове свиньи, нажать кнопку на ручке и убедиться, что животное вырубилось. И снова все это получалось у меня через раз, но всем было насрать. Иногда ребята издевались над свиньями и зверствовали нещадно. Зло, которое там творилось, напоминало плохой день в Освенциме. Иногда свиней живьем бросали в чан с кипящей водой. Или животные всё еще

оставались в сознании, когда их помещали в печь, где на спинах сгорала щетина. О многом, что произошло в тех стенах, сегодня я жалею. Забить свинью для хорошего барбекю – одно дело. Но нет оправдания жестокости, даже если ты скучающий сопляк.

Если немного поработать на скотобойне, то на мясо начинаешь смотреть по-другому. Помню, как однажды на пикнике готовил стейки на барбекю. Ко мне подошли несколько коров с соседнего поля и стали принюхиваться, как будто поняли, что что-то не так. Готовить стейки мне тогда показалось очень странным. «Уверен, это не ваши родственники», – сказал я коровам, но они всё равно не свалили. В итоге они испортили весь ужин. Есть говядину в компании коровы как-то неправильно.

Но мне нравилась работа в Дигбете. Парни, с которыми я работал, были сумасшедшими и чертовски любили веселиться. К тому же после того, как забьешь всех запланированных животных, можно было идти домой. Так что, если начать пораньше, то можно освободиться к девяти-десяти утра. Помню, как по четвергам мы получали зарплату и сразу отправлялись в паб. Это было отличное место, чтобы устраивать мой любимый розыгрыш – бросать коровьи глаза людям в выпивку. Специально для этого я тайком приносил со скотобойни дюжину-другую. Больше всего мне нравилось найти молодую впечатлительную девчонку, дождаться, когда она пойдет в туалет, и положить ей глаз на банку колы. Они были просто в шоке, когда видели это дерьмо. Однажды владелец заведения вышвырнул меня за то, что из-за такой шутки кто-то заблевал его ковер. Тогда я взял еще один глаз, и, стоя за дверью, разрезал его ножом. После этого ряды пьющих покинули еще два-три человека, но мне это, ясное дело, казалось сногсшибательным приколом.

Еще одной достопримечательностью Дигбета был ночной клуб «Midnight City». Там играли соул, поэтому, когда паб закрывался, я, шатаясь, выходил оттуда и шел в клуб танцевать до пяти утра, втрескавшись по полной дексамфетамином. А оттуда отправлялся снова на бойню – убивать коров. Так я проводил все выходные до вечера воскресенья, а потом снова возвращался в дом номер 14 на Лодж-роуд.

Это было волшебно.

На скотобойне я продержался примерно полтора года. После выгребания рвоты, убийства коров, подвешивания потрохов, отрезания копыт и оглушения свиней моей последней обязанностью было вырезать свиной жир. У животных есть так называемая

жировая сетка, которая обволакивает желудок, – типа пивного живота, – и мне нужно было ее вырезать, растянуть и подвесить на ночь на столбы, чтобы просохла, а на следующее утро упаковать. Большая часть этого жира использовалась для изготовления женской косметики. Но прежде чем сушить жир, его нужно было промыть. Для этого был большой чан с кипящей водой, и хитрость состояла в том, чтобы очистить жир с помощью пара, затем помыть, положить на стойку и подвесить на растяжках.

Но парни на скотобойне не уставали подшучивать друг над другом. Например, когда ты наклоняешься над баком, они разрезали завязки на фартуке, и фонтан из крови и черт знает какого еще дерьма брызгал тебе прямо на одежду. Мне это быстро надоело, а один перец меня особенно бесил. И вот однажды я наклоняюсь над баком, а этот парень подкрадывается сзади и разрезает мне завязки на фартуке. Я, недолго думая, разворачиваюсь и бью его по голове столбом для просушки сала. Я просто потерял хладнокровие, приятель, пойми. Это была довольно жестокая сцена. Я ударил его несколько раз, так что парня всего в крови пришлось увезти в больницу.

На этом закончилась моя работа на скотобойне. «Вали на хрен и не вздумай возвращаться», – сказал начальник.

Вот так я стал Джоном-вором. О том, чтобы снова пойти на завод, даже речи не было. Сама мысль о Гарри, его золотых часах и двух фунтах в неделю была невыносима.

Но в Уинсон Грин мне преподали хороший урок. В этом адском месте даже час – очень долго, а уж три месяца… Первым делом я спросил у кого-то, что имели в виду надзиратели, говоря о душе и моих длинных волосах. Всю следующую неделю я умолял дать мне ножницы, чтобы не быть похожим на девчонку. Каждое утро в душе я стоял, плотно прижавшись спиной к стене и закрывая яйца рукой, настолько, черт возьми, мне было страшно. Если я ронял мыло, то просто оставлял его на гребаном полу.

Я не собирался никуда наклоняться.

Но я волновался не только о том, что меня поимеют. В этом месте человека могли убить просто за то, что он будет бесить кого-нибудь не того. Мордобой был делом повседневным, а я дрался как кусок дерьма. Поэтому я поступил так же, как с хулиганами на Берчфилд-роуд: нашел самого крупного и крутого ублюдка на спортплощадке и

смешил его, вытворяя всякую херню.

Это было моим спасением.

В самой тюрьме всё было так, как я себе и представлял: лязгали двери, гремели ключи, на разных этажах сидели преступники всех мастей, и на каждом этаже был балкон, который выходил в середину здания. Меня посадили в «Крыло YP», которое предназначалось для малолетних преступников, а этажом выше располагались камеры предварительного заключения, в которых ждали суда или приговора убийцы, насильники, грабители банков, словом – нежелательные элементы всех мастей. В камеру могли пронести все что угодно. Пиво, сигареты и какое хочешь дерьмо – но выше всего ценился любой табак. Курение помогало убивать скуку, которая была твоим злейшим врагом. Даже старые сырые, обслюнявленные окурки стоили целое состояние.

Набивать себе татуировки – еще один способ скоротать время. Один из парней показал мне, как это делать без иголки и туши. Он нарисовал мне на руке изображение Святого шариковой ручкой – я был поклонником этого сериала еще с 1962 года,– а потом с помощью швейной булавки, которую стащил из мастерской, и расплавленной краски с решетки набил по рисунку татуировку.

После выхода из Уинсон Грин, я стал набивать себе татуировки повсюду. Я даже сделал себе по улыбающейся рожице на каждом колене, чтобы они веселили меня утром, пока я сижу на толчке. Еще в тюрьме меня научили делить спички. Они были дефицитным товаром, так что ребята придумали, как сделать из одной спички четыре, расщепив ее булавкой. Помню, как все время удивлялся – почему они до сих пор не стали миллионерами?

Мое самое яркое воспоминание об Уинсон Грин – это Брэдли. Он был известным педофилом, сидевшим в камере этажом выше моего крыла. Над его дверью висела табличка с надписью «ПРАВИЛО 43». Это означало, что с заключенным 24 часа в сутки должен находиться охранник, чтобы защитить его от других. Иначе при первой возможности остальные повесили бы педофила на ближайшем светильнике. Но надзиратели ненавидели Брэдли так же сильно, как и другие заключенные – он находился в предварительном заключении по семнадцати обвинениям в сексуальном насилии над детьми, в том числе над своими собственными,– и они делали всё, чтобы превратить жизнь насильника в ад. Как-то раз я видел, как один верзила с татуировкой змеи на лице выбивал из педофила душу, а охранники просто

смотрели в сторону. Первый же удар наверняка сломал Брэдли нос. Он жевал собственную кровь, сопли и хрящи и, мать его, выл от боли.

В тюрьме меня поставили на раздаче харчей… Заключенным выдавали специальные подносы, разделенные на секции, в которые я, зачерпывая ложкой, шлепал заливные потроха, горох и другое отвратительное дерьмо, которое там готовили. Всякий раз, когда входил Брэдли, дежурный охранник говорил мне: «Осборн, не давай ему ни хрена». Так что я ему почти ничего не накладывал. Брэдли приводили в столовую под конвоем, чтобы по пути с ним ничего не случилось, но это не всегда помогало. Помню, однажды ему несколько недель почти не давали еды, и он сказал парню на раздаче: «Пожалуйста, можно мне еще?» Парень уставился на него, а затем опустил большой тяжелый половник в кастрюлю, размахнулся и влепил им Брэдли по морде. Никогда не забуду звук, с которым этот чертов половник с кашей врезался Брэдли в голову. *Шмяк!* У него еще нос не успел зажить после прошлого нападения, и тут его расквасили снова. Брэдли плакал, кричал и шатался от боли, но охранник только ударил его по заду палкой и велел не задерживать очередь. Это было сильно.

После этого Брэдли отказывался выходить из камеры. Для охранников это стало проблемой, потому что по правилам тюрьмы нужно было каждый вечер обыскивать камеру, выносить парашу и натирать пол. Поэтому, когда начальник тюрьмы заметил, что Брэдли не выходит поесть, заорали все звонки-свистки, случился дикий кипеш. Я в это время был на кухне. Охранник подошел ко мне и еще одному парню и сказал: «Ты и ты, мне нужно, чтобы вы вытащили этот отвратительный кусок дерьма из камеры и отвели в душ и там начисто отдраили».

Не знаю, как долго Брэдли дали гнить в камере, пока не включили сигнализацию, но, судя по ее состоянию, прошло несколько дней. Ведро с парашей перевернулось, и повсюду были моча и дерьмо. Да и сам Брэдли был весь в дерьме. Мы вытащили его, отправили в холодную ванну и оттирали уличными метлами. Всё лицо у Брэдли почернело и опухло, на месте носа была каша, и он дрожал и плакал. К концу дня я уже испытывал жалость к этому парню. Говорят, педофилам легко живется в тюрьме. Поверьте мне, это не так. Я до сих пор удивлен, что Брэдли не покончил с собой. Может, он слишком трусил, а может, у него просто не было запасных лезвий.

Как-то, уже в конце своего срока в Уинсон Грин, я гулял по двору и вдруг увидел знакомого парня.

«Эй, Томми!» – крикнул я.

Томми поднял глаза, улыбнулся и пошел мне навстречу, куря сигарету и потирая руки, чтобы согреться.

– Оззи? – удивился он. – Черт побери, парень, это ты?

Томми работал со мной на скотобойне в Дигбете – был одним из тех парней, которые связывали коров перед тем, как я стрелял им в голову. Он спросил, на сколько меня упекли, и я рассказал, что мне дали три месяца, но за работу на кухне и помощь с Брэдли выпускают через полтора.

– За хорошее поведение, – сказал я. – А тебя на сколько?

– На четыре, – ответил он, затягиваясь.

– Недели?

– Года.

– Черт побери, Томми. Что ты сделал, ограбил королеву?

– Нет, всего лишь несколько забегаловок.

– И сколько ты украл?

– Ни черта, мужик. Но я взял пару сотен пачек сиг, шоколадных батончиков и всякой херни.

– Четыре года за сиги и шоколадки?

– Третий привод. Судья сказал, что я не усвоил урок.

– Черт побери, Томми.

Раздался свисток, и один из охранников велел нам пошевеливаться.

– Увидимся, Оззи.

– Увидимся, Томми.

Мой старик поступил правильно, не оплатив мой штраф. После Уинсон Грин я ни за что не хотел возвращаться в тюрьму, и не вернулся. Меня арестовывали, да. Но не сажали.

Хотя, надо признать, я был к этому близок.

Я не горжусь тем, что отбывал срок, но что было, то было, понимаете? Просто я, в отличие от других, не пытаюсь притворяться, что этого никогда не было. Если бы не те полтора месяца за решеткой, черт знает, во что бы я еще вляпался. Может, пошел бы той же дорогой, что мой приятель Пэт с Лодж-роуд, с которым мы воровали яблоки. Парень покатился по наклонной, связался с очень плохой компанией. Думаю, наркотики тоже сделали свое дело. Я не

знал подробностей, потому что никогда не спрашивал. Когда я вышел, то практически перестал общаться с Пэтом, так как больше не хотел связываться со всякой херней. Но время от времени мы пересекались, выпивали, болтали. Он был хорошим парнем, приятель. Легко осуждать других людей, но Патрик Мерфи был действительно хорошим чуваком. Просто он несколько раз сделал неправильный выбор, а потом стало поздно. В итоге Пэт прошел по «королевскому свидетельству» – это значит, что тебе сокращают срок за то, что ты стучишь на более важного преступника. А потом, когда выходишь из тюрьмы, дают новые документы. Пэта поселили в Саутенде или где-то еще. Он находился под защитой полиции двадцать четыре часа в сутки. Но жена не выдержала и, не дождавшись его, подала развод. Пэт пошел в гараж, завел машину, подсоединил шланг к выхлопной трубе и вставил другой конец в водительское окно. Затем сел в машину и дождался, когда монооксид углерода не сделал свое дело.

Ему тогда только исполнилось тридцать.

Когда я узнал об этом, то позвонил его сестре Мэри и спросил, был ли Пэт пьян, когда совершил самоубийство. Она ответила, что у него в крови ничего не нашли: он был абсолютно трезв и сделал свой осознанный выбор.

В середине зимы 1966 года, когда я откинулся из тюрьмы. Какой же на улице был холод! Охранники пожалели меня и дали старую, воняющую рвотой куртку. Потом достали пакет с моими вещами и положили на стол. Бумажник, ключи, сигареты. Помню, как задумался, каково это – получить назад свои вещи через тридцать лет, будто это временная капсула из параллельной вселенной? Я подписал несколько бумаг, охранники отперли дверь, открыли ворота с колючей проволокой, и я вышел на улицу.

Я был свободным человеком, умудрился пережить тюремное заключение, меня не поимели в задницу и не избили до полусмерти.

Так почему же мне было так чертовски *грустно*?

2. Оззи Зиг ищет группу

Тук-тук.

Я просунул голову между штор в гостиной и увидел стоящего у двери парня с большим носом, длинными волосами и усами. Он был похож на нечто среднее между Гаем Фоксом и Иисусом из Назарета. *А это что, пара…?* Черт меня дери, да. Он был в *бархатных* штанах.

– ДЖОН! Открой дверь!

Своими криком мама могла разбудить половину астонского кладбища. С тех пор, как я вышел, она без устали пилила мне мозги. Каждые две секунды я слышал: «Джон, сделай то, Джон, сделай это». Но я не хотел сломя голову нестись открывать дверь. Мне нужно было собраться с мыслями и взять себя в руки. Этот парень выглядел серьезно.

Вдруг что-то важное.

Тук-тук.

– ДЖОН ОСБОРН! *ОТКРОЙ ЧЕРТОВУ…*

– Открываю! – Я протопал по коридору, отодвинул защелку на двери и дернул за ручку.

– Ты… Оззи Зиг? – спросил Гай Фокс с сильным бирмингемским акцентом.

– А кто спрашивает? – поинтересовался я, скрестив руки.

– Терри Батлер, – ответил он. – Я по объявлению.

Как раз то, что я мечтал услышать. По правде говоря, я долго ждал этого момента. Я мечтал о нем. Я его себе представлял. Я разыгрывал сам с собой воображаемые диалоги. Когда-нибудь, думал я, люди будут писать статьи в газетах о моем объявлении на окне магазина «Ringway Music» и утверждать, что это был поворотный момент в жизни Джона Майкла Осборна, который раньше работал настройщиком автомобильных клаксонов. «Расскажите мне, мистер Осборн, – спросит меня Робин Дей на «BBC», – когда вы росли в Астоне, вы думали, что простое объявление на окне музыкального магазина приведет к тому, что вы станете пятым участником группы The Beatles, а ваша сестра Айрис выйдет замуж за Пола Маккартни?» – а я отвечу: «Да ни в жизнь, Робин, ни в жизнь».

Это было чертовски классное объявление. «OZZY ZIG NEEDS GIG»[9], – говорилось в нем большими буквами, написанными фломастером. Внизу я подписал: «Опытный фронтмен со своей акустической системой и усилителем», – и адрес (Лодж-роуд, 14), по

которому меня можно найти с шести до девяти вечером по будням. Если только в это время я не в пабе и не выклянчиваю у кого-нибудь выпивку. Или на катке «Silver Blades». Или еще где-нибудь.

Телефона в те времена у нас не было.

Даже не спрашивайте, откуда взялось «Зиг» в прозвище «Оззи Зиг». Просто в один прекрасный день пришло в голову. Выйдя из тюрьмы, я всё время придумывал новые способы раскрутки в качестве вокалиста. Вероятность, что у меня получится, была один к миллиону – и это оптимистичный прогноз. Но меня устроило бы все, что угодно, лишь бы избежать судьбы Гарри с его золотыми часами. Кроме того, такие группы как Move, Traffic и Moody Blues доказали, что, для того, чтобы добиться успеха, необязательно быть родом из Ливерпуля. Говорили, что стиль brumbeat станет новой силой после merseybeat.

Не буду делать вид, что помню весь разговор со странным парнем в бархатных штанах, который появился у меня на пороге в тот вечер, но почти уверен, что было примерно так.

– Так у тебя есть для меня группа, Теренс?

– Ребята зовут меня Гизер[10].

– *Гизер? То есть Хрыч?*

– Ага.

– Шутишь?

– Нет.

– Как в песне «Этот вонючий чудак только что наложил в штаны»?

– Очень смешная шутка для человека, который называет себя «Оззи Зиг». А что это у тебя за пушок на голове, чувак? Как будто ты пострадал от газонокосилки. Нельзя же выходить на сцену *в таком виде*.

Я обрил голову, когда считал себя модом, но потом снова стал рокером и теперь снова отращивал волосы. Честно говоря, я и так стеснялся, поэтому мне не понравилось, что Гизер это заметил. Я хотел было ответить шуткой про его огромный шнобель, но в итоге подумал получше и просто спросил: «Так у тебя есть группа или нет?»

– Слышал про Rare Breed?

– Конечно, слышал. Вы ребята со стробоскопом и таким хиппи с бонго или чем там, да?

– Да, это мы. И мы только что потеряли вокалиста.

– Правда?

– В объявлении написано, что у тебя есть акустическая система с

усилителем, – сказал Гизер, перейдя к делу.

– Верно.

– Ты раньше пел в каких-нибудь группах?

– Ну, ясный хер.

– Тогда ты нанят.

* * *

Так я и познакомился с Гизером.

По крайней мере, так я это помню. Я тогда был сварливым маленьким ублюдком. Таким становишься, когда ждешь прорыва. Я стал очень беспокойным парнем: многое из того, что раньше никогда не волновало, стало выводить меня из себя. Например, жить с родителями в доме номер 14 на Лодж-роуд. Сидеть без денег. Не играть в группе.

И все эта хипповая тряхомудия, которую, когда я вышел из Уинсон Грин, крутили по радио, ужасно выводила меня из себя. Придурки-школяры в рубашках поло ходили и покупали песни типа «San Francisco (Be Sure to Wear Some Flowers in Your Hair)[11]». *Ну, какие цветы в волосах?* Сделайте мне одолжение, мать вашу, заткнитесь!

Это дерьмо даже начали играть в астонских пабах. Сидишь себе среди местных забулдыг с кружкой пива, с сигаретой и маринованным яйцом на закуску в обшарпанной дыре с желтыми стенами. Каждые пять минут, шатаясь, ходишь ссать, все вокруг уставшие до изнеможения, на мели и умирают от отравления асбестом или еще каким дерьмом, которым дышат каждый день на работе. И вдруг ни с того ни с сего слышишь это хипповое дерьмо о «добрых людях», которые собираются на оргии в Хейт-Эшбери, где бы это чертово Хейт-Эшбери ни находилось!

Кого вообще хоть как-то колышет, чем занимаются люди в Сан-Франциско, а? Единственные цветы, которые видели люди в Астоне, это те, что кидают в могилу на гроб умершего, который окочурился у станка в возрасте пятидесяти трех лет.

Я просто ненавидел эту двинутую хипповскую бредятину.

Чувак, как же я это ненавидел.

Однажды одна из этих песен звучала в пабе, в тот момент, когда там началась драка. Помню, какой-то парень схватил меня за шею и пытался выбить зубы, а я слышал, как в музыкальном автомате играет эта чертова *песня* на чертовом глокеншпиле, а какой-то урод

с голосом, как будто у него яйца застряли в тисках, вещает про «странные вибрации». Тем временем парень вытаскивает меня на улицу и бьет по щам. Я чувствую, как у меня опухает глаз, из носа идет кровь, я пытаюсь уйти от удара и прислать ублюдку в ответ, лишь бы он отвалил, вокруг нас собираются парни и орут: «КОНЧАЙ ЕГО, КОНЧАЙ ЕГО». А потом *ДЫ-Ы-Ы-ДЫ-Ы-Ы-Ы-Ы-ЫЩ!*

Открываю глаза и обнаруживаю, что лежу наполовину без сознания в куче разбитого стекла, ошметков плоти, вырванных из моих рук и ног. Мои джинсы и джемпер разорваны в клочья, люди кричат, повсюду кровь. Каким-то образом во время драки мы оба потеряли равновесие и упали спиной назад прямо в стеклянную витрину магазина. Боль была невероятная. Потом я увидел рядом с собой отрезанную голову и чуть не обделался. К счастью, это оказался один из манекенов с витрины, а не *настоящая голова*. Послышались звуки сирены, и всё почернело.

Почти всю ночь я провел в больнице, где меня зашивали. Стеклом мне отрезало столько кожи, что вместе с ней ушла половина татуировки, а врачи сказали, что шрамы на голове останутся на всю жизнь. Но это не проблема, если, конечно, я не облысею или не захочу побриться налысо. Помню, как на следующий день в автобусе по дороге домой я напевал мелодию «San Francisco» и думал, что мне нужно написать свою собственную чертову антихипповую песню. Я даже название придумал: «Aston (Be Sure to Wear Some Glass in Your Face)»[12].

Самое смешное, что я никогда особо не умел драться. Лучше быть живым и трусом, чем мертвым, но героем – вот мой девиз. Но почему-то в юности постоянно попадал в какие-то передряги и потасовки. Должно быть, я просто выглядел так, будто хочу получить по физиономии. Последняя большая драка была у меня в другом пабе недалеко от Дигбета. Понятия не имею, как она началась, но помню, что по всему пабу летали стаканы, пепельницы и стулья. Я и так был зол, поэтому когда какой-то парень упал на меня, то как следует пихнул его обратно. Но он поднялся с пола, ярко покраснел и сказал мне: «Ты ведь не хотел этого делать, дорогуша».

– Что делать? – спросил я, сделав невинное лицо.

– Не играй со мной в эту чертову игру.

– Тогда как насчет другой игры? – сказал я и попытался прислать ублюдку в рыло.

Это было бы круто, если бы не два факта: во-первых, когда я замахивался, то упал, а во-вторых, этот деятель был копом не при

исполнении. Следующее, что я помню, как лежу на полу лицом вниз, во рту у меня ковер, и я слышу голос сверху: «Ты только что совершил нападение на офицера полиции, маленький придурок. Ты попал».

Как только я это услышал, то вскочил и дал стрекача. Но лягавый рванул за мной и с помощью какого-то приема из регби подсек меня, из-за чего я с разбегу рухнул прямо на тротуар. Через неделю я сидел в суде с распухшей губой и двумя фингалами. К счастью, штраф составил всего пару фунтов, которые я, хоть и с трудом, но смог наскрести. Но это заставило меня задуматься: неужели я правда хочу вернуться в тюрьму?

На этом драки закончились.

Когда мой старик узнал, что я хочу петь в группе, он предложил помочь купить акустическую систему с усилителем. По сей день я понятия не имею, почему он решил это сделать: ему едва хватало на то, чтобы прокормить семью, чего уж говорить о том, чтобы выложить 250 фунтов за усилитель и пару колонок. Но в те времена называть себя вокалистом, если у тебя не было своей акустической системы было стремно. С таким же успехом можно было пытаться стать барабанщиком, не имея ударной установки. Даже мой старик это знал. И привел меня в музыкальный магазин «George Clay's» рядом с ночным клубом «Rum Runner» в Бирмингеме, где мы выбрали 50-ваттный «Vox». Надеюсь, отец знал, как благодарен я был ему за это, хотя и не выносил той музыки, которую любил я.

Отец сказал: «Позволь сказать тебе кое-что о The Beatles, сынок. Их надолго не хватит. У них нет *мелодий*. Не получится исполнять этот шум в пабе».

Сказать, что он меня изумил – не сказать ничего! Это у Beatles «нет мелодий». А «Taxman»?! А «When I'm Sixty-four»? Надо быть глухим, чтобы не оценить их! Я просто не мог понять, что с отцом *не так*. Но после того, как он выложил 250 фунтов за аппарат, согласитесь, спорить было бы несколько неуместно.

Как только люди узнали, что у меня есть собственная акустическая система, я тут же превратился в Мистера Популярность. Первая группа, в которую меня пригласили, называлась Music Machine, и лидером в ней был парень по имени Мики Бриз.

«Амбициозные» – неподходящее слово для того, чтобы описать участников нашего коллектива. Пределом наших мечтаний было играть в пабе и зарабатывать себе на пиво. Проблема была в том, что, для того, чтобы играть в пабе, нужно уметь играть. Но нам

никогда не приходило в голову учиться играть, потому что мы постоянно торчали в пабе и болтали о том, как однажды будем играть в пабе и заработаем себе на пиво. Группа Music Machine так и не дала ни одного концерта, насколько я помню.

Через несколько месяцев движения в никуда мы наконец что-то сделали – поменяли название. Music Machine стала называться The Approach. Но ничего не изменилось. Всё, чем мы занимались, – это бесконечно настраивались, потом я начинал петь высоким голосом, а остальные пытались вспомнить аккорды какого-нибудь избитого кавера. Я шутил, что по мне сразу видно, что на мне сказалась работа на скотобойне, потому что убивать такие песни, как «(Sitting on the) Dock of the Bay», мне удавалось с особенной легкостью. Но, по крайней мере, я хотя бы попадал в ноты. Высокие тона мне удавалось брать, не выбивая окон и не провоцируя местных котов спариваться со мной. А это уже хорошее начало. То, чего мне не хватало в технике, я компенсировал энтузиазмом. Еще со школьных времен на Берчфилд-роуд я знал, что умею заводить людей, но для этого мне нужно было выступать. А The Approach едва удавалось собраться на репетицию, что уж тут говорить о концерте.

Вот почему я повесил объявление в магазине «Ringway Music». Магазин находился в «Bull Ring» – бетонном торговом центре, который только что построили в центре Бирмингема. С самого начала это здание было куском уродства. Туда можно было попасть только по подземным переходам, где воняло мочой, шныряли грабители и дилеры и постоянно тусовались бомжи.

Но это никого не волновало: «Bull Ring» стал новым местом для встречи с друзьями, так что люди туда ходили.

Лучшее, что там было, это магазин «Ringway Music», где продавалось примерно то же, что и в «George Clay's». Около него торчали круто одетые ребята, курили, ели чипсы и спорили о музыке, которую слушали. Нужно вписаться в эту толпу, подумал я, и всё сразу получится. Так что я написал объявление и через несколько недель ко мне в дверь постучал Гизер.

Он оказался не таким уж обычным парнем, этот Гизер. Начнем с того, что он никогда не использовал нецензурную лексику. Вечно утыкался в какую-нибудь книжку о китайской поэзии, древнегреческом военном деле или еще каком-нибудь сложном дерьме. А еще не ел мясо. Единственный раз, когда я видел, что Гизер прикоснулся к мясу, это когда мы застряли в Бельгии и подыхали от голода. Кто-то дал ему хот-дог. На следующий день он

оказался в больнице. Мясо у этого парня просто не переваривалось – поэтому он не из тех, кто любит старые добрые бутерброды с беконом. Когда мы познакомились, Гизер курил много дури и нес всякую чушь. Идешь с ним в клуб, а он начинает говорить о червоточинах в вибрации сознания или еще какой гребаной упоротой херне. Еще у Гизера были проблемы с чувством юмора, поэтому я всё время клоунничал, стараясь заставить его рассмеяться – ведь только тогда мне становилось комфортно, и мы могли ржать часами напролет.

Гизер играл в группе Rare Breed на ритм-гитаре и был в этом совсем неплох. Но, что еще более важно, он прекрасно вписывался в музыкальную тусовку со своей прической Иисуса и усами Гая Фокса. А еще Гизер сам зарабатывал на модные шмотки. Он учился в гимназии, поэтому получил настоящую работу бухгалтера-стажера на одном из заводов. Платили ему хреново, но он всё равно зарабатывал больше меня, хотя и был на год младше. И сливал почти все деньги на шмотки. Он был стильным, ничто не могло быть для него чересчур. Гизер приходил на репетиции в лаймово-зеленых клешах и серебристых сапогах на платформе, а я смотрел на него и думал: «Как вообще можно облачаться в *такой* прикид?»

Хотя я и сам не был особо консервативен в одежде. Вместо рубашки у меня была старая пижама, а вместо ожерелья – водопроводный кран на струне. Очень непросто выглядеть как рок-звезда, когда у тебя ни черта нет денег. На помощь приходило воображение. И я никогда не носил ботинки – даже зимой. Люди спрашивали, откуда я беру вдохновение для «своего модного образа», а я отвечал: «Из жизни грязного нищего ублюдка, который никогда не моется».

Большинство людей, глядя на меня, считали, что я сбежал из дурки. А вот когда они смотрели на Гизера, то думали: готов спорить, он играет в группе. У Гизера было всё. Он настолько умный парень, что мог бы иметь свою фирму с табличкой: «ООО Гизер и Гизер». Но самое впечатляющее, что он писал тексты к песням: чертовски сильные тексты о войнах, о супергероях, черной магии и куче всего мозговзрывательного. В первый раз увидав их, я сказал: «Гизер, нам пора начать писать свои песни с этими словами. Они потрясающие».

Мы с Гизером крепко сдружились. Никогда не забуду, как однажды весной или летом 1968 года мы с ним гуляли по «Bull Ring», как вдруг из ниоткуда появляется парень с длинными вьющимися светлыми волосами и в самых узких в мире штанах и

хлопает Гизера по спине.

– Чертов Гизер Батлер!

Гизер повернулся и сказал: «Роб! Как ты, чувак?»

– Ой, знаешь… могло быть и хуже.

– Роб, это Оззи Зиг, – сказал Гизер. – Оззи, это Роберт Плант – он раньше пел в Band of Joy.

– Ах *да*, – сказал я, узнав его. – Я был на одном вашем концерте. Чертовски потрясающий голос, чувак.

– Спасибо, – ответил Плант, озарив меня широкой очаровательной улыбкой.

– Ну, чем занимаешься? – спросил Гизер.

– Раз уж ты спросил, мне предложили работу.

– *Круто*. В какой группе?

– The Yardbirds.

– *Ого!* Поздравляю, мужик. Это круто. Но разве они не распались?

– Ага, но Джимми – знаешь, гитарист Джимми Пейдж – хочет играть дальше. И басист тоже. И у них есть контрактные обязательства в Скандинавии, поэтому они хотят продолжать.

– Здорово, – сказал Гизер.

– Если честно, я не уверен, что буду петь в этой группе, – признался Плант, пожимая плечами. – У меня еще кое-что хорошее намечается, понимаешь? На самом деле я только что собрал новую группу.

– О, э… круто, – сказал Гизер. – Как называется?

– Hobbstweedle, – ответил Плант.

Потом, когда Плант ушел, я спросил Гизера, не поехала ли у парня крыша.

– Он что, серьезно собирается отказаться выступать с Джимми Пейджем ради этой «Хоббстхерни»? – спросил я.

Гизер пожал плечами.

– Думаю, он просто волнуется, что у него не получится, – ответил он. – Но у него получится, если сменить название. Они же не могут вечно называть себя новыми Yardbirds.

– Уж лучше, чем гребаный Hobbstweedle.

– Верно.

Когда идешь с Гизером, то встретить кого-то вроде Роберта Планта – раз плюнуть. Казалось, он знает вообще *всех*. Он был частью этой толпы крутых ребят, поэтому ходил на правильные вечеринки, принимал правильные наркотики, тусовался с теми, кто

по-настоящему крут. С ним я открыл для себя новый мир, и мне нравилось быть частью этого мира. Тем не менее над нами висела одна большая проблема: группа Rare Breed была полным дерьмом. По сравнению с нами Hobbstweedle казались гребаными The Who. Когда я пришел в группу, ребята были «экспериментaлистами»: терзали всякий психоделический сценический реквизит и стробоскоп так, будто хотели стать новыми Pink Floyd.

Нет ничего плохого в том, чтобы пытаться стать новыми Pink Floyd – позднее я иногда закидывался парой таблеток кислоты и слушал «Interstellar Overdrive», – но к успеху мы так и не пришли. Pink Floyd играли музыку для богатеньких студентов колледжей, а мы были им прямой противоположностью. У Rare Breed не было будущего, и мы с Гизером об этом знали. Репетиции представляли собой один длинный спор о том, когда начинается соло на бонго. Хуже всего то, что в группе не было порядка. У нас был один парень, который называл себя Бриком[13] и воображал, что он какой-нибудь хиппи из Сан-Франциско.

– Брик – мудак, – говорил я Гизеру.

– Ой, да всё с ним нормально.

– Нет, Брик – *мудак!*

– Угомонись, Оззи.

– *Мудак* он, этот Брик.

И так по кругу.

С остальными участниками группы я ладил. Но из-за Брика и того, что он всё больше меня бесил, у Rare Breed просто не было шансов. Спустя какое-то время даже Гизер стал выходить из себя.

Единственный концерт, который я помню с тех времен и думаю, что это происходило с Rare Breed (возможно, и под другим названием – тогда они менялись очень часто), – это выступление на рождественской вечеринке бирмингемской пожарной части. Зрителями были двое пожарных, ведро и приставная лестница. Мы заработали денег наполовину разбавленного пива на шестерых.

Но этот концерт произвел на меня впечатление, потому что тогда я впервые в жизни испытал боязнь сцены.

Черт побери, приятель, я готов был обосраться.

Сказать, что я нервничал перед выступлением, – всё равно, что говорить, будто атомный взрыв – это немножко больно. Я, черт возьми, полностью оцепенел, когда выходил на сцену. Я вспотел. Во рту было суше, чем на мормонской свадьбе. Ноги онемели. Сердце стучало. Руки дрожали. Я буквально сам себя довел. В жизни не

испытывал ничего подобного. Помню, как выпил перед выступлением пол-литра пива, чтобы успокоиться, но это не помогло. Я бы выпил литров десять, если бы денег хватило. В итоге прохрипел пару песен, а потом накрылась одна из колонок. И мы свалили домой. Я не рассказал своему старику про колонку, просто поменял сгоревший динамик на рабочий из его радиолы.

Сказал себе, что куплю ему новую, когда получу работу. А было очень похоже на то, что мне придется искать работу, потому что, судя по концерту в пожарной части, карьера в музыкальной индустрии мне не светила.

Через пару дней я решил завязать с пением.

Помню, как сказал Гизеру в пабе: «С меня довольно, чувак, это ни к чему не приведет».

Гизер нахмурился, стал перебирать пальцами. А потом печально произнес: «Мне на работе предложили повышение. Я буду третьим по значимости сотрудником бухгалтерии».

– З-значит, это конец, да? – сказал я.

– Похоже, что так.

Мы допили, пожали друг другу руки и пошли каждый своей дорогой.

– Увидимся, Гизер, – сказал я.

– Не волнуйся, увидимся, Оззи Зиг.

Тук-тук.

Я просунул голову между штор в гостиной и увидел какого-то странного парня с длинными волосами и усами, который стоял у двери. Это что еще, на хрен, за *дежавю*? Но нет. Несмотря на длинные волосы и усы, парень был совсем не похож на Гизера. Он выглядел как… бездомный. Рядом с ним стоял еще один парень – с длинными волосами и приподнятой, как у хорька, верхней губой. Но он был повыше и немного похож на… Нет, не может быть. Только не *он*. Позади них на улице стоял старый синий фургон «Коммер» с огромной ржавой дырой над колесной аркой и потертой надписью «Mythology» на боку.

– ДЖОН! Открой дверь!

– Открываю!

Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я ушел из Rare Breed. Мне стукнуло двадцать, и я оставил надежду стать вокалистом группы или хотя бы выбраться из Астона. Со своим аппаратом или без него – это всё равно не произойдет. Я убедил

себя, что нет смысла даже пытаться, потому что у меня всё равно не получится. Как не получалось со школой, с работой и со всем, за что я брался… «Из тебя не выйдет вокалиста, – говорил я себе. – Ты даже на инструменте не умеешь играть, на что тебе надеяться?» Так что дом номер 14 на Лодж-роуд превратился в крепость жалости к себе. Я уже поговорил с мамой о том, чтобы она снова попробовала устроить меня на завод «Лукас». Она обещала посмотреть, что можно сделать. А еще я попросил владельца «Ringway Music» снять мое объявление «Оззи Зиг ищет группу». Идиотское имя, черт возьми, – Гизер был прав. Так что не было никакого объяснения тому, почему два волосатых парня стоят у меня на крыльце в девять вечера во вторник. Может, это приятели Гизера? Они как-то связаны с Rare Breed? Ничего не понятно.

Тук-тук. Тук-тук.

Тук-тук-тук-тук.

Я отодвинул защелку и открыл дверь. Неловкое молчание. Потом тот, что пониже и погрязнее, спросил: – Ты… Оззи Зиг?

Прежде, чем я смог ответить, тот, что повыше, наклонился вперед и, прищурившись, уставился на меня. Теперь я точно вспомнил, кто это. И он тоже меня узнал. Я замер. Он закряхтел. «Ой, черт возьми, – сказал он. – Это же *ты*».

Я не мог в это поверить. У меня на пороге стоял Тони Айомми: красавчик, который учился на год старше на Берчфилд-роуд. Тот, что однажды принес в школу электрогитару, которую ему подарили на Рождество, после чего учителя лезли на стену от шума. Я не видел его около пяти лет, но много слышал. После окончания школы Тони стал легендой Астона. Все ребята знали, кто он такой. Если и хочешь играть с кем-то в группе, то это с Тони. К сожалению, обоюдных чувств он ко мне не испытывал.

– Ладно, Билл, – сказал он парню, похожему на бомжа. – Мы только время теряем. Пойдем.

– Погоди, – сказал Билл. – Кто это такой?

– Скажу тебе одно: его зовут не Оззи Зиг. И он не вокалист. Его зовут Оззи Осборн, и он идиот. Давай, валим отсюда.

– Подождите минутку, – вмешался я. – Откуда вы узнали этот адрес? Откуда вы узнали про Оззи Зига?

– «Оззи Зиг ищет группу», – пожал плечами Билл.

– Я просил их снять это объявление несколько месяцев назад.

– Тогда сходи и попроси еще раз, потому что оно висело там сегодня.

– В «Ringway Music»?

– На витрине.

Я старался не выглядеть слишком довольным.

– Тони, – сказал Билл, – почему нам не дать этому парню шанс? Он вроде нормальный.

– Дать ему шанс? – Тони уже потерял терпение. – Он был школьным шутом! Я не буду играть в группе с этим гребаным идиотом.

Я не придумал, что сказать, поэтому просто стоял, уставившись в землю.

– На безрыбье и рак рыба, Тони, – прошипел Билл. – Поэтому мы и здесь, так?

Но Тони только фыркнул и отправился обратно к фургону.

Билл покачал головой и пожал плечами, как бы говоря: «Прости, приятель. Но я ничего не могу сделать». Похоже было, что все этим и кончится. Но вдруг что-то привлекло мое внимание. Правая рука Тони. С ней было что-то не так.

– Черт побери, Тони, – сказал я. – Что у тебя с пальцами, чувак?

Оказалось, я был не единственным, кому нелегко давалась работа после окончания школы в 15 лет. Пока я травился дихлорметаном у аппарата для удаления смазки, Тони работал подмастерьем у обработчика листового металла. Позднее он рассказал мне, что даже научился пользоваться электрической сваркой.

Гребаная смертельная штука, эта сварка. Самая большая опасность – подвергнуться ультрафиолетовому излучению, которое, моргнуть не успеешь, буквально расплавит тебе кожу или прожжет дыру в глазу. А еще можно умереть от удара током или отравиться токсичными веществами, которыми обрабатывают листы против ржавчины. Днем Тони занимался сваркой, а по вечерам играл в клубе в группе под названием Rocking Chevrolets и ждал своего большого прорыва. Он всегда был талантлив, но благодаря ежедневной зубрежке всех песен Чака Берри, Бо Диддли и Эдди Кокрана стал просто настоящим мастером. В конце концов его заметил какой-то агент и предложил постоянную работу в группе в Германии, так что Тони решил бросить работу на заводе. Он думал, что у него наконец все пошло как по маслу.

Как бы не так.

В последний день работы в мастерской парень, который должен был прессовать и резать металл перед сваркой, не явился на смену. Так что Тони пришлось делать это самому. До сих пор точно не знаю,

что произошло – Тони не умел как следует пользоваться аппаратом, или тот был сломан, или еще что-то, – но гребаный тяжелый металлический пресс обрубил ему кончики среднего и безымянного пальцев на правой руке. У меня до сих пор мурашки по коже, когда я об этом думаю. Представьте себе эту ужаснаю сцену: кровища, вой, Тони ползает по полу, пытаясь найти кончики пальцев, а потом врачи «Скорой» сообщают ему, что он больше не сможет играть. Тони левша, так что правой рукой он держит гриф. За следующие несколько месяцев он обращался к десяткам специалистов, и все говорили одно и то же: «Сынок, твой рок-н-ролл окончен. Точка. Найди себе другое занятие». Должно быть, он думал, что все действительно кончено. Для меня это было бы все равно, что получить пулю в горло.

После этого случая Тони погрузился в ужасную депрессию. Не знаю, как он поднимался с постели по утрам. Потом в один прекрасный день бывший бригадир принес ему запись Джанго Рейнхардта, цыганского гитариста-виртуоза из Бельгии, который исполнял все свои произведения двумя пальцами покалеченной руки – остальные пальцы были обожжены при пожаре.

И Тони решил, что, если получилось у старика Джанго, то и у него получится. Сначала он пытался играть правой рукой, но из этого ничего не вышло.

Потом снова начал играть левой рукой, зажимая гриф всего двумя пальцами, но безуспешно. Наконец Тони сообразил, что делать. Из расплавленной бутылки от моющего средства он сделал пару наперстков для обрубленных пальцев, отшлифовал их, чтобы они были примерно того же размера, что и прежние пальцы, и приклеил к ним кожаные подушечки, чтобы как следует зажимать струны. А сами струны немного ослабил, чтобы не нужно было слишком сильно прижимать.

И затем стал заново учиться играть на гитаре, несмотря на то, что двумя пальцами ничего не чувствовал. Я до сих пор не понимаю, как Тони это делает. Он всюду носит с собой сумку с самодельными наперстками и кожаными подушечками и держит под рукой паяльник, чтобы их регулировать. Каждый раз, когда я смотрел, как он играет, меня поражало, сколько же ему пришлось преодолеть. За это я ужасно уважал Тони и буквально благоговел перед ним. Кроме того, это происшествие по-своему помогло ему в жизни, потому что, когда Тони учился играть по-новой, то выработал свой уникальный стиль, который никому не удается повторить. Хотя, черт побери,

пробовали многие!

После того несчастного случая Тони играл в группе под названием The Rest. Но к этой команде душа у него не лежала. Тони считал, что шумиха вокруг брамбита – полная чушь, и хотел уйти, поэтому, когда получил приглашение на прослушивание в группу Mythology в Карлайле, у него только пятки засверкали. Заодно Тони убедил вокалиста The Rest поехать с ним. Как только Mythology увидели этих двоих на сцене, то сразу же подписали с ними контракт. Потом, через пару месяцев, из Mythology ушел барабанщик и Тони позвал своего старого приятеля Билла Уорда из Астона, который с радостью согласился.

Я ни разу не был на концерте Mythology, но говорят, что они взрывали залы всюду, куда бы ни приехали: у группы было грязное, тягучее, блюзовое звучание, и они играли каверы на Buffalo Springfield, The Jimi Hendrix Experience и John Mayall & the Bluesbreakers – в которой гитаристом был Эрик Клэптон. Тот самый, который только что ушел из Yardbirds и предоставил Джимми Пейджу возможность совершить свой большой прорыв. Наступила классическая эпоха рок-н-ролла, и Mythology уверенными шагами шли к славе. Они быстро нашли себе множество поклонников в Камберленде, всюду собирали аншлаги и играли на разогреве у таких артистов, как Гэри Уолкер из Walker Brothers. Но потом начались проблемы с законом. Это часто случалось с теми, у кого длинные волосы, усы и узкие кожаные штаны. Из того, что я слышал, впервые Mythology влипли за то, что вместо того, чтобы оплатить дорожный сбор и налепить на фургон соответствующую наклейку, они приклеили на это место этикетку от бутылки эля «Newcastle Brown Ale». В следующий раз дело пошло дальше, и это их просто добило. Их наркодилера – студента из Лидса, – повязали. Копы составили список клиентов этого парня, получили ордер на обыск и обыскали квартиру ребят из Mythology в Комптоне в Карлайле. Плохие были у них дела, приятель.

Всех четверых участников группы закрыли за хранение марихуаны. Сегодня это, должно быть, не так страшно, но в те времена это были кранты. Не столько из-за наказания – они все признали свою вину и были оштрафованы всего на пятнадцать фунтов каждый, – сколько из-за испорченной репутации. Никто не будет ангажировать группу, которую арестовали за хранение наркотиков, потому что это все равно, что связываться с плохой компанией. Никто не хотел проблем с законом, ведь лицензию

могли просто аннулировать. К лету 1968 года Mythology уже настолько редко выступали, что ребята оказались на мели. Им едва хватало на еду. У Тони и Билла было два варианта: отказаться от профессиональных выступлений и найти обычную работу в Карлайле, как и планировали поступить остальные участники группы, или свалить обратно в Астон, пожить у родителей и попытаться спасти свою карьеру. Они выбрали Астон и очутились у меня на пороге.

Понятия не имею, что такого я в тот вечер сказал Тони, но он передумал и дал мне шанс. Вероятно, помог тот факт, что у меня был свой аппарат – акустическая система с усилителем. А может быть, он понял, что со школы прошло пять лет и мы повзрослели. Хотя, может, вырос я и не сильно, но по крайней мере знал, что не хочу возвращаться ни в тюрьму, ни на завод. Думаю, Тони так же смотрел на вещи после обыска и несчастного случая с прессом. И, хотя его старики вели достойную жизнь – у них был свой небольшой магазинчик на углу Парк-лейн, – в свое время он закончил школу на Берчфилд-роуд, особых надежд на будущее Тони не питал. Как и я.

Без музыки нам обоим крышка.

Билл в тот вечер помог мне уговорить Тони. Он самый добрый парень в мире, этот Билл. Как я скоро узнал – еще и выдающийся барабанщик, и к тому же рассудительный и разумный парень. Хотя по его одежде этого не скажешь: в вопросах моды он был настоящим анти-Гизером. Если не знать Билла, то можно было подумать, что он живет в картонной коробке на обочине трассы М6. И за все время, что мы знакомы, он ничуть не изменился. Спустя несколько лет я впервые вместе с Биллом летел на «Конкорде». Он опаздывал, а я сидел в самолете и думал, где его черт носит? В конце концов Билл вошел в салон в каком-то старушачьем плаще и с двумя пакетами, набитыми банками с сидром. Я оглядел его с ног до головы и сказал: «Билл, ты же знаешь, что в «Конкорде» подают напитки, правда? На хрена тебе нужно было тащить свой сидр из супермаркета?» – Он ответил: «О, не хочу доставлять им хлопот».

Таков весь Билл Уорд.

После того, как Тони немного оттаял, мы весь вечер просидели в фургоне, курили, болтали о тюрьме, Карлайле, облавах, обрубленных пальцах, мистере Джонсе из школы, о том, как убивать коров пневматическим пистолетом, и о блюзовых пластинках, которые мы тогда слушали. А потом принялись решать, что будем

делать дальше.

– Прежде всего нам нужно название и басист, – сказал Тони.

– Не знаю ни одного басиста, – ответил я. – Но знаю парня по имени Гизер, который играет на ритм-гитаре.

Тони и Билл посмотрели на меня. Затем друг на друга.

– *Гизер Батлер?* – сказали они хором.

– Ага.

– Этот парень поехавший, – сказал Билл. – Последний раз я видел его в клубе Midnight City, и он был явно не в себе.

– Это потому что в голове он уже рок-звезда, – ответил я. – Это хорошо. И он не ест мясо, а значит, мы сэкономим на гастролях. *А еще* он квалифицированный бухгалтер.

– Оззи прав, – кивнул Тони. – Гизер – хороший парень.

– Завтра я схожу к нему домой и спрошу, готов ли он оказать нам честь, – сказал я. – Ему нужно будет время, чтобы научиться играть на басу, но разве это сложно? Там же всего четыре чертовы струны.

– А что насчет названия? – спросил Тони.

Мы все посмотрели друг на друга.

– Нам всем нужно пару дней подумать, – сказал я. – Не знаю, как вы двое, а у меня есть особенное место, куда я хожу за важными идеями. Оно меня еще не подводило.

48 часов спустя я выдал: «*Придумал!*»

– Должно быть, он о той странной телочке, которой вставил на днях, – сказал Гизер. – Твой прыщ еще не позеленел?

Тони с Биллом хихикали, уставившись в свои тарелки с яичницей и картошкой. Мы сидели в дешевой закусочной в Астоне. Пока что мы все здорово ладили.

– Очень смешно, Гизер, – сказал я, махая перед ним вилкой с кусочком яичницы. – Я имею в виду, что придумал название группы.

Хихиканье затихло.

– Говори, – сказал Тони.

– Ну, вчера вечером я сидел в сортире и…

– Так *это* и есть твое особенное место? – У Билла изо рта полетели пережеванные яйца с соусом.

– А где же оно, по-твоему, черт возьми, находится, Билл? – сказал я. – В гребаных вавилонских висячих садах? Так вот, сижу я в сортире, и из меня выходит старый добрый многосерийный фильм о Ричарде III…

Гизер замычал.

– И я смотрю прямо перед собой на полку. Мама поставила туда баночку талька. Она любит такие штуки. Когда идешь в сортир после того, как она сходила в ванну, он похож на долбаный грот Санты. Это такой дешевый тальк, а на баночке черно-белый горошек…

– Polka Tulk, – сказал Тони.

– Именно, – сказал я. – Polka Tulk! – Я посмотрел на ребят, довольно ухмыляясь. – Чертовски круто, да?

– Не понимаю, – сказал Билл с набитым ртом. – Что общего у вонючих подмышек твоей мамы и нашей группы?

– Polka Tulk Blues Band, – сказал я. – Вот наше название!

Все сидели настолько тихо, что было слышно, как из наших чашек чая поднимается пар.

– У кого-нибудь есть идеи получше? – спросил Тони. Молчание.

– Тогда решено, – сказал он. – Мы будем называться Polka Tulk Blues Band – в честь вонючих подмышек мамы Оззи.

– Эй! – сказал я. – Давай завязывай! Больше ни одного гребаного слова о подмышках моей мамы.

Билл расхохотался, и у него изо рта снова полетели пережеванные яйца с соусом.

– Вы двое просто животные, – сказал Гизер.

Название – не единственное, что нам было нужно. Еще мы решали вопрос расширения состава. В конце концов сошлись на том, что музыка, которую мы собираемся играть – грязный, тяжелый блюз в стиле Глубокого Юга, – лучше получится при большом количестве инструментов. Так что в идеале нам нужны саксофонист и музыкант со слайд-гитариой, чтобы звук был полнее. Тони знал саксофониста по имени Алан Кларк, а мой школьный приятель Джимми Филлипс умел играть на слайде.

Честно говоря, мы хотели такой же состав, как у группы Fleetwood Mac, чей второй альбом *«Mr Wonderful»* только недавно вышел и просто снес нам крышу. Тони особенно поразил их гитарист Питер Грин. Как и Клэптон, Грин раньше играл в группе John Mayall & the Bluesbreakers, но теперь стал полноценным рок-идолом. Кажется, именно так гитаристы становились великими: сначала играли в известной группе, а потом уходили и собирали свою команду. К счастью для нас, Тони получил травму как раз тогда, когда его взяли в известную группу.

Кто-то теряет, а кто-то находит.

В те выходные мы впервые собрались на репетицию в общинном центре в Сикс Уэйз, одном из старейших и самых дерьмовых

районов Астона. Была только одна проблема: мы едва слышали свою акустическую систему за шумом трассы A34 внизу. Усугубляло дело то, что машины и грузовики ездили кругами по огромной бетонной развязке, которую только что построили над чертовой трассой. В Астоне тогда строили столько бетонных конструкций, что впору было надеть меховые шапки-ушанки и начать называть друг друга «товарищами». Черт побери, я имею в виду, что там и так было достаточно серо, чтобы добавлять еще больше долбаной серости.

Чтобы сделать обстановку повеселее, как-то вечером я вышел с баллончиком краски – после нескольких порций пива – и немного «украсил» это место. Одной из надписей, которые я нанес на стену у кругового перекрестка, была «Iron Void». Черт знает, что у меня тогда было в голове.

Репетиции шли хорошо, если учесть, что до этого я ни разу не пел в настоящей группе. В основном ребята просто начинали что-то играть, а Тони кивал мне, когда мне надо было петь. Вместо стихов я просто пел всякий бред, который был у меня в голове.

Гизеру тоже было нелегко. У него не хватало денег на бас-гитару, так что он выжимал всё, что можно, из своего «Телекастера», – на обычную гитару не натянешь басовые струны, потому что гриф лопнет. Думаю, Тони сначала осторожно относился к Гизеру, но оказалось, что он превосходный басист – причем от природы. И он больше всех в группе был похож на рок-звезду.

Наш первый концерт состоялся в Карлайле благодаря старым связям Тони еще из Mythology. Нам нужно было проехать 300 километров по трассе M6 в ржавом говнофургоне Тони, причем на дороге то и дело останавливалось движение, потому что ее еще не до конца заасфальтировали. Подвеска фургона умерла примерно в одно время с динозаврами, так что каждый раз, когда мы поворачивали, всем приходилось наклоняться в противоположную сторону, чтобы подкрылки не терлись о шину. Скоро мы поняли, что в повороте почти невозможно наклоняться в противоположную сторону, так что в кабине ужасно пахло горелой резиной, повсюду летели искры и слышно было скрежет колеса, которое постепенно протирало отверстие в кузове. «Хорошо, что ты умеешь обращаться со сварочным аппаратом», – сказал я Тони. Еще одна проблема – дворники. Они еле-еле елозили, но шел такой сильный дождь, что, когда мы доехали до Стаффорда, их механизм окончательно накрылся. Так что Тони пришлось остановиться у обочины под

проливным дождем, а мы с Биллом высунули веревку из окна, привязали ее к дворнику, а конец просунули в другое окно. Мы вручную вытирали лобовое стекло: я дергал за одну веревку, а Билл за другую. И так всю дорогу до гребаного Карлайла.

Но восемь часов дороги стоили того.

Когда мы наконец добрались, я не мог оторвать взгляд от афиши нашего первого официального концерта. Там было написано:

> «C.E.S. PROMOTIONS» с гордостью представляют… Танцы для подростков и молодежи. Муниципальный актовый зал, Карлайл.
>
> Суббота, 24 августа, с 19.30 до 23.30
>
> Новая потрясающая группа из Бирмингема
>
> POLKA TULK BLUES BAND
>
> (В том числе бывший участник MYTHOLOGY)
>
> Так же в программе
>
> CREEQUE.
>
> Танцы без перерыва (Вход 5/-).

Вот оно, сказал я себе.

Это наконец-то случилось.

Сам концерт прошел замечательно, не считая того, что на сцене я чуть не обделался от страха. Неприятности начались потом. Мы собирали свои инструменты – техники были для нас непозволительной роскошью, – как вдруг ко мне подошел огромный парень с ярко-рыжими волосами и какой-то гнойной сыпью на лице. У него в руке был пол-литровый стакан, а рядом троллеподобная подружка. «Эй, ты, – сказал он. – *Нравится* моя девушка?»

– Что, прости? – спросил я.

– Ты меня слышал. Тебе *нравится* моя девушка? Ты пялился на нее. Хочешь ее трахнуть, да?

– Должно быть, ты меня с кем-то перепутал, – ответил я. – Я ни на кого не смотрел.

– Ты пялился на нее. Я видел. Своими чертовыми глазами. Хочешь ее, да?

К этому моменту парень приблизился ко мне настолько, что я почувствовал запах пота от его футболки. Он был громадный, а голова, как гребаная наковальня. Он был даже больше, чем мой старый приятель, хулиган-громила с Берчфилд-роуд. Выхода не было. Я точно знал, что будет дальше. Либо я скажу: «Нет, честно,

приятель, мне не нравится твоя девушка», – а он ответит: «Ты что, считаешь ее страшной, сука бирмингемская?» – а потом оторвет мне голову. Либо я скажу: «Забавно, что ты это сказал, потому что я как раз думал о том, как сильно хочу твою подружку», – а он ответит, «Ага, я так и подумал, ты, сука бирмингемская», – а потом оторвет мне голову.

В любом случае мне конец.

Тогда у меня возникла идея: может, если кто-то еще присоединится к разговору, то это снимет напряжение.

– Эй, Билл! – крикнул я через сцену. – Подойди на секундочку, а?

Билл подошел, насвистывая и держа руки в карманах.

– Что такое, Оззи?

– Хочешь трахнуть его подружку? – спросил я, показывая на троллиху.

– *Чего?*

– Его цыпу. Думаешь, она шлюшка, или дал бы ей шанс?

– Оззи, ты на хер *спя*...

Как раз в этот момент здоровый парень перешел на пятую стадию кипения. Он заревел, выбросил свой стакан – повсюду разлетелось пиво и стекло – и попер на меня, но я увернулся. «О нет, – подумал я, – кажется сейчас будут неприятности». Потом парень бросился на Билла, у которого было такое выражение лица, как будто его привязали к рельсам, а на него несется экспресс *«Летучий шотландец»*. В этот момент я был уверен, что либо мы оба, либо один из нас проведет следующий месяц в больнице, но я не учел того, что дальше сделает Тони. Он увидел, что происходит, подбежал к рыжему великану, толкнул его и велел проваливать. Тони был меньше громилы, гораздо меньше, но он превосходно дрался. Конечно, рыжий этого не знал, так что взял Тони за горло. Они немного поборолись, рыжий получил несколько ударов, но потом Тони отвесил ему хорошую затрещину прямо в лицо и продолжал лупить – *бам-бам-бам-бам-бам-бам!* – пока парень не пошел ко дну как *«Титаник»*.

Ба-ба-а-а-а-а-ах!

Я смотрел с открытым ртом, как Тони расслабил кулак, вытер кровь с лица и спокойно продолжил собирать оборудование. Никто не сказал ни слова.

Потом, когда мы ехали в фургоне на следующий концерт в Уоркингтон, я поблагодарил Тони за то, что он спас наши задницы. Он только отмахнулся и велел больше об этом не говорить.

А Билл еще неделю со мной не разговаривал. Я его не виню.

* * *

Когда мы вернулись в Астон, Тони сказал, что недоволен Аланом и Джимми. Джимми слишком халтурил на репетициях. Да и нет никакого смысла держать саксофониста, если нет полноценного набора духовых. Но нам не нужна была куча духовых инструментов – тогда понадобился бы двухэтажный автобус. А если мы будем делить выручку на полдюжины тромбонистов и трубачей, то нам не хватит денег. Поэтому мы решили так: Алан и Джимми уйдут, и в Polka Tulk Blues Band останется четверо. Но Тони всё равно был недоволен.

– Дело в названии, – сказал он во время перерыва на репетиции. – Оно отстойное.

– Что не так? – возразил я.

– Каждый раз, когда я его слышу, то вижу перед собой картину, как ты сидишь в спущенных штанах и срешь.

– Ну и придумай тогда сам, – обиделся я.

– Вообще-то, – объявил Билл, – я немного подумал, и у меня возникла идея.

– Продолжай, – сказал Тони.

– Нужно представить, что оно написано на большом плакате. На билборде, или типа того.

– Представляю, – сказал Тони.

Билл сделал глубокий вдох. А потом сказал: «Earth».

Тони и Гизер переглянулись и пожали плечами. Я не обратил на них внимания и притворился, что волнуюсь.

– Ты в порядке, Билл? – сказал я, прищурившись.

– В порядке. Что ты имеешь в виду?

– Ты уверен?

– Конечно, черт возьми, я уверен.

– Просто… Мне показалось, тебя только что вырвало.

– *Чего?*

– БУ-Э-Э-Э-Э-Э-Э-Э-Э-Э-Э-Э-Э!

– Пошел ты, Оззи.

– *БУ-Э-Э-Э-Э-Э-Э-Э-Э-Э-Э-Э-Э!*

– Просто подумайте об этом, ладно? Оно простое, сильное, без всякой херни, всего пять букв: E-A-R-T-H.

– Билл, честно, приятель, думаю, тебе стоит сходить к врачу. Похоже, тебя снова вырвало. БУ-У-У…

– Оззи, прекрати, – оборвал Тони. – Оно хотя бы лучше, чем гребаный Polka Tulk.

– Согласен, – сказал Гизер. Решено.

Официально в группе не было лидера. Неофициально мы все знали, что это Тони. Он был старше всех, выше всех, лучше всех дрался, был красивее, опытней и, что очевидно, талантливей. Однажды он купил себе черную замшевую ковбойскую куртку с бахромой на рукавах – девчонки такие просто обожали – и стал похож на настоящего рокера. Мы все знали, что Тони из того же теста, что Клэптон и Хендрикс. Фут за футом, он поднимется на их уровень. Он был нашим билетом в светлое будущее.

При Тони я всегда как-то робел, даже когда мы подружились. Он очень закрытый и сдержанный человек. Никогда не знаешь, что в голове у Тони Айомми. Другими словами, он полная противоположность мне: никто никогда не сомневается, что происходит в куче желе внутри моего толстого черепа.

Гизер меня не смущал никогда, несмотря на то, что учился музыке и знал свое дело. Что до Билла, то он был козлом отпущения. Мы всё время над ним подшучивали. Например, он напивался и отключался, а мы оставляли его где-нибудь в парке на скамейке, накрывали газетой, и считали, что это самая смешная шутка в мире. Он был такой добряк, что, казалось, сам напрашивался.

А я? Я по-прежнему был клоуном. Сумасшедшим. Болтуном, который что угодно сделает на слабо`. Другие всегда заставляли меня делать то, что не хотели делать сами – например, спрашивать дорогу у прохожих, когда мы куда-нибудь ехали, или искать новую площадку. Как-то раз в Борнмуте по дороге шел парень со свернутым ковром под мышкой. Все парни закричали: «Давай, Оззи, спроси его, спроси его». Я опустил стекло и сказал: «Эй! Мистер! Не подскажете нам, как проехать на М1?» А он оборачивается и говорит: «Нет. Отвали, урод». В другой раз в Лондоне я кричу парню: «Извини, вождь, не знаешь, как добраться до «Marquee»?» – а он говорит: «Вождь? *Вождь?* Я что, похож на гребаного индейца?»

Забавно, черт побери, приятель. Мы так смеялись. То, что у нас всегда было чувство юмора – очень важно. Вот почему мы так хорошо ладили – по крайней мере, поначалу. Если у музыкантов нет чувства юмора, то вы кончите так же, как чертовы Эмерсон, Лейк и Палмер, – будете записывать альбомы на восьми дисках, чтобы

каждый успел сыграть свое гребаное трехчасовое соло.

И кто только слушает эту чушь?

Если бы не родители Тони, мы вряд ли бы пережили 1968 год, не умерев с голоду. Мы были настолько нищие, что среди ночи воровали сырые овощи с огородов, лишь бы что-нибудь съесть. Как-то раз мы с Биллом нашли десять пенсов и чувствовали себя так, будто выиграли в гребаную лотерею. Мы не могли решить, что на них купить: четыре пакета чипсов или десять сигарет и коробок спичек.

В итоге мы выбрали сигареты.

Мама и папа Тони были нашим единственным спасением. Они давали нам бутерброды из своего магазина, баночки консервированной фасоли, иногда подбрасывали пачку сигарет «Player's No. 6», даже подсовывали деньги на бензин из кассы. И не потому, что были богаты – у них был всего лишь угловой магазинчик в Астоне, а не какой-нибудь «Хэрродс» в Найтсбридже. Я обожал маму Тони – Сильвию, она была чудесной леди. Старик у Тони тоже был замечательный. Он был одним из тех парней, которые покупают старый драндулет и ковыряются с ним. Вот почему у нас всегда был фургончик для передвижения.

Фургон был нам очень нужен, потому что мы никогда не отказывались от выступлений – ни разу, – даже когда нам платили всего несколько фунтов за двухчасовой концерт, которые еще надо поделить на четверых и учесть расходы. Нам годилось всё, что угодно. Даже Гизер тогда бросил работу. Группа «Earth» была нашим единственным шансом никогда не возвращаться на завод. И нам пришлось очень стараться – у нас просто не было выбора.

Мы были невероятно целеустремленными. Самое безумное, что мы делали, – это идея Тони – узнав, когда в город приедет известная группа, погрузить в фургон всё свое барахло, приехать и ждать у концертной площадки, на тот редкий случай, если артисты не приедут. Вероятность этого была так мала, что даже надеяться не стоило, но мы сочли, что, если это всё же произойдет, то у нас будет шанс выступить перед парой тысяч зрителей… Даже если их это взбесит и они забросают нас бутылками, потому что мы не та группа, на которую они только что слили свою зарплату за два дня.

И знаете что? *У нас получилось*. Один раз.

Известной группа называлась Jethro Tull. Не помню, где они должны были выступать, – может, в Бирмингеме или городе типа

Стаффорда, – но они не явились на концерт. А мы тут как тут, сидим в своем фургоне и готовы выступить.

Тони пошел к директору концертной площадки.

– Группа еще не приехала? – спросил он через десять минут после предполагаемого начала концерта.

– Черт возьми, даже не начинай, сынок, – последовал раздраженный ответ. Вечер у директора явно не задался. – Их здесь нет, и я не знаю, почему. Мы звонили им в отель. Пять раз. Приходите завтра, и мы вернем вам деньги за билет.

– Я пришел не за деньгами, – сказал Тони. – Я просто хотел сообщить, что мы с ребятами из моей группы проезжали мимо – случайно, понимаете? И, если артисты не приехали, то мы могли бы их заменить.

– *Заменить?*

– Ага.

– Заменить Jethro Tull?

– Ага.

– Как называется твоя группа, сынок?

– Earth.

– *Urf?*

– Earth.

– *Urph?*

– Как планета.

– А, ясно. *Хм.* Думаю, я даже много о вас слышал. Сумасшедший вокалист. Блюзовые каверы. Так?

– Ага. И несколько наших песен.

– А где ваше оборудование?

– В фургоне. На улице.

– Ты бойскаут, что ли?

– А?

– Ты как будто подготовился.

– О, э… ага.

– Тогда ваш выход через пятнадцать минут. Я заплачу вам десять фунтов. И берегитесь бутылок, толпа недовольна.

Как только они договорились, Тони выбежал на улицу, улыбаясь до ушей и показывая нам два больших пальца вверх. «Мы выступаем через пятнадцать минут! – крикнул он. – *Пятнадцать минут!*»

Невозможно описать, какой мощный заряд адреналина мы тогда получили. Он был настолько сильным, что я почти забыл о своей

боязни сцены. А концерт был чертовски хорош. Первые несколько минут толпа ворчала, и мне пришлось увернуться от пары стеклянных бомб, но потом мы привели всех в восторг.

Лучше всего было то, что Иэн Андерсон – вокалист группы Jethro Tull, знаменитый тем, что играет на флейте с выпученными глазами, стоя на одном колене, как придворный шут, – появился примерно на середине нашего выступления. На трассе M6 у них сломался автобус, поэтому они никак не могли связаться с концертной площадкой и предупредить об этом. Думаю, Андерсон приехал автостопом, чтобы извиниться. Стою я на сцене, ору в микрофон, поднимаю взгляд и вижу, что в конце зала стоит Андерсон и кивает головой, как будто ему действительно нравится музыка. Это было чертовски здорово.

Мы ушли со сцены вне себя от радости. Директор площадки был невероятно доволен. Даже Андерсон, казалось, был нам благодарен. И после этого о нас узнали все – даже те, кто не мог могли произнести название нашей группы.

В ближайшие несколько недель наши дела стремительно пошли в гору. Площадки стали больше, наша игра стала жестче, и даже несколько местных менеджеров начали что-то разнюхивать. Особенно нами интересовался один парень: его звали Джим Симпсон, раньше он играл на трубе в известной бирмингемской группе под названием Locomotive. Джим бросил заниматься музыкой и открыл менеджерскую компанию под названием «Big Bear» – так его, коренастого волосатого парня с красным лицом, который бродил по Бирмингему как большой ручной гризли, называл Джон Пил. Еще Джим открыл клуб над пабом «Crown» на Стейшен-стрит и назвал его «Henry's Blues House». Мы очень любили там тусоваться. Помню, мы были там на выступлении Роберта Планта и Джона Бонэма еще до того, как они уехали в Скандинавию. У меня от них были чертовы мурашки, приятель.

Однажды, ближе к концу 1968 года, Джим пригласил нас сыграть в клубе с группой Ten Years After – известными блюзовыми музыкантами. Элвин Ли, гитарист и вокалист группы, позднее стал нашим хорошим другом. Это был прекрасный вечер и такой же поворотный момент для Earth, как концерт на замене Jethro Tull. Через несколько дней и после нескольких порций пива Джим рассказал нам с Биллом, что подумывает стать нашим менеджером. «Big Bear» уже занимались Locomotive и еще двумя местными группами, Bakerloo Blues Line и Tea and Symphony. Это был очень

важный момент. Если с нами будет Джим, то у нас будет гораздо больше работы и более реальные шансы зарабатывать себе на жизнь музыкой, а не сидеть на шее у родителей Тони. Мы могли бы поехать в Лондон и играть в клубе «Marquee». Мы могли бы гастролировать по Европе.

Не было ничего невозможного, черт побери.

На следующий день мы с Биллом не могли дождаться, чтобы рассказать об этом Тони. Сидели в помещении на репетиционной базе «Six Ways», ждали, и в ту же секунду, как вошел Тони, я сказал: «Ни за что не догадаешься, что…»

Но, когда я рассказал ему о новой возможности, Тони только сказал: – «А…» – и уставился в пол. Казалось, он расстроен, и мысли его далеко.

– Ты в порядке, Тони? – спросил я.

– У меня есть новости, – сказал Тони тихо.

У меня чуть сердце не остановилось. Я побелел. И подумал, что, наверное, у него умер кто-то из родителей. В любом случае, видимо, произошло что-то ужасное, поэтому Тони и не рад тому, что у нас появится менеджер.

– Что случилось?

– Со мной связался Иэн Андерсон, – сказал он, по-прежнему глядя в пол. – Из Jethro Tull ушел гитарист. Он попросил меня стать их гитаристом, и я согласился. Простите, ребята. Я не могу отказаться. Мы будем играть с The Rolling Stones в «Уэмбли» десятого декабря.

Наступила оглушительная тишина.

Всё кончено. Мы были так близко, а теперь оказались в миллионе световых лет от мечты.

– Тони, – сказал я наконец, с трудом сглотнув. – Это чертовски здорово, приятель. Это то, чего ты всегда хотел.

– Поздравляю, Тони, – сказал Гизер, положил гитару и подошел похлопать его по плечу.

– Да, – сказал Билл. – Если кто-то этого и заслуживает, то ты. Надеюсь, они знают, насколько им повезло.

– Спасибо, ребята, – сказал Тони, с трудом владея голосом. – У вас всё будет круто, со мной или без меня. Вот увидите. Могу сказать, положа руку на сердце, что мы говорили Тони эти слова от всей души. За последние несколько месяцев мы через многое вместе прошли, и все были искренне рады за него.

Несмотря на то, что это была, черт побери, самая ужасная новость,

которую я слышал в своей жизни.

3. Ведьма и нацисты

Мы были просто ошеломлены.

На свете только один Тони Айомми, другого не найти, и мы это знали.

С Тони у нас всё *получалось*. Может, потому, что все мы выросли в одном районе. Или, может, потому, что все были без гроша за душой и точно знали, какой будет наша жизнь без рок-н-ролла. В любом случае, мы понимали друг друга. Это было очевидно даже тем, кто слышал, как мы вместе работаем на сцене.

Помню, когда я пришел домой с репетиции, на которой Тони сообщил нам свою новость, то просто лежал на кровати в доме номер 14 на Лодж-роуд и держался за голову. Папа вошел в комнату и сел рядом со мной. «Иди выпей с приятелями, сынок», – сказал он и сунул мне в руку 10-шиллинговую бумажку. Должно быть, я выглядел чертовски расстроенным, раз он это сделал. Особенно если принять во внимание кучу неоплаченных счетов на кухонном столе, над которой плакала мама. «Мир не сошелся клином на Тони, – сказал он. – Будут и другие гитаристы».

Он был хорошим парнем, мой старик. Но на этот раз он ошибался. Другого такого гитариста не было. Такого, как гитариста, как Тони, больше не было.

Мы с Биллом пошли в паб и в стельку напились. Билл, как обычно, пил сидр – фермерский напиток, мало отличавшийся от яда. Он смешивал его с черносмородиновым соком, чтобы было не так противно. Сидр продавался по два шиллинга за пол-литра, и только по этой причине его вообще кто-то пил. Но Билл продолжал пить эту дрянь даже тогда, когда мог позволить себе шампанское. Он просто прикипел к сидру. Если выпить несколько порций этой дряни, то чувствуешь себя не просто пьяным, а будто по тебе проехался каток.

В тот вечер главной темой разговора был Тони, и я могу честно сказать, что мы ему не завидовали. Мы были просто убиты горем. Как бы нам ни нравились Jethro Tull, мы считали, что наша группа Earth может стать лучше – в сто раз лучше. До того, как Тони ушел, он сам придумывал классные тяжелые риффы – тяжелее, чем всё, что я слышал, – а Гизер начал писать к ним подходящие тексты. Что касается меня и Билла, то мы росли с каждым концертом. И, в отличие от многих групп одного хита, которые в то время входили в топ-40, *мы были настоящими*. Нас не собирал какой-нибудь хренов продюсер в костюме с галстуком в прокуренном офисе где-нибудь в

Лондоне. Мы были не просто звездами с именем, окруженные кучкой сессионных музыкантов, которые меняются каждый концерт.

Мы были настоящей гребаной группой!

Тони ушел в декабре 1968 года.

Той зимой было так холодно, что я начал вспоминать о времени, когда работал водопроводчиком и торчал в люке с замерзшей задницей. Без Тони нам с парнями ни черта не оставалось, только весь день сидеть, ныть и пить чай. Все наши концерты отменились, а работу мы бросили давным-давно, поэтому ни у одного из нас не было денег. Так что нам даже в паб пойти было не на что.

Но мы не могли даже думать о том, чтобы найти «настоящую» работу. «В 1968 году Джон Осборн был восходящей рок-звездой, – говорил я притворным голосом диктора из кино, слоняясь по дому. – В 1969 году он был восходящей звездой помоек».

Единственное, чего нам оставалось ждать, – это когда мы увидим Тони по телику. По «BBC» собирались показывать лондонский концерт The Rolling Stones. Он назывался «The Rolling Stones' Rock 'n' Roll Circus». Такого еще не было: Stones давали свой собственный концерт с несколькими знакомыми рок-звездами в «Intertel Studios» в Уэмбли, где сцена представляет собой цирковую арену с большим куполом вверху. Открывают концерт Jethro Tull. Потом играют The Who. Мик Джаггер даже уговорил Джона Леннона исполнить песню «Yer Blues» в составе временной группы Dirty Mac, где Эрик Клэптон играет на гитаре, Митч Митчелл на ударных, а Кит Ричардс – на басу. Я даже не знал, что Ричардс умеет играть на басу. Пресса просто помешалась на этом концерте, потому что он должен был стать первым выступлением Леннона после последнего концерта The Beatles в 1966 году. (Потом мне кто-то рассказал, что один из пафосных продюсеров «BBC» позвонил Леннону и спросил, какой ему нужен усилитель, а тот ответил: «Который работает». Забавно, черт побери, приятель. Жаль, что я так и не встретился с этим парнем.)

Но в итоге по «BBC» концерт не показывали. Stones отказались. Слышал, что Джаггер был недоволен их звучанием на концерте. Пройдет еще двадцать восемь лет, пока наконец не покажут эти материалы – на Нью-Йоркском кинофестивале. Если когда-нибудь их посмотрите, Тони стоит в белой шляпе, и у него верхняя губа как у хорька. Он отлично сыграл песню «Song for Jeffrey», но между ним и Иэном Андерсоном химии так и не возникло.

Может, поэтому он решил уйти спустя четыре дня.

* * *

– В каком смысле ты *ушел*? – спросил Гизер на экстренном собрании в пабе за несколько дней до Рождества.

– Это не мое, – ответил Тони, пожав плечами. Он угощал.

– Как так может быть, что играть в Jethro Tull – не твое? – спросил Гизер. – Ты играл на концерте с *Джоном Ленноном*, чувак!

– Я хочу играть в своей группе и не хочу работать на дядю.

– Значит, Иэн Андерсон – козел? – спросил я, подбираясь к сути.

– Нет, он нормальный, – ответил Тони. – Просто он не… Мы с ним не смеялись над одними и теми же шутками, понимаешь? Всё было не так.

Казалось, что Билл, который заливал в себя уже третью пинту сидра, сейчас расплачется.

– Так что – снова вместе? – спросил Гизер, стараясь держать себя в руках и не слишком широко улыбаться.

– Если вы меня возьмете.

– Ладно. Но можно, мы придумаем другое название? – предложил я.

– Слушай, забудь про название, – сказал Тони. – Нам нужно понять, что мы все настроены серьезно. Нельзя больше валять дурака. Я видел, как пашут парни в Jethro Tull. А они *пашут*, приятель: четыре дня репетиций перед одним концертом. Мы тоже должны так работать. И нам нужно начать писать свои песни и исполнять их, даже если нас освистают. Скоро слушатели будут их узнавать. Только так мы сможем сделать себе имя. И нам нужно подумать об альбоме. Давайте поговорим с Джимом Симпсоном завтра утром.

Все серьезно кивнули.

Если быть откровенным, мы не могли поверить своему гребаному счастью. Тони не здоров? Никто в здравом уме не уйдет из группы, из которой он только что ушел. Даже Роберт Плант в итоге стал играть с Джимми Пейджем в группе New Yardbirds и забил на свою «Хоббстхерню». И я не могу с уверенностью сказать, что поступил бы так же на месте Тони. Насколько бы я ни был убит горем от того, что Earth распались, но если бы это меня пригласили в одну из самых знаменитых британских команд-хедлайнеров всех рок-

фестивалей, с готовых контрактом с рекорд-лейблом, я бы, пожалуй, сказал: «О, э… ну, пока, чуваки!» В общем, нужно снять шляпу перед Тони Айомми. Он знал, чего хочет, и, очевидно, знал, что добьется этого без пресмыкательства перед Иэном Андерсоном.

Нам оставалось только доказать, что он принял верное решение.

– Ладно, парни, – сказал Тони, – допив пиво и стукнув пустым стаканом по столу. – Приступим к работе.

Став нашим менеджером, первым делом Джим Симпсон отправил нас в «Европейское турне». Мы погрузили свое оборудование в фургон Тони – уже модели «Транзит», пришедшему на смену «Коммеру», – доехали до парома в Харвиче, переплыли Северное море и оказались в Хук-ван-Холланде. Мы очень надеялись, что двигатель нашего фургона заведется, когда нам надо будет съезжать с парома. Температура в Дании была на двадцать градусов ниже нуля. Из Хук-ван-Холланда мы планировали поехать в Копенгаген, где был запланирован первый концерт.

Помню, что взял в эту поездку весь свой гардероб. Он состоял из одной рубашки на проволочной вешалке и пары трусов в сумке. Всё остальное было на мне: джинсы, побитая летная куртка, футболка с концертной площадки «Henry's Blues House» и ботинки на шнуровке.

В первый же день у нас сломался фургон. Было так холодно, что замерз газовый тросик, поэтому, когда Тони нажал на педаль, он просто лопнул. То есть мы застряли в какой-то дикой жопе на полпути к Копенгагену. На улице была метель, но Тони сказал, что моя задача – как «общественного представителя» группы – пойти за помощью. Так что я побрел по полю, мне в лицо дул ветер и летел снег, а из носа висели сосульки из соплей… Наконец я увидел огни деревенского дома далеко впереди. Затем я упал в канаву, а когда все-таки вытащил себя из этой гребаной ямы, то долго пробирался сквозь снег, пока не добрался до входной двери и громко постучал.

– Halløj? – дверь мне открыл здровенный парень с красной мордой, похожий на эскимоса,

– Ну, слава яйцам, – говорю я, запыхавшись и хлюпая носом. – Наш фургон накрылся. У вас есть буксир?

– Halløj?

Я не знал ни слова по-датски, так что показал на дорогу и сказал: «Фургон. Эль капутски. Йа?»

Парень посмотрел на меня и стал ковыряться в ухе. И сказал:

«Бобби Чарльтон, ja?»

– А?

– А?

– Bobby Charlton, betydningsfuld skuespiller, ja?[14]

– Прости, приятель, ты по-английски спико?

– Det forstår jeg ikke[15] – сказал он, пожимая плечами.

– А? – Секунду мы просто стояли и смотрели друг на друга.

Потом он сказал: «Undskyld, farvel[16]», – и захлопнул дверь у меня перед носом. Я как следует ее пнул и снова погрузился по пояс в снег. Было так холодно, что руки посинели. Добравшись до дороги, я увидел машину и чуть не бросился под нее. Оказалось, это датские менты – слава Богу, вполне дружелюбные. Мне дали глотнуть что-то из термоса, который достали из бардачка. Не знаю, что это было, но я моментально вернулся к жизни. Ребята организовали эвакуатор, который доставил нас и фургон в гараж в соседней деревне.

Хорошие парни, эти датские копы.

Помахав нам на прощание, они попросили передать привет Бобби Чарльтону.

– Обязательно передадим, – пообещал Гизер.

На второй день у нас снова сломался фургон.

На этот раз оказался неисправен датчик уровня топлива – в баке закончился бензин, а мы даже не знали об этом. Так что я снова поплелся за помощью. Но в этот раз у меня была идея получше. Мы заглохли рядом с небольшой белой церковью, где на улице стояла машина, которая, как я подумал, принадлежала викарию. Я решил, что он с удовольствием побудет добрым самаритянином, отсоединил шланг от двигателя фургона и перекачал бензин из бака в бак. Идея сработала блестяще, если не считать того, что я глотнул бензина, когда он полился из шланга. Потом у меня весь день была токсичная, легко воспламеняющаяся отрыжка и мне приходилось высовываться из окна на ходу, чтобы сплевывать бензин с кусочками рвоты.

– Фу, – говорил я. – Ненавижу четырехзвездочный.

Между концертами у нас появилось несколько мыслей для новых песен. Тони первым предложил написать что-нибудь со *зловещим* звучанием. У общинного центра в Сикс Уэйз, где мы репетировали, был кинотеатр под названием «Orient», и когда там показывали фильмы ужасов – очередь выстраивалась на всю улицу,

заворачивала за угол и терялась вдали. «Разве не странно, что люди платят деньги за то, чтобы их пугали? – помню, однажды сказал Тони. – Может, нам перестать играть блюз и написать *зловещую* музыку?»

Мы с Биллом решили, что это отличная идея и написали основу для текста песни, которая впоследствии будет названа «Black Sabbath». Она о парне, который видит темную фигуру, унесшую его потом в огненное озеро.

А потом Тони придумал этот жуткий рифф. Поверх него я простонал какую-то мелодию, и результат получился чертовски крутой – на тот момент это было лучшее, что мы сочинили. Потом мне говорили, что рифф Тони построен на так называемом «дьявольском интервале», или тритоне. Его запретили в церковной музыке в Средние века, потому что он до чертиков пугал людей. Как только органист начинал играть этот тритон, все убегали, потому что думали, будто из-за алтаря сейчас выскочит дьявол. А название песни придумал Гизер. Он взял его из недавнего фильма с Борисом Карлоффом. Честно говоря, не думаю, что Гизер смотрел сам фильм. Я точно не смотрел – и только через несколько лет узнал о его существвовании. Все это было забавно, потому что, несмотря на наше новое направление в творчестве, мы по-прежнему играли довольно простой двенадцатитактовый блюз. Если вслушаться, то в нашем звучании можно было найти и джазовое влияние – например, в свинговом вступлении Билла к одной из наших ранних песен под названием «Wicked World». Отличие только в том, что мы играли в восемьсот раз громче джаз-бэнда.

Сегодня люди говорят, что вместе с песней «Black Sabbath» мы изобрели хеви-метал. Но меня всегда бесил термин «хеви-метал». Мне кажется, он ничего не говорит о музыке, особенно если учесть, что уже есть хеви-метал семидесятых, хеви-метал восьмидесятых, хеви-метал девяностых и хеви-метал нового тысячелетия – которые сильно отличаются друг от друга, даже если для кого-то это одно и то же. На самом деле, я впервые услышал слова «хеви» и «метал» вместе в песне «Born to be Wild». А потом пресса просто прицепилась к этому термину и понеслось. Конечно, мы его не сами придумали. Мы были всего лишь блюзовой группой, которая решила немного поработать со зловещим саундом. Но и через много лет после того, как мы бросили писать такую музыку, люди продолжали говорить: «Ой, они же метал-группа. Они должны петь только о сатане и конце света». Вот почему я возненавидел этот термин.

Не помню, где мы впервые исполняли «Black Sabbath», но я отично помню реакцию публики: все девчонки с визгами убежали с площадки. «Разве смысл играть в группе не в том, чтобы трахаться с девчонками, а в том, чтобы заставлять их в ужасе убегать?» – ворчал я.

– Они привыкнут, – сказал мне Гизер.

Другое памятное исполнение песни «Black Sabbath» состоялось в городской ратуше недалеко от Манчестера. Когда мы вылезали из фургона, тамошний менеджер пришел нас встречать в костюме с галстуком. Вам бы стоило глянуть на выражение его лица, когда он нас рассмотрел.

– Вы прямо в этом выйдете на сцену? – спросил он меня, оглядев мои босые ноги и пижамный верх.

– О нет, – ответил я, притворившись, что потрясен. – Я всегда выступаю в золотистом спандексе. Когда-нибудь видели концерт Элвиса? Ну, я немного на него похож – но, конечно, у меня сиськи меньше.

– Ой, – сказал он.

Мы приступили к саундчеку, и Тони сыграл вступительный рифф «Black Sabbath»: *ду-ду-ду-у-у-у-у*, – но не успел я начать петь, как менеджер выбежал на сцену, весь красный, и закричал: «СТОП! СТОП! СТОП! Вы серьезно, черт побери? Это не поп-каверы из топ-40! Вы кто такие, ребята?»

– Earth, – ответил Тони, пожав плечами. – Вы же нас ангажировали, помните?

– Я *это* не заказывал. Я думал, вы будете играть

«Mellow Yellow» и «California Dreamin».

– Кто? М*ы*? – рассмеялся Тони.

– Так мне сказал ваш менеджер!

– Джим Симпсон вам так сказал?

– Кто, черт возьми, такой Джим Симпсон?

– А, – сказал Тони, наконец поняв, что произошло. Потом повернулся к нам и сказал: «Ребята, думаю, мы не единственная группа с названием Earth».

Он был прав: среди групп низовой категории С была еще одна группа Earth. Только они не играли сатанинскую музыку. Они играли поп и каверы на песни лейбла «Motown». Рекламная листовка, которую нам напечатал Джим Симпсон, только всё усугубляла: на ней мы были похожи на кучку хиппи, наши портреты были нарисованы вручную в маленьких облачках, а посередине было

большое солнце и название Earth, написаное дрожащими психоделическими буквами.

– Говорил же, что это отстойное название, – сказал я. – Может, мы, наконец, теперь придумаем что-нибудь, что не будет звучать как…

– Слушайте, – перебил менеджер. – Вот двадцать фунтов за то, что приехали сюда. А теперь валите отсюда, ладно? Кстати, этот ваш бомж прав – вам надо бы сменить название. Хотя не думаю, что кому-то в здравом уме придет в голову слушать такое дерьмо.

«Дорогая мама, – писал я на открытке через несколько недель, – мы едем на коцерт в «Star Club» в Гамбурге. Там играли The Beatles! Я пишу это на пароме в Дюнкерк. Надеюсь, тебе понравится картинка с белыми скалами (с другой стороны). Как раз сейчас на них смотрю. Важная новость: мы собираемся изменить название на Black Sabbath, когда вернемся в Англию. Может, теперь мы совершим прорыв. Всем привет.

Джон

P. S. Позвоню Джине из Гамбурга.

P. P. S. Когда вы купите телефон? Скажи папе, что на дворе уже 70-е!!!»

Это было 9 августа 1969 года: день, когда Чарльз Мэнсона в Лос-Анджелесе устроил резню в доме Шэрон Тейт. Но мы не смотрели новости. В те времена в Европе было почти невозможно достать английскую газету, а если такую и найдешь, то она будет месячной давности. Кроме того, мы были слишком сосредоточены на нашем следующем концерте и не могли уделять внимание внешнему миру.

Мы и до этого выступали в «Star Club». Он находился на Репербане в Гамбурге, где стояли не внушающие доверия проститутки в мини-юбках и ажурных чулках, – так что мы примерно знали, чего ждать. Но на этот раз у нас было «жилье» – то есть нам должны были заплатить за выступление и предоставить жилье в обугленной после многочисленных пожаров дыре прямо над клубом, которая называлась комнатой. Взамен мы должны были играть ни больше ни меньше, чем семь раз за день, в перерывах между выступлениями других гастролирующих групп.

Это было очень весело, но чертовски утомительно, приятель. Каждый день мы начинали играть в полдень, а заканчивали в два часа ночи. Приходилось принимать таблетки, травку, пиво – всё, что

попадалось под руку, – лишь бы не заснуть. Кто-то однажды посчитал, сколько раз мы выступили в «Star Club», и оказалось, что больше чем The Beatles. Напоминаю, в 1969 году с расцвета The Beatles прошло уже семь лет, и это место стало немного дерьмовым. На самом деле, мы были одной из последних британских групп выступавших в этой дыре: в канун Нового года клуб закрылся с концами.

А потом и вовсе сгорел дотла.

Несмотря на это, выступления в «Star Club» стали для нас лучшей практикой из всех, что можно пожелать. Концерт не похож на репетицию: его нужно довести до конца, даже если вы пьяны, а пили мы постоянно. Мне не надо особо репетировать, чтобы вести себя на сцене так, как я себя веду. Я сумасшедший по жизни, а таким не нужна репетиция – они *и так* сумасшедшие. Зато «Star Club» помог нам отшлифовать все новые песни, которые мы написали, например, «The Wizard», «N.I.B.» (в честь бороды Билла, которая, как нам казалось, похожа на кончик ручки), «Rat Salad» и «Fairies Wear Boots» (до сих пор без понятия, о чем эта песня, хотя мне говорят, что это я написал слова). А еще «Star Club» помог мне преодолеть боязнь сцены. Как только я немного расслабился, то стал откалывать всё более сумасшедшие штуки развлечения ради. А ребята меня поощряли. Когда толпа очевидно скучала, Тони кричал мне: «Оззи, давай зажги!» Это служило сигналом сотворить какую-нибудь чертову глупость, чтобы привлечь внимание зрителей. Как-то раз я нашел за сценой банку лиловой краски и по сигналу Тони намазал ей нос. Это было прекрасно, если бы краска не оказалась несмывающейся.

Я не мог отодрать от себя это дерьмо еще несколько недель. Люди подходили ко мне и спрашивали: «Какого *хрена* это с тобой, чувак?» А еще чаще ко мне вообще не подходили, потому что считали, что я псих.

У нас всех остались свои потрясающие воспоминания о «Star Club». Однажды вечером Тони так обкурился, что решил сыграть на флейте, но потерял ориентацию в пространстве и приложил флейту не к губам, а к подбородку. И всю песню он просто стоял и дул в микрофон, флейта была где-то далеко, а зал удивлялся, – что за *херня*?

Забавно, приятель.

Чтобы хорошо провести время в «Star Club», нужно было найти какую-нибудь немецкую девчонку и поселиться у нее в квартире,

чтобы не пришлось спать на двухъярусной кровати с другими участниками группы, которые пердят и чешут яйца. Нас не волновало, как выглядят эти девушки, – мы и сами были не красавцы. А если они еще купят тебе пива и угостят сигареткой, то это приятный бонус. А если они не купят тебе пива и не дадут покурить, то надо постараться их обнести. На самом деле, мы часто использовали Тони как приманку – потому что его хотели все девчонки. А дальше он шел наверх и начинал возиться на одной из коек с какой-нибудь фанаткой. Я же в это время полз по-пластунски — как коммандо – к ее сумочке и вытаскивал все деньги, какие находил. Я не горжусь этим, но, черт возьми, нам нужно было на что-то есть.

Мы даже давали этим цыпочкам произвища, которые сейчас кажутся немного жестокими. Иногда даже не немного, а просто жестокими. Например, я спал с одной девчонкой, которую все звали Ведьмой, потому что у нее был шнобель больше, чем у Гизера.

Наш роман с этой девчонкой длился недолго. Утром, после того, как она привела меня к себе, Ведьма проснулась, выпила кофе и сказала: «Я ухожу на работу. Можешь остаться здесь, но ничего не трогай, ладно?» Конечно, эта фраза оказалась роковой. Поэтому, как только она выходит за дверь, я уже обшариваю все шкафы из любопытства, что же такого не должен в них найти. И в глубине шкафа нахожу идеально отглаженную нацистскую форму. Должно быть, ее отца или кого-то еще. Прикольно, да? Я надеваю форму, нахожу бар и расхаживаю по гостиной, раздавая мебели приказы с комедийным немецким акцентом. Бухаю и курю. Я же обожаю всякие военные штуки.

Примерно через час я снял форму, повесил ее обратно в шкаф, убедился, что она идеально сложена, и притворился, что ничего не было. Но когда Ведьма вернулась незадолго до полудня, то сразу поняла, что что-то не так. Она пошла прямо к шкафу, распахнула дверцы, посмотрела на форму и рассвирепела.

Через минуту я уже сижу на ее метле и вылетаю в дверь.

Вернувшись в Англию, мы собрались дома у Джима Симпсона и рассказали ему, что хотим сменить название на Black Sabbath. Казалось, он был не в восторге, но, честно говоря, думаю, его просто отвлекал мой лиловый нос. Джим ничего мне не сказал, но я уверен, что он постоянно об этом думал, так как всё время смотрел на меня с обеспокоенным выражением лица. Возможно, Джим решил, что в

Германии я подцепил какое-нибудь редкое заболевание. Помню, кажется, Элвин Ли из Ten Years After тоже был на этой встрече. И ему название Black Sabbath не понравилось совсем. «Не думаю, что на *этом* далеко уедешь, ребят», – сказал он нам. Честно говоря, то, что было дальше, я помню достаточно размыто. Только знаю, что Джим заключил сделку с парнем по имени Тони Холл, у которого была независимая продюсерская и звукозаписывающая компания. Он согласился помочь нам записать альбом при условии, что получит долю с прибыли, если альбом окажется коммерчески успешным. Я последний человек, к которому стоит обращаться с разговорами о контрактах, деньгах и прочем, так как не очень разбираюсь в бизнесе.

Во всяком случае, Тони Холл сказал, что считает нас «хорошей маленькой блюзовой группой», но нам необходим дебютный сингл – несмотря на то, что группы вроде нас в те времена редко выпускали синглы. Он сыграл нам песню «Evil Woman» американской группы Crow и спросил, не хотим ли мы сделать на нее кавер. Он понял, что мы не то чтобы в восторге, поэтому предложил сделать звучание гитар потяжелее. Мы всё еще были не в восторге, но Тони предложил оплатить нам студийное время в «Trident» в Сохо, после чего мы подумали, черт, почему бы и нет?

В итоге все пошло не так уж ровно. Мы понятия не имели, что делаем, поэтому просто установили свое оборудование, нажали на кнопку записи и сыграли вживую. Единственное, что можно с натяжкой назвать в нас профессиональным, – это надпись «Black Sabbath» на барабане Билла, которую одна из девчонок вывела черной изолентой.

Продюсировал нас парень по имени Гас Даджен. Мы были от него в восторге, потому что он работал с Эриком Клэптоном, Moody Blues и Rolling Stones. Сейчас я понимаю, что Гас был к нам очень добр, хотя немного любил покомандовать, а мы не привыкли, чтобы нам говорили, что делать. Но с результатом не поспоришь – этот парень просто гений. После работы над «Evil Woman» он продюсировал величайшие хиты Элтона Джона семидесятых-восьмидесятых годов. Ужасно грустно, что Гас со своей женой Шейлой погиб в автокатастрофе в 2002 году. Он был одним из тех парней, кто внес огромный вклад в британскую музыку, хотя его имя не очень известно. И хотя в то время мы не могли в полной мере этого оценить, но нам невероятно повезло, что Гас был с нами в самом начале нашей карьеры.

В Лондоне мы сыграли в нескольких клубах. На одном из этих концертов перед нашим выходом на сцену диджей поставил какую-то запись, и она мне просто снесла колпак. Вокал показался мне знакомым. И тут до меня дошло: это Роберт Плант. Я подошел к диджею и спросил: «Это новая пластинка New Yardbirds?»

– Нет, это новая группа! Называется Led Zeppelin.

– *Правда?*

– Да, чувак. Клянусь.

Мы отыграли концерт, но я не мог выбросить ту запись из головы, так что опять подошел к диджею и спросил: «Ты уверен, что это не New Yardbirds? Я знаю этого вокалиста, и он поет не в Led Zeppelin. На конверте написаны имена участников группы?»

Он прочитал имена: «Джимми Пейдж, Джон Бонэм, Джон Пол Джонс, Роберт Плант».

Я не мог в это поверить: New Yardbirds поменяли название на Led Zeppelin… и создали лучшую запись, которую я слышал за многие годы. Помню, в фургоне по дороге домой я сказал Тони: «Ты слышал, *какой* тяжелый саунд этого альбома Led Zeppelin?»

Нисколько ни смутившись, он ответил: «У нас будет тяжелее».

К концу 1969 года мы отчаянно нуждались в чем угодно, что помогло бы нам выйти на новый уровень. Но мы по-прежнему находились в списке групп категории С. Последнее выступление состоялось 24 декабря в Камберленде – там у нас всё еще было много работы – в зале «Wigton Market Hall». Прямо рядом с этим залом находилась женская психиатрическая больница, и каждый год на Рождество врачи разрешали пациенткам прийти туда потанцевать. Мы ничего об этом не знали. Но даже если бы знали, то ни за что не догадались бы, что дурдом выберет концерт Black Sabbath для рождественских танцев. Но именно это и произошло. Мы играли песню «N.I.B.», когда сумасшедшие дамочки гурьбой ввалились в зал, и к концу песни началась потасовка. Это надо было видеть: дамочки стали лупить по лицу парней, а девушки этих парней стали лупить сумасшедших дамочек в ответ. Это был ад. К тому времени, когда появилась полиция, на полу лежали кучи женщин с фингалами, разбитыми носами и губами.

А потом они запели «Give Peace a Chance».

В это время мы просто стояли на сцене под шум в колонках. Я посмотрел на Тони, а Тони на меня.

– Адово безумие— сказал я ему, усиленно артикулируя.

Он только пожал плечами, подкрутил ручку громкости на усилителе и начал играть «We Wish You a Merry Christmas».

В январе 1970 года это наконец-то свершилось.

Мы заключили контракт со звукозаписывающей компанией.

Несколько месяцев Джим Симпсон пытался продать нас большим важным дядькам из Лондона, приглашая их на наши концерты. Но никто нами не интересовался. А затем в один прекрасный вечер парень из компании «Philips» приехал в Бирмингем на наш концерт в «Henry's Blues House» и решил сделать на нас ставку. Думаю, название Black Sabbath сыграло свою роль. В то время книги писателя-оккультиста по имени Деннис Уитли были в списках всех бестселлеров, в кино с большим успехом шли фильмы ужасов киностудии «Hammer Film», а по телевизору только и говорили об убийствах Мэнсона. Всё «темное» пользовалось большим спросом. Не поймите меня неправильно – уверен, сила была именно в нашей музыке. Но иногда, когда речь идет о подписании контракта, в нужное время все эти маленькие детали складываются воедино.

Ну и немного удачи не помешает.

Еще одним моментом, сыгравшим нам на руку, было то, что как раз в это время мы искали себе название. Компания Philips основала «андеграундный» лейбл «Vertigo», для которого мы подошли идеально. Забавным было то, что лейбл «Vertigo» еще даже не открылся, и наш первый сингл «Evil Woman» – под лейблом «Fontana». А через несколько недель компания «Philips» перевыпустила его уже под лейблом «Vertigo».

Не то чтобы это вообще имело значение: оба раза песня провалилась, как бетонное дерьмо. Но это нас не волновало, потому что нашу песню поставили в эфире «BBC Radio 1».

Один раз.

В шесть часов утра.

Я так нервничал, что встал в пять и выпил примерно восемь чашек чая. «Они ее не поставят, – говорил я себе, – они ее не поставят...»

А потом:

БАМ... БАМ...

Ду-*ду-у*...

БАМ...

Ду-ду-д-д-ду, *ду-у-у-у-у*...

Д-д-д-д-д-д-д…
ДУ-ДА!
ДУ-ДУ-У-ДУ…
ДУ-ДА!
Ду-ду-у-*ду*…

Невозможно описать, каково это – впервые услышать себя по «Radio 1». Это было волшебство в квадрате. Я бегал по дому и кричал: «Я на радио! *Я на гребаном радио!*» – пока мама не протопала вниз в своей ночнушке и не велела мне заткнуться. «*Evil woman*, – спел я ей громко, – *Don't you play your games with me!*». А потом выбежал в дверь и, распевая песню, понесся по Лодж-роуд.

Но если попасть на «Radio 1» было здорово, то это ничто по сравнению с авансом, который мы получили от «Philips»: по 105 фунтов на нос!

У меня даже собственной десятки никогда не было, чего уж говорить о сотке фунтов. Чтобы заработать такие деньги, мне пришлось бы целый год настраивать автомобильные клаксоны на заводе «Lucas». Всю неделю я считал себя неотразимым красавчиком. Первым делом купил себе банку лосьона «Brut» после бритья, чтобы лучше пахнуть. Потом купил новые ботинки, потому что старую пару уничтожил еще в Дании. Остальное я отдал маме, чтобы она оплатила счета. Правда, потом выпрашивал у нее мелочь обратно, чтобы обмывать успех в пабе.

А потом настала пора снова браться за работу.

Насколько я помню, мы не обсуждали ни демо-версию, ни запись альбома. В один прекрасный день Джим сказал, что нас ангажировали на неделю концертов в Цюрихе, а по пути туда мы остановимся в студии «Regent Sound» в Сохо и запишем несколько песен с продюсером Роджером Бейном и звукорежиссером Томом Алломом. Так мы и поступили. Как и в прошлый раз, просто настроили инструменты и сыграли свои песни вживую, без зрителей. Когда мы закончили, то еще пару часов записывали гитарную и вокальную партии. И всё. Готово. Мы даже успели зарулить в паб до закрытия, чтобы сделать последний заказ. В общей сложности мы уложились в двенадцать часов.

Как мне кажется, только так и стоит записывать альбомы. Мне плевать, что вы создаете очередной *«Bridge Over Troubled Water»*. Записываете новый альбом десять-пятнадцать лет, как Guns N' Roses. Это просто смешно, и точка. За это время ваша карьера

успевает умереть, воскреснуть и снова умереть.

К тому же в нашем случае мы не могли позволить себе роскошь никуда не спешить. Такого варианта просто не было. Поэтому мы пошли в студию и записались. А на следующий день поехали в Цюрих на «Транзите», где нас ждала работа и ночлег в заведении под названием «Hirschen Club». Уезжая из Сохо, мы даже не слышали сведенные записи, которые сделали Роджер и Том, не говоря уже об обложке альбома. Так в то время работала музыкальная индустрия. Группа влияла на то, что с ней происходит, меньше, чем уборщик сортира в кабинете директора звукозаписывающей компании.

Помню, что в «Транзите» дорога в Швейцарию казалась бесконечной. Чтобы убить время, мы курили травку и выдули ее до хрена. Когда мы наконец добрались до Цюриха, то были так чертовски голодны, что нашли одну роскошную швейцарскую закусочную и соревновались на время, кто съест больше банановых сплитов. Я умудрился затолкать себе в глотку двадцать пять этих мерзавцев, а потом владелец нас выкинул. К этому времени у меня вся физиономия была в сливках. И я мог бы съесть еще парочку.

Нам пришлось идти искать «Hirschen Club», и он оказался еще обшарпаннее, чем «Star Club». Там была крошечная сцена, бар всего в нескольких шагах от нее, темно и всюду сновали проститутки. Мы вчетвером жили в одной отстойной комнатке наверху, так что на повестке дня стояла задача подцепить девчонку со своим жильем.

Как-то вечером нас с Гизером пригласили к себе две девушки в чулках-сеточках. Очевидно было, что они проститутки, но меня устраивало что угодно, лишь бы опять не спать на одной кровати с Биллом, который всё время только и жаловался на мои вонючие ноги. Поэтому, когда девушки подсластили пилюлю, сказав нам, что у них есть травка, я сказал: «Черт с ним, пойдем». Но Гизер не был так уверен. «Это же *шлюхи*, Оззи, – повторял он. – Подхватишь какую-нибудь дрянь. Давай найдем других девчонок».

– Я не собираюсь с ними трахаться, – ответил я. – Я просто хочу выбраться из этой конуры.

– Поверю, если увижу своими глазами, – сказал Гизер. – Брюнетка вроде неплоха. После нескольких порций пива и пары затяжек волшебной травой она полезет ко мне.

– Послушай, – сказал я. – Если она полезет к тебе, я пну ее под зад, и мы уходим, ладно?

– Обещаешь?

– *Одно движение* к твоей ширинке, Гизер, я ее оттащу, и мы свалим.

– Хорошо.

И вот, приходим мы к ним домой. Там тусклый свет, Гизер сидит в одной части комнаты с брюнеткой, а я в другой части со страшненькой. Мы курим траву и слушаем альбом Blind Faith – «супергруппы» Эрика Клэптона, Джинджера Бэйкера, Стива Уинвуда и Рика Греча. Какое-то время всё спокойно, мы в дурмане – играет музыка, все целуются и лапают друг друга. А потом внезапно над дымкой кумара поднимается глубокий бирмингемский голос.

– Эй, Оззи, – говорит Гизер. – Пора пускать в дело твой ботинок.

Я смотрю, а проститутка уже уселась верхом на Гизера, который лежит с закрытыми глазами и вселенской болью на лице. Если честно, тогда я подумал, что это самое смешное, что я видел в своей жизни.

Даже не знаю, трахнул он ее всё-таки или нет. Помню только, что смеялся так, что потом заплакал от хохота.

Джим Симпсон пригласил нас к себе домой, как только мы вернулись из Швейцарии. «Я должен вам что-то показать», – произнес он зловещим голосом.

После обеда мы собрались у него в гостиной, сидели и теребили пальцы, сгорая от любопытства, что же такого он нам покажет. Он протянул руку к портфелю и достал оттуда готовую пластинку «*Black Sabbath*». Мы потеряли дар речи. На конверте альбома красовалась жуткая средневековая водяная мельница (позднее я узнал, что это мельница Мейплдарем в Оксфордшире на реке Темзе), вокруг нее опавшие листья, а посередине стоит болезненного вида женщина с длинными темными волосами, в темной одежде и с очень страшным взглядом. Это было *потрясающе*! Когда открываешь раскладной конверт, то взору открывается сплошной черный цвет и перевернутый крест, внутри которого начертан зловещий текст. Мы не участвовали в создании обложки пластинки, так что перевернутый крест – как мы потом узнали, символ сатанизма – не имел к нам никакого отношения. Но если вы услышите, как кто-то говорит, что обложка нам не понравилась, то это полная брехня. Насколько я помню, нам просто башню снесло.

Мы стояли, пялились на нее и повторяли: «Черт побери, чувак, это, на хрен, *невероятно*».

Потом Джим подошел к проигрывателю и поставил пластинку. Я

чуть не расплакался, настолько здорово она звучала. Пока мы были в Швейцарии, Роджер и Том добавили эффекты – звуки грозы и колокола в начале заглавной песни, и звучало это как саундтрек к фильму. Общее впечатление было просто сказочное. У меня до сих пор мурашки по коже, когда я ее слышу.

В пятницу, тринадцатого февраля 1970 года, пластинка *«Black Sabbath»* поступила в продажу.

Я как будто заново родился. Но критики разнесли ее к чертям.

Один из плюсов дислексии в том, что, когда я говорю, что не читаю рецензии, это значит, что *я не читаю рецензии*. Но это не означает, что мнение прессы не заботило остальных ребят. Из всех плохих отзывов о *«Black Sabbath»* худшим был, пожалуй, обзор Лестера Бэнгса в журнале *«Rolling Stone»*. Бэнгс был моим ровесником, но тогда я этого не знал. На самом деле, я о нем даже никогда не слышал, и когда мне рассказали, что он написал, я бы предпочел и дальше о нем ничего не знать. Помню, Гизер зачитывал такие определения, как «дешевый», «деревянный» и «упертый». В последней строчке было что-то типа «Они почти как Cream, только хуже», но я не понял юмора, потому что считал Cream одной из лучших групп в мире.

Бэнгс умер спустя двенадцать лет, когда ему был тридцать один год, и я слышал, люди говорили, что он был мастером слова. Но для нас он был просто очередным претенциозным идиотом. С тех пор мы так и не ладили с *«Rolling Stone»*. Но знаете что? Быть разгромленными *«Rolling Stone»* довольно круто, потому что они представляли собой власть, систему. В этих музыкальных журналах работали детишки из колледжа, которые считали себя шибоко умными – и, вероятно, такими и были. Нам же дали пинка под зад, вручив школьный аттестат, когда нам было пятнадцать. И это мы работали на заводах и зарабатывали на жизнь на скотобойнях, и смогли чего-то добиться, несмотря на то, что вся система была против нас. Поэтому насколько нас могло расстраивать то, что мы не нравимся умникам?

Важно было то, что *кому-то* мы нравимся, потому что *«Black Sabbath»* занял восьмую строчку в Британии и двадцать третью в Штатах.

Разгромный материал в *«Rolling Stone»* подготовил нас к тому, что будет дальше. Не думаю, что мы получили хоть один хороший отзыв о своем творчестве. Именно поэтому я даже не парюсь об этом. Всякий раз, когда я слышу, как кто-то расстраивается из-за

отрицательных отзывов, то говорю ему: «Слушай, критиковать – их работа. Поэтому они называются *критиками*». Но некоторые люди так заводятся, что их потом не остановить. Помню, однажды в Глазго мы встретили одного из таких критиков у себя в отеле. Тони подходит к нему и говорит: «Хочу с тобой поговорить, дорогуша». Тогда я этого не знал, но тот парень только что написал удачную статью про Тони, описав его как «Джейсона Кинга с руками строителя», – Джейсон Кинг был телеперсонажем-детективом с идиотскими усами и глупой прической. Но, когда Тони подошел к нему, критик просто рассмеялся, и это с его стороны было очень глупо. Тони сказал: «Давай, сынок, смейся как следует, через тридцать секунд тебе будет не до смеха…», – а потом засмеялся сам. Критик не воспринял его всерьез и продолжил гоготать. Пару секунд они стояли там и ржали вместе, потом Тони замахнулся и одним ударом отправил парня в больницу. Я никогда не читал его отзыв, но мне сказали, что он был не очень лестным.

Моего старика тоже не впечатлил наш первый альбом. Никогда не забуду тот день, когда я принес запись домой и сказал: «Смотри, пап! Мой голос на пластинке!»

Вижу, как сейчас, как он возился с очками, а потом поднес к глазам конверт и произносит: «Хм-м». Затем спрашивает: «Ты уверен, что они ничего не напутали, сынок?»

– Что ты имеешь в виду?

– Тут крест перевернут.

– Так и задумано.

– А… Ну, не стой там. Ставь пластинку. Давай немного подпоем, да?

Я подошел к радиоле, поднял тяжелую деревянную крышку, поставил пластинку – надеясь, что дурацкая колонка, которую я когда-то подменил, заработает, – и сделал погромче.

С первым ударом грома папа вздрогнул. Я нервно улыбнулся ему.

Потом: Бом! Бом! Бом!

Папа кашлянул.

Бом! Бом! Бом!

Снова кашлянул.

Бом! Бом! Бом!

– Сынок, когда…

БЛАМ! Ду! Ду-у-у-у-у-у-у!!! *Ду-у-у-у-у-у-у-у-у-у!!!!!*

Мой бедный старик весь побелел. Думаю, он ждал чего-то в стиле

«Knees up Mother Brown». Но я не стал выключать. Наконец, после того, как Тони и Гизер шесть минут и восемнадцать секунд молотили по своим гитарам, Билл выбивал дерьмо из барабанов, а я завывал о человеке в черном, который пришел забрать меня на огненное озеро, папа протер глаза, встряхнул головой и уставился в пол.

Молчание.

– Что думаешь, пап?

– Джон, – сказал он. – Ты точно уверен, что лишь *изредка* пил пиво?

Я густо покраснел и промямлил что-то вроде: «А, да, ага, пап, конечно».

Благослови его Бог, он вообще не понимал эту музыку.

Но у меня сердце разбилось, понимаете? Я всегда чувствовал, что разочаровал своего отца. Не из-за того, что он когда-либо мне говорил. Не потому, что я вылетел из школы, не умел нормально читать и писать, отсидел в тюрьме, вылетел со всех работ. Но теперь, в группе Black Sabbath, я наконец-то занимался тем, в чем я хорош, что мне нравилось и над чем я готов был усердно трудиться. Думаю, я просто очень хотел, чтобы мой старик гордился мной. Но это не его вина – он был таким, каким был. Таким было его поколение. И думаю, в глубине души он *гордился* мной, но по-своему.

Могу честно сказать, что черную магию мы никогда не воспринимали всерьез. Нам просто нравилась ее театральность. Даже отец в конце концов решил нам подыграть: в обеденный перерыв на заводе он сделал мне классный металлический крест. Когда я пришел в нем на репетицию, ребята тоже захотели такой, так что я попросил папу сделать еще три.

Я поверить не мог, когда узнал, что люди реально «практикуют оккультизм». Всякие уроды с белым макияжем и в черных мантиях подходили к нам после концертов и приглашали на черные мессы на кладбище Хайгейт в Лондоне. Я им отвечал: «Послушай, чувак, единственные злые духи, которые меня интересуют, – это виски, водка и джин». Как-то раз группа сатанистов пригласила нас сыграть в Стоунхендже. Мы велели им отвалить, а они ответили, что проклянут нас. Сколько же мы наслушались всякой херни. В Британии в то время даже был «главный колдун» по имени Алекс Сандерс. Никогда с ним не встречался. И никогда не хотел. Зато мы однажды купили спиритическую доску, устроили небольшой сеанс и напугали друг друга до смерти.

В ту ночь, бог знает в котором часу, Билл позвонил мне и закричал: «Оззи, думаю, у меня в доме *привидение*!»

– Ну так продавай билеты, – ответил я ему и повесил трубку.

Плюсом всего этого сатанизма было то, что из-за него о нас бесконечно говорили. Люди не могли успокоиться. В первый день релиза было продано пять тысяч экземпляров пластинки *«Black Sabbath»*, а к концу года продажи приближались к отметке в миллион экземпляров по всему миру.

Мы не могли в это поверить.

В это не мог поверить даже Джим Симпсон – бедный парень, в итоге оказавшийся абсолютно перегруженным делами. Его офис был в Бирмингеме, во многих километрах от эпицентра событий в Лондоне, ему надо было присматривать за другими группами, а сотрудников не было, к тому же еще надо было управлять «Henry's Blues House». Так что очень скоро он начал нас раздражать. Начнем с того, что мы не получали денег. Джим нас не грабил – он один из самых честных людей в музыкальной индустрии, каких я только знаю, – но «Philips», казалось, целую вечность будут готовиться изрыгнуть наш авторский гонорар, а Джим не подходил на роль парня, который пойдет и заставит их заплатить. А еще перед нами стоял вопрос поездки в Америку: мы хотели попасть туда как можно скорее. Но нужно было сделать всё правильно, а значит – полегче с сатанинскими штуками, потому что мы не хотели выглядеть поклонниками семейки Мэнсонов.

Если бы так получилось, нас бы попросту подвесили за яйца.

Так как Джим не справлялся, то очень скоро лондонские акулы почуяли в воде свежую кровь. И один за другим стали плавать вокруг нас кругами. Они смотрели на нас, а видели большие светящиеся денежные знаки. Наш первый альбом обошелся в пятьсот фунтов, так что прибыль с него была астрономическая.

Первым нам позвонил Дон Арден. Мы о нем почти ничего не знали, кроме его прозвища – Мистер Биг. А еще слышали о нем разные истории. Например, о том, что он вывешивал людей из окна своего офиса на четвертом этаже на Карнаби-стрит, тушил сигары о чей-то лоб и требовал, чтобы по всем контрактам ему платили наличными, которые вручную доставляли в коричневых бумажных пакетах. Так что, когда мы в первый раз отправились в Лондон к нему на встречу, то чуть в штаны не наделали от страха. Когда мы вышли из поезда на Юстонском вокзале, нас уже ждал его синий «Роллс-Ройс». Я впервые в жизни оказался в «Роллс-Ройсе»,

расселся на заднем сиденье как король Англии и думал о том, что три года назад чистил желудки на скотобойне, а до этого раздавал баланду педофилам в Уинсон Грин. И где я оказался теперь!

У Дона была репутация парня, который сделает тебя знаменитым на весь мир, но при этом обдерет до нитки. Он не проворачивал никаких сложных финансовых схем, как Берни Мейдофф. Он просто, черт побери, не платил. Вот и всё. Разговор обычно был примерно такой: «Дон, ты должен мне миллион фунтов, можно мне получить деньги, пожалуйста?» – а он: «Нет, нельзя». Конец разговора. А если лично прийти к нему в офис и попросить денег, то велика вероятность уехать оттуда на «Скорой».

Но с нами всё было по-другому: нам не нужен был человек, который прославит нас на весь мир, ведь мы уже были на полпути к славе. Тем не менее мы сидели в офисе Дона и слушали его речь. Он был низкорослым парнем, с фигурой и характером злого ротвейлера, а еще у него был невероятный крикливый голос. Он брал трубку и так громко кричал в нее своему администратору, что сотрясалась вся планета.

Когда встреча закончилась, мы все встали и сказали, как нам приятно с ним познакомиться и бла-бла-бла, хотя больше не хотели иметь с ним никаких дел. А потом, когда мы выходили из офиса, он представил нас девушке, на которую орал в трубку половину встречи.

«Это Шерон, моя дочь, – рявкнул он. – Шерон, проводи этих ребят до машины, хорошо?» Я улыбнулся ей, а она посмотрела на меня с опаской. Наверное, подумала, что я сумасшедший, потому что стоял там в своей пижаме, босиком и с краном от горячей воды вместо кулона.

Но потом, когда Дон вернулся в офис и закрыл за собой дверь, я отмочил шутку, и она улыбнулась. Я чуть не упал. Это была самая красивая улыбка, виденная мной в жизни. А потом она засмеялась. Мне стало так хорошо, когда я услышал ее смех. Я хотел смешить ее снова, и снова, и снова.

По сей день я жалею о том, что произошло с Джимом Симпсоном. Думаю, ему просто с нами не повезло. Мне кажется, глядя в прошлое, легко сказать, что ему надо и не надо было делать, но если бы он признался себе, что мы были для него слишком масштабным проектом, то мог бы продать нас другой менеджерской компании или подрядить более крупную компанию заниматься

нашими делами. Но ему не хватило на это сил. А мы так отчаянно хотели попасть в Америку и совершить свой большой прорыв, что нам не хватило терпения ждать, когда он разберется в себе. В итоге за нас взялся парень по имени Патрик Мехен. Он был всего на пару лет старше нас и попал в менеджмент через отца, который работал каскадером в телешоу. Сам Патрик работал на Дона Ардена, сначала водителем, потом мальчиком на побегушках. Занимался группами Small Faces и Animals. С ним работал еще один бывший подчиненный Дона Ардена – Уилф Пайн. Мне очень нравился Уилф. Он был похож на злодея из мультика: низкорослый, с фигурой, как бетонная плита, и с крупным, сочным, вкрутую сваренным лицом. Если честно, думаю, его повседневный суровый образ был отчасти наигранным, но никто никогда не сомневался, что он может нанести серьезный урон, если окажется не в настроении. Довольно долго он был личным телохранителем Дона, и, когда мы с ним общались, он часто ездил в тюрьму Брикстон навестить близнецов Крэй, которых недавно посадили. Он был славный малый, этот Уилф. Мы с ним много прикалывались. «Ты *сумасшедший*, ты это знаешь?» – говорил он мне.

Патрик был вообще не похож ни на Дона, ни на Уилфа, ни на своего собственного отца, если уж на то пошло. Он был ловкий, красивый, складно говорил, был очень крутой, резкий, и у него никогда не было проблем с женщинами. Он был длинноволосым, носил костюмы и водил «Роллс-Ройс». А еще он был первым парнем, на котором я увидел бриллиантовые кольца. Очевидно, Мехен многому научился, работая у Дона Ардена. Патрик перепробовал с нами все средства: лимузин с водителем ужин с шампанским, бесконечные комплименты и якобы искреннее удивление тем, что мы до сих пор не мультимиллионеры. Он объяснял нам, что, если мы подпишем с ним контракт, у нас будет *всё*, что захотим, – машины, дома, девушки – всё на свете. Нам будет достаточно позвонить ему и попросить. Он рассказывал нам сказки, а нам хотелось в них верить. И в том, что он говорил, по крайней мере, кое-что было правдой… Музыкальный бизнес такой же, как и любой другой, понимаете? Когда продажи идут хорошо, всё чертовски здорово. Но как только что-то идет не так, всюду кровь и судебные иски.

Точно не помню, как и когда мы расстались с Джимом, – мы его не увольняли, хотя, кажется, это не имеет значения, – но к сентябрю 1970 года компания «Big Bear Management» осталась позади, и мы подписали контракт с компанией Мехена «Worldwide Artists».

Через три с половиной секунды Джим подал на нас иск в суд. Повестка пришла, когда мы стояли за кулисами на концерте на Женевском озере и ждали своего выхода. И это случилось не в последний раз. Джим подал в суд на Мехена за то, что тот нас «переманил». Суды заняли несколько лет. Думаю, что мы обошлись с Джимом несправедливо. Это же он привел нас в компанию «Philips» и добился контракта на звукозапись. И даже если он и отсудил немного денег, то ему пришлось годами платить адвокатам. В итоге он ничего не выиграл. С адвокатами всегда так – мы поняли это потом на собственном горьком опыте. Самое смешное, что я всё еще то и дело сталкиваюсь с Джимом. Мы теперь как друзья, которые давно не виделись. Он сделал очень многое для музыки в Бирмингеме, этот Джим Симпсон. И до сих пор этим занимается. Я желаю ему всего самого наилучшего, вот честно!

Однако в то время нам казалось, что избавиться от Джима – лучшее решение за всю жизнь. Мы словно только что выиграли в лотерею: деньги стали просто падать с неба. Каждый день я загадывал какое-нибудь новое желание: «Э… здравствуйте, это офис Патрика Мехена? Это Оззи Осборн. Я бы хотел заказать кабриолет «Триумф Геральд». Можете прислать мне зеленый? Спасибо». *Щелк*. И – *та-дам!* – на следующее утро чертова машина стоит у моего дома, под дворником – конверт, в котором куча бумажек, которые я должен подписать и вернуть. Казалось, Мехен держит свое слово: что бы мы ни попросили, мы это получали. И дело не только в крупных покупках: нам выдавали жалованье, и мы покупали на него пиво, сигареты, сапоги на платформе, кожаные куртки. И жили мы теперь в отелях, а не в фургоне у Тони.

А тем временем продажи пластинок уверенно росли. Совсем недавно мы плелись в самом конце списка бирмингемских рок-групп, и вот за мгновение обошли их все. Чего мы не знали, так это того, что Мехен почти все деньги забирал себе. Даже те вещи, которые Патрик нам «давал», на самом деле нам *не принадлежали*. Он по-тихому выжимал из нас все соки. Но знаете что? Я много думал об этом за все эти годы и не считаю, что стоит жаловаться. Мы родом из Астона, у нас не было ни гроша за душой, а уже в двадцать с небольшим зажили как короли. Больше не нужно было таскать инструменты и аппарат, готовить еду – нам чуть ли не шнурки завязывали. Мы просто просили о чем-нибудь – и тут же получали все это на блюдечке с голубой каемочкой.

Чего только стоила коллекция «Ламборджини», которую собрал

Тони! Даже у Билла появился свой «Роллс-Ройс» с водителем. Деньги мы делили на четверых. Тони придумывал риффы, Гизер слова, я мелодии, а Билл свою дикую барабанную партию. Вклад каждого был в равной степени важен, поэтому и получать все должны были поровну. Думаю, именно поэтому мы и продержались вместе так долго. Во-первых, мы никогда не ссорились из-за того, что кто-то сделал больше других. Во-вторых, если кто-то хотел сделать что-то другое – не вопрос, Билл хотел спеть, а я – написать слова, – то и это было здорово. Никто не сидел с калькулятором и не высчитывал свою долю авторского гонорара.

Мы сами контролировали свою музыку, поэтому могли заниматься тем, чем хотим. Black Sabbath создал не какой-нибудь там звукозаписывающий магнат, поэтому ни один звукозаписывающий магнат и не мог указывать Black Sabbath, что им делать. Некоторые из них пытались, но мы ставили их на место.

Не многие группы сейчас могут себе это позволить.

Единственное, о чем я жалею, – что не отдавал больше денег своим предкам. Потому что, если бы мой старик не купил в кредит ту акустическую систему с усилителем, то у меня не было бы возможности изменить свою жизнь. Скорей всего, я бы вернулся к воровству. Может, сейчас до сих пор сидел бы в тюрьме. Но почему-то о родителях я в это время не думал. Я был молод, вечно пьян, а мое эго стало раздуваться до вселенских масштабов. Кроме того, я вроде был богат, но наличных у меня не водилось. Я просто звонил в офис Патрика Мехена и озвучивал свои запросы, а это не то же самое, что самому разбрасываться деньгами направо и налево. На самом деле, в первый раз я увидел настоящие деньги, когда понял, что могу просто продать то, что мне предоставила компания, и поступил с «Роллс-Ройсом» именно так. Другие тоже скоро научились этой хитрости. Но как мне объяснить это своим предкам, которые видят, как я хожу и воображаю из себя невесть что? Не то чтобы я *ничего* им не давал, но теперь я знаю, что всегда давал *недостаточно*. Это можно было понять по настроению, которое царило в доме номер 14 на Лодж-роуд каждый раз, когда я там появлялся. Я спрашивал у мамы: «Что не так?» – а она отвечала: «Ой, ничего».

– Ну, я же вижу, что что-то не так. Просто скажи.

Она не говорила, но ответ так и висел в воздухе: деньги, деньги, деньги. Ничего, кроме денег. Нет чтобы сказать: «Я горжусь тобой,

сынок. Молодец, у тебя наконец получилось, ты так старался. Выпей чашечку чая. Я люблю тебя». Только деньги. Через какое-то время там стало просто невыносимо. Мне не хотелось находиться дома, настолько было в нем неуютно. Думаю, у родителей никогда не было своих денег, поэтому они хотели получить мои. Что было довольно справедливо. Я должен был отдать их.

Но я этого не сделал.

Наконец я встретил девушку, переехал.

4. «Чуваки, вы совсем не черные!»

Я никогда не был Ромео.

Даже когда наш первый альбом стал золотым, красивые девушки как-то ко мне не льнули. Black Sabbath слушали в основном парни. В нас летели окурки и пивные бутылки, а совсем не кружевное белье. Мы даже шутили, что единственные девчонки, которые приходят на наши концерты, – «двухпакетницы», то есть, чтобы трахнуть, нужно надеть им на голову пару пакетов, потому что одного недостаточно. Но, честно говоря, заполучить даже двухпакетную девчонку для меня было огромным везением. Девчонки, которые были готовы уйти со мной после концерта, были в основном трех- или четырехпакетными. Однажды вечером в Ньюкасле мне, кажется, досталась пятипакетная. Это была тяжелая ночь. Джина пришлось вылакать немало, если я правильно помню.

Но ничто не могло помешать мне перепихнуться.

Одним из мест, где я искал старый добрый трах, был ночной клуб «Rum Runner» на Броуд-стрит в Бирмингеме, где на входе работал мой хороший школьный приятель Тони. Это было известное место, «Rum Runner» – спустя годы там будут играть Duran Duran, – так что было очень клево иметь знакомого, который без проблем мог пропустить нас внутрь.

Однажды вечером, вскоре после подписания контракта со звукозаписывающей компанией, мы с Тони отправились в этот «Rum Runner». Это было еще до нашего знакомства с Патриком Мехеном, поэтому денег у нас не было. Мы приехали туда на подержанной машине Тони, кажется, это был «Форд Кортина». В общем, рухлядь. Альберт, как всегда, встретил нас у входа, вышибалы отцепили веревку и пропустили внутрь. Первое, что я увидел у входа, – темноволосая гардеробщица.

– Кто *это*? – спросил я у Альберта.

– Тельма Райли, – ответил он. – Милая девчонка. И очень умная. Но она в разводе, и у нее ребенок, так что полегче.

Но мне было всё равно.

Тельма была красива, и я очень хотел с ней поговорить. Поэтому сделал то, что делал всегда, когда хотел поговорить с девчонкой – нажрался. Но в тот вечер произошло нечто странное, потому что старая стратегия напейся-как-можно-сильнее вдруг сработала: я пригласил Тельму на танцпол, а Тони пригласил ее подружку. Потом мы все поехали к Тони на его «Кортине», и мы с Тельмой

целовались и обнимались на заднем сиденье.

Тони отшил подружку Тельмы на следующий день, а мы с Тельмой продолжили встречаться. И, когда я уже был сыт по горло нездоровой атмосферой в доме номер 14 на Лодж-роуд, мы с ней вместе сняли квартиру над прачечной в Эджбастоне, роскошном районе Бирмингема.

Через год или около того, в 1971 году, мы официально поженились Я думал, что такова и есть жизнь: заработать бабла, найти девушку, жениться, остепениться, ходить в паб.

Это была ужасная ошибка.

За несколько месяцев до моей свадьбы Black Sabbath наконец приступили к взятию Америки. Помню, как перед поездкой папа Патрика Мехена собрал нас в своем лондонском офисе и объяснил, что мы будем «послами британской музыки», поэтому, типа, нам нужно вести себя хорошо.

Мы покивали и пропустили эти слова мимо ушей.

Но я всё же старался не налегать на бухло перед аэропортом. Чего я не знал, так это того, что в аэропортах есть бары – в которых не мог не выпить пару незапланированных стаканчиков, чтобы успокоиться. Так что к тому времени, когда я занял свое место в салоне, то уже был бухой в дрибадан. Потом мы узнали, что с нами в самолете летят Traffic. Я не мог поверить, что со мной на борту находится Стив Уинвуд. В первый раз в жизни почувствовал себя настоящей рок-звездой.

Несмотря на изрядное количество выпитого, перелет до нью-йоркского аэропорта длился целую вечность. Я смотрел в иллюминатор и думал, как эта херня вообще держится в воздухе? Потом мы пролетели над Манхэттеном, где тогда строился Всемирный торговый центр – он еще наполовину состоял из балок и строительных лесов, – и приземлились на заходе солнца. Помню, был теплый вечер, и я еще никогда не ощущал атмосферы теплого вечера в Нью-Йорке. Там был такой особенный запах, понимаете? Мне он страшно понравился! Правда, к этому моменту я уже был в говно. Бортпроводнику пришлось помочь мне встать с кресла, а потом я скатился по ступенькам трапа.

К тому времени, когда мы добрались до таможни, меня уже накрыло похмелье. Голова болела так сильно, что я не помнил, что в шутку написал в миграционной анкете. В ответ на вопрос о религии я вписал «сатанист». Так вот, таможенник берет у меня анкету и

начинает читать. Затем останавливается примерно на середине.

Поднимает на меня взгляд. «Сатанист, значит?» – говорит он с явным бронксским акцентом и устало-скучающим выражением на лице.

«Вот *дерьмо»,* – проскальзывает мысль.

Но, прежде чем я пытаюсь что-то объяснить, он ставит штамп на анкету и кричит: «СЛЕДУЮЩИЙ!».

«Добро пожаловать в Нью-Йорк» – гласила табличка у нас над головой.

Мы получили багаж на ленте и встали в очередь на такси у зала прилета. Черт его знает, что думали все эти бизнесмены в костюмах с галстуками и дипломатами в руках, когда стояли рядом с длинноволосым немытым парнем из Бирмингема, у которого на шее вопроводный кран, а на ногах вонючие джинсы с символом «мира и любви» и пацификом на одной ноге и надписью «Black Panthers рулят» и черным кулаком на другой.

К нам подъехала огромная желтая машина. Должно быть, в ней было девятнадцать-двадцать дверей.

– Я знал, что тут большие тачки, – промямлил я, – но не *настолько*!

– «Это *лимузин*, идиот», – ответил Тони.

До поездки мы уже записали следующую пластинку, которая должна была выйти после *«Black Sabbath»*. Первый альбом вышел всего пять месяцев назад, и это невероятно, если принять во внимание, с какой ленивой медлительностью альбомы выпускают сегодня. Изначально запись должна была называться *«Warpiggers»*, что означает колдовскую свадьбу или что-то такое. Потом мы изменили название на *«War Pigs»*, а Гизер придумал тяжелые стихи о смерти и разрушении. Неудивительно, что у нас на концертах не было девушек. Гизера вообще не интересовали среднестатистические популярные песни в стиле «я тебя люблю». Даже когда он писал песню о том, как парень встречает девушку, в ней был какой-нибудь хитрый поворот – например, как в «N.I.B.» с первого альбома, в которой парень оказывается дьяволом. Нравилось Гизеру и обращаться к острым темам дня, например, к войне во Вьетнаме. Гизер не был в стороне от того, что творится в мире и держал нос по ветру.

Мы вернулись в «Regent Sound» в Сохо, чтобы записать вторую пластинку, а перед этим несколько недель репетировали в старом

амбаре в «Rockfield Studios» в Южном Уэльсе. Студийное время тогда стоило целое состояние, так что мы не хотели прийти и лажать, в то время как счетик щелкает и денежки капают. Закончив запись в «Regent Sound», мы отправились в «Island Studios» в Ноттинг-Хилле на сведение. И там Роджер Бейн понял, что нам нужно еще несколько минут материала. Помню, как он вышел из аппаратной в обеденный перерыв и сказал: «Слушайте, ребята, нам нужно чем-то заполнить хронометраж. Можете что-нибудь сымпровизировать?» Мы как раз только взялись за сэндвичи, но тут же их отложили. Тони начал играть гитарный рифф, Билл присоединился и добавил ударные, я прогудел какую-то мелодию, а Гизер сидел в углу и набрасывал текст.

Через двадцать минут у нас возникла песня под названием «The Paranoid».

К концу дня она превратилась просто в «Paranoid».

С лучшими песнями так всегда и бывает: они приходят из ниоткуда, когда даже не стараешься ничего написать. «Paranoid» отличается тем, что ее не отнести ни к одной категории: это как бы панковская песня, которую, правда, придумали за много лет до изобретения панка. И мы не видели в ней ничего особенного, когда записывали. Это была обычная песня, написанная наполовину в шутку, тем более, когда рядом стояли такие хиты как «Hand of Doom» или «Iron Man». Но, черт возьми, она так цепляла! Я напевал ее всю дорогу из студии домой. «Тельма, – сказал я, когда вернулся в Эджбастон. – Кажется, мы записали *сингл*».

Она посмотрела на меня взглядом, который говорил: *«Ну-ну, гони дальше»*.

Знаете, это забавно: если бы тогда нам кто-то сказал, что через сорок лет люди всё еще будут слушать какую-нибудь из наших песен и что в одной только Америке мы продадим четыре миллиона экземпляров альбома, – мы бы просто рассмеялись ему в лицо.

Но дело в том, что Тони Айомми оказался одним из величайших рок-композиторов всех времен. Всякий раз, когда мы приходили в студию, мы заставляли его сыграть последний придуманный им рифф и чтобы он превзошел предыдущий. Получалось что-то вроде «Iron Man», от чего у всех срывало башню.

Но с «Paranoid» была другая история. Примерно через две секунды после того, как мужчины в костюмах из лейбла «Vertigo» услышали эту песню, весь альбом был назван ими *«Paranoid»*. Совсем не потому, что песня *«War Pigs»* может расстроить

американцев из-за событий во Вьетнаме – по крайней мере, как мне кажется. Нет, они были крайне взбудоражены нашей маленькой трехминутной попсовой песенкой. Представители «Vertigo» решили, что она может попасть на радио, при том, что групп вроде нас *никогда* в эфире не было. Логично было и весь альбом назвать так же, как и сингл, что бы облегчило его рекламу в музыкальных магазинах.

Пиджаки были правы. «Paranoid» сразу оказалася на четвертой строчке в британском чарте синглов, и благодаря ему мы попали на передачу *«Top of the Pops»* вместе с Клиффом Ричардом. Единственной проблемой была обложка альбома, которую придумали еще до смены названия и которая теперь выглядела абсолютно бессмысленно. Какое отношение четыре розовых парня с щитами и мечами имеют к паранойе? Мы там стали розовыми, потому что такого цвета, по идее, должны быть свиньи войны. Ну, а вот без надписи «War Pigs» на обложке эти парни были похожи на каких-то геев-фехтовальщиков.

«Они не геи-фехтовальщики, – сказал мне Билл. – Они *параноидальные* геи-фехтовальщики».

Участие в *Top of the Pops* на тот момент было моим величайшим жизненным достижением. Когда я рос в Астоне, всё семейство Осборнов каждую неделю собиралось у телевизора и смотрело эту передачу. Даже моя мама ее любила. Так что когда родители услышали, что меня в ней покажут, то потеряли дар речи. В те времена передачу *Top of the Pops* каждую неделю смотрели пятнадцать миллионов человек, а в перерывах между песнями группа «Pan's People» исполняла хипповые танцы.

Это было чертовски круто, мужик.

Помню, как глубоко мня впечатлил Клифф Ричард, который исполнил свою песню вживую с полноценным оркестром.

Мы не смеялись над ним, нет – в конце концов, не так давно я исполнял песню «Living Doll» перед своими родителями. Кажется, в тот раз он пел «I Ain't Got Time Any More». Я не видел эту запись много лет: возможно, компания «BBC» стерла ее, чтобы повторно использовать бобины – тогда у них как раз была такая политика. Но я скажу вам одно: я бы нисколько не удивился, если Клифф выглядел на передаче *Top of the Pops* 1970 года старше, чем сейчас. Он как будто стареет наоборот, этот парень. Каждый раз, когда я его вижу, он выглядит на пару лет моложе.

Когда вслед за Клиффом должны были выступать мы, у меня всё

тело онемело от страха. Остальным не нужно было играть ни одной ноты – только топать в такт фонограмме. Но я-то должен был петь вживую! Я впервые попал на телевидение и обсирался от страха как никогда. Чистейший ужас. У меня настолько пересохло во рту, что, казалось, в нем застрял комок ваты. Как-то я все же выкрутился.

Родители смотрели меня дома по телевизору – по крайней мере, так мне сказали братья несколько лет спустя.

Если они и гордились мной, то мне ничего об этом не сказали. Надеюсь, что все-таки гордились.

Эта песня изменила нашу жизнь. Я просто обожал ее петь. На наших концертах даже появлялись девушки, которые визжали и бросали нам трусики. Это была приятная перемена, но мы немного беспокоились, не потеряем ли мы своих постоянных поклонников. Сразу после передачи *Top of the Pops* мы выступали в Париже, и после концерта ко мне подошла милая французская девушка. Она привела меня к себе домой и оттрахала до потери пульса. Все это время я не понимал ни слова из того, что она говорила.

В отношениях на одну ночь иногда так даже лучше.

Америка казалась мне сказачной страной.

Взять хотя бы пиццу. Много лет я только и думал, вот бы кто изобрел новую еду. В Англии были только яйца с картошкой, сосиски с картошкой, пироги с картошкой… всё с картошкой. Через какое-то время становится скучно, понимаете? Но в начале семидесятых в Бирмингеме нельзя было заказать тонко нарезанный пармезан или салат из рукколы. Если еда не готовится в жирной фритюрнице, то никто и знать не знает, что это за дрянь такая. Но потом, в Нью-Йорке, я открыл для себя пиццу. Она просто взорвала мне мозг. Я покупал десять-двадцать кусков пиццы в день. А потом, когда понял, что можно купить целую пиццу и съесть ее одному, то стал заказывать ее везде, где можно. Не мог дождаться, когда вернусь домой и расскажу всем своим друзьям: «Есть такая невероятная новая штука. Она американская и называется пиццей. Она как хлеб, только лучше, чем любой хлеб, который вы пробовали». Однажды я даже пытался приготовить Тельме нью-йоркскую пиццу. Я сделал тесто, положил на него бобы, сардины и оливки и еще кучу всего – там продуктов было, наверное, фунтов на пятнадцать. Но через десять минут всё стало капать из духовки, как будто кого-то вырвало. Тельма посмотрела на это дело и сказала: «Знаешь, Джон, мне кажется, что мне *не понравится* пицца». Она никогда не звала

меня Оззи, моя первая жена. Ни разу за все время, сколько я ее знал.

Еще одно невероятное открытие, которое я совершил в Америке, – это «Харви Волбенгер» – коктейль из водки, ликера «Galliano» и апельсинового сока. Они просто срывали башню, эти штуки. Я тогда выпил столько «Волбенгеров», что теперь на дух их не переношу.

Только почувствую запах – меня сразу рвет, как по команде.

Американские девушки – отдельная тема. Они совсем не похожи на английских. Когда цепляешь девчонку в Англии, то сначала строишь ей глазки, потом одно за другое, зовешь на свидание, покупаешь то и это, а потом примерно через месяц ненавязчиво спрашиваешь, не хочет ли она поиграть в старую добрую игру «спрячь сосиску». В Америке девчонки просто подходят и говорят: «Эй, давай потрахаемся». Даже пальцем не успеешь пошевелить.

Мы поняли это в первый же вечер, когда поселились в местечке под названием «Loew's Midtown Motor Inn», которое находилось на пересечении Восьмой авеню и 48-й улицы, в сомнительной части города. Я не мог заснуть из-за смены часовых поясов, и это было для меня новое и абсолютно дикое ощущение. Лежу, сна ни в одном глазу, время три часа ночи, и вдруг в дверь стучат. Встаю, открываю дверь, а там стоит тощая девица в плаще, который она расстегивает у меня на глазах. И под ним она совсем голая.

«Можно войти?» – шепчет она таким сексуальным хриплым голосом. Что я должен был сказать? «Нет, спасибо, дорогая, я немного занят»?

Я скачу на этой девице до самого рассвета. Потом она подбирает с пола свой плащ, целует меня в щеку и сваливает.

Когда мы завтракали и выясняли, куда нужно наливать кленовый сироп, – Гизер полил им хашбраун – я говорю: «Никогда не догадаетесь, что со мной произошло ночью».

– «Вообще-то, – ответил Билл, кашлянув, – кажется, я знаю».

Оказалось, что нам всем в ту ночь постучали в дверь: это был подарок от нашего гастрольного менеджера под названием «Добро пожаловать в Америку». Хотя, судя по тому, как моя девица выглядела при дневном свете – а ей явно было не меньше сорока, – он, очевидно, сэкономил.

За два месяца нашего американского турне мы проезжали такие расстояния, какие вообще не могли представить у себя в Англии. Мы

играли в зале «Fillmore East» в Манхэттене. В зале «Fillmore West» в Сан-Франциско. Мы даже ездили во Флориду, где я впервые поплавал в открытом бассейне: была полночь, я упоролся травой и бухлом, и это было просто прекрасно. Во Флориде я впервые увидел настоящий бирюзовый океан. Билл ненавидел летать, поэтому с одного концерта на другой мы добирались на машине, и это стало для нас ритуалом. Наши с Биллом эпические дорожные поездки в конечном итоге стали самыми запоминающимися из всех поездок по Америке. Мы так много времени проводили вместе в прицепе арендованного домика на колесах «GMC», что стали не разлей вода. Потом Билл нанял водителем своего зятя Дейва, так что проблем с алкоголем и наркотиками у нас больше не было. Забавно, но людей узнаешь лучше, когда отправляешься с ними в такие поездки. Например, Билл каждое утро выпивал чашечку кофе, стакан апельсинового сока, стакан молока, а потом лакировал это пивом. Всегда в одном и том же порядке. Однажды я спросил его, зачем он так делает.

– Понимаешь, – ответил он, – кофе, чтобы проснуться, апельсиновый сок дает витамины, чтобы не болеть, молоко обволакивает желудок на весь день, а от пива я снова засыпаю.

– А, – сказал я. – В этом есть смысл.

Забавный чувак этот Билл. Помню, как-то раз мы ехали в своем домике «GMC» из Нью-Йорка куда-то далеко по Восточному побережью, пили пиво и курили, а Дейв рулил. Встали рано, несмотря на то, что ночь накануне была бурной. Дейв все жаловался, что съел испорченную пиццу перед сном и она была на вкус как крысиное дерьмо. Так вот, в семь или восемь часов утра я сижу на пассажирском сиденье, у меня похмелье, в глазах муть, Билл в отрубе сзади, а Дейв ведет машину с непередаваемым выражением лица. Я опускаю стекло и прикуриваю, потом оборачиваюсь и вижу, что Дейв позеленел.

– Ты в порядке? – спросил я и выдохнул дым в кабину.

– Да, я…

И тут он не выдержал.

Буэ-э-э-э-э-э-э!

Он заблевал всю приборную панель, а наполовину переваренные кусочки сыра, теста и томатного соуса попали на вентилятор и отлетели мне на пачку сигарет. Одного вида и запаха оказалось достаточно, чтобы мы начали блевать в унисон.

– О нет, – сказал я. – Дейв, кажется, меня…

Буэ-э-э-э-э-э-э!

Так что теперь по всей кабине разлетелись два разных вида блевотины. Запах был просто невыносимый, но Билл ничего не заметил – он по-прежнему был в отключке.

Мы остановились на следующей стоянке для грузовиков, и я спросил у девушки на заправке, есть ли у них освежитель воздуха. Я ни за что не собирался даже *пытаться* убрать рвоту, но надо было что-то делать с вонью. Кажется, даже водители машин, которые обгоняли нас на шоссе, зажимали нос. Но девчонка в магазине не поняла ни слова из того, что я сказал. Наконец, она сказала: «Ой, вы имеете в виду *вот это*? – и дала мне банку мятного спрея, добавив: – Хотя, лично я бы его не советовала».

Черт с ним, подумал я и всё равно его купил. Потом побежал обратно в «GMC», захлопнул дверь, и, пока Дейв выезжал с парковки, начал разбрызгивать спрей по всей кабине.

Вдруг сзади доносится шуршание и ворчание. Я оглядываюсь и вижу, что Билл встал и сидит ровно, но выглядит не очень. Он перетерпел запах нашей рвоты, но перечная мята стала последней каплей.

– Господи! – говорит он. – Что это за хренью пах...

Буэ-э-э-э-э-э-э!

Наш первый концерт в Америке проходил в Нью-Йорке, в клубе под названием «Ungano's», на Западной 70-й улице, 210. Потом мы выступали в «Fillmore East» с Родом Стюартом и группой Faces. Нас просто выбесили Faces, потому что не оставили нам времени на саундчек. А Род держался от нас подальше. Сейчас я понимаю, что он, вероятно, был не слишком рад тому, что у него на разогреве играют Black Sabbath. Мы были немытыми хулиганами, а он этаким голубоглазым парнишкой. Но Род был славный, всегда очень вежливый. И я подумал, что вокалист он просто потрясающий.

Два месяца вдали от дома тянулись как вечность, и мы страшно скучали по Англии – особенно когда обсуждали, что ждем не дождемся, как пойдем в паб и расскажем всем про Америку, которая в те времена казалась далекой, как Марс. Очень немногие британцы там побывали, потому что летать было очень дорого.

Лучше всего от тоски по дому нам помогали отвлекаться разные приколы. Одним из самых веселых моментов был американский акцент. Каждый раз, когда администратор отеля называл меня «мистер Оззберн», мы все лопались от смеха. Потом мы придумали

розыгрыш для ресторанов в отелях. Во время ужина один из нас тихонько подходил к стойке регистрации и просил вызвать «мистера Гарри Боллокса»[17]. Так вот, сидят люди, едят гамбургеры, и вдруг в зал вбегает коридорный, звонит в маленький колокольчик и кричит: «Здесь есть мистер Волосатые Яйца? Я ищу Волосатые Яйца».

Билл так ржал, что ему стало плохо.

Но самый большой культурный шок мы испытали на концерте в Филадельфии. В зале были в основном черные парни, и кажется, нашу музыку они ненавидели. Мы сыграли «War Pigs», и можно было услышать, как падает чертова булавка. Один парень, большой, высокий, с массивной прической в стиле афро, весь концерт сидел на высоком подоконнике и каждые несколько минут выкрикивал: «Эй, ты, Black Sabbath!» Я всё думал: какого хрена он повторяет одно и то же? Чего он хочет? Я не понимал, что он решил, будто меня так *зовут*.

И вот посреди концерта, после одной из песен, парень опять кричит: «Эй, ты, Black Sabbath!»

В этот момент мое терпение лопнуло. Я подошел к краю сцены, посмотрел прямо на него и сказал: «О'кей, дружище, ты выиграл. Какого хрена тебе надо? Просто скажи мне. Что такое, а?»

А он посмотрел на меня этаким озадаченным взглядом и сказал: «Чуваки, вы совсем не *черные*».

Но это был наш единственный неудачный концерт.

Мы был потрясены, узнав, что альбом *«Black Sabbath»* так хорошо продается в Америке. Он стал лидером продаж и «Warner Bros», наша американская звукозаписывающая компания, была так им довольна, что решила задержать релиз альбома *«Paranoid»* до следующего января.

Мы собирали огромные толпы народу, и у нас появились группи. Самое веселое воспоминание о них связано с мотелем «Holiday Inn» где-то в Калифорнии. Патрик Мехен обычно бронировал нам самое дерьмовое жилье, и мы привыкли все вчетвером жить в одноместной комнате в каком-нибудь обшарпанном мотеле на окраине за пять баксов за ночь. А «Holiday Inn» был по нашим стандартам роскошным отелем: у меня в комнате были ванна, душ, телефон и телик. Там даже был водяной матрас – такие тогда были на пике моды. Вообще, мне они нравились – это как заснуть на покрышке, плавающей посреди океана.

Так вот, мы заселились в «Holiday Inn», я только что поговорил с Тельмой по телефону, как вдруг в дверь стучат. Открываю, а там

стоит красивая девушка в маленьком платьице. «Оззи? – говорит она. – Концерт был клевый. Мы можем поговорить?»

Она заходит, стягивает платье, туда-сюда, а потом сваливает еще до того, как я успеваю спросить, как ее зовут.

Через пять минут в дверь опять стучат. Думаю, она, наверное, что-то у меня забыла. Встаю, открываю дверь. А там уже другая девчонка.

«Оззи? – говорит она. – Концерт был клевый. Мы можем поговорить?»

Платье падает, мои штаны тоже, пять минут я езжу на ней, и моя волосатая задница ходит вверх-вниз, пока мы плаваем в открытом море на водяной кровати, а потом: «Приятно познакомиться» – «Чао», – и она уходит.

Эти мотели просто волшебны, думаю я. Потом в дверь опять стучат.

Угадайте, что было дальше.

Тем вечером я трахнул трех девчонок. *Трех*. Даже не выходя из номера. Честно говоря, на последнюю мне уже не хватало сил. Пришлось использовать резервные запасы энергии.

В конце концов я решил выяснить, откуда, черт возьми, все эти девчонки берутся. Поэтому пошел в бар, там никого. Спрашиваю у парня в вестибюле: «Где *все*?» А он: «Ваши британские товарищи? Поищите у бассейна». Поднимаюсь на лифте к бассейну на крыше, двери открываются, и я не могу поверить своим глазам. Там всё как в фильме *«Калигула»*: десятки самых красивых девушек, которых только можно себе представить, все совершенно голые, и всюду минеты и тройнички, и слева, и справа, и посередине. Я прикурил косяк, сел на кресло между двумя лесбиянками и запел «Боже, благослови Америку».

Но по всей стране нас преследовали не только готовые на всё поклонницы. Там было еще много психов – людей, которые серьезно воспринимали всю эту черную магию. Еще до того, как мы приехали в Америку, кто-то прислал нам видеозапись парада черной магии в Сан-Франциско, устроенного в нашу честь. Там был парень, похожий на Минга Беспощадного, который сидел в «Роллс-Ройсе» с откидным верхом, а вокруг него по улице шли и танцевали полуголые девицы. Парня звали Антон Ла-Вей, и он был верховным жрецом «Церкви Сатаны» или какой-то такой же херни и автором книги под названием *«Сатанинская библия»*.

Мы тогда подумали, что это вообще за дрянь?

У меня есть теория о тех людях, которые посвящают свою жизнь такому дерьму: они занимаются этим только потому, что это оправдывает сексуальные оргии.

Что, как мне кажется, является весомым доводом.

Но мы не хотели иметь с этим ничего общего. Многие люди были напуганы убийством Шэрон Тейт, а мы не хотели казаться членами «семейки» Чарльза Мэнсона. Всего несколько месяцев назад мы играли в «Henry's Blues House» перед несколькими десятками зрителей, а теперь выступаем на «Форуме» в Лос-Анджелесе перед аудиторией в двадцать тысяч человек. Нам нравилась наша популярность в США, и мы не хотели облажаться.

Кстати, однажды вечером мы столкнулись с членами «Семьи Мэнсонов» в заведении «Whiskey A Go Go» на бульваре Сансет в Лос-Анджелесе. Это были очень странные люди – словно не от мира сего, если вы меня понимаете. На другой волне, не на той, что весь остальной мир. У меня от них аж мурашки по коже бегали. Забавно, что до того, как стать психом, Мэнсон был важной фигурой на музыкальной сцене Лос-Анджелеса. Если бы он не сел в тюрьму, то мы, вероятно, тусовались бы с ним в одних и тех же местах. Мне башню снесло, когда я узнал, что Мэнсон дружил с Деннисом Уилсоном из Beach Boys. Beach Boys даже исполняли кавер на его песню «Never Learn Not to Love». Но, насколько я знаю, Мэнсон и его дружки настолько запугали Денниса, что ему пришлось сбежать из собственного дома. Однажды он просто проснулся и свалил на хрен. Но вскоре Мэнсон прислал Уилсону пулю туда, где он поселился. Парень, наверное, кирпичей в штаны наложил.

В те времена происходило много диких вещей. В 1970 году в Лос-Анджелесе царило безумие. Слава хиппи была еще очень сильна. Везде в городе можно было увидеть людей с длинными волосами и без обуви, сидящих на углах улиц, курящих траву и бренчащих на гитарах. Местные, наверное, *нас* тоже считали сумасшедшими. Помню, как зашел в один магазин с алкоголем на бульваре Сансет и попросил двадцать сигарет. Женщина за прилавком сказала: «Для чего тебе двадцать педиков? Убирайся отсюда, чертов извращенец!»

Видимо, она подумала, что я какой-то сексоголик. Конечно, мы тогда понятия не имели, что слово «fag» не означает в Америке «сигарету».

Как бы мы ни старались их избегать, сатанисты всё время были занозой в нашей заднице. Примерно через год после нашего первого турне, когда мы давали концерт в Мемфисе и на сцену

выбежал парень в черном плаще. При нормальных обстоятельствах, если поклонник залезал на сцену, я клал руку ему на плечо, и мы вместе трясли хайрами. Но этот парень был похож на одного из сатанинских психов, так что я велел ему проваливать и толкнул в сторону Тони. И тут, прежде чем я понял, что происходит, один из наших роуди выбежал на сцену с железной трубой и вломил этому парню прямо по морде. Я глазам своим не поверил. «Какого хрена ты делаешь, чувак? – крикнул я. – Нельзя же так!»

А роуди повернулся ко мне:

– Нет, можно. *Смотри, бля*.

Сатанинский парень лежал на сцене в распахнутом плаще, а в правой руке у него был зажат кинжал.

Я чуть не упал спиной в яму с комбами, настолько испугался. Если бы не роуди, то Тони, возможно, уже не было бы в живых.

К тому времени, когда мы вечером отправились обратно в мотель, нам уже хватило потрясений. Но ублюдки узнали, где мы живем. На парковке у мотеля собрались парни в черных плащах и капюшонах и что-то пели. Мы слишком умотались, чтобы разбираться еще и с ними, так что просто проигнорировали их и отправились к себе в номера. Через несколько секунд один из роуди начинает что-то бормотать и кричать – оказалось, кто-то нарисовал кровью перевернутый крест у него на двери.

Не могу сказать, что мы *испугались*. Но после случая с парнем на сцене всё это дерьмо нам надоело. И мы вызвали полицию. Конечно, копам это показалось невероятно смешным.

Они никак не отваливали, эти сатанисты. Утром я выходил из своего номера, а они сидели в кружочке прямо на ковре у моей двери, в черных плащах с капюшонами, при свете свечей. В конце концов с меня хватило. И как-то утром, вместо того, чтобы просто пройти мимо, я подошел к ним, сел, глубоко вдохнул, задул свечи и запел «Happy Birthday».

Поверьте, они не слишом-то обрадовались.

После первого американского турне мы гастролировали два года подряд. С 1970 по 1972 год мы пересекли Атлантику шесть раз. Мы столько времени провели в воздухе, что уже называли по имени всех бортпроводников компании «Пан Американ». И, хотя мы всё время были уставшие и больные из-за смены часовых поясов, бухла и наркотиков, было чертовски круто. Чего мы только не видели, не делали и с кем мы только не перезнакомились.

Даже побывали на концерте Элвиса.

Дело было в зале «Форум» в Лос-Анджелесе. Наши места были так далеко на галерке, что, казалось, мы дольше будем добираться туда, чем Король будет петь. Оттуда он казался размером с муравья, и меня возмущало, что его группа играла целую вечность перед тем, как он появился. Затем он выдал пару хитов и снова исчез. Мы сидели и думали: «И это что, всё?» Потом раздался голос по громкоговорителю: «Дамы и господа! Элвис покинул здание».

«Ленивый жирный ублюдок», – сказал я, забыв, где нахожусь.

На этом концерте мы многое поняли. Я впервые увидел настолько профессиональную продажу товаров с символикой на концертной площадке. Там продавались подставки для стаканов с Элвисом, крышки для унитазов с Элвисом, чайные сервизы с Элвисом, куклы-Элвисы, часы с Элвисом и комбинезоны с Элвисом. На *всём*, что только можно себе представить, выводили имя Элвиса и втюхивали вместе с Элвисом-колой и Эвисом- хот-догом. А фанаты были счастливы всё это купить.

Наверное, он был самым богатым парнем на планете.

Очень скоро мы увлеклись наркотиками потяжелее. Тогда в Бирмингеме нельзя было достать кокаин, так что я ни разу не пробовал его до концерта с группой Mountain в Денвере в начале 1971 года. Гитариста и вокалиста Mountain звали Лесли Уэст, и это он впервые угостил меня старой доброй вафельной пылью. До этого мы так называли смесь амфетамина и экстази, потому что с ней можно не спать всю ночь и нести всякую херню, – но Лесли до сих пор настаивает, что я начал принимать кокс задолго до того. На самом деле, это не так. Поэтому я давно сказал ему: «Слушай, Лесли, когда ты родом из Астона и начинаешь роман с кокаином, то точно *помнишь*, где всё началось. Это как первый раз трахаться!»

После концерта мы сидели в отеле, и Лесли раскатал дорожку: «Хочешь немного?»

Сначала я ответил:

– Эй, черт возьми, чувак, *ни за что*.

Но он всё повторял:

– Да ладно, немножко, всё будет ништяк.

На самом деле ему не пришлось долго меня уговаривать. И вот, шмыг-шмыг, *а-а-а*.

Я влюбился в ту же секунду. Так было с каждым попробованным мной наркотиком: в первый раз я понимал, что хочу испытывать то же самое всю оставшуюся жизнь. Но так не получается. Можно

пробовать сколько угодно раз, но, поверьте, того самого первого кайфа уже не достичь никогда.

После этого мир стал довольно размытым.

Каждый день я курил травку, бухал, несколько раз нюхал кокс, гонял на «спидах», барбитуратах, сиропе от кашля или кислоте. Я почти никогда не знал, какой сейчас день. Но однажды мы снова вернулись в «Island Studios» в Ноттинг-Хилле, чтобы записать свой третий альбом *«Master of Reality»*, и снова под руководством Роджера Бейна.

Я не многое об этом помню, кроме того, что Тони перестроил себе гитару, чтобы на ней было легче играть, Гизер написал песню «Sweet Leaf» о траве, которую мы курили, а «Children of the Grave» – самая крутая песня, которую мы когда-либо записывали. Как обычно, критики смешали ее с дерьмом, зато один из них назвал нас «оркестром с *«Титаника»* накануне Армагеддона», и мне такое сравнение пришлось по душе. И, видимо, музыкальная пресса плевать хотела на мнение покупателей пластинок, потому что альбом *«Master of Reality»* стал очередным хитом-монстром и вышел на пятое место в чартах Британии и на восьмое в Америке.

Но мы так и не успели насладиться успехом. А я, к сожалению, не успел в полной мере насладиться прелестями семейной жизни. На самом деле, я понял, что жениться по молодому делу – не лучшая идея. Всякий раз, когда я оказывался дома, то испытывал такое безумное беспокойное чувство, будто теряю рассудок. Единственное, что я мог сделать, чтобы справиться с этим, – бухать изо всех сил.

Жить дома было трудно еще потому, что сын Тельмы жил с нами. Его звали Эллиот, и ему было четыре или пять лет. Вообще-то я его усыновил. Он был хорошим парнем, но почему-то мы никогда не ладили. Знаете, некоторые люди просто не могут найти с детьми общий язык. Так и я с Эллиотом. Всё время, пока был дома, я либо кричал на него, либо отвешивал оплеухи. Хотя он и не всегда давал для этого повод. Я жалею, что не обращался с парнем получше, потому что еще до моего появления ему пришлось нелегко: отец свалил, и Эллиот никогда его не видел. Когда он стал постарше, то рассказал мне, что как-то видел отца в пабе, но не смог себя заставить с ним поговорить. И это очень печально, правда.

Да, я едва ли мог стать хорошей заменой. И вероятно, меня не оправдывает то, что я чрезмерно пил, и из-за этого у меня

постоянно менялось настроение, а мое эго постоянно выходило из-под контроля. По правде говоря, я был ужасным отчимом.

И если бы я любил Тельму, то не обращался бы с ней так, как обращался. Если я о чем-то в жизни и жалею, то об этом в том числе. Много лет я жил как женатый холостяк, тайком трахал других девчонок и так надирался в пабе, что засыпал прямо в машине на улице. Я превратил жизнь этой женщины в ад. Мне не стоило жениться на ней. Тельма этого не заслужила: она не была плохим человеком и не была плохой женой. Зато я был полным упырем.

Ровно через девять месяцев после того, как мы поженились, Тельма забеременела. В то время мы еще так и не видели денег ни с продаж пластинок, ни с гастролей, но мы знали, что у группы дела идут хорошо, и думали, что скоро Патрик Мехен вышлет нам чек с гонораром, на который можно купить Букингемский дворец. В то же время договоренность была в силе: если я что-то захочу, то просто звоню по телефону. Вот тут-то Тельма и предложила начать искать дом. Мы же не можем жить в маленькой квартирке с кричащим младенцем, так почему бы не переехать в нормальный дом? В конце концов, мы можем себе это позволить.

Я был только за.

«Давай переедем за город», – сказал я, представляя себя в твидовом костюме и зеленых резиновых сапогах, на «Рендж Ровере» и с дробовиком.

Следующие несколько месяцев, как только я возвращался домой с гастролей на несколько дней, мы садились в новенький зеленый «Триумф Геральд» с откидным верхом – я купил его Тельме, потому что сам не умел водить, – и ездили смотреть дома за городом. Наконец мы нашли тот, который понравился нам обоим: коттедж Булраш в Рантоне в Стаффордшире. За этот дом просили двадцать штук с лишним, но цена показалась достаточно разумной. Там было четыре спальни, сауна, помещение для маленькой студии и, что лучше всего – там был большой участок земли. Но мы продолжали смотреть дома, просто на всякий случай. Пока в один прекрасный день, когда мы были в чайной в Ившеме в Вустере, не решили, что посмотрели достаточно: остановимся на Булраше. Мне казалось, что я наконец-то стал взрослым. Как только мы начали предвкушать свою новую жизнь за городом, Тельма вдруг сказала: «Ч-ч-ч! Слышишь?»

– Что, – спросил я.

– Что-то капает.

– Что кап… – И тут я тоже это услышал.

Кап, кап, кап.

Я посмотрел вниз и увидел у Тельмы под стулом большую лужу. Что-то капало у нее из-под платья. Одна из дам, сидящих в чайной, начала причитать о том, что на полу грязно.

– О Боже мой, – сказала Тельма. – У меня воды отошли…

– Что это значит? – спросил я. – Ты описалась?

– Нет, Джон, *у меня воды отошл*и.

– Ну и че?

– *Я рожаю!*

Я так подскочил, что из-под меня выпал стул. Потом всё тело сковал ужас. Я не мог думать. Сердце стучало, как барабан. Первое, что пришло мне в голову: *я недостаточно пьян*. Бутылка коньяка, которая была в машине, уже кончилась. Я думал, что Тельма будет рожать в больнице. Не знал, что это может взять и *произойти* – посреди гребаной чайной!

– Здесь есть врач? – крикнул я, отчаянно оглядывая зал. – Нам нужен врач. Помогите! Нам нужен врач!

– Джон, – шикнула на меня Тельма. – Тебе нужно просто отвезти меня в больницу. Нам не нужен врач.

– *Нам нужен врач!*

– Нет, не нужен.

– Нет, нужен, – ныл я. – Мне плохо.

– Джон, – сказала Тельма, – тебе нужно отвезти меня в больницу. *Сейчас же*.

– У меня нет водительских прав.

– С каких это пор тебе есть дело до закона?

– Я пьян…

– Ты пьян с 1967 года! Давай, Джон. Быстрей.

Я встал, оплатил счет и отвел Тельму на улицу в «Геральд». У моих родителей никогда не было машины, а я считал, что никогда не смогу себе ее купить, так что управлением транспорного средства даже не интересовался. Я знал только основы: например, как настроить радио и опустить стекло.

Но передачи? Тормоз? Сцепление? Не-а.

Машина минут двадцать дергалась вперед-назад, как обдолбанный кенгуру, прежде чем я смог сдвинуть ее с места. Не в ту сторону. Наконец я нашел первую передачу.

– Джон, надо нажать ногой на педаль, – простонала Тельма в

перерыве между схватками.

– У меня нога дрожит, – ответил я ей. – Я не попадаю на педаль.

Руки у меня тоже тряслись. Я боялся, что наш ребенок выскочит из Тельмы и попадет на приборную панель, а оттуда его может сдуть, потому что верх опущен. Я представлял себе заголовок: «МАЛЫШ РОКЕРА ПОГИБАЕТ В ИДИОТСКОЙ АВАРИИ НА ТРАССЕ».

– Серьезно, Джон. *А-а-а-а-а!* Быстрее. *А-а-а-а-а!* У меня схватки!

– Машина не едет быстрее!

– Ты едешь со скоростью *пятнадцать* километров в час.

Примерно через тысячу лет мы приехали в больницу Квин Элизабет в Эджбастоне. Оставалось только остановить машину. Но каждый раз, когда я нажимал на среднюю педаль, она просто дергалась вверх и вниз и издавала жуткий скрежет. Каким-то чудом я не врезался в карету «Скорой помощи», но всё-таки смог остановить машину и помочь Тельме вылезти – а это было не так просто, потому что кричала она без продыху. С каким же облегчением я проводил ее в родильное отделение!

Через несколько часов, в 23.20, родилась маленькая Джессика Осборн. Вот так я впервые стал отцом. Это было 20 января 1972 года. На дворе стоял холодный, ясный зимний вечер. В окно больницы была видна гроздь созвездий по всему небу.

– Какое второе имя мы ей дадим? – спросила Тельма, прижимая Джессику к груди.

– Старшайн[18], – ответил я.

5. Как я убил пастора (в Доме ужасов)

К лету 1972 года – через полгода после рождения Джесс – мы вернулись в Америку. На этот раз записывать новый альбом, который решили назвать *«Snowblind»* в честь нашей новой любви – кокаина. К этому времени я вбивал по ноздре столько порошка, что приходилось выкуривать не меньше пакета травы в день, дабы избежать разрыва сердца.

Мы остановились в доме номер 773 на Страделла-роуд в Бель-Эйре, арендованном особняке 1930-х годов со свитой горничных и садовников. Дом принадлежал семье Дюпон, в нем было шесть спален, семь ванных комнат, кинотеатр (в котором мы писали песни и репетировали), а позади дома находился стоявший на сваях бассейн, из которого открывался вид на леса и горы. За все время мы ни разу не выходили из дома. Выпивку, наркотики, еду, девчонок — *всё* доставляли прямо туда. В хороший день в каждой комнате было по миске белого порошка и по ящику бухла, а всюду тусовались какие-то приблудные рокеры и девушки в бикини – в спальнях, на диванах, на улице на шезлонгах – и все угашенные, как и мы.

Осмыслить количество кокса, принятое в этом доме, практически невозможно. Мы обнаружили, что под порошком каждая мысль, каждое слово, каждое предложение становилось самым сказочным и удачным в твоей жизни. В какой-то момент мы принимали столько этой дряни, что пришлось доставлять ее два раза в день. Не спрашивайте меня, кто всё это доставал. Единственное, что я помню – какой-то мутный парень, с которым мы говорили по телефону. Мутный не в прямом смысле слова: у него была идеальная стрижка и акцент человека, учившегося в университете Лиги плюща, белые рубашки и элегантные брюки.

Однажды я спросил этого парня: «Чем ты, черт возьми, вообще *занимаешься*, мужик?»

Он засмеялся и нервно поправил свои модные солнечные очки.

На самом деле, мне было всё равно, пока у нас был кокс.

Мое любимое занятие под кайфом – всю ночь не спать и смотреть американское телевидение. В то время единственное, что показывали после нормальных передач, которые кончались в полночь, – это передача о продаже подержанных машин на Лонг-Бич, которую вел парень по имени Кэл Уортингтон. Его главная фишка состояла в том, что он всегда появлялся в эфире со своим

псом Спотом, но пес не всегда был псом. Это был аллигатор на поводке или еще какая-нибудь безумная херня. Кэл постоянно говорил: «Если я не найду вам сделку получше, то отвечу за это!» – и дальше он вытворял всякие трюки. Например, его привязывали к крылу самолета, который выполнял «мертвую петлю». После того, как ты несколько часов занюхивал кокс и смотрел это дерьмо, было полное ощущение, будто сходишь с ума. А старина Кэл по-прежнему продолжает этим заниматься. Ему, наверное, уже тысяча лет.

Мы валяли дурака в доме номер 773 на Страделла-роуд так, что удивительно, как вообще что-то сочинили. Одним коксом мы там не ограничивались. С пивом тоже был полный порядок. Я привозил множество «бочонков для вечеринок» лучшего горького из местной пивной. В одном бочонке было 2,5 литра пива, а в чемодан влезало шесть таких бочат. Всё равно, что в Ньюкасл ехать со своим углем, но мы очень скучали по английскому пиву. Сидели у бассейна на солнышке в 32-градусную жару, под коксом, пили выдохшееся бирмингемское пойло и любовались видом на Бель-Эйр.

Но потом нам пришлось немного успокоиться, потому что на несколько дней приехала Тельма – без малышки. Правда, наше примерное поведение продлилось недолго. В ту же секунду, как Тельма отправилась в аэропорт, чтобы вернуться в Англию, мы снова превратились в животных. И это не преувеличение. Например, во время творческого процесса, ходить в туалет было настолько лень, что все просто выходили на маленький балкончик и ссали прямо на улицу через низкие перила. В один прекрасный день Тони взял баллончик с синей краской, спрятался за перилами, и когда Билл стал писать, распылил содержимое ему на член. Нужно было слышать эти вопли, чувак! Как же это было забавно. Но через две секунды у Билла случился обморок, он упал с балкона головой вниз и покатился с холма.

Я спросил у Тони, что это за баллон.

Надпись на нем меня немного озадачила: «ВНИМАНИЕ! ИЗБЕГАТЬ ПОПАДАНИЯ НА КОЖУ. ВЫЗЫВАЕТ СЫПЬ, ВОЛДЫРИ, СУДОРОГИ, РВОТУ И/ИЛИ ПОТЕРЮ СОЗНАНИЯ. ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ЛЮБОГО ИЗ ЭТИХ СИМПТОМОВ, НЕМЕДЛЕННО ОБРАТИТЕСЬ К ВРАЧУ».

«А, ну с ним всё будет в порядке», – сказал я.

К счастью, я оказался прав.

Ну, разве что Билл какое-то время походил с синим хреном.

Несмотря на всю эту катавасию, с точки зрения музыки несколько недель в Бель-Эйре оказались для нас самыми продуктивными. Что до меня, то я считаю, что *«Snowblind»* – один из лучших альбомов Black Sabbath, но звукозаписывающая компания не дала нам оставить название. Кокаин в то время был очень серьезной проблемой, а они не хотели скандалов. Ну, не спорить же из-за этого.

Поэтому, записав новые песни на студии «Record Plant» в Голливуде, от *«Snowblind»* пришлось отказаться, и альбом вышел под названием *«Vol. 4»*. Зато нам удалось оставить наглые отсылки к кокаину во вкладыше в конверт пластинки. Если присмотреться внимательно, то там можно найти благодарность «великой лос-анджелесской компании «КОКС-Кола».

И это правда – альбом *многим* обязан кокаину.

Когда я слушаю песни вроде «Supernaut», то почти чувствую его вкус. Весь альбом звучит так, будто ты ушами втянул пару дорожек. Фрэнк Заппа как-то сказал мне, что «Supernaut» – одна из его любимых рок-н-ролльных песен всех времен, потому что в ней чувствуется адреналин. Мы словно парили в космосе. К этому времени прошло уже два года с тех пор, когда нашим величайшим достижением была фраза «А вот в Карлайле вы дали огня!». Теперь у нас было больше денег, чем у Queen, – во всяком случае, мы так думали. Было три хита в чартах, поклонники по всему миру и столько бухла, наркотиков и девчонок, сколько мы только могли пожелать.

Мы были не на седьмом небе. На восьмом и выше.

Но мы по-прежнему были преданы своей музыке. В первую очередь, мы создавали ее для себя, а потом уже для всех остальных. Если другим тоже понравится – отлично, это приятный бонус. Именно так у нас получались песни вроде «Changes», которые не похожи ни на что, сочиненное до этого. Когда люди слышат о группе Black Sabbath, то сразу думают только о тяжелом саунде. Но для нас это было нечто большее – особенно когда мы начали уходить от черной магии и прочего дерьма. «Changes» появилась так: Тони сел за пианино и придумал красивый рифф, я напел мелодию, а Гизер написал душераздирающий текст о разрыве, который Билл тогда переживал со своей женой. Я считаю эту песню блестящей с тех самых пор, как мы впервые ее записали.

Я слушал ее снова и снова. И до сих пор слушаю: если она заиграет у меня в iPod, я до конца дня буду сводить всех с ума,

напевая её.

Однажды нам стало интересно, откуда берется весь кокс. Мы знали только, что он приезжает в картонных коробках в фургонах без номерных знаков. В каждой коробке было около тридцати капсул – десять по горизонтали, три по вертикали, – и каждая закручена крышкой с восковой печатью.

И этот кокс был самый белый, чистый и забористый, какой только можно себе представить.

Одна дорожка – и ты чувствуешь себя королем вселенной.

Мы любили пылесосить носом эти дорожки. Но отдавали себе отчет, что все станет очень серьезно, если нас поймают хотя бы с одной такой поставкой. Особенно в Америке. А мне не очень-то нравилась идея всю оставшуюся жизнь провести раком в тюрьме Лос-Анджелеса с членом какого-нибудь стокилограммового участника уличной банды в заднице. Паранойя усиливалась еще из-за того, что мы постоянно были под кайфом, и через некоторое время я убедил себя, что наш дилер из Лиги плюща на самом деле из ФБР, или из полиции, или из гребаного ЦРУ.

Как-то вечером мы с парнями пошли в кино в посмотреть *«Французского связного»*. Это была большая ошибка. Фильм основан на реальных событиях, он о двух нью-йоркских копах под прикрытием, которые расследуют дело о международной цепочке героиновых дилеров. Когда пошли титры, я уже задыхался от страха.

«Кому, черт побери, придет в голову привозить кокс в капсулах с восковой печатью?» – спросил я Билла.

Он только пожал плечами.

Потом мы пошли в сортир разогнать пару дорожек.

Несколько дней спустя я лежал у бассейна, смолил косяк и пил пиво, пытаясь замедлить сердцебиение, когда наш мутный парень подошел и сел рядом со мной. Было утро, и в одной руке у него была чашка кофе, а в другой газета *«Уолл-стрит джорнал»*.

Накануне я вообще не ложился спать.

Вот он – мой шанс прощупать этого парня и вывести его на чистую воду. Я наклонился и спросил: «Ты смотрел фильм *«Французский связной»*?»

Парень улыбнулся и покачал головой.

– О, – сказал я. – Знаешь, стоит посмотреть. Он очень интересный.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся он. – Но зачем смотреть фильм, если в реальной жизни бывает и покруче?

Как только я услышал эти слова, меня пробил холодный пот. Ответ

не предвещал ничего хорошего. Я так и знал.

– Послушай, дружище, – сказал я, – На кого ты работаешь?

Он отложил газету и отхлебнул кофе.

– На правительство Соединенных Штатов.

Я чуть не спрыгнул с шезлонга и не драпанул в кусты. Но у меня кружилась голова, а ноги не слушались с прошлого вечера. Вот и всё, теперь нам всем кранты.

– Господи Боже, чувак, *расслабься*, – сказал парень, увидев выражение моего лица. – Я не из ФБР. Тебя не арестуют. Мы все здесь друзья. Я работаю в управлении по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов.

– *Что-что?*

– FDA.

– Ты хочешь сказать, что кокс… приезжает из…

– Думай об этом как о подарке от Санта-Клауса, Оззи. Ты ведь знаешь, что говорят о Санта-Клаусе?

– Нет, а что?

– Он из страны, где очень много снега.

Потом парень посмотрел на часы и сообщил, что ему пора на встречу, допил кофе, похлопал меня по спине и свалил. Больше я об этом не думал, а вернулся в дом нюхнуть кокса и сделать пару затяжек из бонга. Сижу я на диване, а передо мной выстроились в ряд опечатанные контейнеры с порошком, рядом с ними большая миска с травой, и я раскатываю первую дорожку за день. Но потом меня снова бросает в пот – ужасный колючий пот, как и в прошлый раз. Черт подери, паранойя сегодня шалит. В этот момент в комнату заходит Билл с пивом в руке и говорит: «Оззи, здесь жарко, как в печи. Почему бы тебе не включить кондей?» – а потом высовывает голову из двери патио, чтобы впервые за несколько дней подставить лицо солнцу.

Какой кондей, если мы дома? Ах, да – кондиционер. Я всё время забывал, что в американских домах больше современных удобств, чем в Британии, и только недавно привык к тому, что сортир находится в доме, не говоря уже об автоматическом климат-контроле. Я встал и начал искать термостат. Должно быть, он где-то здесь на стене. И через несколько минут – *бинго!* – я нашел его в уголке у входной двери. Убавил температуру и вернулся к коксу и траве.

Магия.

Но как только я втянул первую дорожку, откуда-то начали

доноситься странные звуки.

Это что…

Не-а.

Черт, звучит, как…

Вдруг Билл бросился в открытую дверь патио с диким выражением лица. В этот же момент я услышал, как на другом конце дома хлопают двери, и звук, как будто три больших парня сверзились с лестницы. Затем Тони, Гизер и один из наших помощников – американец по имени Фрэнк – задыхаясь, вбежали в комнату. Все, кроме Фрэнка, были наполовину одеты, а он был в нижнем белье.

Мы смотрели друг на друга.

Потом одновременно закричали: «*Сирены!*»

* * *

Вой был такой, будто вся гребаная полиция Лос-Анджелеса подъезжала к нашему дому. Нас арестуют! Черт! Черт! *Черт!*

– ПРЯЧЬТЕ КОКС! ПРЯЧЬТЕ КОКС! – заорал я.

Фрэнк рванулся к кофейному столику, схватил КАПСУЛЫ с коксом и забегал кругами, волосы у него стояли дыбом, во рту была сигарета, а трусы врезались в задницу.

Потом я вспомнил еще кое-что.

– ПРЯЧЬТЕ ТРАВУ! ПРЯЧЬТЕ ТРАВУ!

Фрэнк снова нырнул к журнальному столику и схватил миску с травой, но из-за этого уронил кокс. Так что в итоге он принялся судорожно ползать по полу, пытаясь всё собрать и удержать в руках. Я же тем временем не мог даже пошевелиться. Еще до того, как загудели сирены, сердце у меня застучало в три раза быстрее, чем нужно. Теперь оно колотилось так быстро, что я решил, будто оно вырвется из грудной клетки.

Б-б-б-б-б-б-б-б-в-б-б-бум!

Б-б-б-б-б-б-б-б-в-б-б-бум!

Б-б-б-б-б-б-б-б-в-б-б-бум!

К тому времени, как я пришел в себя, Билл, Гизер и Тони уже испарились. Остались только мы с Фрэнком и кокс, которого было достаточно, чтобы боливийская армия дошагала до Луны и обратно.

– Фрэнк! *Фрэнк!* – закричал я. – Туда. В сортир. Быстрей!

Каким-то образом Фрэнк все-таки сумел дотащить наркотики до

сортира, находящегося недалеко от входной двери. Мы нырнули туда и заперлись.

Звук сирен стал просто оглушительным.

Потом я услышал визг тормозов полицейских машин у дома. Потом треск громкоговорителей. И стук в дверь.

БАМ! БАМ! БАМ!

– Открывайте! – крикнул один коп. – Живо открыть двери!

Мы с Фрэнком стояли на коленях на полу. В панике мы попытались сначала избавиться от травы, смывая ее в раковину и в толчок. Это была большая ошибка. Они тут же засорились, и в них стояло месиво из коричневой воды с комками. Потом мы попытались протолкнуть траву по колену ершиком для унитаза. Но без результата – трубы забились намертво.

А нам нужно было избавиться еще и от кокса.

– Выход один, – сказал я Фрэнку. – Придется снюхать весь кокс.

– Ты что, черт побери, совсем не в своем уме? – ответил он. – Ты же окочуришься!

– Ты был в тюрьме, Фрэнк? – спросил я. – Я был, и я тебе отвечаю, что больше туда не вернусь.

Я начал разбивать контейнеры и раскладывать кокс на полу. Потом встал на четвереньки, опустил нос и принялся втягивать порошок, стараясь прихватить как можно больше.

БАМ! БАМ! БАМ!

– Откройте дверь! *Мы знаем, что вы там!*

Фрэнк смотрел на меня, как на сумасшедшего.

– В любую секунду, – сказал я ему, когда у меня уже покраснело лицо, в ногах кололо, а в глазах появился тик, – они сломают эту дверь, и нам хана.

– Ох, чувак, – сказал Фрэнк, тоже становясь на четвереньки. – Поверить не могу, что я это делаю.

Кажется, мы снюхали по шесть или семь граммов, а потом я услышал топот за дверью.

– ТС – С-С! *Слушай*, – сказал я.

И снова этот звук: *mon-mon-mon-mon*... Похоже на шаги...

Потом я услышал, как открылась входная дверь, и женский голос. Женщина говорила по-испански. Горничная! Горничная впустила копов. *Черт!* Я открыл еще один флакон и снова опустил нос на пол.

Мужской голос сказал: «Доброе утро, мэм. Кто-то в этом доме нажал на кнопку экстренного вызова?»

Я перестал нюхать пол.

Кнопка экстренного вызова?

Горничная снова сказала что-то по-испански, мужчина ответил, потом я услышал шаги двух пар ног по коридору, и мужской голос стал громче. *Коп в доме!*

– Она обычно находится как раз рядом с термостатом, – сказал он. – Ага, вот – прямо на стене. Если нажать на эту кнопку, мэм, то сигнал приходит на полицейскую станцию Бель-Эйра, и мы отправляем нескольких офицеров убедиться, всё ли в порядке. Похоже, кто-то нажал ее случайно, когда регулировал термостат. Это случается чаще, чем вы думаете. Позвольте мне просто сбросить настройки системы – вот так, – и мы уедем. Если будут какие-то проблемы, просто позвоните нам. Вот наш номер. Или еще раз нажмите на кнопку. Наша линия работает круглосуточно.

– *Gracias*, – ответила горничная.

Я услышал, как закрылась входная дверь, а горничная пошла обратно на кухню. Я выпустил воздух из легких. Черт побери, мы были на волоске! Посмотрел на Фрэнка: у него на лице была маска из белого порошка и соплей, а из левой ноздри шла кровь.

– Ты хочешь сказать… – начал он.

– Ага, – кивнул я. – Кому-то придется научить Билла пользоваться этой гребаной штукой.

Постоянный страх ареста был не единственным недостатком кокса. Дошло до того, что почти всё, что я говорил, превратилось в коксовую чушь. Я мог по пятнадцать часов подряд затирать парням, как сильно их люблю, больше всех на свете. Даже у нас с Тони бывали вечера, когда мы не ложились спать по несколько часов, обнимались и говорили друг другу: «Нет, правда, я люблю тебя, чувак, я *правда* тебя люблю».

И это при том, что мы с ним *никогда* не разговаривали.

Потом я ложился спать, ждал, когда сердце перестанет биться со скоростью в восемь раз быстрее обычной, и проваливался в страшное забытье. Отходняки стали настолько тяжелыми, что я даже начал молиться. Я говорил: «Боже, пожалуйста, дай мне поспать, и обещаю, что больше никогда в жизни не притронусь к кокаину».

А потом просыпался с болью в челюсти от того, что вчера вечером наговорил слишком много ерунды.

И снова готовил дорожку.

Удивительно, как быстро мы подсели на кокс. Дошло до того, что мы вообще ничего не могли без него делать. Потом и с ним ничего

не могли. Когда я, наконец, понял, что травы недостаточно, чтобы успокоиться после кокса, то стал принимать валиум. Ну а потом постепенно пришел к героину. Слава богу, он мне не понравился. Гизер тоже попробовал. Ему героин чертовски понравился, но, к счастью у Гизера разума хватило. Он не хотел подсесть на эту дрянь. Фрэнку, нашему помощнику, не так повезло – в конце концов героин его погубил. Я уже много лет не получал от Фрэнка вестей, и, честно говоря, сильно удивлюсь, если он еще жив. Очень на это надеюсь, но, как правило, когда ты посел на героин – это КОНЕЦ.

Во время работы над альбомом *«Vol. 4»* иногда мы были в такое говно, что вообще ничего не соображали. У Билла такой момент наступил во время записи «Under the Sun». К тому времени, когда ему удалось хорошо записать партию ударных в песне, мы уже переименовали ее в «Everywhere Under the Fucking Sun». Потом бедный парень слег с гепатитом и чуть не умер. Гизер попал в больницу из-за проблем с печенью. Даже Тони выгорел. После окончания работы над альбомом мы выступали в «Hollywood Bowl». Тони нюхал кокс буквально днями напролет. Мы, конечно, тоже, но Тони явно перешел черту. Порошок меняет твое восприятие реальности. Ты начинаешь видеть то, чего нет. И Тони был совершенно *потерян*. Ближе к концу концерта он ушел со сцены и просто рухнул.

«Сильное истощение», – сказал врач.

Ну, назовем это так.

К тому же кокс подорвал мой голос, причем напрочь. Когда принимаешь кокаин в лошадиных дозах, он начинает осаждаться на задней стенке гортани, и ты начинаешь всё время отхаркиваться – как при насморке, только еще глубже и сильнее. А это доставляет много неудобств такой маленькой штучке, похожей на сосок, которая свисает сверху глубоко в горле, – надгортаннику, или «язычку», как я его называю. В любом случае, я принимал столько кокса, что отхаркивался каждые пару минут, пока наконец мой язычок не разорвался пополам. Я лежал в постели в отеле «Sunset Marquis» и вдруг почувствовал, как он отвалился. Это было ужасно. Потом эта чертова штука распухла до размеров мяча для гольфа. Мелькнула мысль: так вот как умирают.

Я пошел к врачу на бульваре Сансет. Он спросил: «На что жалуетесь, мистер Осборн?»

– Я проглотил свой язычок.

– Проглотили *что*?

– Язычок.

Я показал на горло.

– Давайте посмотрим, – сказал врач, взяв лопатку и маленький фонарик. – Откройте широко рот. Скажите «*а-а-а*».

Я открыл рот и закрыл глаза.

– Святая Богородица! – воскликнул он. – Господи Боже, как вы это сделали?

– Не знаю.

– Мистер Осборн, у вас надгортанник размером с небольшую лампочку и светит примерно так же ярко. Мне даже фонарь не нужен.

– Вы можете мне помочь?

– Думаю, да, – ответил врач, выписывая рецепт. – Но, что бы вы ни делали, *прекратите это делать*.

Но на этом наши проблемы со здоровьем не закончились. Когда пришло время возвращаться в Англию, все были в ужасе от того, что могли подхватить от поклонниц какую-нибудь инфекцию и заразить ей свою вторую половину. Мы всё время боялись подцепить в Америке какую-нибудь экзотическую херь.

Помню, однажды случилась особенно дикая ночь. Вдруг Тони выбежал из своего номера и закричал: «А-а-а! Мой член! Мой член!» Я спросил, что случилось, и он ответил, что возился с одной из группиз, посмотрел вниз, а из нее вытекает какой-то желтый гной. Тони решил, что умирает.

– А у гноя был забавный запах? – спросил я.

– Ага, – ответил он, побелев. – Меня чуть не вырвало.

– А…

– Что значит «а»?

– Это не та ли блондиночка? – спросил я. – С татуировкой?

– Ага. И?

– Это всё объясняет.

– Оззи, – сказал Тони, заметно раздражаясь. – Прекрати ходить вокруг да около, черт возьми, это серьезно. О чем ты говоришь?

– Послушай, я не врач. Но не думаю, что та желтая штука – гной.

– А *что* же это тогда?

– Вероятно, это банан, который я ей туда затолкал.

Кажется, Тони не знал, обрадоваться ему или начать еще больше волноваться.

Конечно, был один безотказный способ убедиться, что ты не принесешь никакого сраного подарка своей женушке, – укол

пенициллина. Я узнал это, когда однажды подхватил триппак. Но тогда мы не знали подходящих врачей, а значит, единственным способом получить «укол безопасности» было попасть в отделение скорой помощи ближайшей больницы.

Так мы и поступили после записи *«Vol. 4»*.

К тому времени мы уже уехали из Бель-Эйра – в каком-то небольшом городке, где мы давали несколько концертов, прежде чем полететь домой. Никогда не забуду эту сцену: я, Тони, Гизер и почти вся наша дорожная команда – не знаю, где тогда был Билл, – приперлись вечером в больницу. Никто не решался сказать симпатичной девушке у стойки регистрации, зачем мы явились, поэтому, как обычно, свалили все на меня: «Давай, Оззи, скажи ей, тебе же всё равно, ты же псих». Но даже мне не хватало духу сказать: «Ой, здрасьте, меня зовут Оззи Осборн, я уже пару месяцев трахаю поклонниц и боюсь, что у меня отвалится член, не могли бы вы быть так добры и вколоть мне пенициллин, чтобы моя женушка не подхватила что-нибудь, чем я мог заразиться?»

Но было слишком поздно разворачиваться и уходить.

Когда девушка спросила, что у меня случилось, я густо покраснел и выдал: «Вы знаете, я, кажется, сломал ребра».

– О'кей, – сказала она. – Вот талон. Видите этот номер? Его назовут, когда врач будет готов вас принять.

Потом была очередь Гизера.

– У меня то же самое, – сказал он, показывая на меня.

В конце концов врачи обо всем догадались. Не знаю, кто раскололся, но уж точно не я. Помню, как парень в белой форме подошел и спросил: «Ты с остальными?» Я кивнул. Он проводил меня в кабинет, где Тони, Гизер и еще полдюжины волосатых английских парней стояли раком в спущенных штанах, приготовив свои белоснежные задницы к уколу пенициллина.

– Вставай в очередь, – велел парень.

В сентябре мы вернулись в Англию.

К тому времени сделка с покупкой коттеджа Булраш уже состоялась, и Тельма с Эллиотом и малышкой переехали туда. Я всегда улыбался, когда ехал домой в коттедж Булраш, – в основном потому, что он находился на проселочной дороге под названием Батт-лейн[19].

– Добро пожаловать на Батт-лейн, – говорил я гостям. – В жопу Британии.

Не только мы с Тельмой и малышкой переехали в новый дом. Еще я переселил маму с папой в дом побольше. Как всегда, офис Патрика Мехена занимался финансовой стороной вопроса, но, когда землю за коттеджем Булраш выставили на продажу, мы купили ее на свои пречистые. Точнее, на деньги, за которые мы загнали «Роллс-Ройс», который Патрик дал Тони, а Тони отдал нам. Думаю, это был первый раз, когда я купил *что-то* за свои деньги. До сих пор не знаю, зачем мы это сделали. Может, потому, что всей бумажной работой занималась Тельма. Я заставил ее заниматься этим, потому что фермер, который продавал нам землю, был трансвеститом. Черт побери, приятель, впервые увидев этого парня, я решил, что у меня галлюцинации. У него была огромная кустистая борода, но он ездил на тракторе по Батт-лейн в платье и бигудях. Иногда можно было увидеть, как он стоит у обочины, задрав платье, и ссыт. И, самое забавное, никто на эту тему не переживал.

Тони и Гизер, когда вернулись, тоже купили себе по дому. Тони обзавелся домом в Актон Трасселле, по другую сторону трассы M6, а Гизер купил жилье где-то в Вустершире. Билл немного дольше искал свое рок-н-ролльное убежище и через какое-то время арендовал ферму Филдс недалеко от Ившема. Меньше чем за три года мы превратились из нищей уличной шпаны в миллионеров с загородными усадьбами. Это было невероятно.

Я *обожал* жить за городом.

Во-первых, у меня наконец-то было достаточно места, чтобы купить еще больше игрушек, за которые, конечно, платил офис Патрика Мехена. Например, у меня появилось двухметровое чучело медведя гризли. И цыганская кибитка с небольшим камином. И скворец по имени Фред, который жил в прачечной и злобно изображал стиральную машину. Пока я не приставил ему к голове ружье и не велел заткнуться к чертовой матери.

Должен сказать, что, когда мы переехали в коттедж Булраш, я обзвонился в офис Мехена. Я заказывал всё, о чем мог только мечтать в детстве. В результате весь сарай был забит электрическими машинками, музыкальными автоматами, настольным футболом, батутами, бильярдными столами, ружьями, арбалетами, катапультами, мечами, аркадными играми, солдатиками, игровыми автоматами… Я заказывал всё, что приходило в голову. Ружья были интереснее всего. Самой мощной штукой была «Бенелли», пятизарядная полуавтоматическая винтовка. Однажды я испробовал ее на чучеле медведя. У него

просто *взорвалась* голова – черт побери, это надо было видеть, приятель. Еще я развлекался тем, что брал манекены, привязывал их к дереву в саду и казнил на рассвете. Говорю же, бухло и наркотики творят с мозгом что-то ужасное, если принимать их достаточно долго и выйти из-под контроля. Я вышел.

Естественно, самым важным делом после переезда в деревню было наладить поставку наркотиков. Я позвонил одному из своих американских дилеров и договорился, что он будет отправлять мне кокаин воздушной почтой, а заплачу я ему в следующий раз, когда поеду на гастроли. Все получилось, но кончилось тем, что я весь день ждал почтальона, как пес – возвращения хозяина. А Тельма думала, что я покупаю грязные журналы или что-то в этом роде.

Потом я нашел местного дилера, который пообещал достать хороший мощный гашиш из Афганистана. И он не наврал. Когда я курил эту хрень в первый раз, мне чуть крышу не сорвало. Гашиш привозили в брикетах, похожих на черную смолу, и даже мне его хватало на несколько недель. Не было ничего приятнее, чем момент, когда кто-нибудь приходит в коттедж Булраш и говорит: «Трава? Нет, я не курю эту дрянь. От нее даже эффекта нет».

Стоило это сказать, и ты *мой*.

Первым, кто заявил, что у него иммунитет к траве, был наш местный продавец овощей и фруктов, Чарли Клапхэм. Он был добрым малым, и мы быстро подружились. Однажды вечером после паба я достал коробочку с афганским гашишем и сказал ему: «Попробуй».

– Не-а, на меня эта штука не действует.

– Давай, Чарли, попробуй, всего разок. Ради меня.

Он взял брикет у меня из рук и, прежде чем я успел хоть что-то сказать, откусил огромный ломоть. Чарли махнул, наверное, граммов пятнадцать. Потом рыгнул мне в лицо и сказал: «Уф, на вкус ужасно».

Через пять минут сказал: «Видишь? Ничего», – и пошел домой. Он отчалил примерно в час ночи, а к четырем утра бедолаге уже надо было быть за прилавком на рынке. Но я-то знал, что он вряд ли ударно поработает сегодня. Я не ошибся.

Когда мы увиделись через несколько дней, Чарли схватил меня за воротник и рявкнул: «Что это за *чертово* дерьмо ты мне тогда дал? Когда я приехал на рынок, у меня начались галлюцинации, и я не мог выбраться из фургона. Лежу в кузове на морковке с курткой на голове и ору, потому что решил, будто рядом высадились

марсиане!»

– Мне очень жаль, Чарли, – сказал я ему.

– Можно, я приду завтра вечером и возьму еще? – спросил он.

В коттедже Булраш я редко спал в своей постели. Каждый вечер надирался так, что не мог подняться по лестнице, так что спал в машине, в трейлере, под пианино в гостиной, в студии, в стоге сена. Зимой, если я засыпал на улице, то часто просыпался с посиневшим лицом и с сосулькой, висящей из носу. В те времена не было такой штуки, как гипотермия.

В этом доме всё время происходила какая-то безумная херня. Я был вечно пьян и играл с ружьями, так, что самому становилось не по себе. Отличное сочетание – бухло и ружья. А главное – чертовски небезопасное. Как-то раз я пытался перепрыгнуть через забор за домом с ружьем в руке, но забыл поставить его на предохранитель. Палец был на курке, и, когда я приземлился… *БАМ! БАМ! БАМ!* Ружье чуть не отстрелило мне ноги.

Чудо, что они еще целы.

Я тогда шмалял во всё, что движется. Помню, мы избавились от Тельминого «Триумф-Геральда» и поменяли его на новенький «Мерседес» – еще разок позвонив в офис Патрика Мехена. Машина постоянно была покрыта царапинами, и мы не могли понять почему. Ее перекрашивали, я ставил ее в гараж на ночь, но на следующее утро краска снова покрывалась свежими порезами и дырочками. Это стоило мне целого состояния. Вдруг однажды я понял, что происходит: у нас в гараже жило семейство бездомных кошек, и, когда было холодно, они забирались на капот «мерса», потому что он был теплый и уютный. Как-то, вернувшись после долгих посиделок в пабе «Hand & Cleaver», я взял ружье и разнес всё к чертям. В первый раз пристрелил двух или трех. Потом приходил каждый день и отстреливал одну за другой.

Но, знаете, я об этом жалею. Нельзя быть жестокими с животными. Можно было найти другой способ избавиться от кошек, но тогда я уже совсем слетел с катушек. Всё было так плохо, что люди стали называть мой дом Домом ужасов, а не коттеджем Булраш. Это название я сам придумал – случайно выдал однажды вечером, когда был пьян, но оно прижилось.

Люди, которые оставались у нас пожить, менялись до неузаваемости. Вот, например, мой старый приятель Джимми Филлипс, который играл на слайд-гитаре еще в «Polka Tulk». Как-то вечером в коттедже Булраш он так напился и обкурился афганским

гашишем, что насрал в раковину на кухне. Один мой школьный приятель из Бирмингема приезжал со своей новой женой. На следующий день после их приезда я проснулся с ужасной головной болью и обнаружил, что меня обнимает огромная волосатая лапища. Я решил, что мой приятель полез к Тельме, пока я спал, и выскочил из постели, чтобы проучить ублюдка. Но вдруг понял, что произошло: среди ночи я встал отлить и вернулся не в ту комнату. Расскажите мне после этого о неловких ситуациях. Я был совершенно голый, поэтому поднял с пола штаны, нырнул обратно под одеяло, натянул их и ушел, шатаясь, в свою комнату, причем никто не сказал ни слова.

С тех пор я их больше не видел.

Со временем жизнь становилась всё безумнее. В какой-то момент – даже не спрашивайте почему, – я начал постоянно ходить во врачебной одежде. Ее покупал мой помощник Дэвид Танджай. Мы ходили зигзагами туда-обратно по проселочным дорогам между пабами, ошалелые от бухла, травы, кислоты и прочего, – в зеленых американских медицинских халатах и со стетоскопами на шее.

Иногда в коттедж Булраш заезжали ребята из Led Zeppelin. Роберт Плант, кстати, жил недалеко, и я тоже бывал у него. Помню, однажды вечером у Планта – вскоре после того, как мы вернулись из Бель-Эйра, – я научил его играть в семикарточный покер. Это была большая ошибка, черт побери. Поняв правила, Роберт заявил, что хочет играть на деньги, – «просто чтобы научиться, понимаешь?» – а потом стал повышать ставки. Как только я начал думать, каким гребаным идиотом надо быть, чтобы так делать, как ему выпал флеш рояль, и мне пришлось отдать пятьдесят фунтов.

Роберт меня надул, наглый ублюдок.

Проведя несколько дней с Led Zeppelin, я обнаружил, что их барабанщик Джон Бонэм – такой же гребаный псих, и мы принялись демонстрировать друг другу свое мастерство. Со мной постоянно так, понимаете? Я всегда старался завоевать расположение людей своими безумствами, еще со времен школьной площадки на Берчфилд-роуд. Но за маской в основном скрывался старый грустный клоун. Думаю, Бонэм был таким же.

Он напивался до чертиков. Как-то раз его помощник Мэтью подвозил нас в клуб в Бирмингеме на моей машине. Но, когда пора было возвращаться домой, Бонэм был в такое говно, что решил, будто это *его* машина, запер двери изнутри и не пускал меня внутрь. В общем, я стоял на парковке и кричал: «Джон, это *моя* машина.

Открой дверь!»

– Иди на хер, – ответил он мне в окно, когда Мэтью завел мотор.

– Джон, ради всего…

– Я сказал, *пошел на хер*.

– НО ЭТО *МОЯ* МАШИНА!

Вдруг у Бонэма в голове что-то щелкнуло.

– Тогда тебе пора бы уже, наконец, в нее сесть, черт побери, – заорал он.

Несмотря на то, что все семидесятые годы я был пьян, единственное, чего мне хотелось больше всего, – получить водительские права. И, черт, возьми, приятель, я пытался. Пока я жил в коттедже Булраш, то сдавал экзамен больше раз, чем смог запомнить, и каждый раз проваливал. Мне просто было страшно, понимаете? После первой пары попыток я стал ходить в паб «Hand & Cleaver» перед экзаменом, чтобы снять стресс. Но чаще всего это заканчивалось тем, что, садясь в машину к экзаменатору, я уже был в говно, и рулил соответствующе. Решив, что, вероятно, дело в машине, я позвонил в офис Патрика Мехена и попросил прислать мне «Рендж-Ровер» вместо «мерса». Это не помогло, и я попросил «Ягуар». Это была модель «V12», поэтому каждый раз, нажимая на газ, в себя я приходил уже в заборе.

Затем я сдавал экзамен в «Роллс-Ройсе». Это тоже не помогло.

Наконец я пошел к врачу и попросил успокоительные таблетки. Мне выписали седативный препарат. На коробке было крупно написано «НЕ ПРИНИМАТЬ С АЛКОГОЛЕМ», а для меня это то же самое, что помахать красной тряпкой перед быком. В тот день мне удалось ограничиться всего тремя-четырьмя бутылками пива. К сожалению, из-за этого я скурил в два раза больше гаша. Хорошая новость была в том, что, когда я сел в машину к экзаменатору, мне впервые не было страшно. А плохая – в том, что, когда я остановился на светофоре, то просто вырубился.

После этого я перестал сдавать экзамен, но продолжил водить. Когда я кого-нибудь подвозил, меня спрашивали: «Ты уже получил права?» – и я отвечал: «Да, конечно».

И отчасти это правда. У меня были права на просмотр телевидения.

Но я не хотел слишком долго испытывать удачу, поэтому стал искать другие способы добираться, куда нужно.

В конце концов, я завел лошадь.

Вообще лошади меня пугают – ведь у них нет тормозов, и есть свой собственный мозг. Но мне ужасно надоело ездить в «Hand & Cleaver» на газонокосилке, поэтому я встретился с заводчицей и спросил: «Слушайте, можете достать мне какую-нибудь лошадь поленивее?»

Несколько дней спустя эта девчонка явилась в коттедж с белоснежным мерином – кастрированным конем – по кличке Терпин.

– Он очень медлительный, – сказала она. – И не доставит вам никаких неудобств. Единственное, что ему не нравится, – громкие шипящие звуки, как от пневматических тормозов у грузовика. Но в округе ведь ничего такого нет.

– О нет, – ответил я, смеясь. – Здесь в Рантоне очень тихо.

Один звонок в офис Патрика Мехена – и вот я уже гордый обладатель очень ленивой лошади. Я держал Терпина на ферме по соседству, потому что там был небольшой загон и человек, который кормил его и чистил стойло.

Конечно, как только я завел Терпина, то тут же возомнил себя Джоном Уэйном и стал ездить на нем туда-обратно по Батт-лейн в ковбойской шляпе и кожаной рубашке, которую купил в Лос-Анджелесе, напевая тему из сериала Rawhide. Спустя несколько дней я почувствовал себя в седле довольно комфортно и решил доехать до «Hand & Cleaver», чтобы похвастаться местным, а заодно зайти дозаправиться. Мы поехали по Батт-лейн – цок-цок-цок-цок. Тем летом в «Hand & Cleaver» на улицу выставили летние столики, и я знал, что в зрителях недостатка не будет. Не мог дождаться, когда увижу, как все рты пооткрывают при виде меня.

Поэтому и поехал – цок-цок-цок-цок. Через две минуты я уже прибыл на место.

Конечно же, все, кто сидел на летней веранде с кружками пива и свиными шкварками, заохали и заахали при виде прекрасного белого коня. Я потянул вожжи, чтобы остановить Терпина, и начал спешиваться. Но, как только я перекинул ногу через седло, показался грузовик с молоком. Сначала я его проигноривал – этот грузовик приезжал на Батт-лейн каждую неделю, – но потом мне в голову пришла мысль: надеюсь, у этой штуки не пневмати…

Т-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш! – прошипел грузовик.

В ту же секунду Терпин прижал уши и сорвался с места, как гребаный чемпион турнира Grand National. Сначала он рванул в

сторону грузовика. Я держался в седле на честном слове – одной ногой в стремени, а моя ковбойская шляпа болталась на шее на шнурке. Потом Терпин понял, что скачет не в ту сторону, развернулся и галопом поскакал обратно на ферму. Он промчался мимо «Hand & Cleaver» на такой гребаной скорости, что лица людей слились в одно размытое пятно. А я изо всех сил кричал: «Т-п-р-р-р-р-р-р! Ты, *ублюдок*! Т-п-р-р-р-р-р-р!» Наконец, эта скотина послушалась, но только когда добежала до своего загона. Там конь резко остановился, а я перелетел и через его голову, и через забор.

И приземлился в навоз.

После этого Терпин обзавелся новым хозяином.

Несколько дней спустя я убил викария. Или, по крайней мере, я так *думал*.

Это был несчастный случай.

Понимаете, в то время в деревне викарии ходили по домам. Им не нужна была причина, чтобы прийти к вам в гости. Слышишь стук в дверь, а там парень в сутане и своем собачьем ошейнике, желающий поговорить о погоде. И вот в один прекрасный день, когда я был в пабе, викарий пришел в коттедж Булраш, а Тельма пригласила его зайти на чашку чая. Проблема в том, что коттедж Булраш не был предназначен для развлечения викариев – там повсюду валялись пивные банки, ружья и бонги, – а Тельма понятия не имела, чем его угостить. Так что она порылась на кухне и нашла какой-то дикий пирог в старой жестяной банке. Так как ничего больше не было, жена отрезала ему кусочек, несмотря на то, что и на вид, и на вкус он напоминал дерьмо.

О чем Тельма совсем забыла, так это о том, что неделю назад местный дилер подогнал мне крепкого гаша. Он был какой-то черствый, так что курить его было нереально, но своих качеств он не утратил. Чтобы не разбрасываться добром, я перемешал гаш в миске со смесью для выпечки кексов и запек в духовке. Беда в том, что кусок гаша был просто огромный, а смеси для выпечки было всего полбанки, поэтому получившийся пирог на 80 % состоял из дури и на 20 % из теста. Меня чуть не вырвало, когда я его попробовал.

«Видишь эту банку? – сказал я Тельме. – *Никому* ее не давай ни под каким видом».

Наверное, она не услышала.

Всё, о чем Тельма в тот момент думала, это что у нее есть банка с черепом и костями на крышке, в которой какой-то кекс, а ей нужно

чем-то попотчевать викария.

Викарий как раз проглотил последний кусочек, когда я вернулся из паба. Увидев викария на диване, а перед ним блюдце и крошки вокруг, я понял, что дело плохо.

– Очень вкусный кекс. Большое спасибо, миссис Осборн, – сказал викарий. – Не могли бы вы дать мне еще кусочек?

– О, конечно! – ответила Тельма.

– Тельма, – говорю я, – у нас больше не осталось кекса.

– Да нет, еще осталось, он на кух...

– У НАС. БОЛЬШЕ. НЕТ. КЕКСА.

– О, я не хочу причинять неудобств, – сказал викарий, поднимаясь. Потом он вытер бровь носовым платком. А потом его лицо приобрело странный оттенок.

Я точно знал, что будет дальше. Видите ли, есть дурь – совсем не то, что ее курить, – она действует сразу на *всё тело*, а не только на голову. И малюсенького кусочка достаточно, чтобы перебрать.

– О *нет*, – сказал викарий. – Кажется, я чувствую себя немного...

БУМ!

– Черт! Викарий упал! – закричал я и бросился смотреть, дышит ли он. Затем повернулся к Тельме.

– Твою мать, чем ты думала? – орал я. – *Он же умрет!* Я говорил тебе не трогать этот кекс. Викарий только что съел порцию гашиша, которой можно вырубить гребаного слона!

– Откуда мне было знать, что с этим кексом что-то не так?

– Я же тебе говорил!

– Нет, не говорил.

– Он в банке, на которой череп и кости!

– Так что же нам делать? – спросила Тельма, побледнев.

– Нам придется унести тело, другого выхода нет, – сказал я. – Бери за ноги.

– И куда мы его понесем?

– Туда, где он живет.

Мы оттащили викария к его машине, положили на заднее сиденье, нашли в бардачке адрес, и я отвез его домой. Викарий был в отключке. Часть меня искренне считала, что он не жилец, но я почти весь день пил, поэтому не уверен, что я вообще тогда что-то думал. Всё, что я знал, – что для человека церкви, как и для любого другого, такая порция крепкого гаша могла оказаться смертельной. Но я убеждал себя, что викарий просто проснется в ужасном похмелье, и всё будет о'кей.

Когда я добрался до его дома, то вынес служителя церкви из машины и усадил на ступеньки у входной двери. Если бы я был умнее, то вытер бы отпечатки пальцев, но я так ужасно себя чувствовал из-за того, что произошло, и так отчаянно хотел верить, что с викарием всё будет в порядке, что, признаться честно, мне это даже в голову не пришло.

Всю ночь я не спал и ждал, когда услышу вой сирен. Было очевидно, что я буду первым, к кому постучат в дверь среди ночи, когда осмотрят тело викария. Кто еще в приходе мог угостить гостя смертельным кексом с гашишем? Но в ту ночь не было никаких сирен. И на следующий день тоже.

Проходили дни. И ничего.

Я сходил с ума от чувства вины. Как и Тельма.

Но я и близко не хотел подходить к дому викария – это могло выглядеть подозрительно, – так что каждый раз, когда ходил в «Hand & Cleaver», то старался всё незаметно разведать. «Никто не видел викария? – спрашивал я как бы мимоходом. – Хороший парень, да? Интересно, о чем он будет проповедовать в это воскресенье». Потом кто-то сказал, что викарий, наверное, заболел, потому что его не видели уже несколько дней, да и в церкви он не был.

Значит, все-таки убил. Я задумался, не сделать ли мне признание. «Это был несчастный случай, ваша честь, – представлял я свое обращение к судье. – Ужасное, трагическое стечение обстоятельств». С такими мыслями я жил примерно неделю.

Потом в один прекрасный день я захожу в паб, а там у бара сидит викарий в своей сутане и потягивает клюквенный сок. Я чуть было не обнял его и не расцеловал.

– О, э… Здрасьте, викарий, – выдавил я, вне себя от радости и облегчения.

– А, мистер Осборн, – ответил он и пожал мне руку. – Знаете, что забавно? Я не могу вспомнить, как вернулся от вас домой несколько дней назад. А на следующее утро заболел ужасным-преужасным гриппом.

– Мне очень жаль, викарий.

– Да, да, *очень* уж он неприятный, этот грипп.

– Не сомневаюсь.

– У меня еще никогда не было такого гриппа.

– Я так рад, что вы чувствуете себя луч…

– У меня три дня были галлюцинации, понимаете? Очень-очень

любопытно. Я был уверен, что у меня на газоне перед домом приземлились марсиане и пытаются организовать лотерею.

– Это ужасно, викарий. Надеюсь, ваше самочувствие улучшилось.

– О, намного, спасибо. Хотя я, должно быть, килограммов двадцать набрал за эту неделю, так был голоден.

– Послушайте, викарий, – сказал я. – Если я могу что-нибудь сделать для церкви, хоть что-нибудь, просто дайте знать, ладно?

– О, как это любезно с вашей стороны. Вы, случайно, не играете на органе?

– Э… нет.

– Но вы ведь играете в какой-то популярной группе, да?

– Да.

– Скажите, как она называется?

– Black Sabbath.

– А…

Викарий наморщил лоб. Потом взглянул на меня и произнес: «Довольно необычное название, не правда ли?»

6. Конец близок

Следующий альбом Black Sabbath мы записывали в доме с привидениями, где-то в жопе мира. Не знаю, кому пришла в голову эта блестящая идея, но не мне, это уж точно. Местечко называлось замок Клирвелл. Он находился в лесу Дин на границе с Уэльсом, и с самого первого дня нам было в нем страшно до усрачки. Там был ров, подъемный мост, кровати с балдахинами, повсюду головы животных на стенах, огромные камины и большое старое темное подземелье, где мы репетировали. Замок был построен в 1728 году на месте старой усадьбы Тюдоров, и местные рассказали, что по ночам в коридорах замка бродит безголовое привидение, стонет и плачет. В ответ мы просто посмеялись, но с того момента, как распаковали сумки, периодически приссывали от страха. По крайней мере, это ослабило напряжение, которое мы испытывали из-за записи нового альбома. Нас больше беспокоило то, что придется спать одним в этих жутких старых комнатах с мечами и доспехами на стенах, чем то, что мы должны выдать очередной альбом, который вдруг не разойдется миллионным тиражом. При таком раскладе мы оказались не Повелителями Тьмы, а Повелителями Трусливого Дерьма. Помню, как-то в Рождество мы ходили в Филадельфии на фильм *«Изгоняющий дьявола»* и так перепугались, что потом пришлось идти на фильм *«Афера»*, чтобы отвлечься. А потом всё равно пришлось спать в одном номере, потому что мы были вне себя от страха. Забавно, что через несколько лет Линда Блэр, сыгравшая в этом фильме девочку, в которую вселился дьявол, встречалась с Гленном Хьюзом, моим друганом из Deep Purple. Как выяснилось, ей определенно нравились музыканты. Однажды она даже ходила на свидание с Тедом Ньюджентом. Но ко мне бы она даже близко не подошла.

Ни разу, черт побери.

Конечно, для записи нового альбома замок Клирвелл был выбран далеко не сразу. Сначала мы планировали вернуться в особняк в Бель-Эйре, но потом узнали, что не сможем записываться в Лос-Анджелесе – из-за того, что Стиви Уандер установил огромный синтезатор в нашей любимой студии в «Record Plant». Так что эта идея отпала. Может, это и хорошо: ведь в прошлый раз, когда мы записывались в Лос-Анджелесе, то чуть не убили себя кокаином. А единственной опасностью в замке Клирвелл, которая нам грозила, была смерть от страха.

И конечно, мы *очень-очень* старались как раз этого и добиться.

Не прошло и дня, как мы стали подшучивать друг над другом. Первым начал я, обнаружив, что, если поставить кассету в катушечный магнитофон и убавить звук до нуля, то, когда пленка закончится, он начнет издавать звуки *«ЩЕЛК-ЧИК-Ш-Ш-Ш»*, эхом отражающиеся от каменных стен. Я припрятал магнитофон у Тони под кроватью, и когда он пошел спать, – после того, как мы в подземелье весь вечер пугали друг друга до чертиков, – пробрался в его комнату, нажал «плей» и убавил звук. Потом смылся и спрятался в соседней комнате.

Наконец я услышал, как Тони ложится спать.

Жду.

Один за другим в замке гаснут все огни, и наступает кромешная темнота. Кроме случайного скрипа балок и ветра, который задувает в окна, царит жуткая тишина.

Жду. Терпеливо жду.

И вдруг из темноты раздается звук: *«ЩЕЛК-ЧИК-Ш-Ш-Ш»*.

Из комнаты Тони донесся его крик: *«А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А!»* – а потом грохот, потому что он упал с кровати. Дверь распахнулась, и из нее выскочил Тони, перепуганный, в одних трусах, и заорал: «В моей гребаной комнате что-то есть! В моей гребаной комнате что-то есть!»

Долго же я еще смеялся, несколько дней точно.

Хотя замок и отвлекал нас от всего ненужного, он едва ли помогал нам писать новые песни. Альбом *«Vol. 4»* стал классикой – по крайней мере, по стандартам Black Sabbath. И мы хотели, чтобы следующий альбом стал таким же. Но такое невозможно контролировать. В определенной степени нужно просто оказаться в нужном месте в нужное время. Ведь вряд ли в один прекрасный день Майкл Джексон сел и сказал себе: «Знаешь что? В следующем году я запишу альбом под названием *«Thriller»*, каждая песня в котором будет хитом, а потом я буду загонять по миллиону пластинок в неделю». Такое невозможно спланировать.

К тому же мы боялись стать одной из групп, которые сначала выпускают несколько блестящих альбомов, а потом скатываются и штампуют один кусок дерьма за другим. И никто из нас не мог поверить, как сильно изменилась наша жизнь с тех пор, как в 1969 году мы вернулись из «Star Club». Думаю, мы все жили в ожидании того дня, когда всё вдруг закончится и удача от нас отвернется.

Лично я очень боялся, что мы можем уйти слишком далеко от

того, что хотят слышать наши поклонники. С одной стороны, мы не могли вечно играть «Iron Man» – нам нужно было двигаться дальше. С другой – мы не могли каждую песню нашпиговать духовыми инструментами или начать заниматься какой-нибудь абстрактно-джазовой ерундой. Группа называлась Black Sabbath – и, пока она так называется, мы должны играть то, что подразумевается под именем Black Sabbath.

Это как тот парень, что играет Бэтмена в фильмах. Возможно, он великий актер, но, даже уйдя от этого образа и сыграв в следующем фильме какого-нибудь гея-официанта, он все равно останется Бэтменом. Люди весь фильм будут ждать, когда же он сорвет с себя смогинг и вылетит в окно в резиновом костюме супергероя.

Поэтому мы должны были быть очень осторожны.

Честно говоря, первые несколько дней в замке Клирвелл мы не знали, что нам делать и куда двигаться дальше. Впервые за все время Тони с трудом придумывал новый материал. А это значит, что у нас не было риффов. А без риффов нет песен. В конце концов, ситуацию спасла голландская группа Golden Earring. Мы слушали их последний альбом *«Moontan»*, и у Тони в голове что-то наконец перещелкнуло. Через пару дней он спустился в подвал и сыграл рифф к песне «Sabbath Bloody Sabbath». Каждый раз, когда мы считали, что у Тони больше ничего не получится, у него все срасталось – *причем лучше, чем раньше*. С этого момента творческому кризису наступал конец.

И это было огромным облегчением.

Но в этом чертовом замке мы всё никак не могли сосредоточиться. Мы так друг друга нервировали, что не могли спать. Ты просто лежишь ночью с открытыми глазами и ждешь, что какие-нибудь пустые доспехи войдут к тебе в комнату и воткнут кинжал в задницу.

И гребаные розыгрыши, которые мы устраивали, совершенно нам не помогали. Не знаю, о чем мы только думали, потому что вся эта хрень становилась все более странной. Ты понятия не имеешь, кто передвигает стакан, и в итоге убеждаешь себя, что за спиной стоит двоюродная бабушка Салли с покрывалом на голове. А когда это происходит в подземелье, всё выглядит еще страшнее.

Большинство розыгрышей мутил Тони. Как-то раз он нашел в шкафу старый портняжный манекен, нацепил на него плащ и парик и выбросил из окна с третьего этажа, как раз когда Билл с Гизером шли из паба. Они чуть не обделались. Билл так быстро удирал

обратно по дороге, что наверняка побил мировой рекорд по бегу. В другой раз – я этого не видел, но кто-то мне рассказал – Тони привязял нитку к старой модели корабля, которая стояла в спальне у одного из наших техников, и протянул ее под дверью в другую комнату. Потом дождался, когда парень останется в комнате один, и потянул за нитку. Тот поднял взгляд, а по пыльной каминной полке, которую поддерживают две горгульи, «плывет» корабль. Он выбежал из комнаты и наотрез отказался туда возвращаться.

Больше всех досталось Биллу. Однажды вечером он напился сидра и вырубился на диване. Мы взяли огромное зеркало в полный рост и подняли над ним так, что оно оказалось в нескольких сантиметрах от его носа. Потом разбудили Билла. Как только он открыл глаза, то увидел свое отражение, смотрящее на него. До сих пор я ни разу не слышал, чтобы взрослый мужчина так громко кричал. Должно быть, он решил, что проснулся в аду.

После этого Билл ложился спать с кинжалом.

В конце концов, розыгрыши вышли за все границы. Люди уезжали на ночь домой, чтобы не спать в этих комнатах. Самое смешное, что единственный реально опасный случай произошел в замке Клирвелл, когда я напился и заснул ногой в камине. Всё, что я помню, – как проснулся в три часа ночи с забавным ощущением в ноге, потом вскочил, закричал и запрыгал по комнате с горящим ботинком в поисках чего-нибудь, что могло бы его потушить. Всем остальным это показалось очень забавным.

Гизер спокойно посмотрел на меня и сказал: «Оззи, огоньку не найдется?»

Но он перестал улыбаться, когда с моего сапога упала искра и подожгла ковер. Слава богу, и Биллу за тот запас сидра, который хранился за барабанной установкой – им-то мы и потушили огонь. Честно говоря, я был поражен, что это удалось, ведь я пробовал этот сидр и ждал, что он шандарахнет не хуже коктейля Молотова.

Когда мы уезжали из замка Клирвелл, то, по крайней мере, написали большую часть материала для альбома. Оттуда мы отправились записывать его в «Morgan Studios» на Уиллесден-хай-роуд на севере Лондона.

«Morgan Studios» тогда были очень популярны, поэтому, приезжая туда, обязательно встретишь еще какую-нибудь группу. Скорее всего, вы пойдете в небольшую закусочную прямо в студии – где был дартс и бухло – и немного посмеетесь вместе. Но на этот раз,

когда я зашел поздороваться с группой, работавшей в соседней студии, у меня сердце в пятки ушло. Это была группа Yes. Мы записывали альбом в «Студии 4», а они работали над *«Tales from Topographic Oceans»* в «Студии 3». Yes были хиппи и притащили с собой фигурки коров, чтобы в студии было как «на природе». Потом я узнал, что у этих коров даже есть вымя с электрическим приводом. Это не прикол, черт возьми. А еще там повсюду были охапки сена, белая изгородь и небольшой сарай в углу – как детский игровой домик. А я-то думал, что только наш Гизер немного странный.

За всё время работы в «Morgan Studios» единственным участником группы Yes, которого я встречал в закусочной, был Рик Уэйкман, их звездный клавишник. Он был знаменит своими сверхскоростными соло на синтезаторе «Moog», которые исполнял в мантии волшебника. Как оказалось, он был единственным нормальным паренем в Yes. Рик *постоянно* тусовался в закусочной, очень много пил, и его не интересовали все эти коровы и прочее хипповое дерьмо. Гораздо больше ему нравилось выходить из студии и метать со мной дротики в дартсе.

Мы с Риком тогда от души наигрались и дружим до сих пор.

Этот парень – прирожденный рассказчик. Проводить с ним время – всё равно, что смотреть передачу *«Вечер с...»*. Как-то Рик рассказал мне, как на законнных основаниях изменил имя в паспорте на Михаэль Шумахер на случай, если копы остановят его за превышение скорости и попросят представиться. А потом, когда коп пошлет его и потребует предъявить права, то, пожалуйста – черным по белому так и написано. Такой серьезный подход к выведению людей в форме из себя заслуживает восхищения. У Рика тогда была коллекция примерно из тридцати «Роллсов» и «Бентли» – уж не знаю, когда он их водил, потому что каждый раз при встрече он был в говно. Уэйкман бухал почти так же люто, как и я. Но потом, спустя несколько лет, он пережил несколько сердечных приступов подряд, и ему пришлось завязать.

По Рику было видно, что альбом *«Tales from Topographic Oceans»* наводит на него смертельную скуку. Один из самых смешных рассказов связан с тем временем, когда Yes поехали в тур в поддержку этого альбома. Как-то раз Уэйкману настолько надоело одно из этих замысловатых восьмичасовых выступлений, что он заставил помощника заказать ему карри и доставить прямо на сцену. Он сидел за клавишами, ел цыпленка виндалу, прикрывшись своим плащом, и курил.

После этого в Yes он надолго не задержался.

В общем, как-то раз в «Morgan Studios», когда Рик казался еще больше скучающим, чем обычно, я спросил, не хочет ли он зайти в «Студию 4» и послушать наши новые вещи. Помню, как сыграл ему мелодию «Sabbra Cadabra» на своем синтезаторе «ARP 2600». И вот гроблю я хороший рифф своим корявым пальцем: ду-ду-*ду*, ду-ду-ду-*ду*, – а Рик смотрит на меня. И, когда я наконец остановился, Рик сказал: «*Хм-м*... может, вот так прозвучит лучше...» – наклонился над клавишами, и такой: ди-ли-ди-ли-ди-ли-ди-ли-ду, ди-ли-*ду*. Его пальцы двигались так быстро, что, клянусь, их не было даже видно.

Я сразу спросил его, сыграет ли он с нами в альбоме, а Рик ответил, что с удовольствием сыграет, если мы заплатим ему его обычный гонорар.

– Сколько? – спросил я.

– Две бутылки лучшего горького пива «Director's».

Если не считать Рика, участники группы Yes жили как монахи. Они не ели мясо. Выглядели так, будто каждый день занимаются йогой. И мы никогда не видели их пьяными. Единственной рок-н-ролльной чертой их образа жизни была дурь, которую они курили, а у меня как раз случилась поставка феноменального афганского гаша. Очень серьезное было дерьмо. В те времена я считал себя знатоком дури, и мне хотелось узнать, что скажут об этом гаше Yes. Поэтому однажды утром я притащил брикет в студию, зашел к Yes и отломил им большой кусок. По какой-то причине единственным, кто в тот день не пришел, был Рик.

– Вот, ребята, – сказал я. – Добавьте *его* себе в самокрутку.

Они ответили, что сейчас же его попробуют.

Я вернулся в «Студию 4», сам скурил пару косяков, записал второй голос, зашел в закусочную выпить пятый или шестой раз за день, вернулся, выкурил еще косяк и решил проверить, как там дела у наших соседей из Yes.

Но, когда я вошел в «Студию 3», там было пусто.

Я нашел девушку-администратора и спросил: «Вы нигде не видели Yes?»

– О, они еще в обед все вдруг плохо себя почувствовали. И им пришлось поехать домой.

У нашего альбома уже было название – *«Sabbath Bloody Sabbath»* – в честь песни, которая помогла Тони преодолеть творческий кризис, и альбом был просто огонь. Я считаю, это был наш

последний действительно великий альбом. Уже даже было готово оформление конверта: спящий на кровати парень, нападающие на него демоны, а сверху череп и число 666. Мне чертовски понравилась эта обложка. И в музыке нам удалось соблюсти правильный баланс между старым тяжеляком и новым «экспериментальным» звучанием. С одной стороны, у нас были песни типа «Spiral Architect», в которых играет полноценный оркестр, и «Fluff», похожая на «Shadows» (песня названа в честь Алана Фримана по прозвищу Флафф – диджея, который всегда ставил наши записи на «Радио 1»). С другой стороны, была «A National Acrobat», у которой настолько тяжелое звучание, что создается впечатление, будто тебя ударили по голове куском бетона. В альбоме даже была одна песня моего собственного сочинения – «Who Are You?». Я написал ее однажды вечером в коттедже Булраш, когда пьяный возился с магнитофоном и своим «ARP 2600».

Мы все были довольны альбомом *«Sabbath Bloody Sabbath»*. Счастливы были даже Патрик Мехен и звукозаписывающая компания. Но дальше, как оказалось, все пошло по наклонной.

Мне должно было прийти в голову, что с Black Sabbath случится что-то плохое, еще когда в 1974 году мы летели в Америку и парень, сидевший рядом со мной в самолете, внезапно откинул копыта.

Сначала я услышал, как он задыхается: «Ух, уф, уф-ф-ф». А через минуту я уже сидел рядом с трупом. Я не знал, какого черта мне делать, поэтому нажал на кнопку и вызвал стюардессу.

– Да, сэр, я могу вам помочь? – спросила девушка, вся такая строгая и правильная.

– Этот парень, кажется, не жилец, – ответил я, указывая на труп, сидящий рядом.

– Простите, сэр?

– Он отбросил коньки, – ответил я, поднимая его обездвиженную левую руку. – Посмотрите на него. Он мертв, как гребаная птица дронт.

Стюардесса запаниковала.

– Что случилось? – шепотом спросила она, прикрывая его одеялом. – Он плохо себя чувствовал?

– Он задыхался, – ответил я. – Я подумал, что у него просто арахис не в то горло пошел. Потом он побелел, глаза закатились, и всё – привет.

– Слушайте, – сказала тихо стюардесса. – Давайте обопрем его на

подушку у окна. Пожалуйста, не говорите об этом другим пассажирам. Мы не хотим, чтобы люди запаниковали. Чтобы предоставить вам компенсацию за неудобство, мы можем пересадить вас в первый класс.

– Чем отличается первый класс от бизнеса? – спросил я.

– Шампанским.

– Волшебно.

Это было начало Конца.

Больше всего из этого турне в поддержку *«Sabbath Bloody Sabbath»* я помню то, что все начали злиться друг на друга. К тому моменту Патрик Мехен превратился из волшебника на другом конце провода – который покупал тебе «Роллс-Ройс», коня или набор электромашинок – в беснующегося ублюдка, который никогда не мог прямо ответить на вопрос, сколько денег мы зарабатываем.

Между тем, Тони ворчал о том, что он один делает всю работу и у него нет никакой личной жизни. Вроде бы так оно и было. С другой стороны, Тони сам любил торчать в студии – даже стал сам заниматься продюсированием альбомов. Лично я всегда терпеть не мог сидеть там, курить и слушать одни и те же трехсекундные фрагменты гитарного соло по сто раз. Я до сих пор этого не переношу. Это сводит меня с ума. Как только я записываю свою партию, я выхожу на свежий воздух. Но с развитием технологий в семидесятых появился соблазн добавить еще одну звуковую дорожку, а потом еще и еще… Тони всё время было мало. У него хватало на это терпения, и никто никогда с ним не спорил, потому что он по-прежнему был неофициальным лидером группы.

Гизера тоже всё достало, он устал от того, что я постоянно выношу ему мозг просьбами написать тексты. Сейчас я понимаю, как его это, наверное, бесило, но ведь парень – настоящий гений. Помню, как-то раз я позвонил ему, когда мы работали в «Morgan Studios». У Гизера был выходной, и он торчал в своем загородном доме. Я сказал: «Давай, Гизер, мне нужны слова для «Spiral Architect»». Он немного поворчал, велел перезвонить через час и повесил трубку. Когда я перезвонил, он спросил: «У тебя есть ручка? Хорошо. Пиши: «Sorcerers of madness/Selling me their time/Child of God sitting in the sun…»» Я удивился: «Гизер, ты сейчас читаешь это из книги?»

В это просто не верилось – парень успел написать шедевр за время, которое у меня обычно занимает чтение одного предложения.

Я сказал ему: «Продолжай в том же духе, и к пяти вечера мы допишем весь этот чертов альбом».

Одна из причин, почему мы стали не очень хорошо ладить, в том, что наши амбиции рок-звезд, подпитываемые коксом, росли с безумной скоростью.

В те времена то же самое происходило во многих группах. Например, в 1974 году, когда мы выступали на фестивале «CalJam» на гоночной трассе в Онтарио, какая только дичь не происходила за кулисами у других групп. Например: «Если у него есть пинбольный автомат, то я тоже хочу пинбольный автомат». Или: «Если у него есть квадрофоническая звуковая система, то я тоже хочу квадрофоническую звуковую систему». Людям начинало казаться, что они боги. Масштабы фестиваля «CalJam» были просто невероятные: там было около 250 тысяч зрителей, а выступления транслировали в прямом эфире по радио и на канале «ABC». Рок-н-ролл еще никогда не достигал таких масштабов. Надо было видеть оборудование, с которым выступали Emerson, Lake & Palmer. В середине выступления Кит Эмерсон исполнял соло на рояле, который поднимался над сценой и начинал вращался.

У нас на CalJam тоже был хороший концерт.

Какое-то время мы не выступали вживую, поэтому репетировали в номере отеля без усилителей. На следующий день на фестиваль мы прилетели на вертолете, потому что все дороги были забиты. Отыграли концерт на одном дыхании, а я выделялся серебристыми луноходами и желтыми лосинами.

А вот у Deep Purple всё пошло не так гладко. Ричи Блэкмор ненавидел телекамеры – он говорил, что это разъединяет его со зрителями, – и после пары песен разбил одну из них грифом гитары, а потом поджег свой усилитель. Это была тяжелая сцена, и всей группе пришлось быстренько свалить на вертолете, потому что за ними приехали пожарные. «ABC», должно быть, тоже были в ярости. Эти камеры стоили им целого состояния. Помню, что обратно в Англию мы летели на одном самолете с Ричи. Чертово безумие. У меня в носке было припрятано четыре грамма кокса, и нужно было избавиться от него до того, как мы приземлимся, поэтому я стал раздавать порошок стюардессам. Через какое-то время они все накачались. А в какой-то момент мой обед совершил свой собственный рейс. Можете ли вы *представить себе* такое в наше время? Когда я думаю об этом, меня пробивает дрожь.

Еще одна сумасшедшая вещь, которая случилась в то время, –

знакомство с Фрэнком Заппой. Мы давали концерт, и оказалось, что он живет с нами в одном отеле. Мы все восхищались Заппой – особенно Гизер, – потому что казалось, будто этот парень с какой-то другой планеты. В то время он как раз только что выпустил квадрофонический альбом *«Apostrophe (')»*, в котором была песня под названием «Don't Eat the Yellow Snow». Гребаная классика.

Мы оказались в одном отеле и зависли в баре с его группой. На следующий день оказалось, что Фрэнк приглашает нас на вечеринку в честь Дня независимости, которая будет вечером в ресторане за углом.

Мы не могли дождаться завтрашнего дня.

Ровно в восемь часов мы пошли к Заппе. В ресторане он сидел за огромным столом в окружении своей группы. Мы представились, и началась пьянка. Но там царила очень странная атмосфера, потому что его музыканты все время подходили ко мне и спрашивали: «Есть кокс? Не говори Фрэнку, что я у тебя спрашивал. Он не употребляет. Ненавидит это дерьмо. Так у тебя есть? Одна доза, для профилактики?»

Я не хотел вмешиваться в их дела, поэтому отвечал: «Не-а», – хотя у меня в кармане был большой пакет.

Когда мы закончили есть, я уже сидел рядом с Фрэнком. Вдруг два официанта выкатывают из кухни огромный торт на тележке. Весь ресторан затих. Видели бы вы этот торт. Он был сделан в форме голой девки с двумя большими сиськами, покрытыми глазурью, и широко расставленными ногами. Но самое веселое, что к ней подвели небольшой насос, так что из вагины била струя шампанского. Воцарилась такая тишина, что можно было услышать, как падает булавка, а потом группа запела «America the Beautiful». Потом каждый должен был совершить церемонию и выпить этого шампанского, начиная с Фрэнка.

Когда очередь дошла до меня, я сделал большой глоток, скривил лицо и сказал: «Фу, на вкус, как моча».

Все решили, что это невероятно смешно.

Потом Фрэнк наклонился ко мне и шепнул на ухо: «Есть кокс? Это не для меня – для моего телохранителя».

– Ты серьезно? – спросил я его.

– Конечно. Но не говори группе. Они не употребляют.

Мы снова встретились с Фрэнком несколько лет спустя, после его концерта в «Birmingham Odeon». Когда выступление закончилось, он спросил меня: «В этом городе где-нибудь можно поесть? Я живу в

«Holiday Inn», и еда там просто отвратительная».

Я ответил: «В такой поздний час есть только карри на Бристоль-стрит, но я не рекомендую».

Фрэнк пожал плечами и сказал: «Сойдет, я рискну». И мы все отправились в странную индийскую забегаловку – я, Тельма, Фрэнк и какая-то японская дева, с которой он тогда встречался. Я предупредил Фрэнка, что единственное блюдо в меню, которое здесь нельзя заказывать ни при каких обстоятельствах, – это стейк. Он кивнул, какое-то время изучал меню, а потом заказал стейк. Когда заказ принесли, я сидел и смотрел, как Фрэнк пытается этот стейк съесть.

– Как старый ботинок, да? – спросил я.

– Вообще-то нет, – ответил Фрэнк, вытирая рот салфеткой. – Скорее, как новый.

* * *

К середине семидесятых годов атмосфера в Black Sabbath изменилась. Раньше мы все время держались вместе, и когда приезжали на концерт в незнакомое место, то гуляли по городу как маленькая банда. Заходили в разные пабы и клубы, клеили девчонок, бухали. Но со временем мы начали видеться все реже и реже. Если мы с Биллом ехали вместе, то почти не пересекались с Тони и Гизером. Потом и мы с Биллом начали отдаляться друг от друга. Я был шумным ублюдком, который всё время закатывает вечеринки с девочками у себя в номере и всячески дебоширит, а Билл хотел остаться у себя и поспать.

Мы сильно надоели друг другу из-за того, что слишком много времени проводили вместе на гастролях. Но, когда мы не общались, у каждого в его голове множилась куча проблем, и мы вообще переставали разговаривать.

А потом внезапно взрывались. Во-первых, авторские права на многие наши ранние работы уже были проданы компании под названием «Essex Music» «навечно», что значит то же, что «навсегда», но звучит пафоснее.

Были и другие неприятности, например, когда обанкротился банк «London & County». Я точно не знаю, в чем было дело – я же не финансовый мозг Британии, – но мне пришлось продать землю, которую я купил у фермера-трансвестита, чтобы сохранить коттедж

Булраш. Если бы мы с Тельмой не заплатили за землю из своих собственных денег, то остались бы с голыми жопами.

Самой большой проблемой стал наш менеджмент. В какой-то момент мы поняли, что нас разводят. Несмотря на то что теоретически Мехен обеспечивал нас всем, что нужно, практически мы сами ничего не контролировали. У нас должны были быть личные банковские счета, но оказалось, что их нет. Так что мне приходилось идти к нему в офис и просить, например, тысячу фунтов. Патрик говорил: «О'кей», – и мне по почте приходил чек. Но потом чеки перестали принимать.

И мы его уволили. Вот тут-то и началась вся эта юридическая чертовщина, судебные иски так и свистели над нашими головами. Когда мы работали над следующей после *«Sabbath Bloody Sabbath»* пластинкой *«Sabotage»,* названной в честь мехеновского дерьма, нам доставляли повестки прямо к микшерскому пульту. Тогда мы и пришли к выводу, что адвокаты обдирают тебя точно так же, как и менеджеры. И они будут счастливы шататься по судам всю оставшуюся жизнь, пока кто-то платит по счетам. Адвокаты могут и пятьдесят лет работать, чтобы выиграть дело, – не проблема.

На нас работал один адвокатец, которого я просто возненавидел. Терпеть не мог этого парня, а он просто издевался над нами. Однажды, когда мы записывали *«Sabotage»* в «Morgan Studios», он пришел к нам и сказал: «Джентльмены, я куплю вам всем выпить». Я подумал: «Ух ты, поверить не могу, неужели этот парень хоть на что-то раскошелится». А потом, в конце встречи, он достал свой маленький блокнотик и начал записывать, что мы выпили, чтобы потом выставить нам счет. «Оззи, ты взял два пива, это шестьдесят пенсов, – сказал он. – Тони, у тебя одно пиво и...»

Я перебил: «Ты ведь *шутишь*, черт побери?»

Но он не шутил. Таковы адвокаты. Смазывают тебе задницу, а потом суют туда кулак.

В записи *«Sabotage»* так и слышится разочарование, но при этом есть и мощные номера. Одна невероятная песня – «Supertzar» чего стоит. Помню день, когда мы ее записывали: я зашел в «Morgan Studios», а там огромный оркестр из сорока человек, включая восьмидесятишестилетнего арфиста. Они создавали такой звук, как будто Господь пишет саундтрек к концу света. Я даже петь не пытался под эту музыку.

Еще в этом альбоме я очень горжусь песней «The Writ». Я сам написал почти все слова и чувствовал себя так, будто сходил к

мозгоправу. В ней я выплеснул весь гнев, который накопился у меня по отношению к Мехену. Но знаете, что? В итоге вся эта фигня, которую он с нами провернул, ни к чему его не привела. Сейчас он выглядит как старый жирный алкаш. Но я его не ненавижу. Ненавидеть людей не продуктивно. Все уже сказано и сделано, и я не желаю этому парню ничего плохого. Ведь я все еще в этом мире. У меня по-прежнему неплохая карьера. Так в чем же смысл кого-то ненавидеть? В мире и без меня достаточно ненависти. И по крайней мере благодаря ей я написал песню.

Не могу сказать, чтобы я гордился чем-то из того, что происходило в то время. Кроме песни «The Writ».

Например, однажды в коттедже Булраш, когда у меня случился нехороший кислотный трип, я целился в Билла из ружья. Оружие было не заряжено. Но он этого не знал, а я не сказал. Внешне он отнесся к этому случаю довольно спокойно, но с тех пор мы никогда об этом не разговаривали, а значит, всё было гораздо серьезнее.

На самом деле, примерно в то время у меня было несколько таких нехороших приходов. Однажды мы были на ферме Филдс, в доме, который снимал Билл и в котором потом поселилась пара наших техников. Почему-то мы очень сильно вмазались. В тот вечер царила ужасная атмосфера, потому что недавно неподалеку в озере утонул парнишка – отливал, стоя в каноэ. Копы разнесли все в округе, разыскивая тело в озере и наркотики поблизости. Совсем не лучшее время, чтобы принимать кислоту. Но это нас не остановило. Все, что я помню, – как побрел в поле и встретил двух лошадей. И вдруг одна из них сказала другой: «Черт возьми, этот парень умеет говорить». Я ужасно испугался.

Тогда же я ударил Тельму, и это было худшим поступком в моей жизни. Я подавлял ее во всем, и бедная женщина постоянно была перепугана до смерти. Ситуация усугублялась еще и тем, что как раз родился наш второй ребенок – малыш Луис. Тельма натерпелась со мной, и я искренне об этом жалею. Мне жаль, что невозможно вернуть все назад. Нельзя забрать назад свою жестокость, так что я унесу эти поступки с собой в могилу. Мои собственные родители часто ссорились, поэтому я думал, что так и должно быть. Вряд ли это можно считать оправданием. Однажды вечером, когда я накачался под завязку бухлом и таблетками, так сильно ударил Тельму, что поставил ей фингал под глазом. На следующий день со мной встретился ее отец, и я подумал: «Черт возьми, сейчас он

выбьет из меня всё дерьмо». Но он только сказал: «И кто же из вас победил? Ты или она?»

Самое печальное, что до того, как начать вести трезвую жизнь, я не осознавал, насколько был отвратителен. Но, поверьте, теперь я это понимаю.

И на фоне всей этой упоротости мы решили записать новый альбом, на этот раз отправившись со всем своим аппаратом и командой в Америку, в «Criteria Studios» в Майами. Мы остановились на названии *«Technical Ecstasy»*, но не могу сказать, что я был от этого в восторге. К этому времени запись альбомов стала обходиться очень дорого. *«Black Sabbath»* мы записали за один день. *«Sabotage»* занял примерно четыре тысячи лет. С *«Technical Ecstasy»* мы возились не очень долго, но стоимость его записи во Флориде была просто астрономическая.

В то же время у нас падали продажи, звукозаписывающая компания умерила свой энтузиазм, мы только что получили налоговый счет на миллион долларов от компании «IRS» в Америке, нам не хватало денег на оплату судов, и у нас не было менеджера. В какой-то момент телефонными звонками занимался Билл. Но хуже всего было то, что мы потерялись. Мы не просто запутались в музыкальных экспериментах – мы больше не знали, кто мы такие. Сегодня у тебя на обложке альбома *«Sabbath Bloody Sabbath»* парень, на которого нападают демоны, а завтра на обложке *«Technical Ecstasy»* два робота, которые трахаются на поднимающемся гребаном эскалаторе.

Я не хочу сказать, что весь альбом был плох, нет. Например, Билл написал текст к песне «It's Alright», которую я просто обожаю, и сам исполнил в ней вокальную партию. У Билла отличный голос, и я был ужасно счастлив, что он оказал нам такую честь. Но сам я стал терять интерес к группе и начал подумывать о сольной карьере. Даже запасся футболкой с надписью «Blizzard of Ozz». Когда мы играли в студии, Тони вечно говорил: «Мы должны звучать, как Foreigner», «Мы должны звучать, как Queen». Но мне казалось странным, что группы, на которые мы сами когда-то влияли, теперь влияют на нас. С этим бухлом и наркотиками я совсем потерял связь с реальностью, нес каую-то херь, причинял всем неудобства и вел себя как кретин.

По правде говоря, во время записи *«Technical Ecstasy»* во Флориде я бухал так сильно, что, когда вернулся домой, прямиком отправился в дурдом имени Святого Георгия. На самом деле он назывался

«Stafford County Asylum», но название изменили, чтобы люди не так стеснялись быть психами. Это был большой старый викторианский дом. Там было темно и грязно, как на съемочной площадке научно-фантастического фильма. Первое, что спросил у меня врач, когда я туда попал: «Вы мастурбируете, мистер Осборн?» А я ответил, что нахожусь здесь из-за проблем с головой, а не с членом.

Пробыл я в дурдоме недолго. Но, поверьте, врачи в дурках еще большие психи, чем пациенты.

А потом Тельма купила мне цыплят.

Она, наверное, думала, что это поможет мне снова встать на ноги. И примерно на пять минут действительно помогло. Но потом новизна исчезла – особенно когда я понял, что Тельма рассчитывает, будто я стану кормить этих чертовых тварей и убирать за ними дерьмо. И начал искать предлог избавиться от них.

– Тельма, – сказал я ей как-то утром, когда уже был сыт ими по горло. – Где ты купила этих кур? Они бракованные.

– Что значит *бракованные*?

– Они не несут яиц.

– Может, их надо покормить, Джон? Кроме того, они, вероятно, нервничают, бедняжки.

– Почему ты так думаешь?

– Джон! Ты повесил на курятник табличку «Концлагерь 14». Я знаю, что они не умеют читать, но всё же.

– Это просто *шутка*.

– Думаю, что делать предупредительные выстрелы у них над головой по утрам тоже не очень полезно.

– Ну, их же нужно как-то мотивировать.

– Ты пугаешь их до смерти. У кого-нибудь из них случится сердечный приступ, если будешь и дальше так делать.

А вот это мысль, подумал я.

Шли недели и месяцы, я все забывал кормить кур, а они в ответ забывали нести яйца. Все, что я слышал от Тельмы, это: «Джон, покорми кур». Или: «Джон, не забудь покормить кур». Или: «Джон, ты покормил кур?»

Это сводило меня с ума.

Я пытался прийти в себя – запись *«Technical Ecstasy»* выжала из меня все соки – в основном из-за бухла, которое я тогда в себя вливал, – но мне и дома не было покоя. Если меня доводила не Тельма, то адвокаты. Если не адвокаты, то бухгалтеры. Если не

бухгалтеры, то звукозаписывающая компания. Если не звукозаписывающая компания, то Тони, Билл или Гизер, которые волновались о нашем «новом направлении» или жаловались на налоги.

Единственным способом справиться с этим было бухать круглосуточно.

Однажды я не выдержал.

Всю ночь я не спал – сидел в «Hand & Cleaver», потом продолжил бухать уже дома, снюхал несколько дорожек кокса, покурил дури, потом еще кокса, потом вырубился во время завтрака, потом снюхал еще порошка, чтобы проснуться. Настало время обеда. Я выпил бутылочку сиропа от кашля, три бокала вина, снова снюхал кокса, выкурил косяк, полпачки сигарет и съел яйцо по-шотландски. Но, независимо от того, сколько и чего я принимал, избавиться от какого-то беспокойного чувства не удавалось. Я часто его испытывал по возвращении домой из Америки: часами стоял на кухне, открывая и закрывая дверцу холодильника. Сидел в гостиной перед телевизором, переключая каналы и не останавливаясь ни на одном.

Но на этот раз что-то изменилось. Я начал *сходить с ума*.

Другого выхода не было: нужно было вернуться в «Hand & Cleaver» и разобраться в себе.

Я как раз собирался уходить, когда увидел, что Тельма спускается по лестнице. Она вошла на кухню и сказала: «Я еду к маме забрать детей». А я смотрел, как она берет стопку журналов *«Домашний очаг»* со стола и начинает складывать к себе в сумку. Потом Тельма остановилась, обернулась и увидела, что я стою у холодильника в трусах и халате, с сигаретой во рту, и чешу яйца.

– Ты покормил кур? – спросила она.

– Я же тебе сказал, они бракованные.

– Ради Бога, просто покорми их, Джон. Или знаешь что? Пусть сдохнут – мне уже всё равно.

– Я иду в паб.

– В махровом халате, который тебе подарили на Рождество?

– Ага.

– Классно, Джон. Очень стильно.

– Ты не видела мои тапочки?

– Поищи на собачьей подстилке. Я вернусь в восемь.

Следующее, что я помню – как выхожу из дома в резиновых сапогах – тапочки я не нашел – и иду в направлении паба. По пути

пытаюсь затянуть пояс на халате – не хочу светить болтающимися яйцами прохожим фермерам, особенно тому бородатому психу-трансвеститу, что жил по соседству.

Когда я дошел до ворот внизу улицы, то вдруг передумал. «Знаешь что? – сказал я себе. – Я покормлю этих кур. Черт с ними. Если это делает ее счастливой, я это сделаю». Развернулся и побрел обратно к дому. Но теперь мне захотелось пить, поэтому я дошел до припаркованного «Рендж Ровера», распахнул дверь и добрался до бардачка, где лежала бутылка скотча— на всякий случай.

Сделал глоток. *А-а-ах*. Так-то лучше! Рыгнул.

Пошел в сад… Но потом снова передумал. «К черту этих кур!» – подумал я. – Эти маленькие ублюдки не снесли мне ни одного яйца! К черту их! К черту их всех!»

Сделал глоток. *А-а-ах*. Рыгнул. Затянулся сигаретой.

Потом вспомнил, что еще не докурил ту, которую уже держал во рту, и бросил ее Тельме на овощную грядку. Снова передумал и на этот раз отправился к сараю.

Я распахнул дверь, постоял и посмотрел на свою полуавтоматическую «Бенелли» на стойке. Взял, открыл посмотреть, заряжена ли она,– заряжена – и набил себе карманы халата патронами. Потом дотянулся до верхней полки, достал канистру бензина, которую садовник держал для газонокосилки, на которой я смеха ради часто ездил в паб (мне ее прислали из офиса Патрика Мехена, хотя я и просил их купить комбайн).

Так вот, с канистрой в одной руке и ружьем в другой, а еще с бутылкой скотча под мышкой и сигаретой в зубах, я, шатаясь, побрел в сад к курятнику. Солнце уже садилось, и всё небо стало красно-оранжевым. В голове у меня всё крутились слова Тельмы: «Джон, покорми кур. Джон, ты покормил кур?»

А потом слова нашего бухгалтера: «Ребята, это серьезно. Это счет из налоговой на *миллион долларов*».

И слова Гизера: «Мы назовем альбом *«Technical Ecstasy»*. Нам нужно найти новый стиль… Мы не можем вечно заниматься этой черномагической херней».

Они всё звучали и звучали. Снова и снова.

«Джон, покорми кур». «Парни, это серьезно».

«Мы назовем альбом *«Technical Ecstasy»*. «Джон, ты покормил кур?»

«Налоговый счет на *миллион долларов*». «Джон, покорми кур!». «Нам нужно найти новый стиль». «Это серьезно».

«Мы не можем вечно заниматься этой черномагической херней».

А-А!

Я дошел до курятника, положил ружье и канистру, встал на колени у таблички «Концлагерь 14» и посмотрел внутрь. Куры кудахтали и щелкали своими клювиками.

«Кто-нибудь снес яйца? – спросил я, как будто не знал ответ на этот гребаный вопрос. – Я так и думал. Очень плохо».

Потом я взял винтовку. Снял с предохранителя.

Прицелился.

Щелк-щелк.

Ба-бах!

Прицелился.

По-о-о-о-о!

Ба-бах!

Прицелился.

По-о!

БА-БАХ!

Выстрелы были чертовски оглушительные и отдавались эхом в полях на несколько километров вокруг. С каждым выстрелом белая вспышка освещала курятник и сад, а затем разлеталось облако порохового дыма. Я почувствовал себя намного лучше.

Намного, намного лучше. Сделал глоток. *А-а-ах*. Рыгнул.

Куры – те, которые еще не встретились с создателем, – сходили с ума.

Я подождал, когда рассеется дым. Прицелился.

Щелк-щелк.

Ба-бах!

Прицелился.

По-о-о-о-о!

Ба-бах!

Прицелился.

По-о!

БА-БАХ!

Когда я закончил, весь курятник был в крови, перьях и куриных головах. Выглядело это так, будто кто-то вывалил на меня ведро куриных потрохов, а потом высыпал содержимое перьевой подушки. Халат был испорчен. Но чувствовал я себя чертовски сказочно, как будто только что сбросил с плеч трехтонную наковальню. Я положил ружье, взял канистру и облил из нее то, что осталось от кур. Прикурил сигарету, как следует затянулся, отошел

назад и бросил в курятник.

Вжу-у-у-у-у-у-у-у-у-у-ух!

Всюду пламя.

Потом достал из кармана оставшиеся патроны и начал бросать их в огонь.

Ба-бах!

Ба-бах!

Бах-бах-бах!

«Хе-хе-хе», – сказал я.

Вдруг сзади меня что-то зашевелилось.

От испуга я чуть не упал на ружье и не прострелил себе орехи. Обернувшись, увидел, как от меня удирает цыпленок. Ах ты, маленький ублюдок! Я услышал, как сам же закричал странным, психопатическим голосом: «И-и-и-и-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!» – а потом, не раздумывая, бросился в погоню. Я не знал, какого хрена со мной не так или почему я делаю то, что делаю. Всё, что я знал, – мной овладела безумная неконтролируемая ярость в отношении всего куриного рода. *Убей курицу! Убей курицу! Убей курицу!*

Но поверьте: поймать цыпленка чертовски непросто, особенно когда уже темнеет, а ты сутки не спал, надрался бухлом и коксом, и на тебе халат и резиновые сапоги.

Я ломанулся обратно в сарай, нашел меч и вышел, высоко подняв его над головой, как самурай. «Сдохни, гребаная курица, сдохни!» – кричал я, а птица совершала последний бросок к забору в конце сада, и ее клюв мелькал так быстро, что, казалось, будто у нее в любую секунду отвалится голова. Я почти догнал ее, как вдруг распахнулась входная дверь дома моей соседки. И старушка – кажется, ее звали миссис Армстронг – выбежала с тяпкой в руках. Она привыкла к разному безумному дерьму, происходившему в коттедже Булраш, но в этот раз даже она не могла поверить своим глазам. Курятник горит, патроны из ружья взрываются каждые несколько минут, и всё это напоминает сцену фильма о Второй мировой войне.

Ба-бах!

Ба-бах!

Бах-бах-бах!

Сперва я ее даже не заметил. Я был слишком занят погоней за курицей, которая в итоге пролезла под забором, пробежала через сад миссис Армстронг, выбежала из ворот и направилась по Батт-лейн в сторону паба. Потом наши глаза встретились. Должно быть,

зрелище было еще то: я стоял в халате с обезумевшим взглядом, весь забрызганный кровью, держал в руке меч, а позади горел мой сад.

– Добрый вечер, мистер Осборн, – сказала она. – Вижу, вы уже вернулись из Америки.

Долгое молчание. За моей спиной взрывались патроны. Я не знал, что сказать, поэтому просто кивнул.

– *Отдыхаете*, да? – спросила она.

Вот так.

Но не только я сходил с ума от кризиса, который накрыл группу.

Помню, как-то раз Гизер позвонил мне и сказал: «Слушай, Оззи, я устал гастролировать, а потом все деньги отдавать адвокатам. Прежде чем мы снова отправимся в турне, я хочу знать, что мы получим».

А я ответил: «Знаешь, Гизер, ты прав. Давайте соберем совещание».

Мы собрались.

– Послушайте, ребята, – сказал я, – мне кажется безумием то, что мы даем концерты, а потом все деньги отдаем адвокатам. Что ты думаешь, Гизер?

Гизер только пожал плечами и сказал: «Не знаю».

И всё.

С меня хватило. В этом больше не было никакого смысла. Никто из нас не справлялся с ситуацией. Мы больше времени тратили на встречи с адвокатами, чем на написание песен; были абсолютно вымотаны, потому что гастролировали по всему миру шесть лет почти без перерыва и были абсолютно не в себе из-за бухла и наркотиков. Последней каплей стала встреча с Колином Ньюманом, нашим бухгалтером, на которой он сообщил, что, если мы не оплатим налоговые счета в ближайшее время, то отправимся в тюрьму. В те времена налоговая ставка для людей вроде нас составляла около 80 % в Соединенном Королевстве и 70 % в Америке, поэтому можно представить, сколько денег мы задолжали. А кроме налогов у нас еще были собственные расходы. В общем-то мы были разорены. До нитки. Может, у Гизера и не хватало смелости признаться в этом перед остальными, но он был прав: нет никакого смысла быть рок-н-ролльной группой и постоянно беспокоиться о деньгах и повестках.

Поэтому в один прекрасный день я просто вышел с репетиции и не вернулся.

Потом мне позвонил Норман, муж моей сестры Джины.

Надо сказать, что он отличный парень, и во многом стал мне старшим братом, которого у меня не было. Но всякий раз, когда он звонил, это означало, что в семье произошло что-то плохое.

На этот раз все было так же.

– Твой папа, – сказал Норман. – Тебе нужно навестить его.

– Что это значит?

– Он очень плох, Джон. И может не дожить до утра.

Мне стало плохо, все словно онемело. Потерять одного из родителей – мой самый страшный кошмар с раннего детства, когда я подходил к папиной кровати и будил его, потому что мне казалось, что он не дышит. А теперь страх начал сбываться. Я знал, что папа болен, но не думал, что он уже на пороге смерти.

Взяв себя в руки, я сел в машину и поехал к нему.

Вся семья уже собралась у его постели, а мама выглядела совершенно опустошенной.

Как выяснилось, папа умирал от рака. Болезнь вышла из-под контроля, потому что он отказывался идти к врачу до тех пор, пока его не пришлось увозить на «Скорой». Отец перестал работать всего несколько месяцев назад, в шестьдесят четыре года, когда ему предложили досрочно выйти на пенсию. «Теперь у меня будет время заниматься садом», – сказал он мне тогда. И занялся им. Но как только сад был разбит, всё кончилось. Игра окончена.

Я был в ужасе от того, что мне придется увидеть, потому что знал, чего ожидать. Младший брат моего папы умер год назад от рака печени. Я навещал его в больнице, и меня это так потрясло до слез. Он был совсем не похож на парня, которого я знал. Он даже не был похож на человека.

Когда я пришел в больницу, папу только что перевели из хирургии, он был бодр и весел. Он выглядел нормально и даже улыбался. Наверняка ему дают «счастливый сок»[20], подумал я. Но, как говаривала одна из моих тетушек: «Бог всегда дарит один хороший день перед смертью». Мы немного поговорили. Самое смешное, что, пока я рос, папа никогда не говорил мне ничего вроде «не налегай на сигареты», или «перестань мотаться в паб», но в тот день он сказал мне: «Джон, сделай что-нибудь со своим алкоголизмом. Ты пьешь чертовски много, слишком много. И

завязывай снотворное».

– Я ушел из Black Sabbath, – сказал я отцу.

– Что ж, тогда им конец, – ответил он и заснул.

На следующий день состояние папы ухудшилось. Ужасней всего на свете было видеть, что мама просто обезумела от горя. В те времена в больницах был такой порядок: чем хуже твое состояние, тем дальше тебя отодвигают от других пациентов. К концу дня папу уже поместили в кладовку с метлами и швабрами, где повсюду были ведра, ванночки и банки с отбеливателем. Ему на руки намотали бинты, как у боксера, и привязали руки к гигантской кровати, потому что он всё время выдергивал капельницу. Мне было чертовски невыносимо видеть его таким – человека, которым я восхищался и который научил меня тому, что даже без образования можно иметь хорошие манеры. В отца вкачивали все существующие наркотики, так что ему было не очень больно. Когда он увидел меня, то улыбнулся, поднял вверх большие пальцы в бинтах и произнес: «Спи-и-и-ид!» – это было единственное название наркотика, которое он знал. А потом добавил: «Вынь из меня эти чертовы трубки, Джон, мне больно».

Папа умер 20 января 1978 года в 23 часа 20 минут: в той же больнице, в тот же день и в то же время, в которое родилась Джессика за шесть лет до этого. Это совпадение удивляет меня до сих пор. Причиной смерти была названа «карцинома пищевода», но у него еще был рак внутренних органов и рак кишечника. Он не мог самостоятельно есть и ходить в туалет тринадцать недель. Джина была с ним, когда он умер. Врачи сказали, что хотят выяснить, почему их франкенштейновский эксперимент, проведенный над ним в хирургии за день до этого, не сработал, но она не позволила им сделать вскрытие.

В то время, когда отец скончался, я ехал на машине в гости к Биллу и слушал «Baker Street» Джерри Рафферти. Когда я подъехал к дому, он стоял и ждал меня с мрачным взглядом на лице. «Тебя к телефону, Оззи», – сказал Билл.

Это был Норман, сообщивший мне страшную новость. Я до сих пор слышу его голос и испытываю щемящую грусть, когда слышу «Baker Street» по радио.

Через неделю состоялись похороны отца, его кремировали. Я ненавижу традиционные английские похороны: ты только начинаешь отходить от потрясения при потере близкого человека, а тебе снова нужно пройти через этот ад. Евреи придумали получше:

когда кто-то умирает, его хоронят как можно скорее. По крайней мере, таким образом ты можешь быстро справиться со своими чувствами.

Мне казалось, что единственное, что поможет мне справиться с потерей отца, – вылезти из своего собственного черепа. В то утро я проснулся, налил себе чистый виски, а потом пил весь день. К тому времени, когда гроб внесли в дом, где жили мои мама с папой, я уже был на полпути к другой планете. Гроб был запечатан, но по какой-то чертовой тупой пьяной причине я решил, что хочу снова увидеть папу, поэтому заставил одного из людей, которые несли гроб, снять крышку. Это была плохая идея. В конце концов мы все по очереди на него посмотрели. Но он был мертв уже неделю, так что, как только я заглянул в гроб, то сразу же пожалел об этом. Гробовщик намазал отца гримом, так что он выглядел как гребаный клоун. Я хотел запомнить своего отца совсем не таким – но вот сейчас пишу это, а у меня перед глазами именно та картина. Лучше бы я запомнил его привязанным к больничной кровати, улыбающимся, показывающим большие пальцы вверх и это его «Спи-и-и-ид!».

Потом мы все сели в катафалк вместе с гробом. Мои сестры и мать начали выть, как дикие животные, чем пугали меня до чертиков. Никогда ничего подобного не испытывал. В Англии учат, как жить, но не учат ничему, что связано со смертью. Нет учебника, в котором было бы написано, что делать, если умрет мама или папа.

Ты теперь сам по себе, дорогуша.

Если бы понадобилось описать жизнь моего отца одним достижением, то это то, что он устроил ванную в доме номер 14 на Лодж-роуд, чтобы не приходилось мыться в жестяном тазу перед камином. Отец нанял профессионального подрядчика, чтобы тот сделал почти всю работу, но через несколько недель сырость начала проходить через стену. Тогда папа отправился в магазин, купил всё, что нужно, и сам все переделал. Но сырость вернулась. Так что отец снова заштукатурил все заново. А она возвращалсь опять, и опять, и опять. К этому времени папа уже видел в этом свое призвание. А если отец что-то решал, то остановить его было уже невозможно. Каких только безумных решений он не придумывал, лишь бы заштукатурить стену и остановить сырость. Этот крестовый поход против сырости продолжался бесконечно. Потом, через несколько лет, папа принес с завода «GEC» мощный промышленный гудрон, покрыл им стену, заштукатурил гудрон, купил желтую и белую

плитку и выложил ей стену.

«Это должно, черт побери, помочь», – сказал он мне.

Я забыл обо всём этом на несколько лет, пока не вернулся в дом для съемок документального фильма на «BBC». К тому времени там жила пакистанская семья, и все стены в доме были выкрашены в белый цвет. Было жутко увидеть наш дом таким. Но потом я вошел в ванную – а на стене по-прежнему была папина плитка, выглядевшая точно так же, как и в тот день, когда отец выложил ей стену. И я подумал, черт побери, всё-таки моему старику это удалось.

До конца дня с моего лица не сходила улыбка.

Я до сих пор сильно скучаю по отцу. Жаль, что мы ни разу так и не сели, не поговорили с ним по-мужски обо всем. И что я многое не спросил у него, когда был маленьким, когда был слишком пьян и занят своей рок-звездной карьерой.

Но, думаю, так всегда и бывает, правда?

В день, когда я ушел из Black Sabbath, мы были в студии «Rockfield» в Южном Уэльсе и пытались записать новый альбом. У нас только что состоялось очередное совещание не тему денег и адвокатов, и я был на грани срыва. Поэтому просто вышел из студии и свалил домой в коттедж Булраш на Тельмином «Мерседесе». Естественно, я был в говно. А потом, как пьяный придурок, начал поливать грязью свою группу в прессе, что было абсолютно несправедливо. Но, знаете, распад группы похож на развод – какое-то время вам хочется только уязвить друг друга побольнее. Парень, которого они нашли мне на замену, тоже был из Бирмингема, и звали его Дейв Уокер. Я давно им восхищался – он пел в Savoy Brown, а потом какое-то время в Fleetwood Mac.

Но по какой-то причине с Дейвом у них не срослось, так что через несколько недель, когда я вернулся, всё опять стало как прежде – по крайней мере, так казалось. Мы даже не обсуждали то, что произошло. Я просто как-то взял и пришел в студию – Билл тогда выступил в качестве миротворца, позвонив мне. Но было ясно, что все изменилось, особенно в моих отношениях с Тони. Думаю, у него самого уже не лежала душа к тому, что мы делаем. Но, когда я вернулся, мы продолжили работать с того же места, где остановились, над альбомом, который решили назвать *«Never Say Die»*.

К тому времени мы начали выправлять свое финансовое положение благодаря Колину Ньюману, посоветовавшему нам записывать альбом в другой стране, чтобы уйти от налогов и не

отдавать 80 % всех своих денег лейбористскому правительству. Мы выбрали Канаду, несмотря на то что в январе там было так холодно, что нельзя было выйти на улицу и не отморозить глаза. Мы забронировали студию «Sounds Interchange Studios» и полетели в Торонто.

Но даже в пяти тысячах километров от Англии старые проблемы преследовали нас.

Например, почти каждый вечер я серьезно напивался в местечке под названием «Gas Works», прямо напротив многоквартирного дома, где жил. Однажды ночью я пошел туда, вернулся, вырубился и проснулся через час от невероятной изжоги. Помню, как открыл глаза и подумал, что за *херня*? Вокруг кромешная тьма, только впереди светилось что-то красненькое. А изжога, между тем, накрывала меня всё сильнее и сильнее. И вдруг я понял, что заснул с сигаретой в руке. *Я и правда горю!* Я вскочил с кровати, сорвал с себя одежду, связал ее в узел тлеющей простыней, побежал и положил всё это в ванну, а затем включил холодную воду и ждал, когда рассеется дым. После этого комната походила на поле после бомбежки, простыни испорчены, а я абсолютно голый и ужасно замерзший.

Ну и какого хрена мне теперь делать? Но тут у меня возникла идея: я разорвал шторы и положил их вместо простыней на кровать. Всё было замечательно, пока на следующее утро не пришла хозяйка с перекошенным лицом и не устроила скандалешник.

«ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ С МОЕЙ КВАРТИРОЙ? – орала она на меня. – УБИРАЙСЯ, ЖИВОТНОЕ! ВОН ОТСЮДА, ТВАРЬ!»

В студии дела шли не намного лучше. Когда я мимоходом упомянул, что хотел бы сделать свой сольный проект, Тони отрезал: «Если у тебя есть песни, Оззи, сначала поделись ими с нами». Но каждый раз, когда я что-то предлагал, меня никто не слушал. Я говорил: «Что думаете об этом, а?» А все отвечали: «Не-а. Полный отстой».

Однажды Тельма позвонила в студию и сообщила, что у нее только что случился выкидыш. Мы собрались и вернулись в Англию. Но возвращение домой ничего не изменило. С Тони мы вообще не разговаривали. Мы не спорили, не рубились, не ругались, просто не общались. Вообще. Во время последней студийной сессии в Англии я плюнул. Тони, Билл и Гизер решили, что хотят записать песню под названием «Breakout», в которой джаз-бэнд будет играть что-то типа *да-да-да-да, ДА*. А я сказал: «Все, на хер! Это я петь не буду точно».

Вот почему в песне «Swinging the Chain» поет Билл. Эта песня «Breakout» была уже вне любых соответствий с нашей музыкой. Если в альбоме будут такие песни, думал я, то с таким же успехом мы могли бы переименоваться из Black Sabbath в Slack Haddock[21]. Единственное, что впечатлило меня в том джаз-бэнде— это количество алкоголя, которое могли выпить его участники. Просто невероятно. Если к полудню не записать всё, что нужно, то работе конец, потому что они все уже ушли и лежат в слюни.

«Never Say Die» в Америке провалился и в Британии показал себя не намного лучше, оказавшись всего лишь на двенадцатом месте в чартах. Зато благодаря ему мы попали на *«Top of the Pops»*. А это оказалось весело, потому что на этой программе мы познакомились с Бобом Марли. Я навсегда запомнил момент, как он вышел из своей гримерки, которая была рядом с нашей, и его голова буквально скрывалась в клубах марихуаны. Боб курил самый большой и толстый косяк, который я только видел. Я всё думал, что он будет петь под фанеру, потому что *никто* не сможет выступить вживую, будучи настолько под кайфом. Но нет – Боб выступил вживую. Причем безупречно.

В то время положение Black Sabbath стало понемногу улучшаться. Решив финансовые проблемы, мы наняли менеджером Дона Ардена, в основном потому, что нас потрясла его работа с Electric Light Orchestra. А лично для меня лучшее, что было в работе с Доном, – это возможность постоянно видеться с его дочерью Шерон. Я почти сразу влюбился в нее. Меня зацепили и ее смех, и то, что она была красивая и гламурная – вся в мехах и бриллиантах. Я никогда не видел ничего подобного. А еще Шерон была такой же шумной и сумасшедшей, как я. Она помогала отцу в делах и каждый раз, встречаясь, мы с ней страшно веселились. К тому же Шерон была отличным собеседником. Но очень долго между нами ничего не было.

Я знал, что с Black Sabbath всё кончено. К тому же было ясно, что остальные тоже сыты по горло моими безумствами. Одно из последних воспоминаний о группе – день, когда я не явился на концерт в «Municipal Auditorium» в Нэшвилле во время нашего последнего турне по США. Мы с Биллом в течение трех дней вынюхали столько кокса в его доме на колесах, что я не спал уже три дня подряд. Я был похож на ходячего мертвеца. Мои зрачки выглядели, как после укола кофеином, кожа была вся красная и колючая, и я почти не чувствовал ног. В пять часов утра в день

концерта, когда мы приехали в город, я наконец завалился спать в отеле «Hyatt Regency». Это был лучший сон за всю мою жизнь. Мне было так хорошо, словно я спал в двух метрах под землей. А проснувшись, понял, что почти пришел в норму.

Но я не знал, что ключ был от номера в другом отеле «Hyatt» – из отеля в городе, где мы останавливались накануне. Гастрольный менеджер отправил мой багаж по нужному адресу, а вот сам я пришел не туда. Это не должно было стать проблемой: мой ключ просто не подошел бы к двери, и я, спустившись к администратору, обнаружил бы ошибку. Но в номере была горничная, которая взбивала подушки, поэтому дверь была открыта. Я вошел и показал ей ключ – на котором был верный номер и логотип «Hyatt». Горничная пожелала мне приятного отдыха и закрыла за собой дверь, а я лег не в ту постель не в том номере и заснул.

На двадцать четыре часа.

В день нашего концерта. Конечно, в отеле посылали за мной, но в номере нашли там только мой багаж. Все понятия не имели, что я в отрубе на другом этаже в другом крыле здания. Ребята паниковали, мою страшную рожу показывали по всем местным телеканалам, копы отправили специальный поисковый отряд, поклонники начали планировать бдение при свечах, страховая компания разрывала телефон, все концертные площадки в Америке приготовились отменить наши выступления, а Тельма решила, что стала вдовой.

А потом я проснулся.

Первым делом я позвонил администратору и спросил, который час. «Шесть часов», – ответила мне женщина. Идеальное время, подумал я. Концерт начнется в восемь. Я встал с постели и стал искать свой чемодан. Потом понял, что вокруг как-то слишком тихо.

Поэтому я позвонил администратору еще раз.

– Утра или вечера? – спрашиваю.

– Простите?

– Вы сказали, что сейчас шесть часов. Утра или вечера?

– А, утра.

– А.

Потом я позвонил в номер гастрольного менеджера.

– Да? – каркнул он.

– Это я, Оззи. Кажется, у нас проблемы.

Молчание.

Затем последовали слезы – слезы ярости. До сегодняшнего дня мне не вставляли такого количества этих самых..

О том, что я уволен, мне сообщил Билл.

Это было 27 апреля 1979 года, в пятницу днем.

Мы репетировали в Лос-Анджелесе, я был пьян, но тогда я всё время был таким. Очевидно, что сделать это Билла заставили остальные, потому что это совсем не его роль.

Я точно не помню, что он мне сказал. С тех пор мы об этом больше не говорили. Но основной смысл был в том, что Тони считал меня алкашом, наркоманом и неудачником и что я только сбиваю с пути всех остальных. Я понял, что Айомми наконец отомстил мне за тот мой уход из группы. Честно говоря, я даже не сильно удивился: в последнее время в студии у меня было ощущение, что Тони пытается вывести меня из себя, заставляя снова и снова, дубль за дублем перезаписывать вокальную партию, хотя она изначально была неплоха.

Я не мог позволить этим событиям повлиять на нашу дружбу с Биллом. Я сочувствовал парню, потому что у него недавно умерла мама. А вскоре после того, как меня выгнали из Black Sabbath, умер его отец. Узнав об этом, я решил – к черту войны, я всё еще его друг, мы всё те же люди, многие месяцы прожившие вместе в доме на колесах, гастролируя по Америке. И сразу поехал к Биллу в Бирмингем.

Он очень тяжело перенес потерю, и я ему сильно сочувствовал. А потом похороны его отца вдруг превратились в фарс. Гроб вынесли из церкви, и оказалось, что кто-то из присутствующих угнал машину викария. Викарий наотрез отказался продолжать службу, пока не получит обратно свою машину. К счастью, кто бы там ни угнал эту чертову машину, он не смог снять блокировку руля и в итоге въехал в клумбу. Представьте, каково это – когда ты провожаешь в последний путь своего старика, а вокруг происходит вся эта херня. Невероятно.

Но я бы солгал, сказав, что не чувствую предательства со стороны с Black Sabbath. Мы ведь не были каким-нибудь штампованным бой-бэндом, участников которого легко менять. Мы были четырьмя парнями из одного города, которые выросли в одном районе. Мы были как братья, как одна семья. И увольнять меня за то, что я все время ходил в говно, – лицемерная херня. Мы *все* были в говно. Если ты под кайфом, и я под кайфом, и ты говоришь, что я уволен за то, что я под кайфом – как такое, черт побери, может быть? Потому что я *слегка* больше в говно, чем ты?

Но меня это давно не волнует – ведь в итоге всё сложилось только к лучшему. Сложившаяся ситуация дала мне мощный пинок под зад, который был очень нужен. А ребятам, наверное, было гораздо веселее записываться с новым вокалистом. Не могу сказать ничего плохого о парне, которого они наняли вместо меня – Ронни Джеймсе Дио раньше пел в Rainbow. Он отличный вокалист. Но, опять же, он не я, а я не он. Я только жалею, что свою группу они не назвали Black Sabbath II.

И всё.

Часть вторая
Начать сначала

7. Де-Мойн

Внезапно я оказался безработным.

Без особых шансов на трудоустройство.

Помню, как подумал, что у меня в кармане есть еще немного денег, и я в последний раз сгоняю в Лос-Анджелес, а потом окончательно вернусь в Англию. Я действительно решил, что коттедж Булраш придется продать, а самому пойти работать на стройку или завод. Я просто смирился с фактом, что всё кончено. В любом случае, все что со мной происходило и так никогда не казалось мне по-настоящему реальным. Первым делом я поселился в отеле «Le Parc» в Западном Голливуде, который оплачивала компания Дона Ардена «Jet Records». Если честно, я очень удивился, что Дон на него раскошелился. В тот момент, когда он поймет, что я не вернусь в Black Sabbath, сказал я себе, меня оттуда вышвырнут – так что можно кутнуть, пока этого не произошло. В отеле «Le Parc» были не номера, а небольшие апартаменты с кухней, где можно было готовить. Но меня не выгоняли. Я просто сидел на кровати в комнате с закрытыми шторами и смотрел старые военные фильмы. Я не видел дневного света несколько месяцев. Ко мне приходил дилер – приносил кокс или траву, бухло доставляли из магазина «Gil Turner's», да время от времени девчонки приходили потрахаться. Странно, что кто-то из них еще на это решался. Я ел столько пиццы и пил столько пива, что сиськи у меня были больше, чем у жирного старшего брата Джаббы Хатта.

Я сто лет не видел Тельму и детей. Звонил им по телефону, но чувствовал, что они словно ускользают от меня, и из-за этого еще больше впадал в депрессию. Так получилось, что с Black Sabbath я проводил больше времени, чем со своей семьей. Обычно мы несколько месяцев гастролировали, недели три отдыхали, а потом ехали сразу на какую-нибудь ферму или в замок и зажигали на всю катушку, пока не появлялись новые песни. Так мы жили десять лет, и вся наша личная жизнь пошла прахом: брак Билла развалился, брак Тони развалился, брак Гизера развалился. Но я не хотел этого, потому что тогда потерял бы и дом, и детей, а я уже потерял отца и группу.

Я просто хотел закрыться, уйти от всего этого.

Поэтому я спрятался в «Le Parc» и пил, и пил.

В один прекрасный день ко мне в дверь постучал Марк Носиф. Он был барабанщиком и тоже работал под крылом Дона Ардена, играя

со всеми, начиная с Velvet Underground и заканчивая Thin Lizzy. Марк сказал, что к нему должна прийти Шерон из «Jet Records» и кое-что забрать – а он жил здесь же, в других апартаментах, – но он должен ехать на концерт. И протянул мне конверт.

– Не мог бы ты оказать услугу и передать ей это? – спросил Марк. – Она позвонит тебе снизу.

– Без проблем, – ответил я.

Как только он закрыл дверь, я взял нож и открыл конверт. Внутри было пятьсот долларов наличными. Черт знает, для чего они были нужны, и мне было всё равно. Я просто позвонил своему дилеру и купил кокса на пятьсот долларов. Через несколько часов пришла Шерон и спросила, есть ли у меня что-то для нее.

– Нет, – ответил я, сделав невинный вид.

– Ты уверен, Оззи?

– Абсолютно.

Не нужно было быть Эйнштейном, чтобы понять, что произошло. На столике лежал большой пакет кокса, а рядом вскрытый конверт, на котором маркером было выведено «Шерон».

Увидев это, Шерон устроила мне основательную взбучку. Она ругалась и кричала, что я чертова ходячая неприятность.

«Кажется, такими темпами я ее не скоро трахну», – подумал я.

Но на следующий день она вернулась и застала меня лежащим в луже собственной мочи и курящим косяк.

– Слушай, – сказала она, – мы хотим работать с тобой, но ты должен взять себя в руки.

– С чего бы кому-то хотеть *со мной* работать? – удивился я.

Я никак не мог в это поверить. Правда, не мог. Но хорошо, что хоть *кому-то* есть до меня дело, потому что у меня за душой оставалось всего несколько долларов. О моих гонорарах за работу в Black Sabbath речи не шло, их просто не было, счета в банке тоже. Сначала Дон хотел, чтобы я замутил группу под названием Son of Sabbath, что показалось мне ужасной идеей. Потом хотел, чтобы я что-то придумал с Гэри Муром. От этого я тоже был не в восторге, несмотря на то, что однажды мы съездили в Сан-Франциско с Шерон, Гэри и его подружкой и хорошенько повеселились. Честно говоря, в этой поездке я и понял, что влюбился в Шерон. Но ничего не произошло: в конце вечера она просто вернулась к себе в отель, а я продолжил пускать слюни в пиво.

Худшая идея, которая пришла в голову Дону Ардену, – чтобы мы с группой Black Sabbath давали совместные концерты, выступая по

очереди. Я спросил Шерон: «Он что, стебется?» Но потом Шерон начала все больше заниматься моими делами и решила, что мне нужен настоящий сольный альбом.

Я хотел назвать его *«Blizzard of Ozz»*.

И потихоньку всё начало складываться.

Я никогда не встречал человека, которому бы всё удавалось так же, как Шерон. Если она говорила, что что-то сделает, то так и будет. Или, по крайней мере, возвращалась и говорила: «Слушай, я сделала всё возможное, но у меня не вышло». Она была менеджером от Бога, рядом с которым всегда знаешь, что происходит. А вот отец Шерон орал и лез на рожон, как какой-нибудь главарь банды, поэтому я старался его избегать. Конечно, чтобы записать альбом и отправиться в турне, мне нужна была группа. Раньше никогда не проводил прослушиваний и был без понятия, с чего начать. Шерон помогала мне и устраивала встречи со множеством молодых, подающих надежды гитаристов из Лос-Анджелеса. Но я был в неподходящем состоянии, поэтому просто находил диван в углу и на нем вырубался. Однажды мой друг Дейна Страм – который пробовался на бас-гитариста – сказал: «Слушай, Оззи, есть один парень, на которого тебе точно стоит посмотреть. Он играет в группе под названием Quiet Riot, и он очень хорош». И вечером этот тощий американский парень пришел в «Le Parc». Первое, что пришло мне в голову: он либо баба, либо гей. У парня были длинные, словно мокрые волосы, странный глубокий голос, и он был настолько худой, что его почти не было. Он немного напоминал мне Мика Ронсона, гитариста Дэвида Боуи.

– Сколько тебе лет? – спросил я, когда парень вошел.

– Двадцать два.

– Как тебя зовут?

– Рэнди Роадс.

– Хочешь пива?

– Я бы выпил колы, если есть.

– Я принесу тебе пиво. Кстати, ты парень?

Рэнди рассмеялся.

– Я тебя серьезно спрашиваю – сказал я.

– Э… да. С утра был.

Рэнди, должно быть, решил, что я гребаный псих.

Потом мы поехали в студию, чтобы я послушал его игру. Помню, как Рэнди подключил свою гитару «Gibson Les Paul» к маленькому репетиционному усилителю и спросил: «Ничего, если я немного

разомнусь?»

– Да делай что хочешь, – ответил я.

И он начал «разогреваться».

– Достаточно, Рэнди, остановись.

– Что не так? – спросил он, обеспокоенно посмотрев на меня.

– Ты принят.

Нужно было слышать, как Рэнди играет, приятель. Я чуть не заплакал, настолько он был хорош.

Вскоре мы полетели в Англию репетировать. Я быстро понял, что, несмотря на то, что Рэнди выглядел как Мистер Крутой, он был очень милым и рассудительным парнем. И настоящим джентльменом – уж этого точно не ожидаешь от американских рок-н-рольщиков.

Я не мог понять, почему он вообще захотел связываться с опухшим пьянчугой-неудачником вроде меня.

Сначала мы жили в коттедже Булраш с Тельмой и детьми, где и написали нашу первую песню «Goodbye to Romance». Работа с Рэнди и работа с Black Sabbath были, как небо и земля. Однажды я просто бродил по дому и напевал мелодию, которая несколько месяцев крутилась у меня в голове. Рэнди спросил: «Это твоя песня или The Beatles?» Я ответил: «Это не песня, просто что-то в голове застряло». Но он заставил меня сесть и записать мелодию.

Рэнди был невероятно терпелив, и я даже не удивился, узнав, что его мама – учительница музыки. Впервые в жизни я почувствовал себя с кем-то на равных в написании песен.

Еще одно яркое воспоминание о Рэнди связано с тем, как была написана песня «Suicide Solution». Мы были на вечеринке группы Wild Horses на репетиционной базе Джона Хенри в Лондоне. Все были под чем-то, а Рэнди сидел в углу и экспериментировал с риффами на своей гитаре «Flying V». Вдруг он сыграл да-да-да-ла-да, ДА, да-ла-*да*. Я кричу:

«Эй, Рэнди! Что это было?»

Он только пожал плечами. Я попросил его сыграть это еще раз, а потом напел строчки, которые какое-то время крутились у меня в голове: «Wine is fine, but whiskey's quicker / Suicide is slow with liquor». И всё, почти всю песню мы написали прямо там. Вечер закончился тем, большим совместным джемом.

Там был и Фил Лайнотт из Thin Lizzy. Тогда я в последний раз виделся с ним. У Фила судьба сложилась очень трагично. Я всегда считал, что он не достиг того, чего мог бы достичь. Великолепный,

черт побери, артист, прекрасный голос, классный стиль, но в итоге его сгубил старик героин.

Слава Богу, что я не влип в это дерьмо.

Рэнди обожал Британию.

Каждые выходные он садился в фургон и ехал куда-нибудь – просто посмотреть новые места. Куда он только не ездил – в Уэльс, Шотландию, Озерный край. Еще Рэнди коллекционировал игрушечные поезда и привозил их отовсюду, где только ни бывал. Он был спокойным, очень сосредоточенным парнем, не любил выделываться, но с ним было весело. Как-то раз мы сидели в баре, а в углу какой-то парень исполнял классическую музыку на пианино. Вдруг Рэнди подошел к нему и сказал:

«Не возражаешь, если я присоединюсь?»

Парень смотрит на Рэнди, смотрит на бар, видит меня и говорит:

«Э… конечно».

Рэнди достает свой «Гибсон», подключает к маленькому комбику и начинает подыгрывать Бетховену или чему-то еще… Ну а потом начинает вплетать туда всякие всякие рок-н-ролльные пассажи, и к концу произведения уже стоит на коленях, с высунутым языком и выпиливает дичайшее соло. Это было чертовски весело. Весь бар просто покатывался.

Забавно, но, как мне кажется, Рэнди никогда особо не нравились Black Sabbath. Он был *серьезным* музыкантом. То есть многие рок-н-ролльные гитаристы очень хороши, но они эксплуатируют какую-то одну фишку и используют один трюк, и, если не знаешь песню, то по ним можно сразу распознать что такое – кто такой. Но Рэнди мог сыграть что угодно. На него повлияло огромное количество музыкантов, от Лесли Уэста до таких звезд джаза, как Чарли Крисчен, и классических ребят вроде Джона Уильямса. Он не понимал, почему люди тащатся от «Iron Man», считал ее настолько простой, что ее сможет исполнить даже ребенок.

Мы даже спорили на эту тему. Я говорил:

«Слушай, если песня всем нравится, кому какое дело, насколько она простая? Сложно придумать что-то проще риффа песни «You Really Got Me» – но ведь она чумовая. Когда я купил этот сингл, я слушал его, пока не сломалась иголка на отцовской радиоле».

Рэнди только пожимал плечами и отвечал: «Наверное».

Пока мы были в Англии, брат Шерон нашел нам басиста Боба Дэйсли, парня из Австралии, который подписал контракт с

компанией Jet в составе группы Widowmaker, поэтому Дэвид был с ним знаком. Боб мне сразу понравился. Он был настоящим рок-н-ролльщиком с пышной шевелюрой, облаченный в джинсовки-безрукавки. Мы вместе были не против и в паб заглянуть, и кокса нюхнуть.

Но Боб был не просто басистом. Он тоже помогал писать песни.

Оттягивались мы с ним здорово, по крайней мере, поначалу. А вот найти барабанщика оказалось не так уж просто.

Прослушав пол-Британии, мы наконец нашли Ли Керслэйка, который играл в Uriah Heep. Он был парнем, что надо. Ли – один из тех верзил, что комфортнее всего ощущают себя в пабе. Очень крутой барабанщик, но вот парень, с которым я действительно очень хотел играть, – Томми Олдридж из группы Pat Travers Band – оказался занят.

Еще одним участником нашего первого состава был клавишник из Ипсвича по имени Линдси Бриджуотер. Он был очень образованным парнем и никогда не имел дела с типами вроде нас. Я сказал ему: «Линдси, ты похож на гребаного школьного учителя. Я хочу, чтобы ты зачесал волосы назад, надел белый плащ, накрасился черной помадой и карандашом для глаз. А когда играешь на сцене, то должен *рычать* на зрителей».

Бедный парень с нами долго не протянул.

Я бы нагло соврал, если бы сказал, что не чувствовал себя соперником Black Sabbath, когда записывал *«Blizzard of Ozz»*. Я, конечно, желал им добра, но в душе обсирался от страха, что без меня они добьются бо`льших успехов. Их первый альбом с Дио был довольно хорош. Я, конечно, не побежал его покупать, но слышал несколько песен по радио. Он занял девятое место в чартах Британии и двадцать восьмое в Штатах. К тому времени, когда в студии «Ridge Farm» в Суррее мы закончили *«Blizzard of Ozz»*, я уже понимал, что у нас получился крутой альбом. Собственно, к окончанию работы материала было даже на два альбома.

И было просто круто наконец-то держать рычаги управления процессом, мне наконец это удалось. Хотя, даже если тебе самому сделанное кажется по-настоящему клевым, никогда не можешь точно предугадать реакцию публики. Все встало на свои места, когда на радио начали крутить «Crazy Train». Наконец дело было в шляпе. Альбом выстрелил.

Когда он вышел в Великобритании в сентябре 1980 года, то сразу взлетел на седьмое место в чартах. В Америке он появился спустя

полгода и хотя занял лишь двадцать первое место в хитах, продался тиражом в четыре миллиона экземпляров, а потом альбом *Blizzard of Ozz* вошел в топ-100 альбомов-бестселлеров десятилетия по версии *«Billboard»*.

А что рецензии? Не знаю. Я их не читал.

За несколько дней до начала гастролей я наконец-то затащил Шерон к себе в постель. Долго же я этого ждал, черт побери. Мы работали в студии «Shepperton» в Суррее и готовились к своему первому концерту, который должен был состояться в Блэкпуле под вымышленным названием The Law. Все мы жили в одном отеле через дорогу, и я просто проводил Шерон до ее номера. Возможно, я даже использовал свой весьма «оригинальный» прием: «Можно посмотреть у тебя телевизор?» Обычно мне на это отвечали: «Отвали, у меня нет телевизора».

Но на этот раз прием почему-то сработал.

Естественно, я был в говно. Как и Шерон – иначе быть *не могло*. Всё, что я помню, – она решила пойти в душ, а я просто сорвал с себя одежду и запрыгнул к ней. Одно за другое, и вот случилось то, что обычно бывает, когда залезаешь к девушке в душ.

Я очень сильно влюбился в Шерон, чувак.

Дело в том, что до нашей встречи я никогда не встречал девушки, настолько *похожей* на меня. Когда мы с ней куда-то ходили, люди обычно думали, что мы брат и сестра. Куда бы мы ни пошли, везде оказывались самыми пьяными и самыми шумными.

В то время мы постоянно творили что-то безумное.

Однажды вечером в Германии мы пошли на большой ужин с главой «CBS Europe», который выпускал альбом *«Blizzard of Ozz»*. Это был большой бородатый парень, который жевал сигару и был совершенным трезвенником. Конечно, я чувствовал себя не в своей тарелке, черт побери. И вот мы все сидим за огромным столом, как вдруг посреди ужина мне взбрело в голову залезть на стол и станцевать стриптиз. Какое-то время всем казалось, что это забавно. Но в итоге я оказался совершенно голым, нассал в винный графин парня из «CBS», встал перед ним на колени и поцеловал его в губы.

Вот это уже смешным никому не показалось.

После этого ни одну из наших песен не крутили в Германии много лет. Помню, как мы летели назад из Берлина, а Шерон рвала контракты и ругалась:

– Минус одна страна.

– Но ведь стриптиз стоил того, правда? – спросил я.

– Оззи, это был не стриптиз. Это была чертова пародия на нацистский парад. Ты оскорбил бедного немца до глубины души. А потом ты еще и свои чертовы шары в вино сунул.

– Вроде я нассал ему в вино?

– Это было *до того,* как ты нассал ему в вино.

Потом мы отправились в Париж, а я всё еще не отошел от Берлина. Я был *до одури* пьян, потому что бухло давали нам на халяву. К тому времени все уже узнали о том, что произошло в Германии, поэтому люди из звукозаписывающей компании, которые повели нас выпить в ночной клуб, глаз с нас не спускали. Все говорили о делах, и, чтобы развеять скуку, я повернулся к парню, который сидел рядом со мной и сказал: «Эй, сделаешь мне одолжение?»

– Конечно, – ответил он.

– Дай мне по морде.

– Что?

– Дай мне по морде!

– Я не могу этого сделать.

– Слушай, я попросил сделать мне одолжение, и ты сказал, что сделаешь. Ты *обещал*. Так что дай мне по роже!

– Нет!

– Просто ударь меня.

– Мистер Осборн, мне жаль, но я не могу этого сделать.

– Ну давай! ТЫ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ОБЕЩ…

– *БАМ!*

Последнее, что я увидел, – это как к моему лицу летит кулак Шерон, сидящей напротив. После этого я лежу на полу, из носа идет кровь, а я вот-вот выплюну половину зубов.

Открываю глаза и вижу, как Шерон смотрит на меня сверху. «Теперь ты доволен?» – спросила она меня.

Я сплюнул кровь и сопли: «Очень доволен, спасибо».

Той ночью я лежал в номере отеля, и у меня был самый тяжелый отходняк от кокаина, какой только можно себе представить. Меня трясло, я потел, мной овладевали параноидальные мысли. Но как только я повернулся и попытался обнять Шерон, она охнула и оттолкнула меня.

«Шерон, – заскулил я. – Кажется, я умираю». Тишина.

Я попробовал еще раз: «Шерон, кажется, я *умираю*!» Снова тишина.

Ещё раз: «Шерон, кажется, я...»

– Тогда умирай потише. Мне нужно поспать. У меня утром встреча.

Мы с Шерон постоянно заводили друг друга.

Однажды вечером мы пошли вместе выпить в баре отеля. Заняли место в углу, и я пошел к бару за пивом. Но меня отвлек парень в инвалидном кресле – байкер из Hells Angels. Мы с ним немного поржали, и я совершенно забыл, что должен вернуться к Шерон, которая ждала пиво. А потом я услышал голос из угла.

– Оззи! ОЗЗИ!

О черт, подумал я, сейчас мне устроят старую добрую взбучку. И по пути придумал нелепую историю.

– Прости, дорогая, – сказал я, – но ты ни за что не поверишь, что случилось с тем парнем. Он рассказывал мне свою историю, и я не мог не дослушать.

– Дай-ка угадаю: он упал с мотоцикла.

– О нет, – ответил я. – Гораздо хуже. Он страдает от рикошета.

– Страдает от *чего*?

– Рикошета.

– Что это за херня такая – рикошет?

– А ты что, не знаешь?

Это слово только что пришло мне в голову, и я отчаянно пытался придумать, что же оно может означать.

– Нет, Оззи, я не знаю, что такое рикошет.

– Это просто жесть.

– НУ, И ЧТО ЖЕ ЭТО, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ТАКОЕ?

– Его можно заработать, если девчонка ублажает тебя руками. Так вот, она тебе дрочит, а потом, когда ты вот-вот кончишь, она кладет большой палец тебе на головку, и иногда – если тебе не повезет так же, как этому бедному парню, – сперма идет по каналам обратно, и, понимаешь...

– В миллионный раз повторяю, Оззи, я не понимаю.

– Ну, это, э... типа она повреждает позвоночник.

– О боже мой! – воскликнула Шерон с неподдельным удивлением. – Это ужасно. Пойди и возьми этому бедному парню еще выпить.

Я поверить не мог, что она купилась.

Больше я об этом не думал, но потом, через пару недель, я как-то сидел у студии «Jet Records», ждал, когда там закончится встреча. Я

услышал только, как Шерон несколько раз повторяет слово «рикошет», а парни в комнате гогочут: «Что? *Рикошет?* Какого черта ты несешь?»

Потом бурей выносится Шерон, вся красная, и кричит: «Ах ты, чертов УБЛЮДОК, Оззи!»

Бум.

На гастролях в поддержку *«Blizzard of Ozz»* Шерон все держала железной рукой под жестким контролем. Впервые за свою карьеру я видел, что человек настолько тщательно всё планирует. Еще до начала турне она сказала: «У нас есть два варианта, Оззи. Мы можем играть на разогреве у более крутой группы типа Van Halen или давать свои собственные концерты, но на небольших площадках. Я думаю, что лучше начать с маленьких площадкок, потому что у тебя всегда будут гарантированные аншлаги, а люди, видя знак «все билеты проданы», сразу хотят пойти на концерт. Кроме того, на афишах ты всегда будешь хедлайнером».

Это была блестящая стратегия.

Куда бы мы ни приехали, залы был забиты до отказа, а на улице стояли очереди.

Надо сказать, что мы вкалывали изо всех сил.

Это был мой шанс, и я понимал, что второго может не представиться. На самом деле, мы с Шерон оба это знали, поэтому соглашались на участие во всех радио- и телепередачах и во всех интервью. Ни одна площадка не была для нас слишком маленькой. Каждая проданная пластинка и каждый билет были на счету.

Я понял, что если Шерон решила чем-то заняться и чего-то добиться, то она окунется в это с головой, отдаст себя без остатка и будет рубиться до самого конца. Если Шерон клюнул жареный петух, то остановить ее уже невозможно. А со мной по-другому: если бы она постоянно меня не пинала, то сомневаюсь, что я смог бы добиться успеха. Если честно, то, *конечно,* не добился бы.

Шерон ничего не воспринимала как должное. У нее это в крови. Она рассказывала мне, что в семье было либо всё – как из рога изобилия, – либо полный голяк. Сегодня у них «Роллс-Ройс» и цветной телевизор в каждой комнате, а завтра они прячут машину, а банк изымает у них телевизоры. Их семья всю жизнь жила на американских горках.

В вопросах бизнеса я никому не *доверял* так, как Шерон. Для меня это невероятно важно, потому что в контрактах я абсолютно ничего не понимаю. Наверное, я сам не желаю понимать их, потому что

терпеть не могу таящийся в них собачий бред и удары ножом в спину. Но Шерон умела обращаться не только с финансами. Она еще и создала мне новый имидж, моментально преобразив мой неряшливый вид, в котором я пребывал в Black Sabbath. «Когда из Лос-Анджелеса приехала мама Рэнди, то решила, что ты в группе на подхвате», – сказала однажды Шерон, а потом отвела меня к парикмахеру, который осветлил мне волосы. Это было в восьмидесятые – нужно было быть ярким. Люди смеются над этим, но сегодня, когда идешь на концерт, то непонятно, кто из ребят играет в группе, а кто просто зритель, потому что все выглядят, черт возьми, одинаково. А вот раньше, когда кто-то выходил на сцену с вызывающе блестящей прической, то он выглядел *по-особенному*.

В какой-то момент мои сценические костюмы стали настолько яркими, что люди стали принимать меня за трансвестита. Я носил штаны из спандекса и длинные плащи, усыпанные стразами.

Когда я об этом вспоминаю, мне стыдно не за одежду, а за то, насколько я тогда обрюзг. Я был жирным, вечно пьяным придурком, любителем пиццы. Надо было видеть мою *рожу*, ее просто чертовски разнесло. Неудивительно, если посчитать, сколько «Гиннесса» я ежедневно пропускал через себя. Чувак, пол-литра «Гиннесса» – это как три обеда.

Еще один человек, которому я стал доверять в том турне, – Тони Деннис. Он был маленьким парнем из Ньюкасла, который приходил на каждый концерт без исключения. Дело было в середине зимы, но поверх футболки у него была всего-то маленькая джинсовая курточка. Он, должно быть, себе яйца отморозил, пока стоял в очереди. Тони приходил на столько концертов, что в конце концов я стал пропускать его бесплатно, несмотря на то, что не понимал ни слова из того, что он, черт возьми, говорит. Только что-то вроде: «А чё, знашь, туни-луми, как ты, мжик, тип». Я знал только, что, возможно, он меня оскорбляет.

Однажды мы были в Кентербери, было минус пять или около того, и я спросил:

– Как ты добираешься на концерт, Тони?

– Афтофтопом, чуфак.

– А где ты спишь?

– На вокзалах. В телефонных будках. Да вефде.

– Вот что я тебе скажу, – ответил я. – Если будешь помогать нам с багажом, у нас найдется для тебя место.

И с тех пор Тони со мной. Он как член семьи, отличный парень и

замечательный человек. Я полагаюсь на Тони, он настолько знает свое дело, что это просто удивительно. Он решает проблемы любой сложности, и я полностью ему доверяю. Можно было оставить на столе большую кучу денег, вернуться через два года, и она осталась бы на том же месте. В свое время Тони даже присматривал за моими детьми. Они до сих пор зовут его дядей Тони. И всё это благодаря тому вечеру в Кентербери, когда я спросил, как он добирается на концерт.

После той первой ночи в отеле напротив студии «Shepperton» мы с Шерон трахались повсюду. Мы не могли остановиться, и все нам было мало. Даже не утруждали себя закрывать двери. Люди, окружавшие нас, точно знали, что происходит. Иногда вечером Шерон выходила в одну дверь, а Тельма заходила в другую. Я постоянно оставался совсем без сил, с двумя женщинами сразу. Не понимаю, как французам это удается. Например, когда я был с Шерон, я регулярно называл ее «Тэрон», за что получил не один фингал.

Сейчас я понимаю, что, конечно, должен был сразу расстаться с Тельмой. Но этого делать не хотел из-за детей. Я знал, что, когда родители разводятся, дети всегда страдают больше других. И мысль о том, чтобы потерять семью, была мне невыносима. Это было слишком больно, я бы этого не пережил.

С другой стороны, я понимаю, что до встречи с Шерон я ни разу по-настоящему не влюблялся, хотя у нас и не было обычного романа. Шерон была нарасхват, я был женат на Тельме. Сначала Шерон пила почти столько же, сколько я. Когда мы не трахались, мы ссорились. А когда мы не ссорились, мы пили. Но были неразлучны и не могли прожить друг без друга. На гастролях мы всегда жили в одном номере, а если Шерон уезжала по делам, то я часами говорил с ней по телефону и рассказывал о том, как сильно ее люблю и как не могу дождаться, когда же мы снова увидимся. У меня никогда *ни с кем* такого не было. Честно говоря, до встречи с Шерон я даже не представлял, что такое любовь. Я путал любовь с увлечением или страстью. Потом понял, что, когда ты влюблен, дело не в том, чтобы возиться в постели, а в том, насколько ты опустошен, когда ее нет рядом. А мне было невыносимо, когда Шерон рядом не было.

Но как бы сильно я в нее ни влюбился, я знал, что так продолжаться дальше не может. Какое-то время я думал, что могу жить в обоих мирах – и с семьей, и с любимой женщиной, – но

нужно было от чего-то отказаться. И в Рождество, когда мы вернулись с гастролей по Британии, я всё рассказал Тельме, потому что по какой-то тупой причине, пришедшей в мою пьяную голову, решил, что это как-то поможет. Не самая, черт возьми, гениальная идея.

Тельма просто взорвалась, выгнала меня и сообщила, что ей нужно время подумать.

Потом еще и Дон Арден подкинул дровишек. Он позвал Тельму на встречу в Лондоне и сообщил, что мной снова будет заниматься его сын Дэвид и чтобы я держался подальше от Шерон. Но, по правде говоря, ему просто было до усрачки страшно, что Шерон уйдет из «Jet Records» и начнет свое дело. А это обойдется ему в целое состояние, особенно если она прихватит с собой меня, – и именно так она в итоге и поступила. Но Дон должен был знать, что если Шерон что-то задумала, то она это сделает, несмотря ни на что. А если кто-то попытается ее остановить, то она сделает это, приложив вдвое больше усилий.

Дэвид не продержался и пяти минут.

Перед тем, как в апреле 1981 года отправиться в турне по Штатам в поддержку *«Blizzard of Ozz»*, мы вернулись в студию «Ridge Farm» и записали *«Diary of a Madman»*. Я до сих пор не понимаю, как мы так быстро обернулись. Думаю, что в студии мы провели чуть меньше трех недель.

Пока мы записывались, все жили в маленькой паршивой квартирке. Навсегда запомню то утро, когда проснулся и услышал потрясающий акустический рифф из комнаты Рэнди. Я ворвался к нему прямо в трусах, а он сидит и занимается музыкой с очень строгим учителем классики.

– Что это ты только что сыграл? – спросил я, пока учитель пялился на меня, как на лохнесское чудовище.

– Оззи, я занят!

– Я знаю, но что ты только что сыграл?

– Моцарта.

– Отлично. Мы стырим этот рифф.

– Мы не можем тырить у Моцарта.

– Уверен, он не будет возражать.

В итоге рифф стал вступлением к «Diary of a Madman», но, когда Рэнди его закончил, от Моцарта там осталось очень немного.

Весь остальной альбом был абсолютно не готов. Мы так спешили,

что в конце концов сводили его прямо в дороге. Мой продюсер Макс Норман присылал исходники прямо в номер отеля, а я звонил ему из таксофона и просил добавить басов тут или средних там.

Как раз примерно в это время Боб и Ли начали ныть по любому поводу, чем сводили меня с ума. Как ни посмотрю, они сидят в углу и шепчутся как школьницы. С самого начала Боб хотел, чтобы группа была не командой Оззи Осборна, а имела четкое название. Я этого не понимал. С чего бы мне могло захотеться уйти из одной группы и попасть в другую? Или чтобы все сидели и обсуждали-рассуждали: «Сыграть нам этот концерт или лучше – вон тот. Давайте над этим десять раз подумаем». Если бы Боб и Ли пришли в офис «Jet» и сразу заявили: «Мы хотим быть на равных с Оззи в этой группе», – я бы ответил: «Не-а, спасибо, мне хватило. Главный здесь я. Всего хорошего!» Но Боб бывал настойчив, и, если бы не Шерон, он, возможно, трахал бы мне мозги до тех пор, пока не заставил бы это сделать. Видите ли, моя проблема в том, что я в подобных случаях просто сдаюсь и со всем мирюсь. Иногда мне кажется, это потому, что я не играю ни на одном из музыкальных инструменов и из-за этого не заслуживаю находиться с музыкантами в одной комнате, понимаете?

В общем, в какой-то момент Шерон пришла очень взволнованная и сказала: «Отличные новости, парни! Билеты на концерты в Palladium» в Нью-Йорке были полностью распроданы за час!» Мы обрадовались, стали свистеть и лупить друг другу «пять». Шерон ушла ответить на телефонный звонок, а когда вернулась, ее улыбка стала еще шире, и она объявила: «Ни за что не догадаетесь: в «Palladium» хотят, чтобы мы в этот день дали у них *два* концерта».

Я не мог в это поверить: неужели всё и правда получается? Но Боб и Ли вдруг затихли, слились пошептаться. А когда вернулись, то заявили: «Если мы даем два концерта, мы хотим двойную ставку за выступление и удвоить «гастрольные». Мне это показалось немного чересчур. Никто из нас до сих пор не видел наличных, Ардены оплачивали студийное время, отели, еду, оборудование, роуди, да черт знает что еще. А эти ребята думают, что деньги падают с неба? Дело в том, что всё до последнего пенни нужно было вернуть Дону. Но Бобу и Ли не нужно было об этом беспокоиться, потому что, по сути, они были сессионными музыкантами. Поэтому после такого заявления я решил, что им стоит уйти, и сказал Шерон, что если так и будет продолжаться, то такие требования будут возникать каждые пять минут. Мне это дико надоело.

Вот так мы и расстались с Бобом и Ли, хотя я потом еще несколько раз сотрудничал с Бобом, пока он не начал каждый день подавать на меня по иску.

Печально, что деньги делают с людьми. Дело всегда в деньгах. Но я искренне верю, что, если бы Боб и Ли остались, то я не был бы там, где я сейчас. Общая кислая атмосфера точно бы разрушила весь процесс. К счастью, Шерон уже давно искала им замену – они и ее нервировали – и смогла уговорить Томми Олдриджа, барабанщика, которого я хотел взять с самого начала, и басиста по имени Руди Сарзо, который работал с Рэнди в Quiet Riot. Так все и сложилось.

Как только альбом был готов, мы собрали барахло и двинулись в Лос-Анджелес, чтобы неделю порепетировать и встретиться со звукозаписывающей компанией. Ну а потом в Мэриленде начиналось турне.

Не спрашивайте, кто купил голубей.

Всё, что я знаю, – Шерон показала их мне в лимузине, по пути в штаб-квартиру «CBS Records» в Сенчери Сити, через несколько дней после того, как мы приехали в Лос-Анджелес.

«Разве они не прекрасны? – сказала она. – Слушай, как *воркуют*. О-о-о».

Встреча с «CBS» была очень важной.

Несмотря на то, что *«Blizzard of Ozz»* в Англии стал хитом, нам очень-очень важен был успех в Штатах, потому что все мы были на мели. Всё зависело от этого успеха. Когда мы отправились в тур, то жили на хлебе и воде, ночевали в отелях с клопами, а один из нас был пристегнут наручниками к портфелю, где лежали наши последние деньги, которых было, черт побери, очень мало. Нам даже не выплатили аванс за *«Diary of a Madman»*, потому что Шерон не удалось вырвать его из потных лап своего отца. А Тельма тем временем думала о разводе, и это означало, что я могу снова потерять всё.

– Так для чего тебе там голуби-то? – спросил я Шерон, потягивая из бутылки «Куантро», которое взял с собой.

Шерон одарила меня одним из своих фирменных взглядов.

– Оззи, ты не помнишь разговор вчера вечером? Они для встречи. Когда мы приедем, ты выпустишь голубей, и они будут летать по комнате.

– Зачем?

– Потому что мы так договорились. А потом ты скажешь: «Рок-н-ролл», – и покажешь знак мира.

Я вообще не помнил этот разговор. Было всего одиннадцать часов утра, а я уже был на планете под названием Бухло и не переставал пить с прошлого или даже позапрошлого вечера.

Я даже забыл, зачем мы едем в «CBS». Но Шерон мне напомнила: «Им нужен пинок под зад, потому что они купили *«Blizzard of Ozz»* у моего отца за *ничтожно* маленькую сумму. И эти люди ждут, что этот альбом постигнет та же участь, что и два последних альбома Black Sabbath. В этой стране как сольный исполнитель ты ничто, Оззи. Забудь об аншлагах в Великобритании. Здесь ты всё начинаешь с нуля. Когда придешь на эту встречу, то должен произвести впечатление, показать им, кто ты есть».

– С голубями? – спросил я.

– Именно.

Я отложил бутылку и взял птиц у Шерон.

– Почему бы мне не откусить им головы? – спросил я, поднося их поближе ко рту. – Вот это действительно произведет на товарищей впечатление.

Шерон только засмеялась, покачала головой и посмотрела в окно на голубое небо и пальмы.

– Я серьезно, – сказал я.

– Оззи, ты *не* будешь откусывать им головы.

– Нет, буду.

– Нет, не будешь, дурачок.

– Нет, буду, черт возьми. Я всё утро ничего не ел.

Шерон снова рассмеялась. Звучание ее смеха я люблю больше всего на свете.

Встреча была отстойной. Несколько фальшивых улыбок и вялых рукопожатий. Потом кто-то сказал, как он рад, что в Америку приезжает Адам Ант. *Адам Ант?* Я чуть не врезал ублюдку по роже. Было очевидно, что ни одному из этих людей нет никакого дела до нашей встречи. Даже пиарщица всё время смотрела на часы. Но встреча всё тянулась и тянулась, а эти пиджаки с золотыми часами сотрясали воздух бессмысленной корпоративной чепухой. Я устал ждать, когда Шерон подаст мне знак выпускать голубей. Встал, прошел через зал, присел на ручку кресла пиарщицы лейбла и достал голубя из кармана.

– О, как мило, – сказала она, фальшиво улыбаясь. А потом снова взглянула на часы.

– Ну, *всё*, – подумал я.

И широко открыл рот.

Увидел, как Шерон вздрогнула на другом конце зала. *Хрясь, тьфу*.

Голова голубя упала прямо на колени пиарщице, забрызгав ее кровью. Честно говоря, я был так пьян, что кровь на вкус была как «Куантро». «Куантро» с перьями. И немного клюва. Потом я бросил тушку на стол и смотрел, как она дергается.

Птица обосралась, когда я откусил ей голову, и всюду было дерьмо. Всё платье пиарщицы было в противной черно-белой слизи, а мой пиджак – ужасное желтое творение восьмидесятых с узором, был полностью испорчен. Я до сих пор не представляю, что тогда творилось у меня в голове. Бедный голубь. Но я скажу вам одно: это произвело впечатление, да еще какое.

Долю секунды было слышно, как все одновременно вздохнули, фотограф в углу не мог остановиться – *щелк-щелк-щелк*.

А потом начался ад.

Пиарщица заверещала: «Фу, фу, фу!»

Один парень в дорогом костюме побежал к мусорке в углу, и его вырвало. Потом сработала сигнализация, потому что кто-то вызвал охрану.

– УБЕРИТЕ ОТСЮДА ЭТО ЖИВОТНОЕ! НЕМЕДЛЕННО!

В этот момент я достал из кармана второго голубя. «Привет, птичка, – сказал я и поцеловал в лобик. – Меня зовут Оззи Осборн. И я здесь занимаюсь продвижением своего нового альбома, *«Blizzard of Ozz*».

Потом я открыл рот, и все в зале закричали: «НЕ-Е-Е-Е-Е-ЕТ!» Люди закрывали лицо руками и орали, чтобы я прекратил безобразие и убирался к чертям. Но вместо того, чтобы откусить голубю голову, я его отпустил, и он счастливо летал по залу.

«Мир вам», – произнес я, когда два огромных охранника ворвались в зал, скрутили меня под руки и вытащили спиной вперед в коридор.

Паника была просто безумная, приятель.

Шерон тем временем чуть не описалась от смеха. У нее по щекам текли слезы. Думаю, она так среагировала на шок. Шерон очень разозлилась, что «CBS» не проявили должного энтузиазма к альбому, так что, вероятно, тоже была рада, что я напугал этих деятелей до чертиков, несмотря на то, что это самое было ужасное зрелище, которое она видела в своей жизни. «Тебе запрещено появляться в здании «CBS», клоун-уродец, – заявил главный

охранник, выталкивая меня из главного входа в здание на 38-градусную лос-анджелесскую жару. – Если еще раз здесь увижу – сядешь. Понял?»

Шерон вышла за мной, а потом схватила за воротник и поцеловала.

– Бедное гребаное *создание*, – сказала она. – Нам повезет, если CBS не завернет альбом после этого представления. Они могут даже подать на нас в суд. Ты шпана, настоящая шпана!

– Тогда почему ты не устраиваешь мне скандалешник? – спрашиваю я растерянно.

– Потому что прессе это чертовски *понравится*.

В тот вечер мы вернулись в дом Дона Ардена, где жили с Руди и Томми, влившимся в состав. У Дона был большой дом в испанском стиле на вершине каньона Бенедикт над Беверли-Хиллз – с красной черепицей на крыше и большими железными воротами, чтобы маленькие людишки держались подальше. Видимо, Говард Хьюз построил этот дом для одной из своих подружек. Дон купил его, когда заработал тонну бабла на «ELO», и теперь жил как король прямо по соседству с Кэри Грантом. Когда Дон бывал в городе, то селил нас в одном из бунгало внизу. Еще одно из таких бунгало служило штаб-квартирой «Jet Records» в Лос-Анджелесе.

К тому моменту, как наш лимузин подъехал к дому, я уже так нажрался, что забыл, на какой мы планете. Мы с Руди пошли в одну из комнат в задней части дома, где у Дона был телевизор, кабинет с напитками и стойка домашнего бара. С «Куантро» я уже перешел на пиво, так что мне приходилось отливать каждые пять секунд. Но не идти же через весь дом в сортир – поэтому я просто ссал в раковину. И всё бы ничего, если бы один раз в это время Дон в халате не проходил мимо, направляясь в спальню.

Я услышал только голос за спиной, настолько громкий, что его можно было регистрировать по шкале Рихтера. «ОЗЗИ, БЛЯ, ТЫ ЧТО, ССЫШЬ В МОЮ ГРЕБАНУЮ РАКОВИНУ?»

Вот *черт*.

Я сжал член, чтобы остановить струю.

Он убьет меня, подумал я. Он *убьет* меня, черт побери.

Тогда мне в голову пришла мысль: если я быстро застегну ширинку и повернусь, всё будет хорошо, и начал осуществлять свой план. Но я был в такое говно, что, когда поворачивался, рука соскользнула с члена, и я брызгаю в сторону Дона мочой.

Он отпрыгнул назад, а капли пролетели в паре сантиметров от него.

Я до сих пор не видел настолько рассерженного существа. Клянусь, я решил, что он отрежет мне голову и засунет дерьмо в трахею. Парень был в ярости: он покраснел, весь трясся и брызгал слюной. Это было ужасно. Когда Дон перебрал все известные ругательства и добавил еще несколько своих, то рявкнул: «УБИРАЙСЯ. УБИРАЙСЯ ИЗ МОЕГО ДОМА, ГРЕБАНОЕ ЖИВОТНОЕ. СЕЙЧАС ЖЕ!»

Потом он потопал искать Шерон. Через пару минут с другого конца дома я услышал крики: «А ТЫ ЕЩЕ ХУЖЕ, ПОТОМУ ЧТО ТЫ С НИМ ТРАХАЕШЬСЯ!»

В общем, у меня остались прекрасные воспоминания о нашем первом американском турне.

И не потому, что к концу гастролей альбом *«Blizzard of Ozz»* разошелся миллионным тиражом. А потому, что меня окружали замечательные люди. Не знаю, что я такого сделал, чтобы заслужить Рэнди Роадса. Он был единственным *настоящим музыкантом* у меня в группе. Он умел не только писать музыку. Знал нотную грамоту. Рэнди был настолько влюблен в свое дело, что находил учителя классической гитары в каждом городе, куда мы приезжали, и брал у него уроки. Он сам преподавал. Всякий раз, когда мы были на Западном побережье, Рэнди находил время, чтобы пойти в мамину школу и позаниматься с детьми. Он просто боготворил свою маму. Помню, когда мы записывали *«Blizzard of Ozz»* в «Ridge Farm», Рэнди спросил, можно ли ему написать песню и назвать ее «Dee» в ее честь. Я согласился.

А я переживал с Шерон лучшие мгновения своей жизни. Мы занимались тем, чего я никогда раньше не делал – например, ходили в клубы в Нью-Йорке. Это было совсем не то, что приезжать в Нью-Йорк с Black Sabbath – в то время я даже не выходил из номера, потому что обсирался от страха. В Англии я слышал, что этот город так и кишит гангстерами и злодеями. Но Шерон выводила меня в свет. Мы ходили в бар под названием «PJ's», нюхали кокс, знакомились со случайными людьми и попадали в безумные истории. Мы даже несколько раз тусовались с Энди Уорхолом – он дружил с девчонкой по имени Сьюзан Блонд, которая работала на «CBS». Энди никогда не говорил ни слова. Он просто сидел и сверлил тебя невидящим взглядом. Странный, странный парень, этот

Энди Уорхол.

Еще в том турне я закорешился с Лемми из Motörhead. Сейчас он близкий друг моей семьи. Люблю этого парня. Везде в мире, где есть пивная, есть и Лемми. Но я ни разу не видел, чтоб он падал от опьянения, верите? Даже после двадцати – тридцати бутылок. Не знаю, как он это делает. Не удивлюсь, если Лемми переживет не только меня, но *и* Кита Ричардса[22].

Motörhead играли у нас на разогреве на нескольких концертах. У них был старый хипповый автобус – самый дешевый из всех, что они нашли, а из вещей Лемми в нем был только чемодан, набитый книгами. Это было все его имущество, не считая одежды, которая на нем. Лемми просто обожал читать. Он читал целыми днями. Как-то раз он жил с нами в доме Говарда Хьюза, где целыми днями не вылезал из библиотеки.

Там его однажды нашел Дон Арден и закатил истерику. Он ворвался в гостиную и заорал: «Шерон! Что это за *чертов* пещерный человек у меня в библиотеке? Убери его! Пусть валит из моего дома!»

– Расслабься, пап. Это же Лемми.

– Мне плевать, кто это. Убери его отсюда!

– Он играет в группе, пап. Они работают на разогреве у Оззи.

– Ну тогда, ради Христа, хотя бы дай ему шезлонг и посади на улице у бассейна. Он выглядит как нежить.

Лемми неспешно вошел в комнату. Дон был прав: выглядел он ужасно. Накануне мы бухали, и у Лемми были настолько красные глаза, что казались лужицами крови.

Но, как только он увидел меня, то резко остановился и заорал: «Черт бы меня побрал, Оззи. Если я выгляжу хоть вполовину так же ужасно, как ты, то немедленно пойду еще посплю.

Вернувшись в коттедж Булраш в конце 1981 года, я приложил все усилия, чтобы уладить дела с Тельмой. Мы даже поехали отдохнуть на Барбадос вместе с детьми.

Беда в том, что если ты хронический алкоголик, то Барбадос тебе противопоказан. Как только мы прибыли на курорт, я понял, что там можно прибухивать прямо на пляже двадцать четыре часа в сутки. И воспринял это как вызов. Мы приехали туда в пять, а к шести я уже не стоял на ногах. Тельма привыкла, что я вечно в говно, но на Барбадосе я вышел на новый уровень.

Помню только, что в какой-то момент мы купили билеты на однодневную экскурсию по заливу на старом пиратском корабле.

Там были музыка и танцы, «прогулка по доске» и всё такое. А взрослым аттракционом служила бочка ромового пунша, которая стояла в баре. Я разве что не нырнул в эту штуку.

Я прикладывался к ней каждые пару минут: *буль-буль-буль*.

Через несколько часов я уже разделся до трусов и танцевал на палубе, а потом нырнул в воду, кишащую акулами. К сожалению, я был слишком пьян и не смог плыть, поэтому чертовски огромному барбадосскому парню пришлось прыгнуть и спасти мне жизнь. Последнее, что помню, – как меня тащат обратно на палубу, где я засыпаю посреди танцпола, насквозь мокрый. Когда корабль вернулся в гавань, я всё еще лежал там и храпел, а с меня текла вода. Капитан подошел и спросил у детей: «Это ваш папа?», а они ответили: «Ага», – и расплакались.

Чуть-чуть не дотянул до звания отца года.

Когда мы сели в самолет, чтобы лететь обратно домой, Тельма повернулась ко мне и сказала: «Это конец, Джон. Я хочу развода».

Я подумал, что она просто разозлилась из-за случая на корабле и скоро успокоится.

Но она не успокоилась.

Когда самолет приземлился в Хитроу, кто-то из «Jet Records» прислал за мной вертолет, чтобы доставить на встречу насчет тура в поддержку *«Diary of a Madman»*. Я попрощался с детьми, поцеловал их в лобик, а Тельма долго-долго смотрела на меня.

«Всё кончено, Джон, – сказала она. – На этот раз действительно всё».

Я всё еще ей не верил. Я так плохо себя вел все эти годы, что решил, будто она смирится с чем угодно. Залез в вертолет и отправился в отель за городом, где меня ждала Шерон с декораторами и светооператорами.

Меня привели в конференц-зал, где посередине стоял макет декораций для выступлений в турне.

Выглядело все просто невероятно.

– Красота этой сцены, – объяснил мне один из техников, – в том, что ее легко перевозить и монтировать.

– Блестяще, – сказал я. – Просто блестяще. Теперь всё, что нам нужно, это карлик.

Эта идея пришла мне в голову на Барбадосе. Каждый вечер в турне, на середине песни «Goodbye to Romance», мы будем казнить карлика. Я заору: «Вешай ублюдка!» – или что-то вроде этого, а

маленького парня вздергнут на фальшивой петле.

Это было бы волшебно.

Так что перед гастролями мы проводили прослушивания карликов.

Большинство людей не понимает, что маленькие люди, работающие в сфере развлечений, борются за одни и те же места и постоянно говорят за спиной друг про друга гадости. Во время кастинга они заходят и говорят: «Ой, вы не захотите работать с тем парнем. Мы вместе работали в проекте *«Белоснежка и семь гномов»* пару лет назад, и он настоящая заноза в заднице». Я всегда ржал до слез, когда карлик рассказывал, что работал в *«Белоснежке и семи гномах»*. Они еще говорили это так серьезно, словно речь шла об очень модном андеграундном проекте.

Через несколько дней поисков нам наконец попался достойный персонаж. Его звали Джон Аллен, и, как ни странно, он был алкоголиком. После концертов он нажирался и бегал за девками. А еще у Джона была паранойя, и он носил в кобуре маленький перочинный ножик. Как-то раз я спросил, для чего, и он ответил: «На всякий случай, если петля соскользнет». – Я сказал: «У тебя рост метр, а ты болтаешься в шести метрах над землей. И что ты сделаешь – перережешь веревку? Ты же превратишься в гребаный блин!»

Забавный парень этот Джон Аллен. У него голова была совершенно нормального размера, и когда он сидел напротив в баре, то ты забывал, что ногами Джон не достает до пола. Но когда он напивался, то терял равновесие. Вот Джон еще сидит, а через секунду ты слышишь, как что-то падает, и карлик уже лежит на полу. Мы постоянно над ним подшучивали. В гастрольном автобусе мы обычно ждали, когда Джон вырубится, а потом клали на самую верхнюю полку, так что, когда он просыпался, кричал: «А-а-а», раздавалось – *Бум*, стало быть – наш карлик проснулся.

Джон был не лучше меня в том, что касается алкоголя. Как-то раз он так надрался в лос-анджелесском аэропорту, что опоздал на рейс, и нам пришлось отправить за ним одного из роуди. Он взял Джона за ремень и бросил в багажное отделение автобуса.

К нему подбежала какая-то женщина и давай причитать: «Эй, я видела, что вы сделали с этим бедным маленьким человеком! Вы не можете с ним так обращаться!»

Помощник посмотрел на нее и ответил: «Отвали. Он *наш* карлик».

Потом из-за чемоданов высовывается маленькая голова: «Да-да,

отвали, я *его* карлик».

В конце 1981 года в самом начале турне моя жизнь рушилась. Я был влюблен в Шерон, но в то же время меня разрывало на куски от того, что я теряю семью. Наши ссоры с Шерон стали еще безумнее, чем раньше. Я напивался и пытался ее ударить, а она швыряла в меня что ни попадя. Винные бутылки, золотые диски, телевизоры, да что угодно – всё это летало по комнате. К сожалению, несколько моих ударов достигли цели. Однажды я поставил Шерон фингал и решил, что ее папаня порежет меня на части. Но он лишь сказал: «В следующий раз следи за собой». Позорно – то, что я делал по пьяни. Тот факт, что я вообще поднял руку на женщину, вызывает во мне отвращение. Это чертовски жестокое, непростительное поведение, которому нет никаких оправданий. Но, как я уже говорил, это один из тех поступков, которые придется взять с собой в могилу. Честно говоря, я даже не знаю, почему Шерон тогда не бросила меня..

Иногда она просыпалась утром, а меня уже не было, – я двинул автостопом в коттедж Булраш. Но каждый раз, когда я туда наведывался, Тельма велела мне проваливать. И так продолжалось несколько недель. Мне было плохо, детям было плохо, Тельме было плохо.

Представить не могу, каково было Шерон.

Мне потребовалось много, очень много времени, чтобы пережить разрыв с Тельмой. Меня от этого просто разрывало на части. Я сказал детям: «Не хочу, чтобы вы думали, будто я просто бросил вас, сбежал и сказал *«бон вояж»*. Всё совсем не так. Меня эта разлука уничтожила».

Но в конце концов мои поездки в коттедж Булраш прекратились. В последний раз, когда я туда наведался, лил дождь и уже темнело. Как только я вошел в ворота, из ниоткуда нарисовался здоровенный детина и поинтересовался: «Эй, куда это ты собрался, а?»

– Это мой дом, – ответил я ему.

Парень покачал головой: «Не-а. Это дом твоей бывшей жены. А тебе запрещено подходить к нему ближе, чем на 50 метров. Судебное постановление. Если сделаешь еще шаг вперед, заночуешь в камере».

Наверное, это был судебный пристав.

Из сада я услышал, как в доме смеется Тельма. Думаю, она сидела там со своим адвокатом по разводам.

– Можно мне хотя бы какую-то одежду забрать? – спросил я.

– Жди здесь.

Через пять минут моя старая сценическая одежда вылетела из двери и приземлилась на траву. Пока я ее собрал и сложил в сумку, она уже была насквозь мокрая. Затем дверь открылась снова, и из нее вывалился мой двухметровый медведь гризли – тот самый, у которого голову разнесло в клочья, когда я стрелял из «Бенелли». Этот мишка – чуть ли не единственное, что осталось у меня после развода. А еще обшарпанный старый «Мерс», который любили царапать кошки. Тельма получила дом, подмела всё до последнего пенни с моего банковского счета и еженедельные алименты. Я еще был готов оплатить обучение детей в частных школах. Это было самое меньшее, что я мог сделать.

В тот вечер мне было себя жалко как никогда.

Везти двухметрового медведя в Лондон тоже оказалось нелегко. Он не влез со мной в один кэб, пришлось заказать ему отдельный. Потом мне пришлось оставить его на автобусной остановке у дома Шерон в Уимблдон Коммон, чтобы затащить сумки в прихожую. Но вместо того, чтобы вернуться и забрать медведя, мы с Шерон решили, что будет забавнее надеть на него один из ее фартуков с оборочками, а потом позвать друзей полюбоваться. Но пока мы всё организовывали, кто-то спер нашу игрушку. Я был убит горем, ведь я искренне любил этого мишку.

Что касается детей, то, как ни старайся, травму от развода они всё же получили, хотя мы с ними поддерживаем близкие отношения. В то время развод был гораздо более серьезным делом.

В наши дни в Лос-Анджелесе, если у тебя развалится брак, то твоя жена выйдет за меня, я женюсь на твоей бывшей, мы все вместе замечательно поужинаем, а потом поедем отдыхать в Мексику. Мне это не кажется крутым. Не понимаю, как люди так могут. Я не видел Тельму несколько десятков лет.

И, если быть честным, думаю, что так оно и лучше.

К началу турне *«Diary of a Madman»* по Штатам мы уже стали экспертами в области подвешивания карликов. Но на концертах были и другие трудности – например, средневековый костюм-кольчуга, который я надевал на несколько песен. Стоило мне вспотеть, я словно оказывался в обертке из бритвенных лезвий и к концу вечера был весь порезан, как бифштекс. С реквизитом тоже было много мороки. Например, у нас был занавес театра кабуки, который разворачивался сверху вниз с двух сторон вместо обычного театрального занавеса, раскрывающегося в стороны. В

середине концерта наш занавес опускался вниз, а когда снова поднимался, то из-за барабанной установки появлялась механическая рука с гигантской «дланью Господней» и парила над залом, а я сидел на корточках в ее ладони. Когда рука полностью раскрывалась, из одного пальца вырывалось пламя, я нажимал ногой на педаль, и за мной срабатывала катапульта, которая разбрасывала килограммов двадцать сырого мяса по залу.

Потом я вставал и кричал: «РОК-Н-РОЛЛ!» Это было чертовски круто.

Но, конечно, если что-то может пойти не так, то так оно и будет – а на втором концерте в США почти *всё* сразу пошло не так. Был канун Нового года, мы выступали в Мемориальном Колизее Лос-Анджелеса перед десятками тысяч зрителей. Сначала сломалась дымовая машина. Она отхаркивала столько сухого льда, что мы уже не видели друг друга. Потом по какой-то причине не опустился один из двух занавесов кабуки, и мы не могли подготовить к шоу гигантскую руку. Помню, как стою в этой кольчуге и смотрю, как Шерон буквально повисла на занавесе, пытаясь его опустить. «Падай, зараза, *падай*!» – кричала она.

В конце концов, когда на этой штуке повисла еще пара помощников, занавес наконец отлип. Но потом механическая рука зацепилась за ковер и начала вытягивать его из-под гигантских колонок за сценой, которые страшно закачались. «АТАС!» – закричал один из роуди. Тридцать самых долгих секунд в моей жизни Шерон, мой ассистент Тони и еще несколько человек боролись с этим ковром, пытаясь отцепить его от механической руки, чтобы та не разрушила всю чертову сцену.

Наконец ковер отцепили, кто-то подтолкнул меня сзади, занавес поднялся, и через секунду я уже сидел в руке, поднимавшейся в воздух, а подо мной колыхался океан кричащих подростков. К тому моменту я твердо знал, что дальше будет больше. Рука полностью раскрылась, я зажмурился и приготовился, что пламя сейчас подожжет мне орехи, но с ним всё было в порядке. Это было такое облегчение, что я чуть не заплакал. Настало время финального фокуса, и я нажал на педаль, чтобы запустить катапульту. Но я не знал, что какой-то придурок из работников сцены зарядил катапульту накануне вечером, а не перед концертом, поэтому эластичный механизм ослаб. Я нажал на кнопку, что-то *хлопнуло*, и здоровая куча свиных мошонок и коровьих потрохов не полетела в зал, а врезалась мне в затылок на скорости 30 км/ч. Последнее, что

я помню, это как закричал: «А-а-а-а-а-а!» – и почувствовал, что кровь и всякая требуха текут по шее.

Зрители внизу решили, что всё это часть спектакля, и просто сбрендили от восторга.

Бросать мясные обрезки в зал – стало одной из наших фирменных фишек. Карлик тоже выходил на сцену с ведрами сырых потрохов и пока его не вздергивали, швырял их в публику. Это наша собственная версия шоу в стиле «тортом в лицо», которые я обожал смотреть по телику в детстве. Но потом зрители тоже подключились к процессу и стали сами приносить мясо и швырять его на сцену. После концерта площадка напоминала Дорогу гребаных слез. Сегодня комиссии по здоровью и безопасности ни за что не дали бы вам такое провернуть.

И удивительно, как быстро всё вышло из-под контроля.

Как-то раз после концерта ко мне подошел коп и спросил: «Вы вообще понимаете, что делаете с американской молодежью?»

Потом показал мне полароидный снимок парня, который стоит в очереди на концерт на улице с бычьей головой на плечах.

– Твою ж мать, – сказал я. – Откуда он ее взял?

– Убил быка по пути на концерт.

– Ну, надеюсь, парень был очень голодный.

Чего только не приносили эти ребята – безумие какое-то. Сначала были просто куски мяса, но потом они стали притаскивать целых животных. Там были дохлые кошки, птицы, ящерицы, кто угодно. Как-то раз кто-то бросил на сцену здоровую жабу, и она упала на спину. Эта чертова штука была такая огромная, что мне показалось, будто это младенец. Я ужасно испугался и закричал: «ЧТО ЭТО? ЧТО ЭТО? ЧТО ЭТО?» А жаба перевернулась и ускакала восвояси.

С каждым концертом атмосфера становилось всё безумнее и безумнее. В конце концов, люди стали бросать на сцену предметы с торчащими из них гвоздями и лезвиями – барахло из магазина приколов вроде резиновых змей и пластиковых пауков. Некоторые из нашей команды стали серьезно бздеть, особенно когда однажды на сцене нарисовалась *настоящая* змея. А она не на шутку разозлилась тем, что ей выпало оказаться на сцене с Оззи Осборном. Один из роуди поймал рептилию большой сеткой на палке, которыми чистят бассейны.

Тони – который немножко участвовал в концерте – так и подпрыгивал каждый раз, когда видел какую-нибудь ползучую тварь. В общем, всё, что он делал – это надевал костюм-кольчугу и

приносил мне на сцену попить, пока меняли декорации. Облачение в кольчугу и обратно занимало у Тони целых полчаса, и он всё время боялся до усрачки, что на сцене в него что-нибудь бросят. И однажды вечером, чтобы немножко его взбодрить, я бросил в сторону Тони резиновую змею, а, когда он отскочил назад, один из помощников положил ему за шиворот гитарную струну. У Тони случилась истерика. Он вылетел из своей кольчуги примерно за три секунды и остался стоять в одних серых колготках. Он так испугался, что, клянусь, его голос поднялся на три октавы.

Зал просто взорвался.

В том турне каждый вечер происходило что-нибудь безумное.

20 января 1982 года мы играли в «Veterans Auditorium» в Де-Мойне штата Айовы. Уж точно никогда не забуду название этого места. И то, как оно произносится: «Дээймон».

Концерт шел великолепно. Длань Господня сработала без нареканий. Мы уже повесили карлика.

И тут из зала прилетела летучая мышь. Очевидно, игрушка, подумал я.

Я взял ее, поднес к свету и оскалился. Зрители сходили с ума.

А потом я сделал то, что всегда делал, когда на сцену прилетала резиновая игрушка.

ХРЯСЬ.

Но сразу почувствовал, что что-то не так. *Совсем* не так.

Во-первых, у меня во рту оказалась теплая вязкая жидкость с худшим вкусом, который только можно себе представить. Я ощутил, как она обволакивает мой рот и стекает по подбородку.

Потом голова у меня во рту дернулась.

Твою мать, я только что сожрал гребаную летучую мышь?

Я выплюнул голову, посмотрел на крылья, потом поднял глаза и увидел, как Шерон с выпученными глазами машет руками и кричит: «НЕ-Е-Е-Е-Е-Е-Е-Е-Е-Е-Е-Е-Е-Е-Е-ЕТ!!!!!!!!!!!!!! ОНА НАСТОЯЩАЯ, ОЗЗИ, НАСТОЯЩАЯ!»

Следующее, что я помню, – как мчусь в кресле-каталке в отделение скорой помощи. А врач между тем объясняет Шерон: «Да, мисс Арден, мышь была живая. Вероятно, она оцепенела от того, что попала на рок-концерт, но определенно была живая. Велика вероятность, что мистер Осборн заразился бешенством. Симптомы? О, знаете, недомогание, головная боль, лихорадка, сильные судороги, неконтролируемое возбуждение, депрессия, патологическая боязнь жидкостей…»

– О, ну это вряд ли, – буркнула Шерон.

– Одним из последних симптомов, как правило, является маниакальное расстройство. Затем пациент становится вялым, впадает в кому и перестает дышать.

– Боже мой.

– Вот почему поедание летучих мышьей – идея неудачная, особенно, с медицинской точки зрения.

– У вас есть вакцина?

– Как правило, лучше применять ее заранее, но, конечно, мы сделаем укол. Даже несколько уколов.

А потом доктор пошел и взял шприц размером с фаустпатрон.

– О'кей, мистер Осборн, – сказал он. – Вам нужно снять штаны и наклониться.

Я послушался.

– Может быть немножко больно.

Это последнее, что я услышал.

Каждый вечер на протяжении всего турне я искал врача, чтобы мне сделали еще уколы от бешенства: по одному в каждую ягодицу, в каждое бедро и каждую руку. Это было чертовски больно. Во мне было больше дыр, чем в гребаном швейцарском сыре. Но, наверное, уж лучше это, чем бешенство. Хотя, если бы я взбесился, никто бы существенной разницы не заметил. Пресса между тем сходила с ума. На следующее утро со слов «и наконец...» в каждой новостной передаче шел сюжет обо мне. Все решили, что я *специально* откусил летучей мыши голову, хотя на самом деле всё произошло абсолютно случайно. Какое-то время я волновался, что нас прикроют, и на паре площадок наши концерты действительно отменили. Фанаты тоже не особенно помогали справиться с ситуацией. Как только они услышали про летучую мышь, то стали притаскивать на концерты что похуже. Выходить на сцену стало всё равно что участвовать в съезде мясников.

Тут же подтянулись члены Американского Общества Противодействия Применению Насилия против животных. Оно было вне себя от ярости и принялось засылать своих людей «следить» за нашими концертами. Роуди над ними нещадно стебались. Напрмер, ребята могли ляпнуть: «О, сегодня вечером Оззи бросит в зал восемнадцать зверят и не начнет петь, пока их всех не зарежут».

Активисты из ASPCA неизменно велись.

Они даже однажды остановили наш автобус в Бостоне. Помню, как все эти святоши запрыгнули внутрь, увидели йоркширского

терьера Шерон – мистера Пука, – и у них чуть припадок не случился. Один из парней крикнул: «О'кей, этот автобус дальше не поедет. Я хочу, чтобы собаку взяли под охрану. Сейчас же!»

Что, они думали, мы собираемся делать? Расстреливать йоркширских терьеров из автомата во время песни «You Lookin' at Me Lookin' at You»?

Через несколько дней мы играли в «Мэдисон-сквер-гарден» в Нью-Йорке. Вся площадка пропахла дерьмом. Оказалось, что неделю назад там выступал цирк, и животные так и остались в клетках под трибунами. Один из организаторов концерта подошел и позвал всех на них посмотреть. Но, увидев меня, добавил: «Кроме *вас*».

– Почему? – спросил я.

– Вас нельзя подпускать к животным.

Я ушам не верил.

– Какого *хрена*, вы думаете, я сделаю? – спросил я. – Откушу голову слону?

Если бы вы спросили любого члена команды *«Diary of a Madman»*, кто, вероятнее всего, не доживет до конца гастролей – я, Рэнди, Руди или Томми, – то все поставили бы на меня.

Как поется в песне, я совершал алкогольное самоубийство. Это было всего лишь вопросом времени.

Шерон была уверена, что до добра все это не доведет. Так что, когда мы пили в отеле, она забирала у меня всю одежду, чтобы я не нашел на жопу. Разве что спущусь в бар вестибюля абсолютно голый.

В большинстве случаев это помогало.

Но потом мы приехали в Сан-Антонио в Техасе. Я нажрался в отеле, как и обычно. И, как и обычно, Шерон снькала всю мою одежду. Но она совершила ошибку, оставив в номере свое вечернее платье. Оно было темно-зеленое с оборочками, и, разорвав парочку швов, я в него влез. Потом нашел кроссовки и вышел на улицу.

Иду я в вечернем платье Шерон на голое тело и с бутылкой «Курвуазье» по улицам Сан-Антонио и ищу приключений. Кажется, в тот день у нас еще была фотосессия, я точно не помню. Но знаю, что был в говно. И вдруг мне резко захотелось отлить, как это бывает, когда ты в таком состоянии. На самом деле, это было больше, чем нужда, потому что мой мочевой пузырь превратился в раскаленное пушечное ядро. Мне нужно было отлить прямо здесь и прямо

сейчас. Но я оказался посреди этого странного города в Техасе и понятия не имел, где у них тут общественный сортир. Я огляделся, нашел тихий уголок и стал отливать на какую-то рыхлую старую стену.

А-а-а-а-а. Так-то *лучше*.

И тут я услышал голос за спиной.

– *Это омерзительно*.

– Чего? – я обернулся и увидел старика в ковбойской шляпе, который смотрел на меня так, будто я только что приставал к его бабуле.

– Ты *позорище*, понимаешь?

– Моя подруга украла у меня одежду, – начал объясняться я. – Что мне еще, черт побери, надеть?

– Дело не в платье, ты, педрильный английский кусок дерьма. Ты облегчаешься на стену Аламо!

– Ала-*чего?*

Не успел он ответить, как из-за угла выбежали, пыхтя, двое техасских копов с потрескивающей рацией.

– Вот он, – сказал один парень. – Этот… в *платье. БАМ!*

Я лежу лицом в землю, и на мне защелкивают наручники.

Всё произошло в один момент. Я определенно слышал об Аламо – несколько раз смотрел фильм с Джоном Уэйном. Так что знал, что это какое-то важное место, где погибло много американцев, сражавшихся с мексиканцами. Но я не провел параллель между старой стеной, на которую помочился, и руинами священного национального памятника.

– Ты же британец, да? – сказал мне один коп.

– И что?

– Как бы ты себя почувствовал, если бы я помочился на Букингемский дворец?

Я немного подумал. Потом ответил:

– А хер его знает. Я же, черт возьми, в нем не живу.

Это немного разрядило обстановку.

Через десять минут я уже сидел в клетке со стадвадцатикилограммовым мексиканцем, который только что убил свою жену кирпичом. Наверное, он решил, что у него глюки, когда появился я в зеленом платье. Я подумал: «О Боже, он сейчас решит, что я призрак его благоверной, которую он захочет напоследок трахнуть в задницу».

Но он только пялился и что-то бормотал.

Я провел за решеткой около трех часов. Несколько копов и их друзей приходили на меня посмотреть. Может, они купили альбом *«Blizzard of Ozz»*, уж не знаю. Но отделался я довольно легко. Мне выдвинули обвинение за распитие алкоголя в общественном месте, но не упомянули осквернение почитаемого объекта, за что могли влепить год тюряги. И выпустили как раз вовремя – я успел на концерт. Хотя шеф полиции лично спустился ко мне и велел, чтобы, как только концерт закончится, я валил из города и больше никогда не показывал здесь поганую рожу.

Отлил я всего один раз, но это стоило мне целого состояния из-за будущих несостоявшихся концертов в Сан-Антонио. И правильно. Думаю, что ссать на Аламо – не самый умный поступок. Это не то же самое, что поссать на Букингемский дворец, – скорее, как поссать на один из памятников на побережье Нормандии. Просто непростительно. Несколько лет спустя я лично извинился перед мэром города, пообещал, что этого больше не повторится, и пожертвовал десять штук Дочерям республики Техаса. После этого он снова разрешил мне выступать в городе, но концерт состоялся лишь через десять с лишним лет. А после концерта ко мне подошел тощий мексиканский паренек.

– Оззи, это правда, что тебя арестовали за то, что ты поссал на Аламо? – спросил он меня.

– Ага, – ответил я. – Правда.

– Черт, приятель, – сказал он. – Мы ссым на него каждый вечер по дороге домой.

8. Пока я спал

Когда мы ехали в гастрольном автобусе из Теннесси во Флориду, Рэнди выдал новость.

«Кажется, я хочу завязать с рок-н-роллом», – сказал он. Я ждал, когда он улыбнется. Но он не улыбнулся.

Мы сидели за небольшим обеденным столиком в кухне автобуса, который был обустроен как пятизвездочный отель на колесах. Там были телевизоры на потолке, ковры с ворсом, кондиционер, окна, как в лимузине, всё покрашено в золотой и белый цвета, и довершал все это полностью укомплектованный бар.

Всю ночь я пил джин. После того события с Аламо я на какое-то время завязал с «Курвуазье».

Рэнди курил сигареты и потягивал колу из банки. Он практически не прикасался к алкоголю. Ему нравилось только какое-то ужасное анисовое дерьмо. Как оно называется? *«Анисетт»*. Типа густого молочного ликера. И наркотики Рэнди тоже не принимал. Он догонялся сигаретами и мог бы выиграть золотую медаль на Олимпиаде в беге за раком легких.

– Ты стебешься, что ли? – спрашиваю я, чуть не поперхнувщись своим джином.

– Нет, Оззи, я серьезно.

Я не мог поверить своим ушам.

Было уже давно за полночь – наверное, три-четыре часа ночи – и только мы с Рэнди еще не ложились. Шерон была в спальне в задней части автобуса. Руди и Томми растянулись на своих двухъярусных койках. Спали и члены команды, которые ехали вместе с нами, например Рэйчел Янгблад, пожилая негритянка, занимавшася нашими костюмами, прическами и гримом. Меня просто поражало, что они могут спать, когда автобус гремит, трясется и скрипит, будто вот-вот рассыплется на части. Нам надо было проехать тысячу сто километров из Ноксвилла в Орландо, и водитель гнал как угорелый. Помню, как посмотрел в окно на фары проносящихся навстречу машин и грузовиков и подумал, что в любую минуту у нас могут отвалиться колеса. Я понятия не имел, что водитель вжарил кокса и узнал об этом только потом, из отчета экспертизы.

Я вообще ни о чем не знал и был не в себе от бухла, кокса и, черт знает чего еще, что я заталкивал в себя двадцать четыре часа в сутки.

Но я знал точно, что не хочу терять Рэнди.

– Как ты можешь уйти *сейчас*? – спросил я его. – Все только начинается, чувак! Шерон говорит, что *«Diary of a Madman»* может разойтись еще бо`льшим тиражом, чем *«Blizzard»*. Нас ждет фантастический мировой успех. Завтра вечером мы играем с *Foreigner*!

Рэнди только пожал плечами и ответил: «Я хочу поступить в университет.

Получить диплом».

– Ты совсем сбрендил? – воскликнул я. – Еще пару лет, и ты сможешь купить себе собственный университет.

По крайней мере, он улыбнулся.

– Послушай, – продолжил я. – Ты просто устал. Почему бы тебе не отдохнуть, устроить себе небольшой отпуск, а?

– Я бы хотел то же самое сказать тебе, Оззи.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты пьешь уже четвертую бутылку джина за последние двадцать четыре часа.

– От этого я всё время счастлив.

– Оззи, зачем ты так много пьешь? В чем смысл?

Правильным ответом на этот вопрос было бы: потому что я алкоголик, потому что у меня склонность к зависимостям, потому что, что бы я ни делал, я отдаюсь этому полностью. Но тогда я ничего такого не думал.

Я знал только, что хочу еще выпить. Так что просто посмотрел на Рэнди пустыми глазами.

– Ты ведь убьешь себя, понимаешь? – сказал Рэнди. – Рано или поздно.

– Спокойной ночи, Рэнди, – сказал я, осушив стакан. – Пойду на боковую.

Когда я открыл глаза спустя несколько часов, уже светлело. Шерон в халате лежала рядом со мной. Моя голова была забита кучей токсичного дерьма.

Я не мог понять, почему проснулся так рано. Джин должен был вырубить меня до середины дня.

А потом я услышал шум.

Был такой звук, как будто движок работает на полных оборотах. Я подумал, что мы, наверное, обгоняем грузовик.

Б-Б-Б-Б-Б-Б-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-М – М-М – М…

Что бы то ни было, звук словно отдалялся от автобуса, а потом

вдруг возвращался и становился еще сильнее

Б-Б-Б-Б-Б-Б-Б-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-РР-Р-Р-Р-М – М-М – М-М – М-М – М-М – М-М – М-Б-Б-Б-Б-Б-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-М – М-М – М-М – М-М – М…

– Шерон? – сказал я. – Что это за *чертов* зву…

И тут я врезаюсь головой в спинку кровати, у автобуса вылетают окна.

Острый запах бензина.

Секунду я не видел ничего, кроме темноты.

Следующее, что увидел, – это круглое окно слева от меня. В нем черный дым, люди бегают, держась за голову, и кричат. Я выпрыгиваю из постели – в одних старых грязных трусах – и резко открываю дверь спальни. Всюду разбитое стекло, а в крыше чертовски огромная дыра. Потом я понимаю, что автобус согнулся пополам.

Первое, что приходит мне в голову, – это что водитель, должно быть, потерял управление на автостраде и мы попали в аварию.

От едкой копоти из топлива и дыма я начинаю кашлять.

И думаю: огонь и бензин. *Твою мать*.

– ВСЕМ ВЫЙТИ ИЗ ГРЕБАНОГО АВТОБУСА! – закричал я. – ОН ВЗОРВЕТСЯ! ОН СЕЙЧАС НА ХЕР ВЗОРВЕТСЯ!

Паника. Ноги онемели.

Шерон кричит.

Я всё еще не протрезвел от джина. Голова пульсирует. В глазах мутно. Я ищу аварийный выход, но его нигде нет. Бегу к открытой двери в передней части автобуса, толкая Шерон перед собой. Потом оглядываюсь и ищу остальных, но все койки пусты. Куда, черт побери, все подевались? Где, черт возьми, Рэнди?

Я выскочил из автобуса и упал на траву.

Траву?

В этот момент я решил, что мне снится сон.

Где дорога? Где машины? Я ждал, что увижу покореженный металл, кровь, вращающиеся покрышки. Но мы оказались посреди поля, а вокруг стояло несколько роскошных особняков, как у кокаиновых баронов. Я увидел знак с надписью «Flying Baron Estates». А потом, рядом с одним из домов, гигантский огненный шар – как в каком-нибудь фильме про Джеймса Бонда. Вот откуда шел дым. Вокруг него были разбросаны обломки. А вон то похоже на…

О, Господи Иисусе. Меня чуть не вырвало, когда я увидел это

дерьмо. Мне пришлось отвернуться.

Если не считать дыма, то был ясный день, раннее утро, в воздухе висела туманная дымка.

«Где мы? Что происходит?» – повторял я снова и снова. Никогда в жизни еще не чувствовал себя таким чертовски потерянным. Это было хуже всех кислотных приходов в моей жизни. Потом я заметил что-то вроде взлетной полосы и ангара. Мимо ангара шла женщина в конном снаряжении и, как ни в чем не бывало, вела лошадь, будто все происходящее для нее вполне обычная ситуация. Думаю: «Мне приснился кошмар. Ну, не бывает такого».

Я стоял будто в трансе, а наш клавишник Дон Эйри побежал в автобус, нашел где-то маленький огнетушитель, выпрыгнул из автобуса и направил его на огонь.

Огнетушитель только без толку брызгал и булькал.

Шерон тем временем пыталась посчитать людей, но все разбрелись по полю. Показывают на огонь и рыдают.

Я стал различать в пламени остатки гаража. Казалось, что в нем находилось две машины.

Должно быть, в гараж что-то врезалось.

И, что бы то ни было, видимо, это оно пробило дыру в крыше автобуса и по пути снесло пару деревьев.

Потом Шерон подошла к Дону – «Эль-Дум-О», как мы его называли, потому что он вечно ожидал худшего, – и крикнула: «Что случилось? Скажи мне, *черт побери,* что случилось?» Но Дон согнулся пополам и не мог говорить. Тогда Шерон обратилась к Джейку Дункану, нашему шотландскому гастрольному менеджеру. Но он тоже ничего не мог сказать. Следующее, что я увидел, – это как Шерон сняла туфлю и стала бить ей Джейка по голове.

– Где Рэнди и Рэйчел? Где Рэнди и Рэйчел?

Джейк только показал рукой на огонь.

– Я не понимаю, – сказала Шерон. – Я ничего не *понимаю*.

Я тоже ничего не понимал. Никто не сказал: «Кстати, Оззи, по пути в Орландо мы остановимся в автобусном депо в Лизбурге, чтобы починить кондиционер». Никто не сказал: «И кстати, Оззи, автобусное депо находится в каком-то богатом поселке со взлетной полосой». Никто не сказал: «Ах да, а твой водитель – который не спал всю ночь и которому снесло башню от кокаина – еще и летчик с просроченной медсправкой. Он возьмет чужой самолет без разрешения, а когда ты будешь спать, позовет твоего соло-гитариста и гримершу полетать над автобусом и потом врежется в него».

Никто ничего подобного мне не говорил.

И тут загорается дом рядом с гаражом, и я, недолго думая, бегу к нему – всё еще полупьяный, в одних трусах – чтобы убедиться, что в нем никого нет. Подбегаю к входной двери, стучу, жду примерно две секунды и вламываюсь внутрь.

На кухне старичок варит кофе. Он чуть со стула не падает при виде меня.

– Кто ты такой, черт возьми? – орет он. – Убирайся из моего дома!

– Пожар! – кричу я ему. – Вали отсюда!

Старик был явно сумасшедший, потому что взял в углу метелку и стал выталкивать меня ей из дома.

– Убирайся из моего дома, маленький ублюдок! Убирайся, урод!

– ТВОЙ ГРЕБАНЫЙ ДОМ, НА ХРЕН, ГОРИТ!

– ПШЕЛ ВОН! ПШЕЛ ВОН, ТВОЮ МАТЬ!

– ТВОЙ ДОМ ГО…

Тут я понял, что старик глухой. Он бы не услышал, даже если бы взорвалась вся гребаная планета. И он не услышал ни слова из того, что ему кричал длинноволосый придурок-англичанин в трусах. Я не придумал ничего лучше, как пробежать через кухню и открыть дверь, которая вела в гараж. Распахнул, и она чуть не слетела с петель от силы огня, который ворвался в кухню.

После этого старик больше не велел мне убираться из его дома.

Всю историю от начала до конца мы узнали гораздо позже. Водителя автобуса звали Эндрю С. Айкокк. За шесть лет до этого он был замешан в крушении вертолета в Объединенных Арабских Эмиратах. Потом получил работу у Calhoun Twins, группы в жанре кантри-вестерн, у которой также была транспортная компания, которая и занималась нашими гастролями. Когда мы остановились в автобусном депо, чтобы починить кондиционер, Айкокк решил испытать удачу и снова полетать. И без разрешения взял самолет своего приятеля.

Сначала с ним полетали Дон и Джейк. Всё было хорошо: взлет и посадка прошли гладко. Потом в самолет сели Рэнди и Рэйчел. Есть фотография, где они вдвоем стоят у этого самолета перед взлетом. И улыбаются. Однажды я увидел этот снимок, но больше никогда не смог на него смотреть. Мне сказали, что Рэйчел согласилась полетать только после того, как Айкокк пообещал не исполнять в воздухе никаких трюков. Если действительно пообещал, то он –

чертов лжец, а еще и кокаиновый псих: все, кто был на земле, сказали, что Эндрю два или три раза пролетел очень низко, прямо над автобусом, пока не врезался в крышу в нескольких сантиметрах от места, где мы спали с Шерон. Но самое безумное во всем этом – и чего я до сих пор никак не могу переварить, хотя прошло уже тридцать лет, – в то время парень переживал тяжелый развод, и его будущая бывшая жена стояла как раз рядом с автобусом, когда он врезался в него на самолете. Очевидно, Айкокк подобрал ее в одном из городов, где мы выступали, и подвозил домой. Подвозил домой? Женщину, с которой *разводится*?

В то время было много разговоров о том, не пытался ли Эндрю случайно ее убить, но кто теперь знает, черт возьми? Что бы он там ни пытался, но Айкокк спустился так низко, что, даже если бы не задел автобус, то всё равно врезался бы в деревья за ним.

Дон наблюдал за происходящим.

Я ему очень сочувствую, потому что, должно быть, это было ужасное зрелище. Когда самолет задел крылом автобус, Рэнди и Рэйчел выбросило через лобовое стекло. Потом самолет – уже без крыла – врезался в деревья, упал в гараж и взорвался. Пожар был настолько сильным, что полицейским пришлось опознавать тела по зубам.

Я до сих пор не люблю говорить или даже думать об этом.

Если бы я не спал, то тоже оказался бы в этом гребаном самолете, это точно. Зная меня, я бы стоял на крыле, в говно пьяный, на руках или исполнял бы сальто. Но я не понимаю, почему там оказался Рэнди.

Он ведь *ненавидел* летать.

За несколько недель до этого мы с ним пили в баре в Чикаго. Мы как раз должны были сделать перерыв в гастролях на десять дней, и Рэнди спросил, сколько времени ехать на машине из Нью-Йорка в Джорджию, где будет следующий концерт. Я спросил, какого черта он собирается пилить из Нью-Йорка в Джорджию на машине, если существует такое изобретение, как самолет. А он ответил, что боится лететь, потому что недавно самолет компании «Air Florida» врезался в мост в Вашингтоне. Погибло семьдесят восемь человек. Так что Рэнди вряд ли бы захотелось развлечься полетом на четырехместном куске дерьма. Он даже на самолете большой коммерческой авиакомпании лететь не хотел.

В то утро происходило какое-то странное необъяснимое чертово дерьмо, потому что Рэйчел тоже не любила самолеты. У нее было

слабое сердце, так что вряд ли ей бы захотелось войти в «мертвую» петлю. Многие говорят: «Ой, да они просто страдали херней, как это обычно бывает у гребаных рок-звезд». Я хочу всё прояснить: Рэйчел было далеко за пятьдесят, и у нее было сердечное заболевание, а Рэнди был очень уравновешенным парнем и боялся летать. Это просто не имеет никакого смысла.

Когда приехали пожарные, огонь уже догорел. Рэнди погиб. Рейчел погибла. Я наконец-то что-то надел и взял пива из той груды, которая осталась от холодильника в автобусе. Я не мог справиться с ситуацией. Шерон бегала и искала телефон. Она хотела позвонить отцу. Потом приехали копы. Такие старые добрые копы. Они нам не слишком сочувствовали.

«Оззи Озз-берн, а? – сказали они. – Псих, который ест летучих мышей».

Мы поселились в какой-то дыре под названием «Hilco Inn» в Лизбурге и, как могли, прятались от прессы, пока полицейские делали свое дело. Нам нужно было позвонить маме Рэнди и лучшей подруге Рэйчел – Грейс, и это было просто ужасно.

Мы все хотели поскорее свалить из гребаного Лизбурга, но пришлось остаться там, пока не оформят все документы.

Никто из нас не понимал, как это вообще произошло. Сначала всё было волшебно, а потом вдруг обернулось страшной трагедией.

«Знаешь что? Я думаю, это знак, что я больше не должен этим заниматься», – сказал я Шерон.

К тому времени у меня наступило полное физическое и психическое расстройство. Пришлось вызвать врача и вколоть мне успокоительное. Шерон чувствовала себя не намного лучше. Она была в ужасном состоянии, бедняжка. Единственным утешением было сообщение от AC/DC со словами: «Если мы можем чем-то вам помочь, дайте нам знать». Для меня это многое значило, и я всегда буду благодарен им за это. Вот уж действительно – друзья познаются в беде. На самом деле ребята из AC/DC хорошо нас понимали, потому что всего за пару лет до этого их вокалист Бон Скотт умер от отравления алкоголем, и тоже в трагически молодом возрасте.

Наутро после аварии я позвонил своей сестре Джине, которая рассказала, что наша мать ехала в автобусе и увидела в киоске газетный заголовок: «ОЗЗИ ОСБОРН – СМЕРТЬ ПРИ КРУШЕНИИ САМОЛЕТА». Моя бедная старая мама чуть с ума не сошла. В тот же день я вернулся на место происшествия с зятем Рэнди. Автобус всё

еще был там, скрученный в форме бумеранга, рядом с руинами гаража. И там, в углу, на груде пепла и обломков, лежал совершенно чистый клочок футболки Рэнди с логотипом «Гибсон», в которой он погиб. Только логотип, больше ничего. Я не верил своим глазам – настолько это было жутко.

Тем временем у отеля разгуливали какие-то подростки. Я заметил, что некоторые из них одеты в костюмы с шоу *Diary of a Madman*, и спросил у Шерон: «Мы ведь не продаем такие костюмы, правда?» – а она ответила, что нет. Я подошел к парню и спросил:

– Откуда ты взял этот костюм?

– О, я залез в автобус и взял его там.

Я чуть не взорвался от злости. Чуть башку ему не оторвал.

В конце концов все бумаги были готовы – единственным наркотиком в теле Рэнди был никотин – и копы разрешили нам уехать. Думаю, они были рады, что мы свалили.

Потом нам нужно было провести двое похорон за одну неделю, и чертова ответственность за них легла на всех нас, особенно на Шерон, которая ужасно страдала. Она не могла слушать *«Diary of a Madman»* еще много лет.

Похороны Рэнди проходили в Первой лютеранской церкви в Бербанке. Я был в числе тех, кто нес гроб. На алтаре стояло много крупных фотографий Рэнди. Помню, как подумал: всего несколько дней назад мы с ним сидели в автобусе, и я говорил, что он, должно быть, с ума сошел, если собрался поступать в университет. Мне было очень плохо. Рэнди был одним из лучших людей, которых я встречал в своей жизни. И я чувствовал свою вину, потому что, если бы он не играл со мной в группе, то не погиб бы. Не знаю, как мать Рэнди пережила похороны – она, должно быть, очень крепкая женщина. Ее малыш умер. Делорес была разведена, и ее дети были для нее всем. А Рэнди так любил ее – просто всем сердцем обожал. Еще много лет спустя, каждый раз, когда мы с Шерон виделись с Ди, то чувствовали себя просто ужасно. Ну что тут скажешь? Должно быть, это самый страшный кошмар любого родителя – потерять своего ребенка.

После службы кортеж отправился из Бербанка в Сан-Бернардино, дорога заняла примерно час. Рэнди похоронили на кладбище Маунтин-Вью, недалеко от могил его бабушки и дедушки. Там и тогда я поклялся, что каждый год в день его смерти буду посылать цветы. В отличие от большинства своих клятв, эту я сдержал. Но ни разу не приходил к могиле. Я бы хотел как-нибудь навестить Рэнди,

еще до того, как встречусь с ним по другую сторону.

Похороны Рэйчел проходили совсем по-другому. Их устроили в церкви Евангелия для чернокожих где-то на юге Лос-Анджелеса. Рэйчел много значила для этой церкви. И во время службы все пели госпелы, падали на колени и кричали: «Иисус любит тебя, Рэйчел!» – а я думал, какого хрена здесь происходит? Довольно радостная церемония эти афроамериканские похороны. На ней нет места унынию.

На следующей неделе я был приглашен на шоу Дэвида Леттермана. Это было нереально, приятель. Как только я сел и музыка затихла, Дэйв сказал мне: «Давай сразу проясним, Оззи. Из того, что я слышал, ты откусил голову...»

Я поверить не мог, что он собирается об этом говорить. – «Давай, не будем об этом», – сказал я. Но было уже слишком поздно.

Дэйв в целом очень хорошо ко мне отнесся – он был вежлив и проявил сочувствие, – но я был вообще не в настроении рассказывать про летучую мышь. Шок – очень странная вещь, да и похороны прошли тяжело.

В конце интервью Дэйв сказал мне: «Я знаю, что в твоей жизни недавно произошла личная и профессиональная трагедия. Честно говоря, я удивлен, что ты не отменил нашу договоренность об этой встрече, и я это очень ценю и хочу, чтобы ты сказал об этом пару слов».

– Всё, что могу сказать, – что потерял двух замечательнейших людей в своей жизни, – сказал я, сдерживая ком в горле. – Но я не собираюсь останавливаться, потому что рок-н-ролл – это мое, и потому что играю рок-н-ролл – для людей, а я люблю людей. Я продолжу, потому что Рэнди и Рэйчел хотели бы, чтобы я не останавливался, и я не остановлюсь, потому что рок-н-ролл не убьешь.

Если это звучит уже слишком пафосно, то потому, что я тогда нажрался в ноль.

Только так я и мог существовать в это время.

Скажу по секрету, я не был так уж уверен, что рок-н-ролл нельзя убить.

– Так не должно быть, – говорил я Шерон. – Давай закончим на этом.

Но она и слушать не хотела.

– Нет, мы не будем ничего заканчивать. Это твоя судьба, Оззи, и ты для нее предназначен. Ничто нас не остановит.

Если бы Шерон несколько раз не убеждала меня в этом, я бы никогда снова не вышел на сцену.

Не представляю, кто начал поиски нового гитариста. Шерон была не в себе и совершенно разбита, так что, возможно, поисками занялся офис ее отца в Лос-Анджелесе. Но в конце концов эти заботы помогли развеяться и немного отвлечься от грустных мыслей. Помню, как-то я позвонил Михаэлю Шенкеру, парню из Германии, который играл в UFO. А он сразу: «Я окажу тебе такую любезность, но хочу и частный самолет». Ну и дальше – «дай мне это, дай мне то». Я спросил: «Почему ты с ходу предъявляешь требования? Отыграй со мной хотя бы один концерт, и мы всё обсудим». Но он всё знай твердил свое: «Ой, мне нужно вот это, и это, и это». Так что в конце концов я сказал: «Знаешь что? Иди-ка ты на хер».

Шенкер, в любом случае, не слишком в ладах с головой, так что я на него обиды не держу.

Нашим первым гитаристом после Рэнди стал Генри Торме, высокий светловолосый ирландец, который играл в группе Иэна Гиллана. Заменить Рэнди было невозможно, но он нам очень помог. Попал к нам с места в карьер, просто великолепно отыграл несколько концертов, а затем уехал записываться со своей группой. Потом мы наняли Бреда Гиллиса из Night Ranger, и он остался с нами до конца турне.

Честное слово, не представляю, как мы вообще выступали после смерти Рэнди. Все были в состоянии шока. Но, думаю, лучше уж выступать, чем сидеть дома и погружаться в мысли о двух невероятных людях, которых мы потеряли и которых нам уже не вернуть.

Через несколько недель после смерти Рэнди я сделал Шерон предложение. «Если и будет хоть что-то хорошее во всем том дерьме, через которое мы прошли в этом турне, – сказал я ей, – то только если ты станешь моей женой».

Она согласилась. Я надел ей кольцо на палец, и мы назначили дату. Потом протрезвел и передумал.

После всего пережитого с Тельмой я был в ужасе от того, что мне придется проходить через это снова. Но потом я преодолел этот страх. Я любил Шерон и знал, что хочу быть только с ней. Так что через несколько недель я снова сделал ей предложение.

– Ты выйдешь за меня? – спросил я ее.

– Пошел на хер!

– Ну, пожалуйста!

– Нет.

– *Ну, пожалуйста!*

– Ну ладно, да.

Так продолжалось несколько месяцев. У нас было больше помолвок, чем у нормальных людей гостей на свадьбе. Потом расторгать помолвки начала уже Шерон. Как-то раз, когда мы ехали на встречу в Лос-Анджелесе, она выбросила кольцо из окна машины, потому что накануне я не ночевал дома. Тогда я вышел и купил ей новое. Потом нажрался и потерял его, но обнаружил это только тогда, когда уже встал на одно колено.

Так что та помолвка тоже не удалась.

Через пару дней я купил еще одно кольцо, и мы снова обручились. Но однажды я шел домой через кладбище после круглосуточной попойки. Там была свежевыкопанная могила с букетом цветов. Очень красивых цветов. Я их спер и подарил Шерон. Она чуть не расплакалась, настолько ей это показалось трогательным.

Потом она тихонько шмыгнула носом и сказала: «О, Оззи, ты даже открытку написал, как мило!»

Тут я призадумался: *какую* открытку? Не помню, чтобы я писал какую-то открытку.

Но было уже слишком поздно. Шерон открыла конверт и достала открытку.

«Светлой памяти нашего дорогого Гарри», – прочитала она. Очередное кольцо полетело в гребаное окно. А я обзавелся фингалом для профилактики.

В итоге я делал ей предложение семнадцать раз. Меня можно было выследить по следу из выброшенных колец. А они были чертовски недешевые. Правда, под конец все-таки брал те, что побюджетнее.

Потом, как только я подписал какой-то документ – как он там, хер его знает, называется, – который узаконил наш с Тельмой развод, Шерон назначила свадьбу на 4 июля, чтобы я никогда не забывал о годовщине.

– Ну, хотя бы не первое мая, – сказал я ей.

– А что?

– Эту дату выбрала Тельма, чтобы я никогда не забывал о годовщине.

Раз наши отношения стали серьезнее, Шерон начала прессовать меня в отношении кокаина. Она нормально относилась к выпивке, но кокс не терпела. Тот факт, что наш психопат-водитель был под порошком, когда угробил Рэнди и Рэйчел, только усложнял дело.

Каждый раз, когда у меня появлялся кокс, я получал взбучку, и дошло до того, что я стал его ныкать от Шерон.

Но это вызывало еще больше проблем.

Как-то раз мы остановились в одном из бунгало Говарда Хьюза, и я только что купил у своего дилера мешок на двести граммов.

«Тебе от него просто башню снесет», – заявил он мне.

Как только я вернулся в дом, то сразу же спрятал пластиковый пакет в толстый роман в книжном шкафу. «Третья полка снизу, шестая книга справа», – повторял я себе, чтобы не забыть. Я планировал приберечь его для особого случая, но в тот вечер мне необходимо было взбодриться, и я решил принять хотя бы дорожку. Убедившись, что Шерон спит, на цыпочках вышел из спальни, подошел к шкафу, нашел третью полку и шестую книгу и открыл роман. Кокса нет. *Вот черт*.

Может, шестая полка снизу и третья книга слева? Кокса нет.

Я тихонько вышел из бунгало и постучал в окно Томми. «Пс-с-с! – шепнул я. – Эй, Томми! Ты не спишь, приятель? Я не могу найти чертов кокс».

В ту же секунду, как я это сказал, я услышал грохот за спиной.

Шерон распахнула окно нашего бунгало.

– ТЫ НЕ ЭТО ИЩЕШЬ, ДОЛБАНЫЙ НАРКОМАН? – крикнула она и высыпала пакет кокса на листок бумаги.

– Шерон, – сказал я. – Полегче. Не делай глу…

Но тут она *подула* на листок, и весь порошок разлетелся по саду. Прежде чем я успел как-то среагировать, из своего загона прибегает немецкий дог Шерон и начинает слизывать кокс с травы, как будто это лучшее, что он пробовал в своей жизни. Ой, это не очень хорошо. Потом его хвост встает вертикально – *ПИМ!* – и дог откладывает огромную кучу. Я в жизни не видел такой огромной кучи. Она заняла весь фонтанчик во дворе. А потом пес срывается с места. Это чертовски здоровая псина, немецкий дог, так что, когда он бежит, то сшибает всё на своем пути, опрокидывает цветочные горшки, оставляет вмятины на машинах, затаптывает клумбы, – и так он носился три дня и три ночи подряд, с высунутым языком и вертикально стоящим, как антенна, хвостом.

К тому времени, когда эффект кокса прошел, клянусь, пес похудел

килограмма на два. При этом, правда, реально подсел на порошок и все время искал, где бы им поживиться.

Свадьбу мы сыграли на Гавайях по дороге на концерт в Японии. Устроили небольшую церемонию на острове Мауи. Приехал даже Дон Арден, но только затем, чтобы Шерон подписала какие-то бумаги. Моя мама и сестра Джина тоже приехали. Томми был моим шафером. Самое смешное в свадьбе в Америке то, что нужно сдать анализ крови, прежде чем вам выдадут свидетельство. Я бы не удивился, если бы парень из лаборатории перезвонил и сказал: «Мистер Осборн, кажется, мы нашли следы крови у вас в алкоголе».

На свадьбе было много выпивки, не говоря уже о семи бутылках «Хеннесси» в свадебном торте. Если после кусочка такого торта пройти на дороге проверку на алкоголь, то можно запросто угодить за решетку. А еще мы курили какую-то убийственную траву.

«Мауи-вауи», – назвал ее местный дилер.

Мальчишник – просто прикол. Я так нажрался в отеле, что пропустил его. Есть фотография, где я лежу трупом в номере, а все собираются выходить. Классика жанра. Брачная ночь была еще хуже. Я даже не дошел до номера, чтобы провести ночь со своей женой. В пять утра менеджеру отеля пришлось позвонить ей в номер и сказать: «Вы не могли бы забрать своего мужа? Он заснул в коридоре и не дает горничным пройти».

* * *

Вскоре после того, как я чуть не обоссал своего тестя, он перестал называть меня Оззи. Вместо этого он стал звать меня овощем. Типа «отвали, овощ», или «сдохни, овощ», или «убирайся на хер из моего дома, овощ». Я понимал, почему парень так расстроился, – никто не любит, когда кто-то ссыт в его сторону, – но, по-моему, это было уже чересчур.

И, кстати, это еще ничего по сравнению с тем, как он разговаривал с Шерон. Я даже представить себе не могу, каково это, когда собственный отец беседует с дочерью в таком тоне. Но Шерон воспринимала это нормально. Она была невероятно жесткой. И, думаю, просто к этому привыкла. В основном расстраивался *я*: сидел и удивлялся, как вообще человеку в голову приходит такое дерьмо? Не говоря уже о том, как у него поворачивается язык говорить все

это своему собственному ребенку. Это были самые подлые слова из самых темных уголков души. А потом они снова становились не разлей вода. Так была воспитана Шерон – и в этом ее особенность.

Но мне в жизни нужен был кто-то с таким характером, потому что она могла меня поддержать. На самом деле, поддерживать меня – *ничто* по сравнению с тем, чтобы поддерживать ее отца.

В конце концов, то, что произошло между Шерон и ее стариком, было трагично. В то время я постоянно был пьян или под наркотой и точно не понимал, что происходит, да и сейчас я не вправе многое об этом рассказывать. Мне только известно, Шерон узнала, что Дон завел роман с девушкой моложе нее. Мы ушли из «Jet Records», из-за чего Дон обосрался от злости настолько, что нам пришлось выкупать у него за 1,5 миллиона долларов свой контракт, чтобы он перестал доводить нас до банкротства своими исками. Между ними всегда было не всё гладко, но на этот раз просто вышло из-под контроля. В конце концов они перестали общаться и не разговаривали почти двадцать лет.

Если что-то хорошее и можно найти в этой ситуации, так это то, что мы заняли столько денег, сколько смогли, и выкупили *все* мои контракты, так что нас больше никто не контролировал. Помню, как Шерон пришла на встречу с «Essex Music» и сказала: «О'кей, сколько нужно, чтобы вы отвалили? Игра становится грязной, потому мы больше не играем. Просто назовите цифру, и мы заплатим».

Через неделю все права на мои песни были у меня.

Дон, возможно, и считал меня овощем, но с того момента, как Шерон выкупила мой контракт, он всё время пытался его вернуть – попутно пытаясь, к чертям, разрушить наш брак. Мой тесть быть очень хитрым, когда хотел. Например, как-то раз мы с Шерон остановились в отеле «Беверли-Хиллз» и арендовали броский белый «Роллс-Ройс Корниш», чтобы ездить по городу. Но потом я нажрался, мы сильно поссорились из-за чего-то, Шерон свалила и сказала, что возвращается в Англию. Буквально через две минуты после того, как она ушла, позвонил телефон. Это был Дон. «Мне нужно с тобой поговорить, ово… э… Оззи, – сказал он. – Это срочно».

Сейчас я понимаю, что, должно быть, он заставил кого-то следить за отелем, и этот кто-то увидел, как Шерон едет в «Роллсе» одна. Иначе откуда бы он узнал, что я один? Разговор с ним был последним, чем бы мне хотелось заняться в этом мире, но я не смог отказать. Этот парень меня пугал. Если верить слухам, у него в столе

лежал заряженный пистолет.

Дон пришел и начал рассказывать о моей жене самые гнусные вещи, которые только можно себе представить. Это самые отвратительные слова, какие я только слышал. То, что он говорил, было просто омерзительно. А ведь он говорил о своей *собственной дочери*.

В конце концов он остановился перевести дыхание и спросил: «Ты это знал, Оззи? Ты знал, какая твоя жена на самом деле?» – Очевидно, он хотел, чтобы я взбесился, ушел от Шерон, вернулся в «Jet Records» и начал всё сначала.

Но я не собирался доставлять ему такое удовольствие.

Он не имел права приходить ко мне в номер и выдумывать всю эту отвратительную херню о моей жене. Я не поверил ни одному гребаному слову. Во всяком случае, что бы там ни делала Шерон, это не могло быть хуже того, что делал я. И уж точно ее жизнь и близко не была похожа на то, что совершил сам Дон. Но я подумал, что лучший способ взбесить его – сделать вид, что в этом нет ничего страшного.

– Ага, Дон, – ответил я. – Я это всё про нее знаю. – Правда?

– Ага.

– И?

– И что, Дон? Я ее люблю.

– Если хочешь расторгнуть брак, то мы всегда можем это устроить, знаешь?

– Нет, спасибо, Дон.

Поверить не могу, как этот парень готов был так поступить со своей семьей. Несколько лет спустя мы узнали, что, когда он был моим менеджером – и еще до того, – то использовал Шерон в качестве прикрытия. Все его компании, кредитные карты, банковские счета и кредиты были оформлены на ее имя. В общем, сам Дон на бумаге даже не существовал, ему не нужно было оплачивать счета, и на него нельзя было подать в суд. В том числе и налоговые счета, которые он, мать его, просто игнорировал, тоже были не на его имя – и в Англии, и в Америке. И оказалось, что за всё отвечает Шерон, хотя сама она об этом даже не догадывалась. И вдруг ни с того ни с сего ей приходит письмо от «IRS», в котором говорится, что она должна им крупную сумму. Когда мы посчитали сумму всех неуплаченных налогов, процентов и штрафов, число стало семизначным. Дон ее просто развел.

«Не знаю, из чего сделан твой отец, – сказал я ей, – но я бы

никогда так не поступил со своими детьми».

Шерон чуть с ума не сошла из-за этой налоговой задолженности.

В конце концов, я сказал: «Послушай, сколько бы там ни было, заплати, потому что я не хочу жить ни дня, когда над нами висит эта гребаная штука. Налогов не избежать, поэтому просто заплати их, а мы урежем расходы и как-нибудь да выкрутимся».

Такое часто случается в музыкальном бизнесе. Когда умер Сэмми Дэвис-младший, он оставил своей жене налоговый счет на семь миллионов долларов, и его выплата заняла у нее целую вечность.

С этим ничего не поделаешь. Нужно просто собраться с силами и хорошенько поработать.

Но моя свобода стоила того, чтобы пройти через всё это дерьмо с Доном. Вдруг я наконец смог делать всё, что захочу, положив с прибором на его мнение по этому вопросу. Например, однажды я встречался в Нью-Йорке со своим адвокатом Фредом Эйсисом – отличным парнем и бывшим военным. Он сказал, что потом у него встреча с другими клиентами – группой Was (Not Was), которые вне себя от того, что их вокалист не пришел на запись в студию.

– Я могу его заменить, если хочешь, – сказал я полушутя. Но Фред воспринял меня серьезно.

– Хорошо, я их спрошу, – ответил он.

И вот я уже в студии в Нью-Йорке – читаю рэп в песне «Shake Your Head». Я хорошенько посмеялся – особенно когда услышал финальную версию песни, в которой поют молодые горячие бэк-вокалистки. До сих пор люблю эту вещь. Забавно, потому что я всегда восхищался тем, что The Beatles начинали как попсовая группа, а потом с каждым альбомом становились всё тяжелее и тяжелее, а я вот почему-то двигался в противоположном направлении.

Но всю историю целиком я услышал только спустя годы. Я жил в отеле «Sunset Marquis» в Западном Голливуде, и там же жил Дон Уоз. К тому времени он уже стал одним из величайших продюсеров в музыкальной индустрии, и Was (Not Was) были очень популярны. Помню, как он подбежал ко мне, задыхаясь, и сказал: «Оззи, мне надо рассказать тебе кое-что про ту песню, которую мы записывали, «Shake Your Head». Тебе просто башню сорвет».

– Давай, – ответил я.

– Помнишь, у нас там были бэк-вокалистки?

– Ага.

– Одна из них сделала сольную карьеру и записала несколько

альбомов. Возможно, ты о ней слышал.

– Как ее зовут?

– Мадонна.

Я не мог в это поверить: я записывался с Мадонной. Предложил Дону переиздать этот сингл, но по какой-то причине он не смог получить разрешение. Так что в итоге мы ее перезаписали, и место Мадонны заняла Ким Бейсингер.

В восьмидесятых у меня было несколько дуэтов. Один с Литой Форд – «Close My Eyes Forever», – который вышел в топ-10 синглов в Америке. Я даже исполнял песню «Born to be Wild» с Мисс Пигги, но очень расстроился, когда узнал, что мы не будем находиться в студии одновременно (возможно, она узнала, что я работал на скотобойне Дигбет). Я просто развлекался, понимаете? Не денег ради. Хотя, когда мы выкупили контракт у Дона Ардена и издателей и оплатили налоговые счета, у нас наконец-то появились деньги. Помню, как однажды открыл конверт от Колина Ньюмана и боялся, что там будет какой-нибудь очередной иск. Но там был чек на авторский гонорар размером 750 тысяч долларов.

Это самая большая сумма денег, которая у меня когда-либо была.

Когда развод с Тельмой закончился, меня хотелось ей сказать: «Пошла к черту. Посмотри на меня – у меня всё супер!»

Так что я купил дом под названием коттедж Аутлендс в Стаффордшире, недалеко от нее. У него была соломенная крыша, и первым делом, сразу после переезда, я поджег эту гребаную крышу. Не спрашивайте, как я это сделал. Всё, что помню, – как приехал пожарный на своем грузовике, насвистывая сквозь зубы, и сказал мне: «Вечеринка по случаю новоселья, да?» А потом, когда он потушил огонь, мы с ним вместе нажрались. С таким же успехом лучше бы он дал чертову дому догореть, потому что вонь от паленой соломы просто ужасна, думаю, что она до сих пор так и не выветрилась.

Шерон ненавидела коттедж Аутлендс с самого начала. Она сваливала в Лондон и не желала возвращаться домой. Думаю, какая-то часть меня ждала, что Тельма позвонит в слезах и будет умолять вернуться к ней. Но она не звонила. Хотя неправда – однажды позвонила, сказала: «Вижу, ты снова женился, ГРЕБАНЫЙ УБЛЮДОК», – и повесила трубку.

В конце концов, я стал понимать, что, насколько бы мне ни нравилось жить под боком у Джесс и Луиса, жить рядом с бывшей

женой – плохая идея. В какой-то момент даже пытался выкупить коттедж Булраш. Я совершил ошибку, взяв с собой Шерон, когда навещал детей. Всё было хорошо, пока мы не отвезли их домой и не пошли выпить в отеле. Тогда я напился и расчувствовался. Я сказал Шерон, что не хочу возвращаться в Америку, что скучаю по детям, скучаю по пабу «Hand & Cleaver» и хочу уйти на пенсию. Когда я отказался садиться в машину и ехать домой – вообще-то это была «БМВ» нашего бухгалтера Колина Ньюмана, которую мы взяли у него на денек, – Шерон слетела с катушек. Она села за руль, завела машину и опустила педаль газа в пол. Было чертовски страшно. Помню, как отпрыгнул с дороги и упал на газон перед отелем. Но Шерон переехала клумбу и надвигалась на меня, колесами взрыхляя газон и разбрасывая всюду куски дерна.

И я был не единственным, кого она чуть не убила.

Тогда на меня работал парень по имени Пит Мертенс. Он был старым школьным приятелем – тощий, забавный, и всё время носил дикие клетчатые пиджаки. В общем, когда Шерон переехала клумбу, Питу пришлось броситься в сторону, и он упал в розовый куст. Помню, как Пит встал, отряхнул пиджак и сказал: «К черту *всё* – это не стоит двух сотен фунтов в неделю. Я ухожу». Правда, потом он передумал и вернулся. Полагаю, работать на нас было хоть и опасно, зато интересно.

В конце концов, вышел менеджер отеля, а кто-то вызвал полицию. Я спрятался в живой изгороди. Шерон вышла из машины, подошла к ней и выбросила все свои кольца и украшения. Потом развернулась, потопала к дороге и поймала такси.

На следующий день, вонючий и с похмелья, я просеивал там землю в поисках камня от «Тиффани» за пятьдесят кусков.

В коттедже Аутлендс тоже происходили всякие дикости, пока я наконец не понял, что Шерон была права и нам стоит переехать. Однажды вечером я встретил в пабе очень строгого парня – кажется, он был бухгалтером, – а потом он пришел со мной в коттедж выкурить косячок и вырубился на диване. И, пока он спал, я снял с него одежду и бросил в огонь. Бедный парень проснулся в шесть утра совершенно голый. Я отправил его домой к жене в одном из своих костюмов-кольчуг. Мне до сих пор смешно представлять, как он поплелся, гремя кольчугой, к машине, придумывая на ходу, как будет объясняться дома.

Еще одно мое любимое развлечение в коттедже Аутлендс – сбривать людям брови, пока они спят. Поверьте, нет ничего

смешнее, чем парень без бровей. Обычно люди не осознают, что брови отвечают за большинство выражений лица, так что, когда их нет, очень сложно выразить опасение, удивление или любую другую из основных человеческих эмоций. Но требуется какое-то время, чтобы понять, что именно здесь не так. Сначала они смотрят в зеркало и думают: «Боже мой, *дерьмово* же я сегодня выгляжу». Один парень, над которым я так подшутил, в конце концов пошел к *врачу*, потому что четко понимал, что что-то здесь не так, но так и не понял, что именно

С кем только я не проводил сеансы терапии бровей: с агентами, менеджерами, помощниками, ассистентами, друзьями, друзьями друзей. Всякий раз, когда кто-то приходил на собрание к руководству с лицом, с которым что-то не так, было понятно, что они провели выходные у меня дома.

Пит Мертенс часто оказывался невольным сообщником в моих пьяных розыгрышах. Например, как-то на Рождество мне стало интересно, что будет, если напоить собаку. Мы с Питом взяли кусок сырого мяса и положили его на дно миски с хересом, потом позвали Баблса – йоркширского терьера Шерон – и ждали, что же будет. Естественно, Баблс вылакал миску хереса, чтобы добраться до мяса. Примерно через пять минут он окосел, начал сшибать углы и подвывать музыке, которая у нас играла. Мы сделали это: Баблс был в говно. Это было блестяще – пока бедный старый Баблс не вырубился посреди гостиной. Я испугался, что убил его, поэтому снял гирлянду с ёлки и обмотал пса, чтобы сказать Шерон, что он случайно ударил себя током. Но, слава Богу, с ним всё было в порядке – правда, на следующее утро у него было страшное похмелье, и он очень сердито смотрел на меня, как бы говоря: «Я знаю, что это всё ты, ублюдок».

Баблс – не единственное животное у нас в коттедже Аутлендс. У нас еще была ослиха по имени Салли, которая любила посидеть со мной в гостиной за просмотром по телевизору *«Матча дня»*. А еще немецкий дог и немецкая овчарка. Мое самое яркое воспоминание об этих собаках – когда я принес домой из мясной лавки свиные ножки и положил их в банку на кухонном столе, планируя сделать хорошенькую поджарку. Но, когда вошла Шерон, то закрыла рукой нос и сказала: «Оззи, какого *черта* так воняет? *И что это за отвратительные штуки на столе?»* А когда я ей объяснил, ее чуть не вырвало.

– Ради Христа, Оззи, – сказала она, – я не смогу это есть, лучше

отдай собакам.

Я отдал ножки собакам, и им сразу поплохело. Потом одну вырвало, а вторая уделала все стены дерьмом.

Бедный Пит Мертонс дошел до того, что больше не мог этого выносить. Ведь он с нами жил, а сумасшествие просто не прекращалось. Последней каплей для него стало то, что как-то раз я принял слишком много снотворного после того, как всю ночь пил, и меня пришлось везти в больницу прочищать желудок. Когда доктор спросил, как меня зовут, я сказал: «Пит Мертенс», – а потом об этом забыл. Но через пару месяцев, когда Пит пришел к врачу проверить здоровье, доктор отвел его к себе в кабинет, закрыл дверь и сказал ему: «Ну, мистер Мертенс, вам стоит себя поберечь».

Пит не понял, какого черта врач имеет в виду, а врач решил, что Пит притворяется, будто ничего такого не делал. Кажется, доктор даже заставил его проконсультироваться с психотерапевтом. В конце концов, Пит нашел свою карту, в которой наверху было написано «передозировка снотворным», и чертовски разозлился на меня.

Клевый парень, этот Пит Мертенс. Очень клевый.

После коттеджа Аутлендс мы столько переезжали, что я не помню половины мест. Примерно тогда я понял, что мою жену хлебом не корми – дай купить и обустроить новый дом. А так как ремонтировать и обустраивать дом очень долго, в итоге мы всегда снимаем другое жилье, пока в доме всё не будет готово. Потом, примерно через три секунды после переезда, Шерон становится скучно, мы продаем этот дом и покупаем новый – и снова снимаем жилье, пока не доделают дом. Так продолжается уже несколько десятков лет. Иногда кажется, что все наши деньги уходят на ремонт домов всего гребаного Западного полушария. Как-то раз я заставил Шерон сосчитать все эти дома, и оказалось, что за двадцать семь лет брака мы переезжали двадцать восемь раз.

Как я уже говорил, сначала Шерон не смущало, что я пью. Она считала, что, когда я пьяный, то очень забавный – возможно, потому, что она тоже была не прочь попарить на синих крыльях. Но скоро она изменила точку зрения, и выпивка стала казаться ей таким же страшным врагом, как и кокс. Утверждала, что если я раньше пьяным был добрым и веселым, то сейчас превращаюсь в озлобленного алкаша. Но одна из многих проблем алкоголиков в том, что, когда люди говорят тебе, какое ты дерьмо, когда пьяный, ты уже обычно в дерьмо пьяный. Так что ты просто продолжаешь

пить.

Самое смешное, что мне даже не нравится вкус выпивки. Если только он не теряется в каком-нибудь фруктовом соке или другой сладкой херне. Мне всегда нравился именно *эффект*. То есть время от времени я мог насладиться кружкой хорошего пива. Но я никогда не ходил в паб, чтобы просто выпить, я ходил с одной целью – нажраться в говно.

Я долго пытался пить как нормальные люди. Например, когда я еще был женат на Тельме, то ходил на дегустацию вин в Национальный выставочный центр в Бирмингеме. Тогда там как раз была рождественская ярмарка или что-то вроде того. Я подумал: «Ни черта себе, ведь дегустация вин – это то, чем развлекаются взрослые цивилизованные люди». На следующее утро Тельма спросила: «Что ты купил?» А я ответил: «О, да ничего». Она не поверила: «Ой, правда? Ты точно *что-то* купил». И я сказал: «Да – кажется, я купил пару ящиков».

Оказалось, я купил 144 ящика.

Я так нажрался, что думал, что покупаю 144 *бутылки*. А потом у ворот коттеджа Булраш остановился грузовик размером с танкер, и из него стали выгружать ящики с вином, которых хватило бы, чтобы заставить все комнаты коттеджа до потолка. Несколько месяцев понадобилось нам с техниками, чтобы выпить всё это вино. Когда мы, наконец, опустошили последнюю бутылку, то отправились это отметить в паб «Hand & Cleaver».

Кстати, вино – какое-то полное разводилово, да? Это же какой-то уксус с пузырьками, что бы там ни говорили дегустаторы. Я-то знаю, у меня как-то даже был винный бар: он назывался «Osbourne's». Ну и дерьмовое же место. Помню, как спросил одну продавщицу: «Послушайте, объясните, как отличить *хорошее* вино?» А она ответила: «Мистер Осборн, если вам нравится «Блю Нан» за два фунта, то это хорошее вино. А если вам нравится «Шато Ванкер» за девяносто девять фунтов, то тогда это хорошее вино». Я ее не слушал. Тогда вино заказало мое эго. Я взял самую дорогую бутылку из имеющихся в наличии, просто чтобы хвастаться. Утром я проснулся с похмельем на двести фунтов. Но, в конце концов, я понял кое-что о похмелье за двести фунтов: оно, мать его, точно такое же, как и похмелье за два фунта.

Только когда Шерон узнала, что беременна, она решила всерьез изменить мой образ жизни.

Мы тогда были на гастролях в Германии. «Кажется, что-то не так, –

сказала она. – Мне в последнее время как-то нехорошо». Я поплелся покупать тест на беременность, и он показал, что моя благоверная в положении. Я не мог в это поверить, потому что всего несколько месяцев назад у Шерон случился выкидыш после того, как на нее напала собака ее мамы. Я получил за это хорошую взбучку, потому что стоял прямо за ней, когда это произошло. Я услышал, как доберман зарычал, и застыл на месте, не двигаясь, вместо того, чтобы броситься на пса и откусить ему голову. Я не знал, что Шерон беременна. Мы узнали об этом, только когда поехали в больницу, и это сообщили врачи.

Так что в Германии, после того, как выяснилось, что тест положительный, это стало большим событием. «Давай сделаем еще один тест, чтобы убедиться окончательно», – предложил я.

И в этот раз результат тоже был положительный.

«Вот что я скажу, – сказал я, держа эту бумажку на свет. – Давай пройдем еще один, чтобы убедиться наверняка».

В общем, мы сделали пять тестов. Когда мы наконец удостоверились, что это правда, Шерон сказала мне: «Хорошо, Оззи, я скажу это тебе всего один раз, так что лучше послушай. Если ты когда-нибудь, *хоть когда-нибудь* принесешь в этот дом кокаин, я сама вызову полицию, и тебя посадят в тюрьму. Понял меня?»

У меня не было никаких сомнений, что она говорит серьезно.

– Понял, – ответил я.

– А как насчет ружей, Оззи?

– Я от них избавлюсь.

Ружья были проданы на следующий день. Я знал, что никогда себя не прощу, если что-нибудь случится с Эйми. И вот: прощай, полуавтоматическая «Бенелли», из которой я валил куриц в коттедже Булраш, и весь мой остальной арсенал.

Но вот бухать я не перестал. Пить стал даже больше, поскольку в доме не было кокса. Я не мог остановиться. Но потом Шерон потеряла терпение. Когда я входил в дверь, она стояла на пороге и кидала предъявы.

Вы не поверите, чего я только не делал – и сколько времени и усилий прикладывал к тому, чтобы тайком выпить у нее за спиной. Я «выходил в супермаркет» рядом с домом, проходил овощной отдел, заходил на склад, вылезал в окно, перелезал через забор, пробирался через кусты и шел в паб. А потом, влив в себя шесть кружек пива, проделывал то же самое в обратном порядке.

Самое невероятное во моем поведении то, что я был уверен, что

оно, черт возьми, абсолютно нормально.

Потом я начал пытаться пронести выпивку в дом. Как-то раз купил огромную 15-литровую бутылку водки – такую обычно выставляют на витрине в баре, – но не знал, куда ее сныкать. Целую вечность я бегал по дому в поисках идеального места. И тут до меня дошло: *духовка*! Шерон ни разу за всю жизнь ничего не приготовила, сказал я себе, так что там она уж точно не будет искать. И я оказался прав: она не палила меня несколько недель. Я говорил Шерон: «У меня появилась идея для новой песни. Пойду спущусь в студию и запишу ее на пленку». Я шел на кухню, наливал себе кружку водки, выпивал ее как можно быстрее и делал вид, что не при делах.

В один прекрасный день она все просекла.

«Шерон, – сказал я. – У меня появилась идея песни. Пойду спущусь...»

– Я нашла твою идею для новой песни в духовке сегодня утром, – сказала она. – И вылила твою идею для песни в раковину.

Примерно через неделю после случая с духовкой, 2 сентября 1983 года, в лондонской больнице Веллингтон в Сент-Джонс-Вуде родилась Эйми. Она стала для нас настоящей путеводной звездой. Прошло чуть больше года с тех пор, как погибли Рэнди и Рэйчел, и мы только-только начали приходить в себя. С появлением Эйми мы нашли еще одну причину любить жизнь. Она была такой невинной малышкой, что, когда мы смотрели на нее, невозможно было не улыбаться до ушей.

Но, не успела Эйми появиться на свет, как пора было снова отправляться на гастроли, на этот раз в поддержку альбома *«Bark at the Moon»*, который мы закончили с новым гитаристом Джейком И. Ли. Шерон могла бы остаться дома, но ей это было не по душе, так что мы поместили маленькую колыбельку в гастрольный автобус и отправились в путь. Ей было здорово: до того как ей исполнился год, Эйми увидела больше стран мира, чем большинство людей видят за всю свою жизнь. Я жалею, что не так часто бывал трезв. Физически я там присутствовал, но мысленно – нет. Так что я пропустил всё, что никогда не повторяется: как она впервые начала ползать, впервые пошла и сказала первое слово.

Когда я задумываюсь об этом, у меня сердце разрывается.

Во многом я не был для Эйми хорошим отцом. Скорее, я был еще одним ребенком Шерон.

9. Бетти, где здесь бар?

«Кто-то умрет еще до конца поездки», – сказал я Доку Мак-Ги во второй вечер турне *«Bark at the Moon»*. Док был менеджером Mötley Crüe в Америке, они играли у нас на разогреве, и мы с ним крепко дружили.

– Кто-то? – сказал он. – Не думаю, что *кто-то один* умрет, Оззи. Думаю, мы *все* умрем.

Основной проблемой были Mötley Crüe, которые тогда работали в оригинальном составе: Никки Сикс на басу, Томми Ли на барабанах, Мики Марс на гитаре и Винс Нил на вокале. Эти ребята были ебнутыми на всю голову. А я, очевидно, решил их в этом переплюнуть. Как и в случае с Джоном Бонэмом, я прикинул, что непременно должен куролесить еще больше, чем они. Мое поражение в этом вопросе будет значить, что я плохо выполняю свою работу. А Mötley Crüe в свою очередь восприняли *это* как вызов. Так мы и играли в пинг-понг, каждую минуту каждого гребаного дня. Концерты давались нам еще легко. Труднее было пережить промежуток между выступлениями.

Забавно в Mötley Crüe было то, что одевались они как девчонки, а жили при этом как животные. Они многому научили даже меня. Куда бы Mötley Crüe ни поехали, они всюду таскали с собой огромный чемодан, в котором хранили все мыслимые виды алкоголя. В ту же секунду, как заканчивался концерт, крышка чемодана распахивалась, и они выпускали псов из ада.

Каждый вечер летали бутылки и метались ножи, крошились ножки стульев, ломались носы, портилось чье-то имущество. Всё равно что сложить бедлам и преисподнюю и помножить на хаос.

Люди рассказывают мне об этом турне, а я даже не знаю, что правда в этих рассказах, а что вымысел. Люди спрашивают: «Оззи, ты правда снюхал муравьиное шоссе с палочки от эскимо?» – а я понятия об этом не имею. Хотя, конечно, совсем такое не исключаю. Каждый вечер я снюхивал что-то, что вообще не должно было оказаться у меня в носу. Я постоянно был вне себя. Даже Тони Деннису сносило крышу. Кончилось тем, что мы стали называть его Капитаном Креллом – Креллом мы теперь называли кокаин, – потому что как-то раз он попробовал снюхать дорожку, но не думаю, что он когда-либо еще это повторял. Наша костюмерша даже сшила ему небольшой костюм в стиле Супермена с буквами «КК» на груди.

Мы все считали, что это безумно смешно.

Одна из самых сумасшедших ночей была в Мемфисе.

Как обычно, вечер только начался, когда мы отыграли концерт. Помню, как иду по коридору за сценой в сторону гримерки и слышу, как Томми Ли говорит: «Эй, Оззи, чувак, зацени!»

Я остановился и огляделся, пытаясь понять, откуда идет голос.

«Мы здесь, мужик, – сказал Томми. – *Заходи*».

Я толкнул дверь и увидел его на другом конце комнаты. Он сидел на стуле спиной ко мне. Никки, Мик, Винс и несколько помощников стояли вокруг него, курили сиги, ржали, обсуждали концерт, пили пиво. А перед Томми на коленях стояла голая девка. Она делала ему просто божественный минет.

Томми махнул мне, чтобы я подошел. «Эй, чувак, Оззи.

Зацени!»

Я заглянул ему через плечо. И увидел его член. Размером с руку ребенка в боксерской перчатке. Его чертова штука была настолько большая, что девчонке в рот помещалась примерно треть, и меня всё равно удивляло, что конец не торчит у нее из затылка. Никогда в жизни ничего подобного не видел.

– Эй, Томми, – сказал я. – А где такие дают?

– Садись, чувак, – сказал он. – Снимай штаны, чувак. Она и тебе отструкает, когда закончит со мной.

Я сдал назад.

– Я не собираюсь доставать свой, когда твой занимает всю комнату! – сказал я. – Это как припарковать буксир рядом с «*Титаником*». У тебя вообще права на него есть, Томми? Выглядит опасно.

– О, чувак, ты не знаешь, что теря… о, о, о, а, а, м, м, *а-а-а-а-а*…

Мне пришлось отвернуться.

Потом Томми вскочил, застегнул ширинку и сказал: «Давай что-то нибудь поедим, чувак, я умираю с голоду».

Мы оказались в месте под названием «Бенихана» – одном из японских сетевых стейкхаусов, где жрачку готовят на большой горячей тарелке прямо перед тобой. Пока мы ждали еду, пили пиво и шоты. Потом взяли огромную бутылку саке на всех. Последнее, что я помню, – это как мне принесли огромную миску супа с клецками, я ее доел, потом наполнил миску до краев саке и осушил ее одним огромным залпом.

– *А-а-а!* – сказал я. – Так-то *лучше*.

Все уставились на меня.

Потом Томми встал и сказал: «*Твою-ю-ю-ю-ю мать*, пойдем-ка

отсюда, чувак. В любую секунду Оззи лопнет».

И всё. Абсолютная темнота.

Как будто кто-то выдернул провод из телевизора. Как потом рассказали мне остальные, я встал из-за стола, сказал, что иду в сортир, да так и не вернулся. По сей день я не помню, что было в следующие пять часов.

Но я никогда не забуду, как потом проснулся.

Сначала я услышал звук:

НИ-И-И-И-И-ИУ-У-У-У-У-УМ – М-М – М, НИ-И-И-И-И-ИУ-У-У-У-У-УМ – М-М – М, З-З-З-ЗМ – М-М – М-М – М-М – М-М – М-М…

Потом открыл глаза. Было еще темно, очень темно, но повсюду горели тысячи маленьких огоньков. Я подумал про себя, какого черта происходит? Я умер или что?

И этот звук:

НИ-И-И-И-И-ИУ-У-У-У-У-УМ – М-М – М, НИ-И-И-И-И-ИУ-У-У-У-У-УМ – М-М – М, З-З-З-ЗМ – М-М – М-М – М-М – М-М – М-М…

Потом почуял запах резины и бензина.

Потом услышал гудок прямо над ухом.

БЛА-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-АМ – М-М!!!!!!!!!

Я перекатился и закричал.

И тут меня ослепили огни – двадцать или тридцать, высотой с офисную башню, – которые надвигались на меня. Прежде чем подняться и побежать, я услышал страшный рев, и порыв ветра швырнул мне в лицо песок.

Я проснулся на разделительной полосе двенадцатиполосной магистрали.

Я понятия не имел, как и почему оказался там. Я знал только, что мне нужно убраться с шоссе и что мне нужно отлить, потому что мочевой пузырь вот-вот лопнет. Я подождал, когда между машинами будет окно, еле-еле перешел все эти полосы, хотя был по-прежнему в говно и не мог идти ровно. Наконец я добрался до обочины, еле увернувшись от мотоцикла, несущегося по крайней полосе. Перепрыгнул через ограждение, перебежал еще одну дорогу и стал искать, где бы облегчиться. И тут увидел ее – белую машину, припаркованную у дороги.

Отлично, подумал я, хоть есть где спрятаться.

Я достаю член, и не успеваю даже начать как следует поливать колесо этой машины, как в заднем стекле загораются цветные лампочки, и я слышу до ужаса знакомый звук.

БИ-И-ИП, БИ-И-ИП, У-У-У-У. БА-А-АП!

Я не мог в это поверить. Из всех мест в Мемфисе, где можно отлить, я умудрился выбрать колесо полицейской машины без опознавательных знаков, припаркованной у обочины, чтобы штрафовать водителей за превышение скорости.

После этого женщина-офицер опускает стекло. Выглядывает и говорит: «Когда закончишь трясти этой штукой, мы с тобой скатаемся в участок!»

Через десять минут я оказался в камере.

К счастью, меня продержали там всего пару часов. Я позвонил Доку Мак-Ги и попросил забрать меня на гастрольном автобусе.

Первым, что я услышал, когда запрыгнул в автобус, было: «Эй, чувак, Оззи. Зацени, чувак!» – и снова погрузился в забытье.

В этом турне каждый вечер кто-то оказывался за решеткой то за одно, то за другое. А из-за того, что Мик и Никки были очень похожи – у них были длинные темные девчачьи волосы, – иногда одного закрывали за то, что сделал другой.

Как-то они жили в одном номере. Никки встает и выходит голышом в коридор купить банку колы в автомате у лифта. Как только он нажимает на кнопку автомата, открываются двери лифта, и Никки слышит испуганный вздох. Оглядывается и видит трех женщин среднего возраста, которые стоят с выражением ужаса на лице. «Привет», – говорит он, потом разворачивается и, как ни в чем ни бывало, возвращается в номер. Несколько минут спустя в дверь стучат. Никки говорит Мику: «Наверное, одна из группи. Давай открывай?» Мик идет открыть дверь, и там его встречает менеджер отеля, коп и одна из дамочек из лифта. Дамочка кричит: «Это он!» – и Мика тащат в околоток, хотя он даже понятия не имеет, что такого сделал.

Но дело в том, что мы постоянно были настолько не в себе, что для нас было нормальным не соображать, что мы делали.

Кроме той ночи, когда я проснулся посреди шоссе, хуже всего был день, когда мы играли в «Мэдисон-сквер-гарден» в Нью-Йорке. После концерта мы пошли на вечеринку в какой-то клуб в здании старой церкви. Тусовались в отдельном зале, пили и разгонялись коксом, как вдруг ко мне подошел какой-то парень и сказал: «Эй, Оззи, хочешь сфотографироваться с Брайаном Уилсоном?»

– Кто, черт побери, такой Брайан Уилсон?

– Ну, *Брайан Уилсон*. Из Beach Boys.

– Ах, этот. Ну да. Конечно. Ладно.

О Брайане Уилсоне много говорили, потому что за неделю до

этого его брат Деннис – который дружил с Чарльзом Мэнсоном в 1960-х – утонул в Лос-Анджелесе. Деннису было всего тридцать девять, так что это было ужасно грустно. В общем, мне предложили пойти встретить Брайана Уилсона на лестнице, я пошел, закинувшись бухлом и коксом, и ждал его. Прошло десять минут. Потом двадцать минут. Потом тридцать минут. Наконец, еще через пять минут, появился Брайан. К тому моменту я уже сильно разозлился и думал: «Ну и кретин». Но я знал о Деннисе, так что решил быть с ним помягче. И сказал: «Сожалею о твоем брате, Брайан».

Он ничего не ответил. Просто как-то забавно посмотрел на меня и ушел. С меня хватило.

– Сначала ты опаздываешь, – сказал я, повысив голос, – а потом просто сваливаешь, не говоря ни одного гребаного слова? Вот что я тебе скажу, Брайан, почему бы нам не забыть о фотографии, а тебе не засунуть свою голову обратно в задницу, где ей и место, а?

На следующее утро лежу я в номере, и у меня раскалывается голова. Звонит телефон, Шерон берет трубку.

– Да, нет, да, хорошо. О, он правда это сделал? Хм-м. Ладно. Не беспокойтесь, я всё сделаю.

Щелк.

Она вручает мне телефон и говорит: «Ты звонишь Брайану Уилсону».

– Кто, черт побери, такой Брайан Уилсон?

Я получаю удар телефоном по голове.

Бум.

– Ай! Это чертовски больно!

– Брайан Уилсон – живая музыкальная легенда, которую ты оскорбил вчера вечером, – говорит Шерон. – А теперь ты позвонишь ему и извинишься.

Я стал что-то припоминать.

– Подожди минутку, – говорю. – Это Брайан Уилсон *меня* оскорбил!

– Неужели? – говорит Шерон.

– Ага!

– Оззи, когда Брайан Уилсон подошел пожать тебе руку, ты сказал: «Здравствуй, Брайан, ты гребаный ублюдок, я рад, что твой брат окочурился».

Я сел ровно.

– Я такого не говорил.

– Конечно, это сказал чертов кокаин, который ты засунул себе в нос.

– Но я бы *запомнил*.

– Все остальные запомнили твои слова очень хорошо. А еще они помнят, что ты предложил ему засунуть голову в задницу, потому что там ей и место. Вот номер Брайана. Извинись.

Я позвонил и извинился. Дважды.

За эти годы мы несколько раз пересекались. И всё уладили. Но мы так и не собрались сделать ту фотографию.

Если кто-то и висел на волоске от смерти в турне *«Bark at the Moon»*, то это я. Что удивительно, это было никак не связано ни с выпивкой, ни с наркотиками – по крайней мере, не связано напрямую. Это случилось, когда у нас был перерыв на двое суток после концерта в Новом Орлеане, за которые нужно было снять клип на песню «So Tired» в Лондоне. Нам предстояло преодолеть безумное расстояние для такого короткого промежутка времени, но в те времена «MTV» уже становился важной частью музыкальной индустрии, и если тебе удастся убедить их часто показывать твой клип, то это практически гарантировало, что альбом станет платиновым. Так что мы всегда вкладывали в эту работу много денег и сил.

Планировалось полететь из Нового Орлеана в Нью-Йорк, сесть на «Конкорд» до Лондона, снять видео, вернуться на «Конкорде» в Нью-Йорк, а потом ехать на следующий концерт. Изнурительный график, при котором даже мое хроническое пьянство не спасало. Единственное, что помогало не вырубиться, – огромное количество кокаина.

Когда мы наконец добрались до студии в Лондоне, первым делом режиссер сказал мне: «Так, Оззи, сядь напротив этого зеркала. По моей команде его разобьют с другой стороны».

– Хорошо, – сказал я, стараясь догадаться, какие там новые суперспецэффекты они будут использовать.

Но спецэффектов не было. Было обычное старое зеркало и парень, который стоял за ним с молотком в руке. Не знаю, кто, мать его, отвечал за реквизит, но, очевидно, никто не рассказывал ему о театральных зеркалах, которые сделаны так, что, когда они разбиваются, никто не лишится жизни. В середине песни парень бьет молотком, зеркало разбивается, и мне в лицо летит стекло. Хорошо, что я был пьян и под кайфом: я вообще ничего не

почувствовал. Я просто сплюнул кровь и стекло и сказал: «Ага, ура».

Потом встал и взял еще банку «Гиннесса».

Больше я об этом не думал, пока не оказался над Атлантическим океаном на борту «Конкорда». Помню, как нажал кнопку вызова стюардессы, чтобы попросить еще выпить, а она подошла и чуть не уронила поднос от страха.

– О Боже! – завизжала она. – Вы в порядке?

Оказалось, что из-за давления на высоте почти 18 километров крошечные осколки стекла, которые застряли у меня в коже, поднялись на поверхность, и мое лицо буквально лопнуло, как раздавленный помидор.

Шерон обернулась посмотреть и чуть не упала в обморок. В нью-йоркском аэропорту, когда мы приземлились, нас уже ждала «Скорая». Но меня не в первый раз увозили из «Конкорда» на каталке. Я и раньше так надирался во время перелетов, что Шерон провозила меня через паспортный контроль на тележке для багажа, а мой паспорт был примотан скотчем ко лбу. А когда ее спрашивали, есть ли с собой что-либо, подлежащее декларации, она показывала на меня и говорила: «Вот он».

В больнице в Нью-Йорке меня положили на операционный стол и вытаскивали из меня все стекло, что только можно было вытащить. Потом что-то вкололи, чтобы снять воспаление. Помню, как попал в белую комнату с белыми стенами, где все ходили в белой одежде, и подумал: черт, я же в морге. Потом услышал, как у кровати кто-то шикает.

Пс-с-с, пс-с-с.

Я посмотрел вниз, а там какой-то парнишка держит ручку и альбом *Bark at the Moon*.

– Вы мне не подпишете? – спросил он.

– Отвали, – ответил я. – Я умер.

К концу турне мы все были еще живы, но мое предсказание о том, что кто-то умрет, всё равно сбылось. Это произошло, когда Винс Нил вернулся домой в Редондо-Бич в Лос-Анджелесе и нажрался с барабанщиком из Hanoi Rocks. В какой-то момент они пошли за выпивкой и решили доехать до местного алкогольного магазина на машине Винса – очень низкой и ужасно быстрой красной «Де Томазо Пантере». Винс был настолько пьян, что врезался прямо в лоб встречной машине. Парень из Hanoi Rocks умер еще до того, как его довезли до больницы.

После турне я почти не виделся с ребятами из Mötley Crüe, но мы много общались с Томми. Помню, как много лет спустя мы ходили к нему в гости с моим сыном Джеком, которому тогда было около тринадцати.

– Ого, чувак, заходи, – сказал Томми, когда я позвонил в дверь. – Поверить не могу. Оззи Осборн в моем доме.

Там были и другие гости, и когда Томми показал нам всем дом, то сказал: «Эй, чуваки, зацените». Он ввел код на клавиатуре на стене, открылась потайная дверь, а с другой стороны оказалась комната для сексуальных игр, где с потолка свисала какая-то суровая упряжка. Смысл в том, что ты приводишь телку, пристегиваешь к этой штуке, а потом трахаешь до потери сознания.

«Чем тебя не устраивает обычная постель?» – спросил я Томми. Потом оглянулся и понял, что Джек зашел в комнату вместе с остальными. И стоит, выпучив глаза. Мне было так неловко, что я не знал, куда, черт побери, смотреть.

Больше я его в гости к Томми не брал.

К окончанию тура *«Bark at the Moon»* наши с Шерон ссоры достигли апогея. Отчасти они происходили из-за давления, которое оказывает слава. Я хочу сказать – не поймите неправильно, я не жалуюсь, – мои первые три альбома разошлись десятимиллионными тиражами в одной только Америке, что превзошло все самые смелые ожидания. Но, когда продаешь столько альбомов, то больше ничем нормальным заниматься не можешь, потому что приходится реагировать на шумиху, которую люди создают вокруг тебя. Помню одну ночь, когда мы с Шерон остановились в «Holiday Inn». Было, может, три или четыре часа ночи, и мы были в постели. В дверь постучали, я встал, открыл, и какие-то ребята в комбинезонах, прочесав мимо меня, вперлись в комнату.

Шерон, увидев их, воскликнула: «Вы вообще, мать вашу, кто? Какого хрена вы делаете в нашей комнате?»

А они: «О, нам просто интересно посмотреть, как вы живете».

Шерон что-то в них бросила, и они прочесали мимо меня обратно на выход.

Ребята просто хотели зайти посмотреть. Вот и всё. После этого мы больше не останавливались в дешевых отелях.

Я хочу сказать, что обычно рад пообщаться с поклонниками, но не когда мы с женой спим в четыре часа ночи.

Или когда я ем. Меня просто бесит, если люди подходят к нам с

Шерон в ресторане. Для меня это табу. Хуже всего, когда они говорят: «Эй, ты похож на какую-то знаменитость! Можешь дать автограф?»

– Вот что я скажу, – говорю я им, – почему бы вам не пойти и не узнать, кто я такой, а потом вернуться, и *тогда* я дам вам автограф.

Но известность – не худшее, что мешало нашей жизни с Шерон. Мое ужасное пьянство привело к тому, что мне *вообще ничего* нельзя было доверить. Например, когда мы были на концерте в Германии, я отправился на экскурсию в концентрационный лагерь Дахау, и меня попросили уйти, потому что я напился и вел себя отвратительно. Вероятно, я единственный человек в истории, которого выгнали из этого гребаного места.

Мог я по пьяни и набить себе новые татуировки, что просто вгоняло Шерон в ярость. В конце концов, она сказала: «Оззи, если ты сделаешь еще одну татуировку, я подвешу тебя за яйца». В тот вечер я пошел гулять и набил себе на правой ладони слово «спасибо». Тогда мне это казалось блестящей идеей. Сколько раз за всю жизнь приходится говорить людям спасибо? Наверное, десятки тысяч. Зато теперь я мог просто брать и поднимать правую руку. Но Шерон инновацию не оценила. Когда на следующее утро она заметила татуировку – я старался держать руку под столом, но жена попросила передать соль, – и сразу отвезла меня к пластическому хирургу, чтобы тот ее свел. Но врач сказал, что ему придется отрезать мне полруки, чтобы ее свести, и татуировка осталась.

Когда мы выходили от врача, Шерон поблагодарила его за потраченное время.

А я просто поднял правую ладонь.

В другой раз мы были в Альбукерке в середине зимы, там был настоящий мороз и всюду снег и лед. У меня ехала чертова крыша от бухла и кокса, и я решил покататься на подвесном трамвайчике, который поднимается на три тысячи метров по горам Сандия к обзорной площадке с рестораном на вершине. Но с канатной дорогой что-то случилось, и трамвайчик остановился в середине пути.

– Что вы будете делать, если застрянете здесь? – спросил я у машиниста, когда мы уже болтались там целую вечность.

– О, в крыше есть аварийный люк, – ответил он, показывая наверх.

– Но как туда залезть? – спросил я.

– Как раз сзади вас есть лестница. Нужно только ее вытащить. Это

очень просто.

– Люк заперт?

– Нет.

Большой ошибкой было мне это говорить. Как только я узнал, что есть лестница и незапертый люк, то решил вылезти. Я достал лестницу и начал подниматься к потолку.

Парень взбесился.

– Какого черта вы делаете? Так нельзя! Остановитесь!

Стоп!

Меня это только раззадоривало. Я открыл люк, ощутил на себе порыв ледяного ветра и вылез на крышу. Но к этому времени уже все пассажиры трамвайчика вместе с машинистом кричали и умоляли меня спуститься обратно. И вдруг, как только я нашел равновесие, трамвайчик снова поехал. Я чуть не поскользнулся и не *разбился в лепешку* о скалы в тысячах метров под нами, но удержал равновесие, расставив руки как на серфе. И запел «Good Vibrations». Так и ехал на крыше почти до вершины.

Забавно, но я ненавижу высоту. У меня голова кружится, когда я на крыльцо поднимаюсь. Поэтому, когда я увидел канатную дорогу с земли на следующий день, – в кои-то веки, уже трезвый как стеклышко, – меня чуть не вырвало. Даже сейчас, когда я об этом вспоминаю, меня пробивает дрожь.

Сумасшедшие выходки вроде этой каждый раз приводили к очередному скандалу с Шерон. Как-то раз я настолько вышел из себя, что взял бутылку водки и швырнул в нее. В ту же секунду я понял, что натворил: она летела прямо в голову Шерон. «О, *черт*», – подумалось мне. – Я только что убил свою жену». Но, слава Богу, промахнулся на пару сантиметров. Бутылка вошла горлышком в штукатурку прямо над головой у Шерон и застряла там, как произведение современного искусства.

Но Шерон всегда находила способ отомстить. Например, когда она прошлась молотком по моим золотым дискам. А потом я мстил ей за ее месть и говорил, что не выйду на сцену в этот вечер. Как-то раз я обрил голову, чтобы отмазаться от концерта. У меня было похмелье, я устал и злился, и решил – к черту всё, к черту их всех.

Но такое дерьмо Шерон не смущало.

Она только взглянула на меня и сказала: «Ладно, найдем тебе парик». И отвела с парой помощников в магазин приколов, где в витрине был парик леди Годивы, который, похоже, находился там уже пятьсот лет, потому что в нем были дохлые мухи, пыль, перхоть

и, Бог знает, что еще. Я его надел, и все просто обоссались от смеха.

Но в итоге оказалось довольно круто, потому что я поместил под парик капсулы с кровью. В середине концерта я притворялся, что вырываю себе волосы, а по лицу у меня бежала кровь. Выглядело блестяще. Только после случая с летучей мышью все решили, что это взаправду. На одном концерте девчонка в переднем ряду чуть не упала в обморок. Она махала руками и кричала: «Люди говорят правду! Он *сумасшедший*!»

* * *

– Дорогой, – сказала Шерон спустя несколько месяцев после окончания турне *«Bark at the Moon»*, узнав, что беременна нашей дочерью Келли. – Я слышала о хорошем месте в Палм-Спрингс, где ты сможешь отдохнуть перед следующим турне. Это прекрасный отель, и у них каждый день занятия, на которых ты научишься пить как джентльмен.

– Правда? – спросил я.

И подумал: точно, вот оно! Я просто пил неправильно. Должно быть, от этого у меня каждый раз ужасное похмелье. Мне нужно научиться пить, как Джеймс Бонд!

– Как называется это место? – спросил я.

– Центр Бетти Форд. Слышал о нем?

– Не-а.

– Он только недавно открылся, а управляет им жена бывшего президента. Думаю, ты хорошо проведешь там время.

– Звучит волшебно, – сказал я. – Запиши меня.

– Вообще-то я тебя уже записала на неделю после рождения ребенка, – ответила Шерон.

Келли родилась 28 октября 1984 года. Это был богатый событиями день рождения. По какой-то безумной причине Шерон решила, что ей не нужна анестезия. Но потом, как только начались схватки, она закричала: «Я передумала! Ведите анестезиолога!» Поверьте, если Шерон такое сказала, значит, ей было чертовски больно, потому что боль она переносить умеет. И уж абсолютно точно она может вынести гораздо больше, чем я. Но медсестра этого не поняла и сказала: «Миссис Осборн, вы ведь понимаете, что женщины в странах третьего мира всегда рожают без анестезии?» Это была большая ошибка. Шерон села на кровати и заорала:

«ПОСЛУШАЙ, ТЫ, ДЕБИЛКА, МЫ НЕ В ГРЕБАНОЙ СТРАНЕ ТРЕТЬЕГО МИРА, ТАК ЧТО ТАЩИ ХРЕНОВА АНЕСТЕЗИОЛОГА!»

Через час на свет появилась Келли, которая уже тогда истошно кричала, и с тех пор кричит, не останавливаясь, благослови ее Бог. Она вся в своего старика, наша Келли. Думаю, именно поэтому я всегда так старался ее защищать. Конечно, было нелегко оставить мою прекрасную маленькую девочку с Шерон и медсестрами всего через несколько часов после ее рождения, но в то же время я знал, что нужно что-то делать с моим пьянством. Если повезет, подумал я, то вернусь домой из Палм-Спрингс другим человеком. На следующее утро я сел в самолет, выдул три бутылки шампанского в первом классе, через двенадцать часов приземлился в аэропорту Лос-Анджелеса, меня вырвало, я снюхал несколько дорожек кокаина, а потом отрубился в лимузине, который вез меня в Центр Бетти Форд. Надеюсь, что там можно отдохнуть, подумал я, потому что я так *устал*.

До этого я никогда не слышал о реабилитационных центрах. И уж точно не знал, что Бетти Форд – жена президента Джеральда Форда – сама была алкоголичкой. В турне я нечасто смотрел телевизор и листал газеты, так что знать не знал, какая это серьезная клиника и что пресса называет ее «Лагерем Бетти». В моем воображении это был прекрасный отель-оазис посреди Калифорнийской пустыни с мерцающим бассейном во дворе, полем для гольфа, толпами девушек в бикини и парней в стиле Хью Хефнера в свободных бархатных жакетах и галстуках-бабочках, которые сидят за баром у бассейна, где какая-нибудь дама среднего возраста голосом Барбары Вудхаус говорит: «Итак, джентльмены, повторяйте за мной: берете оливку, окунаете ее в мартини, берете бокал пальцами вот так. *Правильно*, хорошо, хорошо. Потом делаете глоток, считаете до трех и делаете еще один. Медленно, *не торопитесь*».

Это будет лучший отпуск в моей жизни, говорил я себе.

Но, когда я туда приехал, оказалось, что это скорее больница, чем отель. Кстати, территория была просто потрясающая: свежеполитые газоны, высокие пальмы и всюду искусственные водоемы, а на заднем фоне огромные коричневые инопланетные горы.

Я захожу, и меня встречает сама Бетти. Она оказалась совсем крошечная. Водолазка, пышная прическа. И не так уж много чувства юмора, как кажется с первого взгляда.

– Здравствуйте, мистер Осборн, – говорит она. – Я миссис Форд. Я разговаривала с вашей женой Шерон несколько дней назад.

– Послушайте, Бетти, ничего, если я зарегистрируюсь попозже? – говорю я. – Мне надо горло промочить. Ужасный перелет. Где бар?

– Простите?

– Бар. Он должен быть где-то здесь.

– Вы ведь знаете, где находитесь, мистер Осборн?

– Э… да?

– Тогда вы, наверное, знаете, что у нас… нет бара.

– Тогда как вы учите людей правильно пить?

– Мистер Осборн, кажется, ваша жена слегка ввела вас в заблуждение. Здесь мы не учим людей *правильно* пить.

– Разве?

– Мы учим их *не* пить.

– А… Может, мне тогда лучше в какое-то другое место.

– Боюсь, что это невозможно, мистер Осборн. Ваша жена… Как бы это сказать? Она очень *настаивала*.

Я даже не буду начинать описывать свое разочарование. Оно было настолько же сильным, как и скука. Через час мне уже казалось, что я торчу здесь тысячу лет. Больше всего я ненавидел рассказывать о своем пьянстве незнакомым людям на групповой терапии. Хотя и узнал там много интересных штук. Один парень был дантистом из Лос-Анджелеса. Его жена узнала, что он пьет, и стала следить за ним круглые сутки. Тогда он вылил воду из стеклоомывателя в своей «БМВ», налил туда джина с тоником, отсоединил пластиковую трубку от омывателя и провел ее в вентиляционное отверстие на приборной панели. Когда ему хотелось выпить, он садился в машину, клал трубку себе в рот, нажимал на рычаг и впрыскивал джин с тоником себе прямо в глотку. Работало блестяще, но, очевидно, до того момента, пока он не попал в жуткую пробку по дороге на работу и явился в клинику настолько в говно, что случайно просверлил дырку в башке у пациента.

Отвечаю – изобретательности алкоголиков нет предела. Вот бы только обратить ее во что-нибудь полезное. Например, если сказать алкоголику: «Слушай, единственный способ получить выпивку – это вылечить рак», – то от болезни можно избавиться за пять секунд.

Кроме групповых сеансов мне нужно было заниматься с психотерапевтом индивидуально. Было очень тяжело на трезвую голову обсуждать, что со мной не так, как только выяснилось, что именно. Например, я узнал, что у меня дислексия и синдром дефицита внимания (через несколько лет в обиход вошло понятие

«гиперактивность»). Думаю, это многое объясняет. Мозгоправ сказала, что из-за дислексии у меня ужасный комплекс неполноценности, поэтому я не могу принять поражение и не терплю никакого давления, а в стрессовых ситуациях занимаюсь самолечением с помощью алкоголя. Еще она сказала, что это из-за того, что у меня плохое образование и я *знаю* об этом, и считаю, что люди обманывают меня, поэтому никому не доверяю. Она была права, и ситуацию только усугубляло то, что меня *на самом деле* обманывали – пока не появилась Шерон. Кстати, у меня случались такие приступы кокаиновой паранойи, когда я и своей жене не доверял.

Психотерапевт объяснила, что я склонен к зависимостям, и поэтому у меня *всё* вызывает привыкание. И, кроме этого, у меня еще и обсессивно-компульсивное расстройство, которое еще больше усугубляет ситуацию. Я как ходячий словарь психических расстройств. У меня от этого просто мозг взорвался. И потребовалось какое-то время, чтобы принять это как факт.

В лагере Бетти я дольше всего за всю свою взрослую жизнь прожил без алкоголя и наркотиков, и отходняк был кошмарный. Все остальные там переживали то же самое, но не могу сказать, что мне от этого было легче. Сначала меня поселили в одной комнате с парнем, у которого был свой боулинг-клуб, но он храпел как астматический конь, поэтому я переехал и оказался в комнате с депрессивным гробовщиком. Я спросил: «Слушай, если ты страдаешь от депрессии, какого же хрена ты работаешь в похоронном бюро?»

– Не знаю, – ответил он. – Просто это моя работа.

Гробовщик храпел еще громче, чем парень с боулингом, – этот был как лось с трахеотомией. От его храпа тряслась вся комната. Кончилось тем, что я каждую ночь спал на диване в вестибюле, весь дрожа и потея.

В конце концов, Шерон за мной приехала. Я провел там шесть недель и выглядел несомненно лучше – немного похудел, – но совершенно не понимал, в чем смысл реабилитационного центра. Я думал, что они меня *вылечат*. Но от того, чем я страдаю, нет лечения. Всё, что они могут сделать, это сказать, что с тобой не так, и предложить, какими способами можно себе помочь. Позднее, когда я осознал, что пребывание там само по себе не является решением проблемы, то стал ездить туда, чтобы немного выпустить пар, когда всё выходило из-под контроля. Реабилитационный центр

может помочь, но нужно самому этого хотеть. Если и правда хочешь завязать, нельзя взять и сказать: «Сегодня я хочу завязать, но, может быть, выпью на свадьбе друга на следующей неделе». Придется принять твердое решение и проживать каждый день в соответствии с ним. Каждое утро нужно просыпаться и говорить: «О'кей, сегодня будет еще один день без алкоголя», или сигареты, или таблетки, или косяка, или что там тебя убивает.

Это все, на что ты можешь надеяться, когда у тебя зависимость.

Первый концерт после Бетти Форд был в Рио-де-Жанейро.

Я напился до беспамятства еще до того, как сел в самолет.

К тому времени, как мы прилетели в Рио, я прикончил целую бутылку «Курвуазье» и вырубился в проходе. Шерон изо всех сил старалась меня сдвинуть, но я был вусмерть. В конце концов она так разозлилась на меня, что схватила с подноса вилку из нержавейки и стала ей в меня тыкать. Вскоре после этого я, черт возьми, наконец-то сдвинулся. По крайней мере теперь я точно знал, что я настоящий хронический алкоголик и больше не мог успокаивать себя тем, что пью ради развлечения, как и все, у кого водятся деньжата. У меня была болезнь, и она меня убивала. Я думал, если даже животное и близко не подойдет к тому, от чего ему было плохо, то почему я продолжаю это делать?

Мы выступали на фестивале «Rock in Rio», который шел десять дней, где также были Queen, Род Стюарт, AC/DC и Yes. Полтора миллиона человек купили билеты. Но это место меня разочаровало. Я ждал, что на каждом углу будут «девушки из Ипанемы», но не увидел ни одной. Повсюду были только грязные нищие дети, которые шныряли, как крысы. Были либо неприлично богатые, либо совсем нищие – а ничего среднего.

Никогда не забуду, как встретил там Ронни Биггса, который совершил Великое ограбление поезда. В то время он жил в ссылке в Бразилии и, казалось, наслаждался каждым моментом – например, заявил, что за время своей ссылки трахнул две с половиной тысячи девок. Но, тем не менее, отчасти он там был как в тюрьме, потому что очень тосковал по родине. Он подошел к отелю в футболке с надписью «Рио – чудесное место, куда можно сбежать», но всё время спрашивал: «И как там сейчас в Англии, Оззи? А тот магазин еще есть, а этот, а то пиво, а это?»

Мне было жаль парня. Никто в здравом уме не взял бы его на работу, поэтому Ронни собирал у себя дома английских туристов,

брал с каждого по пятьдесят фунтов, просил их купить ему пиво или пакетик травы и рассказывал про Великое ограбление поезда. Он назвал эту историю «Случай с Ронни Биггсом». Полагаю, лучше уж так, чем сидеть в тюрьме. Ронни был неплохим парнем, и все знали, что его даже не было в поезде, когда напали на машиниста, но его сослали на тридцать лет. В наше время даже за изнасилование ребенка или убийство бабушки дают меньше. Люди говорят: «Ведь в итоге он избежал наказания?» Но я не думаю, что он его избежал. Парень был очень несчастен. Я даже не удивился, когда он в конце концов вернулся в Британию, где его арестовали в аэропорту Хитроу и сразу бросили за решетку.

Дом есть дом, пускай и за решеткой. Его даже освободили, потому, что парень уже находился на смертном одре. Ронни всегда говорил, что его последним желанием было «пойти в паб в Маргите, как англичанин, и выпить пинту пива». Но из того, что я слышал, ему придется подождать до следующей жизни, чтобы доставить себе такое удовольствие.

Летом после фестиваля «Rock in Rio» я согласился выступить на благотворительном концерте «Live Aid» с Black Sabbath. Шерон снова была беременна, и мы не хотели лететь в Филадельфию на самолете, поэтому решили поплыть в Нью-Йорк на лайнере «Куин Элизабет 2», а дальше доехать на машине.

Проведя час в море, мы об этом пожалели. Мы привыкли добираться до Нью-Йорка за три часа на «Конкорде». На лайнере мы плыли пять гребаных дней, а по ощущениям пять миллиардов лет. И чем еще *заниматься* на корабле, кроме как выворачиваться наизнанку от рвоты из-за морской болезни? К концу первого дня я надеялся, что мы врежемся в айсберг и станет повеселее. Но стало только еще скучнее. В конце концов я пошел к врачу и выпросил у него успокоительные, чтобы вырубиться на остальную часть пути. Я проснулся через двое суток, когда мы уже заходили в порт. Шерон так разозлилась – ей пришлось самой себя развлекать, пока я отсутствовал, – чудо, что она не выбросила меня за борт. «Помнишь меня? *Кретин*», – первое, что она мне сказала, когда я открыл глаза.

Честно говоря, я очень нервничал перед концертом «Live Aid, ведь уже много лет не разговаривал с Тони, и это была не самая удобная ситуация. А потом организаторы поставили наше выступление между Билли Оушеном и гребаными Four Tops… в десять часов утра. Не знаю, о чем они думали. Нам постоянно

говорили, что им нужно больше черных групп на концерт, так что, возможно, они решили, что *мы* черные – так же, как когда мы играли в Филадельфии в первом американском турне.

Не самое хорошее начало.

Когда перед концертом я регистрировался в вестибюле отеля, подошел какой-то парень и сказал: «Эй, Оззи, можно сфотографироваться?»

– Да, конечно.

– Прости, мне нужно передать тебе это.

И парень вручает мне судебный иск. От тестя. Он решил *передать* мне его прямо перед чертовым благотворительным концертом. Когда все за кулисами услышали о повестке – не спрашивайте, о чем она или что с ней было дальше, потому что я повесил всё на Шерон, – один из роуди подошел ко мне и сказал: «Тот еще тип, твой тесть, да?»

– Что ты хочешь этим сказать?

– Он сказал, что обложка *«Born Again»* напоминает ему о внуках.

Если вы не видели эту обложку – *«Born Again»* стал третьим альбомом Black Sabbath после моего ухода, – то там изображен выкидыш демона с клыками и когтями. Невероятно, как можно такое сказать!

С одной стороны, участвовать в концерте «Live Aid» было здорово: он проходил ради хорошего дела, и никто другой не может исполнять старые песни Black Sabbath так, как это делаем мы с Тони, Гизером и Биллом. Но, с другой стороны, всё было немного неловко. Начнем с того, что я всё еще был ужасно жирным – на видео тех лет я выгляжу как небольшая планета. Кроме того, за шесть лет после ухода из группы я стал знаменитостью в Америке, а Black Sabbath двигались совершенно в другом направлении. Так что я пользовался преимуществами, о которых не просил. Дело в глупых мелочах: например, я получил куртку с логотипом «Live Aid», а они нет. Но всё равно мне было неловко. И нельзя сказать, чтобы я справился с ситуацией с большим изяществом, потому что мое коксовое рок-звездное эго вышло из-под контроля. В глубине души мне хотелось сказать им: «Вы меня уволили, и вы мне не нужны, так что идите к черту». Сейчас я только и думаю, почему я так себя вел? Почему мне обязательно надо было быть таким придурком?

Зато сам концерт прошел достаточно гладко. Мы заселились в отель, встретились на саундчеке, пробежались по песням, вышли на сцену, исполнили, что требовалось, и разбежались.

Что до иска Дона Ардена, то он не особенно кого-то удивил. «Jet Records» серьезно пострадали от нашего ухода. И многое другое у Дона тоже не складывалось. Например, примерно в это же время Дэвид, брат Шерон, оказался в английском суде якобы за похищение, шантаж и избиение бухгалтера по имени Харшед Патель. Это была очень неприятная история. Что бы Дэвид там ни натворил, его приговорили к двум годам в Уондсуэрте, но в итоге он отсидел несколько месяцев. К концу срока его перевели в тюрьму Форд Оупен.

Но потом к суду привлекли уже Дона, который по-прежнему жил в доме Говарда Хьюза на вершине каньона Бенедикт. В конце концов Дон понял, что его выдадут английскому правосудию, так что вернулся сам, чтобы предстать перед судом. А потом нанял лучших юристов в Лондоне и ему все сошло с рук.

Через несколько месяцев после концерта «Live Aid», 8 ноября 1985 года, родился Джек. Я был слишком пьян и помню не много, потому что всё время торчал в пабе напротив больницы, но помню, что Шерон хотела сделать ему обрезание. Я не стал спорить. Забавно, что мама сделала *мне* обрезание, хотя и была католичкой. Больше никому из моих братьев не сделала, только мне. Помню, как спросил маму, какого хрена она тогда думала, а она ответила: «Ой, это было модно». Я не мог поверить своим ушам. «Было *модно* отрезать мне член!» – помню, кричал я на нее.

Но, должен признаться, так гигиеничнее. А так как Джек отчасти еврей – как внук Дона Ардена, которого на самом деле звали Гарри Леви, – казалось, что это правильное решение.

Самое удивительное, что Джек – наш третий ребенок за три года. Мы этого не планировали. Просто так случалось. Каждый раз, когда я приезжал с гастролей, мы проводили время с Шерон, как это всегда и бывает, потом одно за другое, а через девять месяцев Шерон уже рожает очередного маленького Осборна.

Это было безумие, потому что я в это время ездил по миру в образе Князя Тьмы, и при этом у меня на буксире было трое малышей, а они немного не сочетаются с этим образом. Несколько лет большую часть времени между концертами я в панике искал любимую игрушку Джека, которая его успокаивала, – маленького желтого мишку по имени Бэйби. Джек, на хрен, сходил с ума, если не мог обнять и пожевать своего Бэйби. Но мы так много ездили, что всё время забывали его где-нибудь. Я стал одержим этим чертовым

медведем. Я уходил со сцены после концерта «Diary of a Madman» и первым делом спрашивал: «Где Бэйби? Кто-нибудь видел Бэйби? *Проверьте, что мы не потеряли Бэйби».*

Не один раз нам приходилось отправлять свой частный самолет через пол-Америки, чтобы привезти Бэйби из отеля, где мы были вчера. Мы выбрасывали двадцать штук на одно только топливо, чтобы спасти Бэйби. И не думайте, что мы не пытались просто купить Джеку чертову новую игрушку. Он был слишком умен – другие игрушки его не устраивали. Ты покупаешь игрушку, точь-в-точь такую же, как Бэйби, но Джек только взглянет на нее, швырнет в тебя и будет орать и плакать, пока не получит обратно своего настоящего Бэйби. И конечно, со временем Бэйби пережил несколько серьезных операций после того, как его пробовала сожрать собака Шерон, так что его невозможно было не узнать.

Сколько бы я ни пил и сколько бы времени ни отсутствовал, я обожал быть папой. Так весело наблюдать, как эти маленькие человечки, которым ты дал жизнь, развиваются и растут. Шерон тоже очень нравилось быть мамой. Но в какой-то момент и ей хватило. Когда родился Джек, она сказала мне: «Оззи, не подходи ко мне после следующих гастролей. У меня такое ощущение, что я беременна всю жизнь и я так больше не могу».

Поэтому я пошел и сделал вазэктомию. Ощущение было очень странное.

– Вы в курсе, что это необратимый процесс, мистер Осборн? – спросил врач.

– Ага.

– Так вы уверены?

– О да.

– Абсолютно уверены?

– Док, поверьте, я уверен.

– Хорошо, подпишите эту бумагу.

После операции мои шары раздулись до размера арбузов. И ужасно болели. «Эй, док, – сказал я. – Можете дать мне что-нибудь, если не опухоль снять, то хотя бы унять боль?»

В общем, я эту операцию никому не рекомендую. После нее, когда кончаешь, оттуда выходит только какая-то пыль. Как будто сухо чихаешь. Очень странно, приятель.

Потом, спустя девять месяцев, Шерон снова задумалась. Так что мне пришлось вернуться к врачу и попросить вернуть всё обратно.

«Черт побери, – сказал он. – Я же *говорил*, что так нельзя. Но,

полагаю, всегда можно попробовать».

Ничего не получилось. Как и сказал доктор, вазэктомия почти необратима. Может, если бы я просто очистил каналы, то всё было бы хорошо. Кто знает? Но с тех пор мы перестали пытаться завести еще детей. Пятеро детей – тоже неплохо, и я их всех очень люблю.

Они – лучшее, что есть в моей жизни, это точно.

Другая проблема вазэктомии в том, что я почему-то решил, что у меня появилась свобода делать всё, что захочу – или, по крайней мере, мне *казалось*, что я этого хочу, когда в жопу пьян. Но моя жена выросла в мире рок-н-ролла, поэтому чует любое вранье за десять тысяч километров. А я худший лжец в мире.

Так что она точно знала, что я задумал. Конечно, её это бесило, но она с этим мирилась. Поначалу.

Не то чтобы у меня были какие-то романы. Просто я мечтал хотя бы часик побыть Робертом Редфордом. Но эта игра мне едва ли давалась. В основном, когда я пробовал что-то замутить, деваха либо вызывала «Скорую», либо тащила меня обратно в отель на такси, пока меня выворачивало наизнанку. Начинал я вечер Джеймсом Бондом, а заканчивал куском дерьма на полу. А чувство вины после этого было невыносимое. Я от него места себе не находил. Считал себя полным идиотом. А так как я ужасный ипохондрик, то еще и обсирался от страха, что подцепил какой-нибудь редкий смертельный вирус. Я могу заразиться и через телик, поверьте. Например, принимаю какую-нибудь снотворную таблетку, потом вижу ее рекламу по телевизору, где диктор говорит: «Побочными эффектами могут быть рвота, кровотечение, летальный исход», – и я уже уверен, что нахожусь одной ногой в могиле. Дошло до того, что я вызывал врачей два раза в неделю, чтобы осмотрели мой член, просто на всякий случай.

А потом открыли СПИД.

Сначала я не волновался. Как и большинство людей, я думал, что он бывает только у геев. А я, независимо от того, насколько бывал пьян и под кайфом, никогда не думал о том, чтобы развлечься с каким-нибудь парнем с волосатой задницей. Но скоро все поняли, что необязательно быть геем, чтобы подцепить СПИД. Потом как-то вечером я трахнул одну девку в отеле «Sunset Marquis» в Западном Голливуде. Как только мы закончили, я *понял*, что что-то не так. Так что в два часа ночи я позвонил администратору и спросил, работает ли врач. Врач работал – в таких роскошных отелях всегда есть свой врач, – и он пришел ко мне в номер, проверил мое хозяйство и

сообщил, что мне нужно сдать анализ.

– В каком смысле, анализ? – спросил я.

– Анализ на ВИЧ, – ответил он.

Вот и всё, подумал я. Я покойник.

Несколько дней я сходил с ума от беспокойства. Я не мог с этим справиться. И выболтал всё Шерон. Можете себе представить, чем это обернулось. Представьте бомбу весом в 100 мегатонн, которую русские рванули где-то в Арктике.

Вот такой была Шерон, когда я рассказал, что мне нужно сдать тест на ВИЧ, потому что я трахнул какую-то странную девку из бара в отеле. Слово «злилась» не подходит даже для начала описания ее реакции. Был такой страшный скандал, что я даже подумал, может, лучше уж было бы не дожить до следующей подобной взбучки.

Во всяком случае, я сдал анализ. А через неделю мы с Шерон пошли за результатами.

Никогда не забуду, как доктор вошел в тот маленький кабинет, достал папку и сказал: «Ну, мистер Осборн, хорошая новость в том, что у вас нет герпеса, трепака и сифилиса».

Как только он это произнес, я понял, что что-то не так.

– А плохая новость? – спросил я.

– «Боюсь, что сказать вам это в любом случае будет нелегко, – ответил он, и всё мое тело окаменело от страха. – У вас положительный результат на ВИЧ.

Я буквально упал на колени, взялся руками за голову и закричал: «КАКОГО ХРЕНА ТЫ ГОВОРИШЬ, ЧТО У МЕНЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ НА ВИЧ? ЭТО ЖЕ, МАТЬ ЕГО, СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР, УБЛЮДОК!»

Замечу, что в те времена ВИЧ не лечили так, как сейчас. Если у тебя ВИЧ, это значило, что ты заболеешь СПИДом и умрешь. Конец. А если у меня ВИЧ, то, вероятно, это значит, что у Шерон тоже ВИЧ. А это значит, что я убил мать своих детей.

Я даже смотреть не мог на Шерон, настолько мне было плохо. Должно быть, в этот момент она меня *возненавидела*. Но она ничего не сказала. Думаю, была в шоке от этой новости не меньше, чем я.

Потом на столе у врача зазвонил телефон. Я всё еще стоял на коленях и кричал, но скоро заткнулся, когда понял, что это звонят из лаборатории сообщить мои результаты. Я слушал, как врач агакает и угукает. Потом он положил трубку и сказал: «Вообще-то, мистер Осборн, позвольте прояснить: ваш анализ дал пограничный результат, а не положительный. Значит, придется сдать его еще раз.

Извините за недоразумение».

Недоразумение? Если бы я не был так расстроен, то встал бы и дал ублюдку в рожу.

Но я был не в состоянии что-либо предпринять.

– Сколько времени это займет? – прохрипел я, сдерживая рвоту.

– Еще неделю.

– Я столько *не проживу*, – сказал я. – Серьезно, док, к этому времени я уже вскроюсь. Можно ли *как-то* сделать анализ быстрее?

– Это дорого.

– Наплевать.

– Хорошо. Я сообщу вам результаты через день. Тем временем, миссис Осборн, я предлагаю вам тоже сдать анализ.

Побледнев, Шерон кивнула.

На следующий день мы вернулись за моими результатами. Всю ночь я чертовски сокрушался, но Шерон была немного не в настроении меня утешать. Единственное, для чего она была в настроении, – это развод. Честно говоря, я был уверен, что моему браку конец.

«Итак, мистер Осборн, – начал врач. – Мы сделали анализ, и я рад сообщить, что у вас, похоже, нет ВИЧ, но мы должны сделать еще один анализ, чтобы удостовериться».

Я уронил голову в руки, выпустил весь воздух из легких и поблагодарил Господа, как никогда в жизни. Я услышал, как Шерон вздохнула с облегчением и высморкалась.

– Недоразумение, видимо, возникло из-за состояния вашей иммунной системы, – продолжил доктор. – По сути, мистер Осборн, ваша иммунная система в данный момент не работает. Вообще. Сначала в лаборатории не могли понять этот феномен. Поэтому они продолжили изучать кровь и выявили несколько… ну, э… несколько *жизненных факторов*, которые могли бы объяснить данную аномалию.

– Жизненных факторов?

– У вас в крови близкое к смертельному содержание алкоголя и кокаина, мистер Осборн, не говоря уже о других многочисленных запрещенных веществах. В лаборатории никогда ничего подобного не видели.

– Так у меня правда *нет* ВИЧ?

– Нет. Но ваш организм думает, что есть.

– Ну, это большое облегчение.

– Мистер Осборн, пусть у вас нет ВИЧ, но ваша жизнь находится в серьезной опасности, если вы не перестанете так налегать на алкоголь и наркотики.

Я кивнул, но к тому времени уже даже его не слушал – был слишком занят, планируя, как выпью, чтобы отметить это событие. Но кое-что в своем образе жизни я после этого поменял – с тех пор больше никогда не изменял Шерон.

Когда кризис СПИДа миновал, я полетел обратно в Англию готовиться к следующему турне. Я провел там неделю или две, как вдруг Шерон в ярости позвонила мне из Калифорнии.

– Оззи, садись на ближайший самолет и лети сюда.

Говорила она серьезно.

– Что? *Зачем?* – спросил я.

– Просто поезжай в аэропорт, купи билет, а потом позвони в отель «Beverly Hills» и сообщи номер своего рейса.

– С тобой всё в порядке?

– Нет. Еще кое-что, Оззи.

– А?

– ДАЖЕ. НЕ. СМЕЙ. НАПИВАТЬСЯ.

Гудки.

Через пятнадцать часов я уже проходил через паспортный контроль в аэропорту Лос-Анджелеса, как вдруг загорелось десять тысяч вспышек. Я решил, что приехал кто-то из королевской семьи или что-то вроде того. Потом вдруг репортер навел камеру на мое лицо и спросил: «Что ты думаешь, Оззи?»

– О, э… ну, курица была немного сырая, – начал я. – Но, не считая этого, полет прошел довольно прилично.

– Я имею в виду подростка. Погибший подросток. Комментарии?

– *Чего?*

– Самоубийство. Что ты думаешь?

– Понятия не имею, о чем вы гово…

Прежде чем я договорил, десять телохранителей, оттолкнув репортера, взяли меня в кольцо, проводили на улицу и запихали в черный лимузин.

На заднем сиденье меня ждал Говард Уэицман, мой адвокат.

«Подростка зовут – или, скорее, *звали* – Джон Макколам, – сказал он, протянув мне газету *«Лос-Анджелес таймс»*. – Ему было девятнадцать лет. Твой большой поклонник. По словам родителей, сначала сын пил и слушал *«Speak of the Devil»*, а потом застрелился

из папиного пистолета калибра 5.56 мм. Когда парня нашли, он так и был в наушниках. И во всём обвиняют тебя».

– Меня?

– Его отец утверждает, что к самоубийству его склонили слова песни «Suicide Solution».

– Но ведь *«Speak of the Devil»* – это концертный альбом Black Sabbath. На нем нет песни «Suicide Solution».

– Точно.

– А он вообще *читал* текст?

– Послушай, мы оба знаем, что эта песня об опасности чрезмерного употребления алкоголя, но у него свое мнение.

– Он считает, что я призываю поклонников к самоубийству? Как тогда, черт побери, я буду продавать свои альбомы?

– Это еще не всё, Оззи. Родители подростка утверждают, что в твоих песнях содержатся скрытые подсознательные сообщения, которые призывают юных и впечатлительных «взять пистолет», «покончить с этим прямо сейчас», «стрелять, стрелять, стрелять» и всё в таком духе. Всё это указано в иске. Я пришлю тебе копию в отель.

– И сколько у меня хотят отсудить?

– Всё. Плюс компенсацию.

– Шутишь.

– К сожалению, нет. Прямо сейчас мы едем на пресс-конференцию. Говорить буду я, если ты не возражаешь.

Пресс-конференция проходила в теннисном клубе. Мне было плохо из-за смены часовых поясов, я всё же напился (не удержался) и пребывал в состоянии шока. Когда меня вывели на такой маленький подиум перед кучей камер, мне стало еще хуже. Я привык общаться с журналистами из музыкальных СМИ, а не выступать перед суровой национальной прессой. Я словно вернулся в класс к мистеру Джонсу. Репортеры так сильно закидали меня вопросами, что мне физически захотелось от них укрытьсяя.

Один парень сказал: «Послушайте, мистер Осборн, это правда, что в своей песне «Paranoid» вы поете «говорю тебе, *покончи* с жизнью»?»

Мне понадобилось какое-то время, чтобы мысленно пробежаться по стихам Гизера. Потом я ответил: «Нет, я пою *«наслаждайся* жизнью»».

Но другие репортеры уже кричали свои следующие вопросы, и никто меня не услышал.

– Там слова «НАСЛАЖДАЙСЯ жизнью», – повторял я. – НАСЛАЖДАЙСЯ жизнью». – Никто не слушал.

– Оззи, – сказал другой репортер. – Адвокат мистера Макколама заявляет, что был на одном твоем концерте и словно очутился в Нюрнберге, где толпа скандировала твое имя. Комментарии?

«В Нюрнберге? – надо было сказать мне. – Не думаю, что Гитлер всё время тусовался в Нюрнберге, показывая знак мира и крича «Рок-н-ролл!». Но я этого не сказал. Я не мог выдавить ни слова. Я просто застыл.

А потом они стали спрашивать про «Suicide Solution». Всё, что я помню, это как Говард Уэицман перекрикивал всех: «Эта песня автобиографическая. Речь идет о широко освещенной в прессе борьбе мистера Осборна с алкоголизмом, который он считает формой самоубийства, что доказывает трагическая смерть Бона Скотта, хорошего друга мистера Осборна и вокалиста австралийской группы AC/DC».

«Но, Оззи, – кричали репортеры, – разве не правда, что...»

Наконец всё закончилось, и я вернулся в отель, весь трясясь. Повалился на кровать, щелкал каналы на телевизоре и увидел Дона Ардена, который комментировал это дело. «Честно говоря, я сомневаюсь, что мистер Осборн вообще понимает смысл своих стихов – если смысл там *вообще есть,* – потому что он очень слабо владеет английским языком», – заявил он.

Полагаю, так он выражал мне свою поддержку.

Пресс-конференция была пугающей и дала понять, что мне еще предстоит. В Америке я стал национальным врагом номер один. Однажды утром в Нью-Йорке, открыв газету, я увидал свою фотографию с пистолетом, приставленным к голове. Конечно, это был фотомонтаж, потому что я никогда так не фотографировался, и меня это жутко напугало. Потом я стал получать угрозы в свой адрес везде, куда бы ни пошел. Копы хотели таким способом заставить меня отменить концерты. Однажды в Техасе местный шеф полиции позвонил нашему гастрольному менеджеру и сообщил: «Из соседнего карьера украли динамит, и мы получили письмо от анонима о том, что им хотят подорвать Оззи».

Больше всего на свете я боялся за детей. Я велел няням никогда ни с кем не разговаривать на улице. Был 1986 год, прошло всего пять лет с того дня, когда к Джону Леннону подошел поклонник и попросил подписать *«Double Fantasy»*, а потом застрелил его. И мне было хорошо известно, что часто именно поклонники оказываются

психопатами. Один парень всюду ходил за мной с бивнем мамонта, которому было пять миллионов лет. Еще один прислал мне видео о своем доме: он написал мое имя на каждом предмете, снаружи и внутри. Потом прислал еще одно видео, где маленькая девочка в резиновых сапогах танцует под песню «Fairies Wear Boots».

Этот парень был явно больной. Он построил гробницу, где мы вместе с ним можем провести вечность. На целую вечность я бы, черт возьми, нашел себе занятие и получше. Дошло до того, что полицейским пришлось задерживать парня каждый раз, когда я давал концерт где-то неподалеку от его дома. А когда я раздавал автографы в каком-нибудь музыкальном магазине, меня на всякий случай заставляли надевать пуленепробиваемый жилет.

Спустя какое-то время меня полностью доконали все эти безумия. Помню, как-то раз мы с помощником Тони летели из Токио в Лос-Анджелес. Произошла задержка на шесть часов, и пассажирам раздавали купоны на бесплатные напитки, так что все надрались. Но одна американка никак от меня не отставала. Она сидела позади, каждые две секунды тыкала в меня пальцем и говорила: «Я тебя *знаю*».

Тони всё повторял ей: «Миссис, пожалуйста, уйдите.

Мы не хотим, чтобы нас беспокоили», – но она не слушала.

В конце концов женщина встала с кресла, подошла и попросила сфотографироваться. Я ей разрешил. Потом она сказала: «Точно! Ты Оззи Борн!»

С меня хватило. «ИДИ НА ХЕР!» – крикнул я ей.

Подошла стюардесса и велела мне не грубить другим пассажирам.

«Ну, тогда держите эту женщину от меня подальше!» – ответил я. Но неугомонная баба все время возвращалась.

Ладно, подумал я наконец, пора что-то предпринять.

В то время я носил с собой капсулы под названием «роковые пилюльки». Такие маленькие гелевые капсулы с хлоралгидратом. Нужно было просто проколоть капсулу и вылить содержимое кому-нибудь в напиток. Когда вы слышите, что кому-то что-то подмешали в напиток, значит, ему подсунули примерно такую же капсулу. Я подождал, когда эта дамочка пойдет пописать, и вылил ей содержимое капсулы в бокал вина.

Когда она вернулась, я сказал Тони: «Смотри на нее и рассказывай, что происходит».

Он начал: «Женщина в порядке, но немного кивает головой. Как будто теряет сознание. Ой, погоди – она сейчас, она сейчас, она...»

Я почувствовал толчок в спинку сиденья.

– Что случилось?

– Упала лицом в поднос. Крепко спит.

– Волшебно, – сказал я.

– Ага. Но лучше бы она сначала убрала тарелку с супом. Бедная девушка. Она будет вся в супе.

Хуже всего были фанатики Иисуса. Когда дело о «Suicide Solution» слушалось в судах, они всюду меня преследовали, устраивали пикеты на моих концертах, размахивали плакатами «Антихрист явился». И всё время пели: – «ОСТАВЬ САТАНУ ЗА СПИНОЙ! ПОВЕРНИСЬ ЛИЦОМ К ИИСУСУ!»

Как-то раз я сделал свою табличку – с улыбающейся рожицей и словами «Хорошего дня!» – и присоединился к пикету. Они даже не заметили. Потом, перед самым началом концерта, положил табличку, сказал: «Пока, ребят», – и пошел в гримерку.

Самый запоминающийся момент с фанатиками Иисуса был в Тайлере, Техас. К тому моменту смертельные угрозы поступали каждый день, так что у меня появился телохранитель Чак – ветеран войны во Вьетнаме, который всюду ходил со мной. Чак был настолько суровым, что даже в китайский ресторан ходить не мог. «Если я увижу кого-нибудь похожего на желтого, то вырублю его сразу», – говорил он. Чаку пришлось отказаться от поездки со мной на гастроли в Японию, потому что для него это было уж слишком. Всякий раз, когда мы останавливались в отеле, Чак тренировался – ползал в саду под кустами на животе или отжимался в коридоре. Очень крутой парень. И вот в Тайлере мы отыграли концерт, пошли куда-то в прошвырнуться и вернулись в отель около семи утра. В тот день я договорился встретиться с врачом в полдень в вестибюле – меня беспокоило горло, – так что я прилег на несколько часов. Чак постучал ко мне в дверь, и мы вместе пошли на встречу с медиком. Но доктора нигде не было, поэтому я сказал девушке за стойкой: «Если придет парень в белом халате, скажите ему, что я в кафе».

Но я понятия не имел, что какой-то местный евангелист снял обо мне телепередачу перед концертом, в которой рассказывает всем, что я сам дьявол, что я развращаю американскую молодежь и затяну всех с собой в ад. Так что на меня охотилась половина города, а я об этом и не знал. Сижу я в кафе, а Чак сидит рядом со мной, дергается и что-то бормочет. Проходит тридцать минут. Врача нет. Потом еще тридцать минут. Его всё еще нет. Потом наконец подходит какой-то

парень и спрашивает: «Ты Оззи Осборн?»

– Ага.

– ОСТАВЬ САТАНУ ЗА СПИНОЙ! ПОВЕРНИСЬ ЛИЦОМ К ИИСУСУ! ОСТАВЬ САТАНУ ЗА СПИНОЙ! ПОВЕРНИСЬ ЛИЦОМ К ИИСУСУ! ОСТАВЬ САТАНУ ЗА СПИНОЙ! ПОВЕРНИСЬ ЛИЦОМ К ИИСУСУ!

Это был тот самый проповедник из телика. Оказалось, что в кафе полно его учеников, так что, как только он завел свою больную иисусошарманку, ее подхватили и другие. В итоге меня окружили сорок – пятьдесят фанатиков Иисуса, с красными лицами выплевывающие одни и те же слова.

От этого Чак просто чертовски взбесился. Должно быть, у него в голове сработал какой-то спусковой механизм с воспоминаниями о Вьетнаме, потому что он просто обезумел. Безумие пятой стадии. По-моему, он уложил пятнадцать фанатиков Иисуса за первые десять секунд. Повсюду летали зубы, Библии и очки.

Я решил там не оставаться и не видеть, что было дальше. Я только врезал проповеднику локтем по орехам и дал деру.

Самое смешное, что на самом деле мне очень интересна Библия, и я несколько раз предпринимал попытку ее прочитать. Но дошел только до того места, где Моисею 720 лет, и задумался: «Что они тогда курили?» В общем, я верю в парня по имени Бог, который сидит в белой одежде на пушистом облаке, не больше, чем в чувака по имени Дьявол с трезубцем и парой рогов. Но я верю, что есть день и ночь, есть добро и зло, есть черное и белое. Если есть Бог, то это природа. Если есть дьявол, то это природа. То же самое я ощущаю, когда меня спрашивают, являются ли песни «Hand of Doom» и «War Pigs» антивоенными. Думаю, что война – часть человеческой природы. А меня впечатляет человеческая природа, особенно темная ее сторона. И всегда впечатляла. От этого я не становлюсь поклонником дьявола, как и интерес к личности Гитлера не делает меня нацистом. Ведь если я нацист, то почему женился на женщине, которая наполовину еврейка?

Всё, что нужно было сделать фанатикам Иисуса, – послушать мои записи, и всё стало бы на свои места. Но они просто хотели привлечь к себе внимание за мой счет. Но меня это не так уж и беспокоило, потому что каждый раз, когда они нападали, мою страшную рожу показывали по телику, и у меня продавалась еще сотня тысяч альбомов. Наверное, нужно было отправлять им открытки на Рождество.

Но в конце концов даже американская правовая система

оказалась на моей стороне.

Дело о «Suicide Solution» было закрыто в январе 1986 года и к августу уже отправлено в архив. На судебном слушании Говард Уэицман заявил судье, что, если они собираются запретить «Suicide Solution» и возложить на меня ответственность за то, что какой-то несчастный подросток застрелился, то придется засудить и Шекспира, потому что *«Ромео и Джульетта»* тоже о самоубийстве. Еще он сказал, что стихи песен защищены свободой слова в Америке. Судья согласился, но его последние слова оказались не слишком добрыми. Он заявил, что, несмотря на то, что я «совершенно нежелательный и отвратительный элемент, отбросы тоже могут воспользоваться в свою защиту Первой Поправкой».

Мне пришлось перечитать это предложение примерно пять раз, чтобы наконец понять, что решение судьи обратилось в нашу пользу.

Единственное, в чем были правы Макколамы, так это в том, что в песне «Suicide Solution» действительно *есть* скрытое послание. Но на самом деле там нет слов «возьми пистолет, возьми пистолет, стреляй-стреляй-стреляй». Я пою «снимай, снимай, шлеп-шлеп-шлеп». Это глупая грязная шутка, которая тогда была у нас в ходу. Когда трахаешься с девчонкой, то получается такой шлепающий звук. А «снимай», значит «снимай с нее одежду». Так что вообще-то я имел в виду «раздень девчонку и вдуй ей», что очень сильно отличается от посыла «вышиби себе мозги».

Но СМИ придирались к словам еще очень долго. И это послужило нам прекрасными пиаром. Дошло до того, что, если наклеить на альбом стикер с предупреждением о содержащейся в нем ненормативной лексике, то сразу продается в два раза больше экземпляров. В то время наклеивать такой стикер было *обязательно*, иначе альбом не попадал в чарты.

Спустя какое-то время я уже специально старался включать в песни как можно больше скрытых посланий. Например, в альбоме *«No Rest for the Wicked»*, если прокрутить песню «Bloodbath in Paradise», можно услышать, как я четко говорю: «Твоя мать продает моллюсков в Халле».

Самым печальным в то время были не приставания фанатиков Иисуса. Мои бывшие коллеги по группе Боб Дэйсли и Ли Керслэйк неожиданно снова полезли в бутылку. Такое ощущение, как будто кто-то нарисовал у меня на лбу мишень за то, что я заработал

немного денег.

Они заявили, что мы должны им денег за *«Blizzard of Ozz»* и *«Diary of a Madman»*, и подали в суд. А мы подали ответный иск, потому что ничего не были им должны. Боб и Ли были обыкновенными сессионными музыкантами, работающими за деньги. Они получали зарплату по одной ставке за неделю работы в студии, по другой за неделю гастролей и по третьей за то, что сидели дома. Я даже оплачивал бензин, который они расходовали на дорогу в студию и обратно. Да, они помогли нам записать несколько песен на двух первых альбомах, но за это они получили авторский гонорар и по сей день получают авторские отчисления. Так чего же они хотели? Я в правовых вопросах далеко не гений, но Боб и Ли заявили, что я не сольный артист, а такой уже участник группы, как и они. Но если я не сольный артист и мы с ними наравне, то какого хрена я их тогда прослушивал? И почему мечтал записать *«Blizzard of Ozz»* еще за много лет до знакомства с ними? И где, черт возьми, хиты, которые они написали *сами* до того, как записать два альбома со мной?

Меня спрашивают, почему мы просто не договорились. Но вот Майкл Джексон договорился, и смотрите, к чему это привело. Если у тебя в банке есть немного кровно заработанных денег и ты говоришь кому-то, кто подает на тебя иск, «о'кей, сколько стоит это уладить?» – то это открывает дверь каждому психопату и уроду в мире, который тоже захочет стрясти с тебя деньжат. Нужно постоять за себя, потому что такие дела быстро превращаются в грязную игру, особенно когда людям почему-то кажется, что ты спишь на огромной горе наличных.

В конце концов, Боба и Ли с их исками стали вышвыривать из всех американских судов. Что меня правда бесит, так это то, что они никогда не говорили: «Оззи, давай сядем. Давай поговорим», а вместо этого палили по всем направлениям. Причем узнавал я об этом от других людей. Они строили козни за моей спиной: звонили людям, с которыми я записывал альбомы, и пытались их в это впутать. Пусть я, черт побери, всё делал неправильно, но Боб и Ли заставили меня почувствовать себя главным преступником столетия, и через какое-то время я был сыт всем этим по горло.

Шерон оберегала меня от многих подробностей, потому что знала, как я волнуюсь. В конце концов, она просто решила вырезать партии Боба и Ли из двух альбомов и перезаписать их. На новом тираже альбомов, на обложку, поместили наклейку, в которой об этом говорилось. Я не участвовал в принятии этого решения и не

могу сказать, что от него мне легче. Я признался Шерон, что мне это не очень нравится, но меня это устраивает. Я понимаю, почему она решила так поступить. Как только мы преодолевали одно препятствие, сразу же возникало другое. И так бесконечно. Это дело продолжалось *двадцать пять лет* с момента записи альбома *«Blizzard of Ozz»*. Я всего лишь хотел жить жизнью рок-звезды, а вместо этого в итоге только и делал, что раздавал деньги по решениям судов.

Что меня реально убивает в этой ситуации – то, что мы с Бобом работали вместе много лет, и я очень любил его и его семью. Он очень талантливый парень. Мы были хорошими друзьями. И я не стал с ним судиться, когда меня прижали за «Suicide Solution», хотя он и написал часть текста. Но иногда в жизни приходится двигаться дальше. В конце концов, мне пришлось перестать с ним разговаривать и видеться, потому что я боялся сказать что-нибудь не так и снова попасть под суд. Кроме того, я просто ненавижу чертовы конфликты. Это одна из моих самых больших проблем.

Я не хочу снова проходить через это дерьмо. Теперь, прежде чем начать с кем-нибудь работать, я велю людям нанять адвоката, который вместе с моим адвокатом составит им контракт. Затем внимательно изучить этот контракт, обдумать его, убедиться, что все устраивает, дважды или трижды подумать, что там точно все в порядке, чтобы впредь *никогда* не говорить, что кто-то кого-то обокрал.

Я никого и никогда не кидаю, что бы там ни говорили Боб Дэйсли и Ли Керслэйк.

Последнее, что я помню из восьмидесятых, перед тем, как наступило затмение, о котором я расскажу дальше – это как меня отправили в Уормвуд-Скрабс. Не потому, что я снова нарушил закон – что удивительно, – а потому что меня попросили дать там концерт.

Это было просто безумие. Пусть меня и запирали в камере в участке несколько раз за прошедшие годы, но моя нога не ступала в настоящую тюрьму с тех пор, как я в 1966 году вышел из Уинсон Грин. Железные прутья, балконы, даже надзиратели – всё выглядело точно так же, как и двадцать лет назад. Но вернул мне воспоминания именно запах – вонь как в общественном туалете, но только в десять раз сильнее. Запах, от которого слезятся глаза. За всю жизнь я так и не смог понять, почему кому-то вообще может захотеться там работать. Полагаю, все они бывшие военные,

которые к этому привыкли.

Возможно, и я бы там оказался, если бы армия не послала меня к черту.

Меня пригласили выступить, потому что в тюрьме была собственная группа под названием Scrubs, в которой участвовали как надзиратели, так и заключенные. Они написали песню, а авторские отчисления пожертвовали на благотворительность. А потом написали мне и спросили, не хочу ли я выступить с ними. Они исполнят свои песни, потом я исполню свои, а потом мы вместе сыграем «Jailhouse Rock».

Мы приезжаем в тюрьму, меня проводят через все эти заборы, ворота и двери, потом ведут в какое-то подсобное помещение, где большой толстый парень заваривает чай. Хороший такой веселый парень, очень дружелюбный, предлагает мне чашечку чаю.

Я его спрашиваю: «Так на сколько ты здесь?»

– О, – отвечает он, – я никогда не выйду.

Мы болтаем, я пью чай, а потом любопытство берет верх, и я спрашиваю: «Как ты оказался здесь на такой долгий срок?»

– Я убил восемь человек.

Жестко, думаю, но мы продолжаем болтать. Потом любопытство снова берет верх.

– И как ты это сделал? – спрашиваю, отхлебывая чай. – То есть как ты убил этих людей?

– А, я их отравил, – говорит он.

Я чуть не бросил чашку в стену. А чай, который был у меня во рту, вышел через нос. Забавно, когда думаешь об убийце, всё время представляешь себе такого высокого темного злодея. Но это может быть обычный хороший веселый толстый парень, с которым всего лишь что-то не так.

Сам концерт был каким-то сюрреалистическим.

Запах травки в зале, где мы играли, чуть ли не сшибал меня с ног. Как будто играешь на ямайской свадьбе. Еще меня поразило то, что прямо за залом был бар, куда ходили все надзиратели. А что касается участников группы Scrubs, то басистом был вьетнамец, который сжег тридцать семь человек несколько лет назад, залив бензин в почтовый ящик в подземном клубе в Сохо и поднеся к нему спичку (на тот момент это было самое крупное массовое убийство в истории Британии); на гитаре играл парень, убивший наркодилера, забив его насмерть железкой; а на барабанах и на вокале были надзиратели.

Никогда не забуду тот момент, когда нам пора было выходить на сцену. Тогда Джейк И. Ли только что ушел из группы, и его место на соло-гитаре занял Зак Уайлд. Он был молод, у него были красивые мышцы и длинные светлые волосы, и в ту же секунду, как он вышел на сцену, весь зал засвистел и заорал: «Наклонись, малыш, наклонись, малыш!» А потом обкуренные до невозможности зеки запрыгали вокруг, но охрана была начеку. Тотальное безумие. Я сказал Шерон перед концертом: «По крайней мере, если мы будем дерьмово играть, никто из нас живым оттуда не уйдет». А теперь я думал: ага, они просто убьют меня, повод не очень нужен.

В какой-то момент я посмотрел вниз и увидел в первом ряду Джереми Бамбера, парня, который убил всю свою семью из винтовки на ферме в Эссексе, а потом пытался свалить это дело на свою душевнобольную сестру. Несколько месяцев его лицо было на обложке каждого таблоида. Бамбинатор широко мне улыбнулся.

В конце, когда мы играли «Jailhouse Rock», на сцену хлынула толпа заключенных под предводительством одного из парней, что пытались отрезать голову полицейскому Киту Блейклоку во время погрома на ферме Броудуотер. Я знал, что это он, потому что мне сказал об этом один из музыкантов-надзирателей на сцене. Последнее, что я видел, – как этот парень снял ботинок и ударил себя им по голове.

К черту эту игру в солдатиков, подумал я. Рад был повидаться, а теперь мне пора.

И больше не оглядывался.

* * *

Однажды утром, вскоре после этого концерта, Шерон спросила меня: «Ты хорошо провел вчерашний вечер, Оззи?»

– Что ты имеешь в виду?

– На дне рождения Келли. Ты хорошо провел время?

– Вроде да.

Помню только, что я играл с детьми в саду, смешил Джека, щекотал его, рассказал несколько смешных шуток и объедался тортом. Мы даже наняли клоуна по этому случаю – парня по имени Элли Дулэлли, – который устроил небольшое кукольное представление. Всё остальное было немного в тумане, потому что я махнул два или три стаканчика.

– Тебе нужно было себя видеть, – сказала Шерон.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать, *что тебе нужно было себя видеть*.

– Я не понимаю, Шерон. Я был немного навеселе, да, но это же день рождения. Все были немного навеселе.

– Нет, честно, Оззи, тебе надо было себя *видеть*. Хочешь посмотреть на себя? У меня есть видео.

«О, *черт*», – подумал я.

Шерон сняла всё на видео. Она поставила кассету, и я не мог поверить своим глазам. В моем представлении я был веселым папой, о котором мечтает каждый ребенок. И вдруг я увидел, как всё было на самом деле. Джек испугался и плакал. Келли и Эйми прятались в сарае и тоже плакали. Другие родители забирали детей и бормотали что-то себе под нос. У клоуна разбит нос. И вот я, посреди всего этого беспорядка, толстый, пьяный, по лицу размазан торт, я весь облит черт знает чем и выкрикиваю пьяные бредни.

Я был чудовищем. Это было ужасно страшно.

Когда я вернулся из центра Бетти Форд, я стал говорить себе: «Может, я и алкоголик, но алкоголь в моем деле – хорошее подспорье, так может быть алкоголиком при таком раскладе не так уж и плохо».

В некотором роде я был прав. Какая еще профессия так вознаградит тебя за то, что ты постоянно не в себе? Чем больше я был пьян перед выступлением на сцене, тем больше зал был уверен, что концерт пройдет круто. Проблема в том, что от алкоголя мне было так плохо, что я не мог ничего делать, если не приму поверх него еще и таблетки или кокаин. А после этого я не мог заснуть – у меня случались приступы паники или начинались параноидальные галлюцинации, – и тогда я принимал седативные препараты, которые мне выписывали врачи в турне. Каждый раз, когда у меня была передозировка, а она была постоянно, я всё сваливал на дислексию: «Простите, док, я думал, там написано принимать по *шесть каждый* час, а не по *одной* каждые *шесть* часов».

В каждом городе у меня был новый врач – я называл их «концертными врачами», – и каждого я настраивал против другого. Когда ты наркоман, половина острых ощущений содержится в добыче наркотика, а не в самом приеме. Например, когда я открыл для себя викодин, то сохранял старую баночку, клал в нее пару таблеток и говорил: «Ой, доктор, мне прописали викодин, но он заканчивается». Он смотрел на дату и на две оставшиеся таблетки и

давал мне еще пятьдесят. Так что перед каждым концертом я получал пятьдесят таблеток. В какой-то момент я принимал их по двадцать пять в день.

Кстати, в Америке, если ты знаменитость, не так трудно заставить врачей давать тебе всё, что хочешь. Один концертный врач приезжал осматривать меня на своем пикапе. В пикапе был такой шкафчик для инструментов с кучей маленьких ящичков, а в каждом ящичке был какой-нибудь наркотик. Любая тяжелая наркота, о которой можно только мечтать. В конце концов Шерон узнала, что происходит, и вмешалась. Она схватила врача за воротник и сказала: «Никогда ни под каким предлогом не давай моему мужу наркотиков или загудишь за решетку!»

В глубине души я знал, что выпивка и наркотики портят меня; я перестал быть веселым и смешным и являл собой довольно унылое зрелище. Ради выпивки я был готов на многое. Практически на всё. У меня на кухне всегда был полный холодильник пива, я вставал с утра и первым делом выпивал бутылку «Короны» и к двенадцати часам был уже в говно. А когда я принимал викодин и подобное дерьмо, то непременно полировал это гребаным коксом. Можно посмотреть, насколько я плох, в документальном фильме Пенелопы Сфирис *«Закат западной цивилизации, часть 2»*. Всем показалось невероятно смешным, как я пытаюсь приготовить яичницу в семь часов утра, после того, как всю ночь хлестал винище.

Выпивка творит ужасные вещи, когда пьешь столько, сколько пил я. Например, у меня начался хронический понос. Сначала я смеялся над этим, но потом резко стало не до шуток. Как-то раз я был в отеле где-то в Англии и шел по коридору в свой номер, как вдруг почувствовал, что из меня сейчас польется дерьмо. Приперло капитально. Прямо здесь и сейчас. Нужно было выбрать между тем, насрать на ковер или наложить полные штаны. Поэтому я присел на корточки, снял штаны и насрал прямо в коридоре.

В этот самый момент из лифта вышел посыльный и закричал: *«Ты что творишь, мать твою?»*

Я даже не смог придумать объяснение, так что просто поднял свой ключ от номера и сказал: «Всё в порядке, я здесь живу».

– Нет, ни хера не живешь, – орал он.

Многие алкоголики срут в штаны. Вы только представьте: четырех литров «Гиннесса» хватит, чтобы обоссать пятнадцать километров трассы М6. А на следующий день организм хочет изгнать из себя всё токсичное дерьмо, которое ты насильно влил в него накануне. Я

пытался остановить эту напасть, переключившись с «Гиннесса» на «Хеннесси», но постоянно разбавлял его сладким апельсиновым соком или кока-колой, поэтому эффект был не лучше. А выпивал я четыре бутылки «Хеннесси» в день плюс кокаин, таблетки и пиво. Сначала у меня почти не было похмелья, но со временем становилось всё хуже и хуже, пока наконец я не перестал с ним справляться. И вернулся в реабилитационный центр. Я устал от постоянного хренового состояния. Если пьешь алкоголь и тебе легче – это одно. Но когда пьешь и тебе только хуже, чем было до этого, тогда в чем смысл? У меня было чувство, что я *умираю*.

Я не хотел возвращаться к Бетти Форд, поэтому отправился в клинику «Хазельден» в Сентер-Сити в Миннесоте. Была зима и чертовски холодно. Я всё время дрожал, блевал и жалел себя.

В первый день терапевт собрал нас вместе с другими и сказал: «Когда вы вернетесь вечером в свои комнаты, я хочу, чтобы вы написали на бумаге, сколько вы потратили на алкоголь и наркотики с тех пор, как вы начали их принимать. Просто посчитайте сумму и завтра поговорим».

Вечером я достал калькулятор и приступил к подсчетам. Отчасти мне самому хотелось получить большую сумму, поэтому я сильно преувеличил количество алкоголя – например, я посчитал, что пью двадцать пять бутылок пива в день, – и общую стоимость. В конце концов у меня получилась совершенно неприличная сумма. До нелепости огромное число. Что-то вроде миллиона фунтов. Потом я попытался уснуть, но не смог.

На следующий день я показал свои расчеты врачу, и он сказал: «О, очень интересно».

Я удивился, потому что думал, он скажет что-то типа «ой, да брось, Оззи, давай серьезно».

Но он продолжил: «Это только за алкоголь?»

– И наркотики, – ответил я.

– Хм-м. Ты уверен, что посчитал *всё*? – спросил он.

– Здесь же миллион фунтов! – возразил я. – Что еще нужно прибавить?

– Тебя когда-нибудь штрафовали за распитие спиртного?

– Да, пару раз.

– Ты когда-нибудь пропускал концерты из-за пьянства, или тебя не пускали на площадки?

– Да, пару раз.

– Тебе приходилось платить адвокатам, чтобы они решили

проблемы, которую возникли из-за пьянства?

– Было, пару раз.

– Платил за лечение?

– Еще бы.

– Как ты думаешь, могли ли твои пластинки не достичь рекордных продаж, потому что ты недоработал из-за пьянства?

– Наверное.

– *Наверное?*

– Ладно, точно могли.

– И последний вопрос: ты терял имущество или другие активы при разводе, который произошел из-за пьянства?

– Ага, я потерял всё.

– Оззи, я немного изучил твой вопрос и сам вчера кое-что посчитал. Хочешь узнать, во сколько, *по моему мнению,* тебе обошлись твои зависимости?

– Валяйте.

Он сказал.

Меня чуть не вырвало.

10. Отключка

Я проснулся и застонал.

Твою мать, подумал я, когда глаза начали потихоньку фокусироваться: должно быть, вчера вечером оттяг был знатный. Я лежал на голом бетонном полу в квадратной комнате. На окне была решетка, в углу ведро, а человеческое дерьмо размазано по стенам. На секунду я решил, что оказался в общественном туалете. Но нет: на окне была решетка.

Надо завязывать! Когда-нибудь, подумал я, пора перестать просыпаться в тюремных камерах.

Я потрогал лицо. Ох! *Вот черт*, как больно.

По какой-то причине одет я был в одну из своих старых вонючих футболок – в которых спал – и пару блестящих черных брюк от смокинга. Хоть лучше, чем снова проснуться в платье Шерон, подумал я.

Интересно, сколько времени. Семь утра? Девять? Десять? Мои часы пропали. Как и бумажник. Должно быть, когда копы меня взяли, то забрали вещи и положили в пакет. Единственное, что осталось в карманах, – смятый чек из местного китайского ресторана «Dynasty». Я вспомнил, как это место выглядит внутри – всё красное, как в аду, – и как я сижу на кожаном диванчике, спорю с Шерон и толку таблетки с порошком в такой… как она называется? В ступке. Чем же я таким вчера вечером закинулся? Коксом? Снотворным? Амфетаминами? Зная себя, вероятно, всем этим и чем-нибудь сверху.

Чувствовал я себя отвратительно. Всё мое тело болело – особенно сильно лицо, зубы и нос.

Мне нужен пакет со льдом. Мне нужно в душ.

Мне нужен врач.

«ЭЙ? – крикнул я в решетку. – ЗДЕСЬ ЕСТЬ КТО-НИБУДЬ?»

Никто не ответил.

Я силился вспомнить, что натворил мой пьяный кокаиновый злой брат-близнец, если я оказался за решеткой. Но мозг был девственно пуст. Дыра и больше ничего. Только картинка, как я сижу в ресторане «Dynasty», а потом провал. Наверное, меня опять поймали за то, что я отлил на улице. Но если это так, то почему я в пижамной футболке? Меня арестовали прямо *дома*? Что бы я там ни принял вчера, башка трещала невыносимо. Я надеялся, что еще не воспользовался правом на звонок, потому что нужно было сообщить

Шерон, где я, чтобы она приехала и вытащила меня. Хотя, может, она уехала в Штаты. Она всегда сваливала в Штаты, чтобы побыть от меня подальше, особенно после крупной ссоры. Тогда нужно позвонить Тони Деннису.

Старому доброму Тони. Он меня вытащит.

Это было 3 сентября 1989 года.

К тому времени мы насовсем переехали обратно в Англию и купили дом под названием Бил Хаус в Литл Чалфонте в Бакингемшире. Это был дом семнадцатого века, или, по крайней мере, Шерон мне так сказала. Как-то там жил Дирк Богард. Это был *настоящий* дом, а не дерьмовая фальшивая декорация, вроде тех, что можно купить в Калифорнии. Но больше всего мне нравился сосед Джордж, который жил в бывшей сторожке. Джордж был химиком и сам делал вино. Каждый день я стучал к нему в дверь и говорил: «Дай-ка бутылочку своего супернапитка, Джордж». Его домашнее вино было аккурат ракетное топливо. Люди приезжали из Америки, делали один глоток, выпучивали глаза и говорили: «Что *это*, мать его, такое?» Несколько бокалов этого «Шато де Джордж» – и ты без памяти валишься с ног. Самое забавное, что сам Джордж не пил. Он был трезвенником и часто мне говорил: «О, мистер Осборн, видели, вы вчера вечером подожгли кухню. Должно быть, хорошая попалась бутылка. Напомните, чем я вас вчера угостил – с бузиной или чайным листом?»

Но Шерон за мной следила, так что я не мог распивать самогон Джорджа прямо у нее на глазах. Прятать бутылки в духовке тоже больше не мог. Так что я стал закапывать их в саду. Беда в том, что я всегда делал это, когда был уже пьян, так что на следующий вечер не мог вспомнить, где, черт побери, их закопал. Так что я размахивал лопатой до двух часов ночи и перекапывал весь сад. Утром Шерон спускалась на завтрак, смотрела в окно, а там повсюду окопы. «Черт побери, Шерон, – говорил я ей, – эти кроты совсем обнаглели, да?»

В конце концов, я установил прожекторы, чтобы было легче находить выпивку. Прожекторы стоили мне целого состояния.

А потом Шерон обо всем догадалась, и этому пришел конец.

«А я-то наивная думала, с чего бы у тебя открылся внезапный интерес к садоводству», – сказала она.

Наверное, это и к лучшему, что меня поймали – мой организм больше не выдержал бы этого крепкого дерьма. Мне было сорок, и

здоровье стало сдавать. Я понял, что что-то не так, когда однажды пошел в паб, а проснулся через *пять дней*. Ко мне подходили люди и говорили: «Привет, Оззи», – а я спрашивал: «Мы знакомы?» Они отвечали: «Я жил у тебя дома три месяца летом. Ты не помнишь?» Мне рассказали о таких затмениях, когда я был в Центре Бетти Форд как раз после рождения Келли. Врач сказал, что моя выносливость постепенно сойдет на нет, мозг и тело отключатся. Но тогда я решил, что это какая-то херня, которой меня хотят запугать. «Знаете, в чем на самом деле моя проблема с выпивкой? – сказал я. *– Я не могу найти здесь гребаный бар*».

А потом начались затмения, как и обещал врач. Но они не помешали мне пить дальше. Я, конечно, поволновался, и поэтому принялся пить еще больше. После случая с Винсом Нилом и автокатастрофой больше всего на свете я боялся однажды очнуться в зале суда и услышать, как кто-то, показав на меня, скажет: «Это он! Это он сбил моего мужа!» – или: «Это он! Он убил моего ребенка!»

– Но, ваша честь, у меня было затмение, – последние слова перед тем, как меня закроют в камере и выбросят ключ, прозвучали бы крайне неубедительно.

«ЭЙ? – снова крикнул я. – ЕСТЬ ЗДЕСЬ КТО?

Я начал нервничать, а это значит, что вчерашний алкоголь и кокс уже отпускают. Как только я выберусь из этой вонючей дыры, говорил я себе, то хорошенько выпью, чтобы успокоиться.

Тишина. Я ждал.

И ждал.

И ждал.

Да куда же все, мать их, попрятались?

Меня колотил озноб и что важно – мне очень нужно было посрать.

Наконец пришел коп: крупный парень моего возраста или постарше – с ужасно злым выражением лица.

– Извините, – сказал я ему. – Не могли бы вы объяснить мне, что я здесь делаю?

Коп стоял и смотрел на меня, как на таракана в своей тарелке.

– Ты и правда хочешь знать? – спросил он.

– Ага.

Он подошел к решетке, посмотрел на меня еще внимательнее и сказал: «Обычно я не верю людям, у которых очень удачно отшибает память о том, как они нарушили закон. Но, видя твое

состояние вчера вечером, я могу сделать исключение».

– А?

– *Тебе надо было себя видеть.*

– Послушайте, вы скажете мне, почему я здесь, или нет?

– Вот что я тебе скажу, – ответил коп. – Давай я пойду возьму твое дело? И тогда зачитаю тебе весь список обвинений.

Зачитаете мне весь список обвинений?

В этот момент я и правда чуть не обосрался.

Какого хрена я натворил? Убил кого-то? Я вспомнил американский документальный фильм о нью-йоркском убийце, который посмотрел несколько недель назад. Парень был в суде и знал, что его посадят за решетку навсегда, поэтому взял арахисовое масло и намазал им жопу, а потом, перед тем, как выносили вердикт, сунул руку себе в штаны, выковырял масло и принялся вкушать его с руки.

В итоге он не сел, так как был признан умалишенным.

Беда в том, что у меня не было с собой арахисового масла. Так что, если мне нужно будет притвориться, что я ем собственное дерьмо, то *придется есть собственное дерьмо.*

Знаете, даже после того как Шерон показала мне видеозапись со дня рождения Келли, где я всех детей довел до слез, я всё равно не представлял себя *страшным* пьяницей. Я не понимал, что причиняю кому-либо вред, и думал, что просто иду в паб, выпиваю несколько порций пива, иду домой, обсираюсь в штаны, а потом писаюсь в кровать. Ну, с кем не бывает! Это казалось мне просто немного забавным, но в порядке вещей. И вдруг в реабилитационном центре мне сказали: «Послушай, просто представь, что вы поменялись ролями. Как бы ты себя чувствовал, если бы пришел домой и увидел, что Шерон валяется в отключке на полу в собственном дерьме и моче, на кухне пожар, и никто не смотрит за детьми? Насколько бы ты с ней остался? Какие мысли посетили бы тебя насчет вашего брака?

Когда мне ТАК это объяснили, я понял, о чем речь.

Но только сейчас до меня дошло, насколько это страшно. Я вел себя, как гребаная свинья. Я выпивал бутылку коньяка, вырубался, просыпался и выпивал еще одну бутылку. Я не рубил понты, когда сказал, что пил по четыре бутылки «Хеннесси» в день. Даже сейчас я слабо понимаю, почему Шерон от меня не ушла – или почему, если задуматься, вообще вышла за меня замуж.

Ведь половину времени она просто жила в страхе.

Правда в том, что *сам себя* я тоже пугал. Меня пугало то, что я могу сделать с собой, но еще больше или с кем-то другим.

Когда я уходил в запой, Шерон часто просто уезжала из страны. «Чао, я в Америку», – говорила она. Примерно тогда же Шерон начала сотрудничать и с другими группами, потому что не хотела полностью зависеть от мужа, на которого нельзя было положиться. Я стал волноваться, что она сбежит с каким-нибудь гребаным молодым хитовым музыкантом. Обвинять ее в этом слчае было бы глупо – со мной все чаще было не особенно весело и частенько напоминало падение в бездну.

Однажды вечером, когда Шерон не было дома, я заплатил химику Джорджу пятьдесят фунтов за бутылку его супермегасильного вина и уверенно нажрался на пару со своим клавишником Джоном Синклером. Так случилось, что в этот день я был у врача, поэтому у меня был целый мешок таблеток: снотворного, обезболивающих, темазепама и т. д. Врачи постоянно выписывали мне это дерьмо целыми банками. Я пил, потихоньку поджирал эти таблетки одну за другой и в итоге отрубился.

Когда я проснулся на следующее утро, то оказался в постели с Джонни, и мы спутались руками и ногами. Но когда я потянулся проверить член, чтобы убедиться, что ничего не произошло, до меня доперло, что я ничего не чувствую. Я оцепенел. Тело полностью онемело.

Так вот, я лежу и начинаю орать: «Черт, черт! Я не чувствую ног!»

И тут я слышу ворчание рядом с собой.

«Потому что это *мои* ноги», – говорит Джонни.

После этого мне пришлось трижды принять душ. До сих пор вздрагиваю, когда вспоминаю об этом. Я чувствовал себя полным дерьмом и говорил себе: «Ладно, хватит. Больше ни выпивки, ни таблеток, завязываю со всей этой байдой. Это какой-то бред. Такими темпами Шерон скоро действительно бросит меня».

Я решил резко завязать.

А это, как скажет вам любой наркоман, самое тупое, что только можно придумать. Когда Шерон пришла домой, Джек подбежал к ней и закричал: «Мама! Мама! Папа перестал пить! Он перестал пить!» Потом я дополз до постели, чувствуя себя ужасно, но не мог заснуть из-за отходняка. Поэтому принял горсть экседрина, потому что действительно думал, что он не считается наркотиком.

И тогда я *и вправду* онемел. Я ничего не чувствовал.

Открыв глаза, я увидел Шерон, которая наклонилась надо мной и спрашивала: «Как меня зовут? Как меня зовут?» – но не мог ответить, потому что чувствовал себя как будто нахожусь под водой. Потом она спросила: «Сколько пальцев я показываю? Сколько пальцев, Оззи?» Но я не смог посчитать. Я хотел только спать. Впервые за многие годы боль ушла. Вдруг я понял, что значит «покинуть свое тело». Это было самое сильное, теплое, самое приятное ощущение за всю мою жизнь.

Я не хотел, чтобы оно заканчивалось.

Оно было так прекрасно и красиво.

Потом Шерон и Тони дотащили меня до машины, положили на заднее сиденье, и мы катались в поисках врача. Наконец я оказался на больничной койке, а из меня торчали трубки капельниц, и я слышал приглушенный голос врача, который говорил Шерон: «У вашего мужа алкогольная эпилепсия. Это очень, очень серьезно. Мы поставили ему капельницу с лекарством, но нужно постоянно контролировать его состояние. Он может не выйти из этого состояния».

Потом я потихоньку начал чувствовать свое тело.

Сначала пальцы на ногах. Потом сами ноги. Потом грудь. Казалось, что меня поднимают с большой глубины со дна моря. Потом у меня наконец открылись уши и я услышал за собой аппарат для ЭКГ.

Бип. Бип. Бип. Бип.

– Сколько пальцев? – спросила Шерон. – Сколько пальцев, Оззи?

Бип. Бип. Бип. Бип.

– Оззи, как меня зовут? Как меня зовут?

Бип. Бип. Бип. Бип.

– Тебя зовут Шерон. Мне так жаль. Прости меня за всё, черт побери. Я люблю тебя.

Цок, цок, цок, цок.

Коп подходит к решетке камеры с листом бумаги в руке. Я смотрю на него, потею, дышу часто и мелко, сжимаю кулаки и хочу на хрен сдохнуть.

Он смотрит на меня.

Потом прокашливается и начинает читать:

«Джон Майкл Осборн настоящим обвиняется в умышленной попытке убийства своей жены, Шерон Осборн, путем удушения, во

время бытовой ссоры, которая произошла рано утром в воскресенье, 3 сентября 1989 года, в Бил Хаусе в Литл Чалфонте в графстве Бакингемшир».

Меня как будто ударили по голове лопатой. Я отшатнулся назад, прислонился к измазанной дерьмом стене и сполз на пол, держась за голову руками. Мне хотелось блевать, упасть в обморок и кричать, и всё одновременно. *Умышленная попытка убийства? Шерон?* Это был мой самый страшный кошмар. Через минуту я проснусь, подумал я. Это не может происходить наяву. «Я люблю свою жену! – хотел я сказать копу. – Я люблю свою жену, она мой самый лучший друг, она спасла мне жизнь. Какого черта мне нужно было ее убивать?»

Но я ничего не сказал. Я не мог говорить.

Я не мог пошевелиться.

– Надеюсь, ты собой гордишься, – сказал коп.

– С ней всё в порядке? – спросил я его, когда ко мне наконец вернулся голос.

– Ее только что пытался убить собственный муж. Как ты *думаешь*, она в порядке?

– Но зачем я собирался ее убить? Я не понимаю.

– Здесь говорится, что после возвращения домой из китайского ресторана – куда вы ходили отмечать шестилетие своей дочери Эйми, ты сильно напился водки, вошел голый в спальню и сказал, цитирую: «Мы немного поговорили, и стало ясно, что ты должна умереть»».

– *Что-что* я сказал?

– Весь вечер ты жаловался, что слишком много работаешь, потому что только что вернулся с Московского фестиваля мира и уже надо лететь в Калифорнию. Мне кажется, что это больше похоже на отпуск, чем на работу.

– Не может быть, что это правда, – прохрипел я. – Я бы *никогда* не стал ее убивать.

Но это *могло* быть правдой. Шерон много лет говорила, что никогда не знает, которая из двух моих личностей войдет в дом: Плохой Оззи или Хороший Оззи. Обычно это был Плохой Оззи. Особенно, когда заканчивались гастроли.

Только на этот раз я решил убивать не кур.

– И вот еще что, – сказал коп. – Твоя жена сообщила, что, если бы во время нападения у нее под рукой оказался пистолет, то она бы выстрелила. Хотя я вижу, что она попыталась выцарапать тебе глаза.

Она настоящий боец, твоя благоверная, да?

Я не знал, что и сказать. Я попытался взглянуть на ситуацию с хорошей стороны и сказал: «Ну, по крайней мере, прессе будет о чем писать».

Копу это не понравилось.

– Учитывая тяжесть обвинения, – сказал он, – не думаю, что это чертовски *смешно*. Тебя закрыли за покушение на убийство, ты, пьянь гребаная. Твоя жена уже могла быть мертва, если бы остальные в доме не услышали ее криков. Тебя закроют *надолго*, помяни мое слово.

– Шерон знает, что я ее люблю, – сказал я, стараясь не думать о Уинсон Грин и педофиле Брэдли.

– Поживем – увидим.

Копы в Эмиршеме ни во что меня не ставили. Мои ухищрения и популярность моей персоны никак не помогли. Я уже не был героем рок-н-ролла, который откусывает головы летучим мышам, отливает на Аламо и поет «Crazy Train». Всё это дерьмо о знаменитостях ничего не значило для полиции долины Темзы.

Особенно если тебя посадили за покушение на убийство.

В итоге меня продержали в камере около тридцати шести часов. Компанию мне составляло только дерьмо на стенах. Оказалось, мне пытался позвонить Дон Арден и Тони Айомми. Но они не дозвонились – да я бы всё равно не стал с ними разговаривать. Еще звонили несколько репортеров. Копы сказали, что журналисты хотели узнать, правда ли, что у Шерон был роман, и правда ли, что я собираюсь снова сотрудничать с «Jet Records» и вернуться в Black Sabbath. Черт знает, откуда они взяли всю эту херню.

Но я сам хотел только одного – сохранить свою семью.

Потом я предстал перед мировым судом Биконсфилда. Меня выпустили из-за решетки, чтобы я немного привел себя в порядок перед судом, но тот, кто обмазал те стены дерьмом, то же самое сделал и в душе, так что я не хотел туда заходить. Потом приехал Тони Деннис, привез верх от смокинга, черную рубашку и пару сережек. Я надел всё это и пытался чувствовать себя красивым и респектабельным. Но у меня был ужасный отходняк, и я выглядел просто ужасно. Чувствовал себя ужасно, да еще и от меня страшно воняло. Копы вывели меня из тюрьмы через заднюю дверь – чтобы скрыть от прессы – и посадили на заднее сиденье полицейской машины. Тони ехал за нами на «Рендж Ровере».

В зале суда был настоящий зоопарк – как на пресс-конференции

по делу «Suicide Solution». Только на этот раз всё было *и правда* серьезно. Я срал синими пирогами, как говаривал мой старик. Дон Арден прислал своего человека, он сидел сзади и слушал. Мой бухгалтер Колин Ньюман тоже там был. Самое смешное, что я не могу вспомнить, была ли там Шерон – а это значит, что ее, скорей всего, не было. К счастью, все выступления адвокатов и стук молоточка длились не слишком долго. «Джон Майкл Осборн, – заявил наконец судья, – я выпущу вас под залог при выполнении трех условий: вы немедленно отправитесь в любой сертифицированный реабилитационный центр на ваш выбор; вы не будете пытаться связаться со своей женой; вы не появитесь в Бил Хаус. Понятно?»

– Да, ваша честь. Благодарю вас, ваша честь.

– Оззи! – зашевелились репортеры. – Правда ли, что Шерон подала на развод? Правда, что у нее есть роман? Оззи! *Оззи!*

Тони уже записал меня на реабилитацию в усадьбу Хантеркомб в двадцати минутах езды от суда. По дороге мы увидели газетный киоск. «ПОКУШЕНИЕ НА УБИЙСТВО. ОЗЗИ ОТПРАВЛЕН НА ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ЛЕЧЕНИЕ ОТ АЛКОГОЛИЗМА», – гласил заголовок на уличной газетной стойке. Странно, когда самые интимные подробности твоей жизни вот так выставляют напоказ. Очень странно.

Усадьба Хантеркомб была ничего. Конечно, это не совсем Палм-Спрингс, но и не похоже на чертову дыру. Стоила она, конечно, круто: примерно пятьсот фунтов за ночь по сегодняшним деньгам.

После регистрации я сидел в своем номере, курил сигареты, пил колу и жалел себя. Мне так хотелось махнуть бутылочку, приятель, – так сильно, что я испытывал физическую боль.

В итоге я провел там пару месяцев.

Остальными пациентами были обычные алкоголики и торчки. Был один гей, замешанный в деле Профьюмо; был аристократ, лорд Генри; а еще была молодая азиатка, чье имя я не помню. В то время реабилитация в Англии еще не была такой продвинутой, как сейчас. Человека не отпускало состояние позора.

Наконец меня навестила Шерон. Я рассказал ей, как мне жаль, как я ее люблю, как я люблю детей и как сильно хочу сохранить нашу семью. Но я знал, что всё без толку.

– Оззи, – произнесла она таким тихим низким голосом. – У меня есть новости, которые могут быть тебе интересны.

Вот и всё, подумал я. Всё кончено. Она нашла другого. Она хочет

развестись.

– Шерон, – сказал я. – Всё нормально. Я поним…

– Я собираюсь забрать свое заявление.

– Я не мог в это поверить.

– Что? *Почему?*

– Я не верю, что ты способен на умышленное убийство, Оззи. Это не ты. Ты милый, добрый человек. Но, когда ты напиваешься, Оззи Осборн исчезает, и его место занимает кто-то другой. Я хочу, чтобы этот кто-то ушел, Оззи. Я больше не хочу его видеть. *Никогда*.

– Я завяжу, – сказал я. – Обещаю, я завяжу.

Пресса тем временем сходила с ума. Фотографы прятались в кустах, залезали на деревья. Вся эта история не теряла для них актуальности. И хотя Шерон забрала заявление, королевская служба преследования заявила, что всё равно хочет привлечь меня по обвинению в нападении. И мне по-прежнему не разрешали вернуться в Бил Хаус. Но потом – на Хэллоуин – они наконец-то закрыли дело.

Всё закончилось.

Но прессу это не колыхало, черт ее дери. Одна газета отправила репортера в дом моей матери в Уоллсол, а потом напечатала какой-то дикий бред о том, что она плохая мать и как дерьмово меня воспитала. Это было ужасно. Мама зачем-то вступила с ними в перепалку, что все только усугубило. Дошло до того, что моим детям пришлось перестать ходить в школу, потому что у ворот их караулили репортеры. Я позвонил маме и сказал: «Послушай, я знаю, что они напечатали неправду, но нельзя переспорить таблоиды. Если ты не остановишься, то превратишь жизнь моих детей в ад. Давай я пойду на «BBC» на этой неделе и всё проясню. Тогда мы всё уладим, хорошо?»

Мама согласилась, а я пошел на передачу Томми Вэнса на «Radio 1» и всё рассказал: что у меня замечательные родители, что пресса врет и всё такое.

Всё. Конец. Закрыли тему. Никаких вопросов.

А потом я узнаю, что мама потребовала опровержения от одной из газет, и скандал раздулся снова. И продолжался еще три месяца, из-за чего дети всё это время снова не могли ходить в школу.

Наконец мама звонит мне и говорит: «Ты будешь рад узнать, что я добилась опровержения».

– Теперь ты довольна? – спросил я, по-прежнему злясь на нее.

– Да, очень довольна. Они как раз работают над возмещением.

– Возмещением?

– Я потребовала пятьдесят тысяч, но они выплатили мне только сорок пять.

– Так всё дело в *деньгах*? Я бы сам дал тебе эти гребаные деньги, мама. Я пытался защитить своих детей!

Сейчас я понимаю, что не могу осуждать маму за то, что она сделала. Она выросла в такой бедности, что пятьдесят тысяч казались ей огромными деньгами. Но это было ужасно противно. Правда ли, что всё дело в деньгах? В этом ли смысл жизни? Друзья говорили мне: «Тебе это нипочем, потому что у тебя *есть* деньги», – и в этом есть доля правды. Но меня убивал факт, что мама проигнорировала мою просьбу. Ведь если бы кто-то из *моих* детей когда-нибудь сказал: «Слушай, пап, прекрати это делать, потому что от этого страдает моя семья», – я бы немедленно так и поступил. И дело не в том, что мама сидела без гроша – я каждую неделю присылал ей деньги. Но она не могла понять, что, чем больше она цепляется к прессе и жалуется, тем уютнее пресса усаживается на моей шее. В конце концов, наши с ней отношения от этого сильно пострадали. Мы и так ссорились то из-за одного, то из-за другого, но после того, как она получила свое опровержение, я почти перестал ее навещать. Казалось, мы постоянно только и говорим о деньгах, а я никогда не любил эту тему.

После реабилитации я твердо вознамерился вести трезвый образ жизни. Я сильно похудел и обратился к пластическому хирургу, чтобы он удалил сорок четыре из моих сорока пяти подбородков. Хирург просто прорезал отверстие, засунул туда пылесос и высосал весь жир. Это было волшебно. Кстати, отчасти я пошел на эту операцию потому, что мне сделали укол демерола, который я считал лучшим в мире наркотиком.

Заодно мне удалили немного жира и с бедер. Я совершенно спокойно отношусь к пластической хирургии. Если вас что-то беспокоит и это можно поправить – так поправьте. Шерон сделала кучу операций – если ее попросить, она может нарисовать целую карту. И выглядит она великолепно. Всё, как в жизни: получаешь то, за что платишь.

Я стал чувствовать себя намного лучше, когда сбросил пару десятков кило. И мне довольно долго удавалось удерживаться от выпивки, несмотря на то, что я редко ходил на встречи анонимных алкоголиков. Мне всегда там было очень некомфортно. То еще

местечко. Лучше уж я обнажу душу перед двумястами тысячами зрителей на рок-фестивале, чем буду делиться чувствами с людьми, которых я раньше никогда не видел. Здесь нечего скрывать. Кстати, в Лос-Анджелесе такие встречи больше напоминают съезды рок-звезд. Однажды, сидя в зале с горсткой таких же жалких алкоголиков, я осмотрелся и увидел Эрика Клэптона. На сам деле это был ужасный момент, потому что я был уверен, что Эрик Клэптон меня ненавидит. Мы как-то встречались на церемонии награждения около десяти лет назад, и кто-то захотел сфотографировать меня с ним и Грейс Джонс. Мы позировали для фото, но я был настолько пьян и задвинут коксом, что только корчил глумливые рожи. После этого у меня сложилось впечатление, что Клэптон меня либо боится, либо просто недолюбливает, и я решил, что он лично позвонил фотографу и заставил уничтожить фотографию.

Так что, когда я увидел Эрика на этом собрании, то второпях свалил через заднюю дверь. Потом снова увидел его через несколько дней и снова постарался избежать, но на этот раз Клэптон пошел за мной.

«Оззи!» – крикнул он, когда я как раз собирался перейти дорогу к своей машине.

– О, э… привет, Эрик, – начал я.

– Ты сейчас здесь живешь? – спросил он.

– Ага.

– И как тебе?

Ну, и пошло-поехало, и мы здорово поболтали. А потом, через две недели, я листал журнал и увидел фотографию, где мы стоим с Эриком Клэптоном и Грейс Джонс, я корчу глупую рожу, а Эрик улыбается. Я сам себе все напридумывал.

Но я по-прежнему ненавидел эти собрания и, в конце концов, совсем перестал на них ходить. Всякий раз, когда я срывался, то звал кого-нибудь и просил провести мне домашний курс лечения, чтобы вернутьсяв строй. В какой-то момент я всерьез всем этим увлекся. Зелья, массажи, органические, травяные, фруктовые ванны – я попробовал любую чушь, которую только можно себе представить. Потом как-то раз пришел парень, который дал мне бутылочку средства для прочищения кишечника.

«Промывай себя этой жидкостью каждое утро, – сказал он, – и будешь чувствовать себя прекрасно, обещаю».

Я долго не хотел его применять – честно говоря, мне даже мысль об этом была неприятна, – но потом однажды сказал себе: «Черт

побери, я купил эту дрянь – значит, надо дать ей шанс». Средство было изготовлено из шелухи семян, а в инструкции было сказано, что нужно налить себе стакан и выпить залпом, пока жидкость не начала расширяться в горле. Так я и сделал. На вкус оно было чертовски ужасно – как мокрые опилки, только хуже.

Потом мы с Шерон поехали смотреть дома, что для меня было нетипично, потому что, с моей точки зрения, нет ничего хуже поиска дома, черт побери. Но в этот раз Шерон настояла, чтобы я посмотрел дом, принадлежавший Роджеру Уиттакеру, поэтому в подвале у него была студия звукозаписи. У меня не было никаких дел, и отказываться было незачем.

Подъехав к дому, мы увидели, что агент по недвижимости уже ждет нас на улице. Этакая гламурная барышня далеко за тридцать, в зеленой куртке Barbour, в жемчугах и всё такое. Она достает большую связку ключей и открывает входную дверь. Но как только я делаю шаг в прихожую, то чувствую это апокалиптическое урчание в заднице. И думаю, ай-ай-ай, вот и оно – средство для прочищения рвется наружу. Я спрашиваю барышню, где ближайший сортир, шаркаю туда с максимальной скоростью, которая не вызовет подозрений, хлопаю дверью, сажусь и выпускаю из себя массивный поток жидкого дерьма. Он выходит так долго, словно я превратился в верхний исток реки Миссисипи. Наконец поток иссяк, и я принимаюсь искать туалетную бумагу. Но ее нет. Встаю и думаю, трижды-разъебижды, придется, видимо, до дома ходить неподтертым. Потом понимаю, что говно потекло мне по ногам, так что у меня нет выбора – *я должен* чем-то подтереться. Но рядом нет даже ни одной тряпочки.

В общем, я просто стою в сортире в спущенных штанах, парализованный раздумьями, что же мне делать.

И тут Шерон стучит в дверь.

Бам! Бам! Бам!

– Оззи! Ты в порядке?

– Я, э… хорошо, спасибо, дорогая.

– Ты ужасно долго.

– Я скоро, дорогая.

– Давай *быстрей*.

Наконец до меня доходит: шторы. *Я вытру задницу шторами!* В общем, я их срываю и делаю свои дела. Но потом сталкиваюсь с еще одной проблемой: какого хрена мне делать с парой измазанных дерьмом штор Роджера Уиттакера? Вряд ли я могу

вынести их с собой из сортира и спросить у агента по недвижимости, где ближайшая свалка токсичных отходов. Тогда я думаю – может, просто оставить записку? Но что написать?

«Дорогой Роджер, простите, что насрал вам на шторы. Классный у вас свист! С любовью, Оззи».

В конце концов я их просто скатал и спрятал в ванне за занавеской.

Если вы читаете это, Роджер, то мне очень, очень жаль. Но может, вы впредь будете покупать туалетную бумагу?

Многие думают, что для того, чтобы написать хороший материал, нужно быть угашенным. Но я считаю, что альбом, который я написал после лечения в усадьбе Хантеркомб, – «*No More Tears*» – моя лучшая работа за многие годы. Возможно, отчасти потому, что еще до начала работы я сказал музыкантам: «Слушайте, нам необязательно воспринимать каждую песню так, как будто она должна стать хитом. Песни не должны получаться слишком наигранными. Действуем спокойно».

И в значительной степени это сработало.

При работе над этим альбомом всё пошло верно. Мой новый гитарист Зак Уайлд оказался просто гением. Продюсеры были замечательные. А обложку сделала Шерон. Моя жена очень талантлива, но многие этого не понимают. На обложке мой портрет цвета сепии с ангельским крылом на плече. Идея заключалась в том, чтобы придать альбому более зрелый характер— не мог же я бесконечно разверзать окровавленную пасть, это становилось уже неестественно. Кстати, я очень хорошо помню фотосъемку для обложки в Нью-Йорке: обычно нужно пятьсот катушек пленки, чтобы получить готовую фотографию, но в этот раз *щелк-щелк-щелк* – и о'кей, снято.

Единственное, что мне не понравилось в альбоме *«No More Tears»,* – это клип на песню «Mama I'm Coming Home». Мы сняли высокотехнологичный фильм за миллион долларов, но всё, чего я хотел, – это простое видео, в манере «Smells Like Teen Spirit» группы Nirvana. В конце концов, я снял второй клип за пятьдесят тысяч долларов с режиссером клипа «Smells Like Teen Spirit», и он получился идеальным. Эта песня оказала на меня огромное влияние, и я был очень горд узнать, что Курт Кобейн мой поклонник. Я считал его очень крутым. Я считал крутым весь альбом *«Nevermind»*. Но как трагично всё закончилось…

Кстати, удивительно, что я сам не кончил так же, как Курт Кобейн.

После записи *«No More Tears»* я, может, и был трезв – по крайней мере, большую часть времени, – но то, что я не получал от алкоголя, догонял таблетками. Я стал настоящим экспертом в обмане докторов – каждый день ходил к новому специалисту, и каждый из них выписывал мне новый рецепт. Какое-то время мне было достаточно просто имитировать симптомы, но, когда Шерон догадалась и стала звонить врачам заранее и предупреждать обо мне, мне пришлось готовиться тщательнее. Например, я бил себя доской по голове и говорил: «Я упал с квадроцикла, можно мне, пожалуйста, викодина?»

А врач спрашивал: «Вы уверены, что упали с квадроцикла, мистер Осборн?»

– Да.

– Просто у вас из головы торчит гвоздь с большой щепкой, мистер Осборн.

– О, значит, я, наверное, упал на деревяшку.

– Хорошо, ясно. Примите вот эти пять таблеток.

– Вот, спасибо, пока.

Но я не только ходил к врачам. Еще у меня были дилеры. Помню, как-то раз, кажется в Германии, я пришел к одному парню купить снотворного – от этого у меня была зависимость сильнее, чем от чего бы то ни было. У парня кончился препарат, и он спросил, не хочу ли я попробовать рогипнол. Но я уже знал всё о нем. Пресса тогда с ума сходила на эту тему, называя его главным наркотиком насильников, но, честно говоря, я считал, что всё это бредни. Наркотик, который полностью парализует тебя, причем ты даже не отключаешься? Это, конечно, слишком здорово, чтобы быть правдой. Но я купил пару доз и решил его попробовать ради научного эксперимента.

Я запил таблетки небольшим количеством коньяка, как только вернулся в свой номер в отеле, и принялся ждать. «Какой только херни люди не придумают», – сказал я себе. Через две минуты, когда я лежал на краю кровати и пытался заказать фильм по телевизору, щелкая пультом, таблетки вдруг подействовали. *Черт меня побери, это правда!* Я не мог пошевелиться. Меня полностью парализовало. Но при этом я был ни в одном глазу. Это было очень странное ощущение. Единственная проблема была в том, что, когда я болтался на краю кровати, у меня отказали мышцы, так что в итоге я соскользнул на пол и попутно ударился головой о кофейный столик. Больно, зараза. Я оказался зажат между стеной и кроватью

примерно на пять часов и не мог ни шевелиться, ни говорить.

Не могу сказать, что порекомендовал бы кому-то этот препарат.

Как раз в то время мое здоровье начало серьезно сдавать.

Я был постоянно истощен, стал замечать дрожь в руке, речь была невнятной. Я пытался убежать от всего этого, принимая наркотики, но у меня уже развился такой иммунитет, что приходилось серьезно увеличивать дозу, чтобы хоть что-то почувствовать. Дошло до того, что мне промывали желудок каждые две недели. Несколько раз я висел на волоске. Как-то раз я обманом выманил у врача в Нью-Йорке бутылочку кодеина и влил ее в себя целиком. У меня чуть не произошла остановка дыхания. Помню только, как лежал на кровати в отеле, потел и задыхался, а врач говорил мне по телефону, что, если принять слишком много кодеина, то мозг перестает подавать сигнал в легкие, и они отказывают. Мне очень повезло, что я выжил. Хотя, если учесть, как я себя чувствовал, лучше бы мне было не просыпаться.

Чем хуже мне было, тем больше я переживал, что Шерон уйдет от меня. А чем больше я переживал, тем хуже мне было. На самом деле, я не мог понять, почему она до сих пор не ушла. Я слышал, как люди говорят: «О, твоя жена просто любит деньги». Но дело в том, что только благодаря ей я жив и могу вообще их зарабатывать. А еще люди забывают, что, когда мы познакомились, деньги были как раз *у нее*, а не у меня. А я был без пяти минут банкротом.

Итог: Шерон спасла мне жизнь, Шерон *и есть* моя жизнь, и я ее люблю. И я страшно боялся ее потерять. Но, как бы я ни хотел, чтобы всё было нормально и правильно, я был ужасно болен и физически, и психически. Я даже больше не мог выходить на сцену.

Поэтому я несколько раз пытался покончить с собой, лишь бы не идти на концерт. Точнее говоря, я не пытался *по-настоящему* покончить с собой. Если человек решил сдлать это на самом деле, то он вышибает себе мозги или прыгает с высокого здания. Словом, совершает что-то непоправимое. А когда человек только пытается и, например, принимает кучу таблеток – как я, – то, как правило, рассчитывает, что его кто-то вовремя обнаружит. Он не хочет себя убивать, а просто пытается подать знак. Но это чертовски опасная игра. Посмотрите, что случилось с моим старым приятелем Стивом Кларком из Def Leppard. Он всего лишь выпил коньяка, водки, обезболивающих и антидепрессантов – и свет погас.

Навсегда.

В один прекрасный день Шерон сказала мне: «Ладно, Оззи, мы едем в Бостон. Там есть врач, и я хочу, чтобы ты к нему сходил».

– Почему нельзя сходить к врачу в Англии?

– Тот врач – специалист.

– Специалист в *чем*?

– В том, что с тобой не так. Мы уезжаем завтра.

Я решил, что она имеет в виду доктора-специалиста по наркозависимости, поэтому сказал: «О'кей».

И мы полетели в Бостон.

Но этот врач был хардкорным парнем. Лучшим из лучших. Он работал в клинике – медицинском центре Св. Елизаветы, – и у него в кабинете на стене висело больше дипломов, чем у меня было золотых пластинок.

– Так, мистер Осборн, – сказал он. – Встаньте в середину кабинета, а потом медленно подойдите ко мне.

– Зачем?

– *Просто делай*, – шикнула Шерон.

– Ладно.

Я пошел и, должно быть, в тот день не пил, потому что мне удалось пройти по прямой.

Более-менее.

Потом врач двигал пальцем вверх-вниз и из стороны в сторону, а я должен был за ним следить. С какого же хрена это относится к наркотической зависимости, думал я про себя. Но это еще не всё. Потом я прыгал по кабинету на одной ноге, поднимал гантели и бегал кругами с закрытыми глазами.

Как будто оказался на гребаном уроке физкультуры.

– Хм-м, хорошо, – сказал он. – Могу вам сказать точно, мистер Осборн, что у вас нет рассеянного склероза.

Что за…

– Но я и *не думал*, что у меня рассеянный склероз, – пролепетал я.

– И у вас нет болезни Паркинсона.

– Но я и *не думал*, что у меня болезнь Паркинсона.

– Тем не менее, – продолжал он, – у вас есть явные симптомы, которые могли бы говорить об этих двух заболеваниях, а диагностика бывает сложной. Но я могу сказать, у вас их нет на сто процентов.

– *Что?*

Я посмотрел на Шерон.

Она смотрела в пол.

– Оззи, я не хотела тебе говорить, – произнесла она, как будто силясь не заплакать. – Но после последних осмотров врачи сообщили мне, что беспокоятся. Вот почему мы здесь.

Очевидно, всё это происходило последние полгода. Мои врачи в Лос-Анджелесе были почти убеждены, что у меня либо рассеянный склероз, либо Паркинсон, и поэтому мы проделали такой путь, чтобы посетить специалиста в Бостоне. Но, несмотря на то, что врач доказал обратное, одни только названия этих болезней заставили меня запаниковать. Хуже всего то, что если бы у меня было какое-то из этих заболеваний, то оно бы многое объяснило – гребаная дрожь в руках уже выходила из-под контроля. Вот почему мы с Шерон хотели услышать еще одно мнение. Врач посоветовал обратиться к его коллеге, который руководил исследовательским центром в университете Оксфорда, и мы отправились туда. Коллега заставил меня пройти все те же самые тесты и сказал нам ровно то же самое: этих заболеваний у меня нет. «Если не считать алкоголизма и наркозависимости, то вы очень здоровый человек, мистер Осборн, – сказал он. – Мое мнение как специалиста: когда вы выйдете из этого кабинета, идите и просто начните жить нормальной жизнью».

И я решил закончить карьеру. В 1992 году я отправился на гастроли в поддержку альбома *«No More Tears»*. Мы назвали это турне *«No More Tours»* («Больше никаких турне». – *Прим. пер.*). Вот и всё. Я закончил карьеру. Конец. Был Оззи и весь вышел. Я колесил по миру почти двадцать пять лет. Крутился как белка в колесе: альбом, турне, альбом, турне, альбом, турне, альбом, турне. Я покупал все эти дома и никогда, черт побери, в них не жил. Вот в чем суть рабочего класса: ты никак не можешь бросить работу. Но после визита к врачу в Бостоне я задумался: зачем я это делаю, ведь я уже могу всего этого не делать, денег завались!

Когда мы вернулись в Англию, Шерон сказала: «Только не бесись, но я купила нам новый дом».

– Где?

– Он называется Уэлдерс Хаус. В деревне Джорданс в Бакингемшире.

– Там есть паб?

– Это квакерская деревня, Оззи.

И она, черт побери, не шутила. Уэлдерс Хаус расположен дальше от пабов, чем любой другой дом в Англии. Я сильно злился на Шерон за это и полгода с ней не разговаривал, потому что дом был

в ужасном состоянии. Слово «ветхий» – слишком мягкое для его описания, и нам пришлось целый год снимать дом в Джерардс Кросс, пока новый не отремонтируют. Даже сейчас он не кажется мне и вполовину таким красивым, каким был Бил Хаус. Но внутри дом великолепен. Оказывается, его построил викторианский премьер-министр Бенджамин Дизраэли в качестве свадебного подарка для своей дочери. Во время Второй мировой войны дом служил реабилитационным пунктом для армейских офицеров, а когда его отыскала Шерон, он принадлежал одному из парней, что работали над спецэффектами фильма *«Звездные войны»*.

В конце концов, я простил Шерон, потому что, когда мы въехали, дом оказался просто волшебным. В то лето выдалась идеальная погода, и вдруг у меня появилось столько земли – сто гектаров, – где я мог целыми днями гонять на квадроциклах и ни о чем не беспокоиться. Мое здоровье резко улучшилось. Я даже перестал волноваться о рассеянном склерозе и болезни Паркинсона. Я решил: ну, заболею, значит, заболею. Но как только я почувствовал себя лучше, мне стало скучно. Безумно скучно. Я начал думать о своем отце – о том, как он досрочно вышел на пенсию и оказался в больнице, как только закончил возделывать сад. Стал думать о счетах за ремонт, о зарплатах сотрудников управляющей компании и о том, что деньги на работу всей компании поступают из моих сбережений. И тогда я задумался, как я могу выйти на пенсию *в сорок шесть лет*? Я же не работал ни на кого, кроме себя.

И моя работа на самом деле не работа. А если и так, то это самая лучшая гребаная работа в мире, вот и всё.

Однажды утром я встал, заварил себе чашку чая и непринужденно сказал Шерон: «Можешь устроить мне выступление на одном из американских фестивалей в этом году?»

– Что ты имеешь в виду, Оззи?

– Я бы хотел выступить. Вернуться в игру.

– Ты *уверен*?

– Мне скучно до безумия, Шерон.

– Хорошо. Если ты говоришь серьезно, то я сделаю несколько звонков». И она позвонила организаторам «Лоллапалузы».

И они ее послали.

«Оззи Осборн? Да он же гребаный динозавр», – сказали они коротко.

Шерон это просто взбесило. Поэтому через несколько дней она сказала: «К черту всё, мы сделаем свой собственный гребаный

фестиваль».

– Погоди минутку, Шерон, – сказал я. – Что значит

«мы сделаем свой собственный фестиваль»?

– Мы забронируем несколько мест и проведем его сами. К черту гребаную «Лоллапалузу».

– Разве это не дорого?

– Не буду врать тебе, Оззи, это может стоить очень дорого. Но жизнь и есть риск, правда?

– Хорошо, но, прежде чем мы начнем бронировать стадионы направо и налево, может, сначала прощупать почву, а? Начать с малого, как с *«Blizzard of Ozz»*. А потом, если выстрелит, уже расти.

– Вы только послушайте нашего нового мистера Бизнесмена. Умник!

– Как ты думаешь назвать этот фестиваль?

– «Ozzfest».

Как только она произнесла это слово, я мог думать только об одном: «Beerfest»[23]. Мать его, да это же идеально.

Так всё и началось. Наша стратегия заключалась в том, чтобы собрать всех «неформатных» артистов, которые не могли найти себе другую концертную площадку, и дать им возможность показать себя народу. Получилось даже лучше, чем мы ожидали, потому что до них до этого никому, в общем-то и дела не было. В музыкальном бизнесе всё работало так: если хочешь дать концерт, то площадки заставляют тебя сначала выкупить все билеты, а потом хочешь раздавай их бесплатно, хочешь – продавай, вот такое творилось дерьмо. Black Sabbath никогда не сталкивались с такой ерундой в начале своего пути. Если бы было так, то мы бы никогда так и не выбрались из Астона. Откуда бы мы взяли денег на это?

Через год, в 1996 году, у нас всё было готово.

И мы сделали все именно так, как хотели. Начали с небольших мероприятий в двух городах – Фениксе и Лос-Анджелесе, – частично захватив и мое турне в поддержку альбома *«Ozzmosis»* (так называемое турне *«Retirement Sucks»* – «Пенсия отстой». – *Прим. пер.*). Лучше и быть не могло. Фестиваль с самого начала получился чумовым!.

Когда он закончился, Шерон сказала мне: «Знаешь кто станет идеальным хедлайнером фестиваля «Ozzfest» в 1997 году?»

– Кто?

– «Black Sabbath».

– *Что?* Шутишь? Вроде от них остался только Тони.

А последний альбом даже не попал в чарты, да?

– Нет, *настоящие* Black Sabbath: ты, Тони, Гизер и Билл. Снова вместе восемнадцать лет спустя.

– Ну, можно.

– Пора, Оззи. Топор войны зарыт. Раз и навсегда.

После концерта Live Aid я общался с Тони всего пару раз. Хотя мы давали что-то вроде совместного концерта в Оранж Каунти в конце турне *«No More Tours»* в 1992 году. Не помню, кто кому первым позвонил, но когда зашла речь о воссоединении, разговоров было несколько. Во время одного из них я наконец спросил Томи, почему меня уволили из Black Sabbath. Он рассказал мне то, что я уже и так знал, – что я поливал группу в прессе и что мое пьянство перевалило за все границы. Но только теперь я по-настоящему понял, о чем речь. Не скажу, что это было приятно, но я его понял, понимаете? И едва ли мог жаловаться, потому что, если бы Тони меня тогда не выгнал, где бы я был сейчас?

Тем летом мы отправились на гастроли.

Оригинальный состав собрался не сразу: были только я, Тони и Гизер и Майк Бордин из Faith No More на ударных вместо Билла. Честно говоря, не помню, почему нам не удалось убедить Билла выступить на нескольких первых концертах. Но мне сказали, что у него серьезные проблемы со здоровьем, в том числе тяжелая форма агорафобии, так что, возможно, мы не захотели подвергать его излишнему стрессу. Зато к концу года он все-таки присоединился к нам, и мы вместе сыграли два концерта в Национальном выставочном центре Бирмингема, прошедшие просто феноменально. Хотя песни Sabbath я исполнял и сольно, никогда они не выходили так же хорошо, как когда мы собирались все вчетвером. Даже сегодня, когда я слушаю записи тех концертов – в следующем году мы выпустили их на альбоме под названием *«Reunion»*, – у меня бегут мурашки. Мы даже не вносили никаких корректировок. Когда ставишь этот альбом, все звучит *точно так же*, как и в те два вечера.

Всё прошло так хорошо, что мы решили попытаться записать вместе новый альбом, первый после *«Never Say Die»* 1978 года. И отправились в студию «Rockfield» в Южном Уэльсе – туда, откуда я ушел из группы двадцать лет назад.

Сначала всё шло довольно гладко. Мы записали пару бонусных песен для альбома *«Reunion»*: «Psycho Man» и «Selling My Soul». А

потом снова начались непонятки.

Точнее, я так подумал.

– Оззи, – сказал Билл после первой репетиции, – можешь сделать мне массаж? У меня рука болит.

– Ну, начинается, – подумал я.

– Серьезно, Оззи. *Ай*, моя рука.

Я закатил глаза и вышел из комнаты.

Следующее, что я вижу, как подъезжает «Скорая» с мигалками. Она резко останавливается перед студией, оттуда выбегают четверо медиков и несутся внутрь. Примерно через минуту Билла выносят на носилках. Я всё еще был уверен, что это шутка. Мы постоянно шутили над здоровьем Билла и на этот раз решили, что он опять притворяется. Я даже был впечатлен: как хорошо получалось нас развести. Тони тоже решил, что Билл просто шутит. Он как раз вышел прогуляться, когда приехала «Скорая», посмотрел на нее и сказал: «Это за Биллом».

Билл всегда был тем пастушком, который кричит про волка, понимаете? Помню, как-то раз, еще давно, я пришел к нему домой, и Билл сказал: «О, привет, Оззи. Ни за что не угадаешь! Я только что вышел из комы».

– В смысле, из комы? Это последняя стадия перед смертью. Ты же знаешь это, Билл?

– Я знаю только, что лег спать в пятницу, а сейчас вторник, и я только что проснулся. Это же и есть кома, так?

– Нет, это потому, что ты махнул таблетулек, выпил слишком много сидра и проспал три дня, придурок.

Но в этот раз оказалось, что Билл не придуривался. То, что у него заболела рука, было первым признаком серьезного сердечного приступа. Его родители оба умерли от сердечных заболеваний, так что это у него было наследственное. Билла целую вечность продержали в больнице, а потом он еще год не мог работать. Так что нам опять пришлось гастролировать без него, и было ужасно жаль. Когда же Билл наконец немного поправился, мы снова попытались поработать в студии, но на этот раз что-то не сложилось.

Пресса видела в этом проявление моего эгоизма. Но, честно говоря, не думаю, что проблема была в нем. Просто я изменился. Мы все изменились. Я уже не был тем сумасшедшим вокалистом, который постоянно дубасит в пабе, но при этом сразу выдает вокальную партию, как только Тони придумывает рифф. Больше у меня так не получалось. И к тому времени сольно я работал гораздо

дольше, чем за все время с Black Sabbath. Если честно, трезвость тоже не сильно способствовала творчеству, хотя я по-прежнему серьезно сидел на наркоте. Я прицепился к врачу в Монмуте и заставил его выписать мне валиума. Благодаря своим запасам, сделанным в Америке, я принимал около двадцати пяти таблеток викодина в день. Мне постоянно нужно было себя *чем-то* успокаивать. Да и люди ожидали от этого альбома слишком много. А если бы он не получился лучше прежних, то в чем смысл вообще его записывать? *Никакого*.

Так что мы так его и не записали.

Я вернулся в Лос-Анджелес и жил в съемном доме в Малибу, когда вдруг позвонил телефон. Это был Норман, мой зять.

«О чёрт, подумал я. – Хороших новостей не жди».

И их не было.

– Джон? – сказал Норман. – Твоя мать. Она совсем плоха. Ты должен ее навестить.

– Сейчас?

– Ага. Прости, Джон. Но врачи говорят, что всё плохо.

Прошло одиннадцать лет после ссоры из-за той истории с прессой, и с тех пор я нечасто видел маму – хотя по телефону мы помирились. Конечно, теперь я жалею, что не проводил с ней больше времени. Но мама точно не способствовала этому, потому что постоянно говорила о деньгах. Думаю, нужно было просто давать ей больше. Но я всегда считал, что всё, что у меня есть, – однажды закончится.

После звонка Нормана я полетел в Англию со своим помощником Тони, и мы сразу поехали в больницу «Manor» в Уолсолле, где она лежала.

Маме было восемьдесят семь, и она уже давно болела. У нее был диабет, проблемы с почками, и сердце износилось. Она знала, что ее время пришло. До этого я никогда не видел, чтобы мама ходила в церковь, но вдруг она стала очень религиозна. Половину времени, пока я был с ней, она читала молитвы. Мама воспитывалась в католической вере, так что, думаю, решила доделать всю несделанную домашнюю работу, пока совсем не сдала. Казалось, что ей не страшно и она совсем не страдает, – или, по крайней мере, она не хотела мне этого показывать. Первым делом я спросил: «Мама, тебе больно? Ты ведь не просто храбришься, да?»

– Нет, дорогой, всё в порядке, – ответила она. – Ты всё время так

волнуешься. С самого детства.

Я остался с ней на несколько дней. Мама часами сидела в постели и разговаривала со мной, а ее рука была подключена к такому жужжащему и пищащему аппарату для диализа. Она хорошо выглядела, и мне стало интересно, из-за чего весь сыр-бор. За день до моего отъезда она попросила меня придвинуть стул поближе к кровати, потому что хотела спросить у меня кое-что важное.

Я наклонился очень близко и не знал, чего ждать.

– Джон, – сказала она, – это правда?

– Что правда, мама?

– Ты правда *миллионер*?

– О, черт побе…

Мне пришлось замолчать. В конце концов, мама умирала. Так что я сказал только: «Я правда не хочу об этом говорить».

– Ну же, Джон, скажи мне. *Пожа-а-а-а-алуйста*.

– Ну хорошо. Да.

Мама улыбнулась, и глаза у нее заблестели, как у школьницы. Я подумал: «По крайней мере, я наконец-то ее осчастливил».

Потом мать спросила: «Но скажи, Джон, ты мульти-мульти-мульти-*мульти*миллионер?»

– Брось, мам, – ответил я. – Давай не будем об этом говорить.

– Но я хочу!

Я вздохнул и сказал: «Ну хорошо. Да».

У нее на лице снова загорелась широкая улыбка. Я подумал, неужели это и правда для нее *так* важно? Но в то же время я понимал, что в этот момент мы с ней более близки, чем за многие предыдущие годы.

Поэтому я просто рассмеялся. Мама тоже засмеялась.

– На что это похоже? – спросила она с усмешкой.

– Могло быть и хуже, мам, – сказал я. – Могло быть гораздо хуже.

После этого попрощались, и мы с Тони полетели обратно в Калифорнию. Сразу после приземления нужно было ехать выступать на концерте с Black Sabbath в «Universal Amphiteatre». Я не очень хорошо помню тот концерт, потому что не мог сосредоточиться. Я всё думал о маме, которая спрашивает меня, миллионер ли я. После концерта я вернулся домой в Малибу, но, как только открыл дверь, позвонил телефон.

Это был Норман.

«Джон, – сказал он. – Она умерла». Я заплакал.

Как же я плакал, дружище. Плакал и плакал и плакал и никак не

мог остановиться.

Это было 8 апреля 2001 года – всего через двое суток после нашего разговора в больнице. Сам не знаю, почему я это так тяжело пережил.

Единственное, что я узнал о себе за многие годы, – это то, что я не умею справляться со смертью людей. Дело не в том, что я этого боюсь, – я знаю, что все в конечном итоге уходят, – но я не могу не думать о том, что входов в этот мир один или два, а выходов – гребаное бесконечное количество. Не то чтобы мама ушла плохо: Норман сказал мне, что она просто заснула той ночью и больше не проснулась.

Я не мог пойти на похороны после того, что пережил на похоронах отца. Кроме того, я не хотел, чтобы это стало событием для прессы. А это было бы именно так, если бы я там появился, – люди просили бы у меня автографы на выходе из церкви. Я только хотел, чтобы мама ушла с миром и без суеты. Я и так принес ей много горя за все эти долгие годы и не хотел принести еще. Так что на похороны не пошел.

Я до сих пор считаю, что поступил правильно, – хотя бы потому, что мое последнее воспоминание о маме, в отличие от отца, такое теплое. Я ясно вижу, как она лежит в постели в больнице, улыбается мне и спрашивает, каково это – быть «мульти-мульти-мульти-*мульти*миллионером». А я отвечаю: «Могло быть и хуже, мама. Могло быть и хуже».

11. Снова мертв

В первый раз мы впустили телевизионщиков к себе домой в 1997 году, когда снова собрали Black Sabbath. Мы сняли старый дом Дона Джонсона и Мелани Гриффит в Беверли-Хиллз. Я не пил – ну, почти не пил, – но по-прежнему выманивал у каждого врача как можно больше таблеток. А еще я чертовски много курил. В основном сигары. Я считал вполне приемлемым покурить длинную кубинскую сигару, лежа в постели в девять часов вечера. Я спрашивал у Шерон: «Не возражаешь?» – а она смотрела на меня из-за журнала и отвечала: «Да, пожалуйста, не обращай на меня внимания».

Кажется, телевизионщики большую часть времени не верили своим глазам. Помню, как в первый день продюсер подошел ко мне и сказал: «У вас *всегда* так?»

– Как?

– Как в ситкоме.

– В смысле, как в «ситкоме»?

– Всё так слаженно, – сказал он. – Ты входишь в одну дверь, собака выходит из другой. Твоя дочь спрашивает: «Папа, почему собака так ходит»? Ты отвечаешь: «Потому что у нее четыре лапы». А потом дочь обижается и уносится прочь со сцены. Вы же не могли заранее написать сценарий.

– Знаешь, мы не *стараемся* быть смешными.

– Знаю. Вот почему так смешно.

– В моей семье всякое случается, – сказал я ему. – Но ведь так в *каждой* семье, разве нет?

– Да, но не так, – ответил продюсер.

Компания «September Films» сняла документальный фильм – его назвали Ozzy Osbourne Uncut – *«Оззи Осборн, режиссерская версия»* – и показала по телевизору на пятом канале в Великобритании и на Travel Channel в Америке. Люди просто с ума сходили от этого фильма. Весь следующий год пятый канал повторял его снова и снова. Кажется, люди не могли взять в толк, что наша семейная жизнь представляет собой точно такую же гребаную рутину, как у любой другой семьи. Конечно, я сумасшедший рок-н-ролльщик, который откусил голову летучей мыши и отлил на Аламо, но кроме этого, у меня есть сын, который обожает возиться с настройками телевизора, так что, когда я завариваю себе чайничек чая, кладу ноги повыше и собираюсь посмотреть передачу на канале «History», гребаный ящик не работает. У зрителей от этого просто башню

сорвало. Наверное, им казалось, что, когда меня не арестовывают за распитие в общественных местах, я прихожу в пещеру и повисаю вниз головой и пью змеиную кровь. А я оказался, скорее, как клоун Коко: в конце дня прихожу домой, смываю грим, снимаю большой красный нос и становлюсь папой. Этот документальный фильм получил Золотую Розу на телевизионном фестивале в Монтрё в Швейцарии, и вдруг все захотели сделать из нас звезд экрана. Мне никогда особенно не нравилось появляться на телевидении – там всё кажется таким наигранным. Кроме того, я не могу читать сценарии, а когда вижу себя на экране, у меня вообще случается приступ паники. Но Шерон отнеслась к идее с энтузиазмом, и мы заключили договор с MTV о том, что один раз появимся в телешоу *«По домам!»*, которое похоже на крутую американскую версию *«Through the Keyhole»*. К тому времени мы уже давно перестали снимать старый дом Дона Джонсона, и я раскошелился на шесть с лишним миллионов долларов за дом номер 513 на Дохени-роуд – как раз за углом. В основном мы жили там, а в Уэлдерс Хаус наведывались, только когда были в Англии по делам или навещали родственников.

И снова шоу безумно понравилось зрителям. Эпизод *«По домам!»* за один вечер стал классикой жанра. Одно за другое, и в итоге MTV предложили нам свое собственное шоу.

Не спрашивайте меня о подробностях сделки, потому что это была забота Шерон. А я просто проснулся в один прекрасный день и узнал, что у нас теперь будет шоу под названием *«Семейка Осборнов»*. Я был очень рад за Шерон, потому что она обожала весь этот хаос в доме. И обожала телевидение. Шерон открыто скажет: «Я телешлюха». Ей дай волю – она бы работала испытательной таблицей на экране.

А я, если честно, надеялся, что все материалы сгинут где-нибудь на пыльных полках, так и не попав в эфир.

За несколько дней до того, как согласиться на съемки, мы провели семейный совет, чтобы убедиться, что дети не против. Люди часто говорят: «Как они могли возложить такую ответственность на плечи детей?» – но мы и понятия не имели, насколько популярной станет наша маленькая передача. Кроме того, наши дети и так выросли в сфере шоу-бизнеса: Эйми отправилась с нами на гастроли, когда ей было меньше года; Келли была ребенком, который встал в проходе самолета и исполнил песню «Little Donkey» перед всеми пассажирами; а Джек сидел у меня на плечах, когда я выходил спеть

на бис. К такой жизни им было не привыкать.

Поэтому мы не удивились, что Джек и Келли были единодушны в порые сниматься в *«Семейке Осборнов»*.

А вот у Эйми было на этот счет другое мнение. С самого начала она не хотела иметь с этим шоу ничего общего.

И мы уважаем ее за это. Эйми предпочитает оставаться в тени, а мы никогда не заставляли ее делать что-то, что ей не нравится. Я сразу сказал всем детям: «Если вы начнете этим заниматься, то всё будет, как на карусели – ее нельзя будет взять и остановить».

Джек и Келли всё поняли. Или, по крайней мере, они сказали, что поняли. Скажу честно: я не думаю, что вообще кто-либо из нас тогда что-то понимал.

А Эйми держалась своей точки зрения. «Повеселитесь, ребят, но без меня. Чао».

Эйми умница. Не поймите меня неправильно – я не хочу сказать, что мы все настолько идиоты, что подписали этот контракт только потому, что *«Семейка Осборнов»* доставила приятные ощущения. Но я бы ни за что не согласился на участие в ней, если бы знал, что меня ждет. Черта с два, приятель. Я согласился главным образом потому, что думал, будто вероятность выхода шоу в эфир невероятно мала. Даже если это *всё-таки* произойдет, помню, подумал я, всё равно дело не зайдет дальше одной-двух серий. Американское телевидение очень жестоко. Склоки и сплетни, которые не прекращаются, когда камеры выключены, доходят до нелепого – даже рок-н-ролльный бизнес кажется по сравнению с ними гребаным детским садом. А происходит это потому, что очень, очень немногие шоу становятся успешными. Я был убежден, что *«Семейка Осборнов»* пополнит коллекцию провалов.

Первой большой ошибкой было позволить им снимать в нашем настоящем доме. Почти всё на телевидении снимают в студии, а потом просто вставляют кадры с улицы или из бара, или еще из какого-нибудь места, где, как покажется зрителям, проходит съемка. Но до *«Семейки Осборнов»* ничего подобного еще не снимали, поэтому команда «MTV» импровизировала на ходу.

Сначала они заделали себе офис у нас в гараже – я называл его фортом Апачи, потому что гараж стал похож на военный командный пункт. Телевизионщики поставили там кучу видеомониторов, небольшие офисные кабинки и повесили большую рабочую доску, чтобы держать перед глазами наше расписание на несколько дней вперед. В форте Апачи никто не спал. Они просто работали

посменно, так что всякие техники, операторы и продюсеры постоянно шастали туда-сюда. Логистика MTV очень впечатляла. Она была выстроена настолько лихо, что при желании эти ребята легко могли бы захватить какую-нибудь страну.

Первые две недели, должен признаться, все было очень даже весело. Здорово, когда вокруг куча новых людей. Причем таких славных, что спустя какое-то время мы все словно стали одной семьей. Но спустя некоторое время я призадумался: «*И сколько еще это будет продолжаться»?* Скажу так, если бы тогда, через несколько недель съемок в 2001 году, меня отвели в сторонку и сообщили, что все это растянется на три года, то я бы прострелил себе яйца, лишь бы избежать этого. Но, черт побери, я и понятия об этом не имел.

Никто из нас и подумать о таком не мог.

Поначалу жизнь съемочной группы шла довольно плавно в силу того, что у меня был особый распорядок. Каждое утро, что бы ни случилось, я вставал, заваривал себе кофе, делал какой-нибудь сок и час занимался в спортзале. Так что им нужно было просто поставить в этих помещениях статические камеры, и всё. Но через некоторое время камеры стали появляться по всему дому, пока я не понял, что мне совершенно негде уединиться.

«Так, хватит, – сказал я однажды, – мне нужен бункер – зона комфорта – или я сойду с ума».

Так что мне оставили одну комнату, где можно почесать яйца, выдавить прыщ или передернуть, не заботясь, чтобы это потом не показали по телику. Все это реалити должно иметь свои пределы.

Но потом я как-то уселся в этой комнате покурить косяк и хорошенько почесать яйца, как вдруг мной овладело жуткое чувство. Сначала я подумал, что схожу с ума от стресса, до которого меня доводит это шоу, и ко мне возвращается старушка паранойя. Тем не менее обыскал комнату. И в углу, под кучей журналов, нашел маленькую скрытую камеру. Я безумно разозлился. «В чем смысл безопасной комнаты, если в ней ваша гребаная камера?!» – орал я на них.

– Не волнуйся, Оззи, она ничего не записывает. Она нужна для того, чтобы мы знали, где ты.

– Не гони мне тут, – ответил я. – Избавьтесь от нее.

– Но как мы тогда узнаем, где ты?

– Если дверь закрыта, то я там!

Премьера шоу состоялась 5 марта 2002 года, во вторник вечером. В среду утром я уже словно переехал на другую планету. Вчера я был динозавром, которому велят проваливать с «Лоллапалузы», а сегодня меня привязали к ракете и запустили в стратосферу при факторе искривления десять. Признаюсь честно, до того как *«Семейка Осборнов»* вышла в эфир, я не знал, какой силой обладает телевидение. Если твоя передача становится рейтинговой в Америке, то ты достигаешь неслыханного уровня популярности. Куда там кинозвездам, политикам и точно куда уж там экс-вокалисту Black Sabbath!

Не могу сказать, что я сел и посмотрел от начала до конца хотя бы один выпуск передачи. Но по тем отрывкам, что я видел, становится очевидно, что съемочная группа проделала феноменальную работу – особенно в том, что касается монтажа тысяч часов материала, который они наснимали. Даже заставка, в которой Пэт Бун исполняет джазовую версию песни «Crazy Train» своим шелковистым голосом, просто гениальна! Я люблю, когда люди так играют с музыкальными стилями, – это очень интересно. Забавно, что мы какое-то время были соседями с Пэтом Буном на Беверли-драйв. Вообще-то он отличный парень: ревностный христианин, но никогда нам не мешал.

Мы сразу поняли, что *«Семейка Осборнов»* станет популярной. Но понадобилось несколько дней, чтобы понять, *насколько* популярной. Например, как-то в выходные мы с Шерон, как обычно, отправились в Беверли-хиллз погулять по рынку в парке. Но буквально в ту же секунду, как я вышел из машины, какая-то девушка подбежала ко мне с мобильным телефоном и закричала «Оззи! Оззи! Можно с вами сфотографироваться?»

– О, конечно, – ответил я.

Но из-за этого на нас посмотрели еще какие-то люди, *тоже* закричали, из-за этого посмотрели еще люди и *тоже* закричали. Примерно через три секунды уже, кажется, тысячи людей кричали и хотели сфотографироваться.

И то, что съемочная команда «MTV» таскалась за нами, только усугубляло дело.

Это было ужасно, приятель. Я, конечно, не жалуюсь, потому что благодаря *«Семейке Осборнов»* у меня появилась совершенно новая аудитория, но всё это походило на битломанию под ЛСД. Я не мог в это поверить. И, уж конечно, не мог этого понять. Я никогда прежде не был так знаменит, даже близко. Так что я свалил обратно в

Англию немного развеяться. Щас! Как только я вышел из самолета в Хитроу, меня встретила стена вспышек, а тысячи людей кричали: «Эй, Оззи! Сюда! Сфотографируйся с нами!»

Очевидно, я был популярен не благодаря своим песням. Я был известен как постоянно матерящийся парень из телика, и ощущения это вызывало странные и, скажу по чести, не всегда самые приятные.

А еще мне постоянно за это прилетало. Дескать, продался старина Оззи телевидению. Чушь собачья. Дело в том, что никто из рок-музыкантов никогда ранее не снимался в реалити-шоу. Я же всегда считал, что нужно идти в ногу со временем. Стараться переходить на следующий уровень или так и застрянешь в одной колее. Останешься таким же, как раньше, ориентируясь на нескольких человек, уверенных в том, что измениться в любую сторону – значит, продаться – но рано или поздно твоей карьере кранты. Многие забывают, что в самом начале *«Семейка Осборнов»* была всего лишь экспериментом «MTV». Никто не ожидал, что она так выстрелит. Но сам-то я совсем не изменился. На съемках я никогда не притворялся и не пытался быть кем-то, кроме себя. Даже сейчас, когда я снимаюсь в телерекламе, то не притворяюсь тем, кем не являюсь. Так почему же это означает «продаться»?

Кстати, во время съемок *«Семейки»* происходили вещи, которые и по сей день не шибко укладываются у меня в голове. Например, когда Шерон позвонила Грета Ван Састерен, ведущая «Fox News».

– Я бы хотела узнать, не хотите ли вы с Оззи поужинать на следующей неделе с президентом Соединенных Штатов, – сказала она.

– У него снова проблемы? – спросила Шерон. Грета засмеялась.

– Нет, насколько мне известно.

– Ну, слава богу.

– Так вы придете?

– Разумеется. Это большая честь.

Когда Шерон сообщила мне об этом, я просто не мог поверить. Я всегда думал, что максимум – могу оказаться на доске с надписью «разыскивается» в Овальном кабинете, но уж точно не буду приглашен на чай. «И о чем президент Буш хочет поговорить, – спросил я, – о Black Sabbath?»

– Не волнуйся, – ответила Шерон. – Мы там будем не одни. Это ежегодный ужин для прессы в Белом доме. У «Fox News» там свой столик, так что будет много народу.

– Джордж Буш ведь раньше был губернатором Техаса? – сказал я.

– Да, и что?

– Я же как-то отлил на Аламо. Он ведь не будет злиться на это?

– Уверена, что он забыл, Оззи. Он ведь и сам любит пропустить стаканчик, знаешь ли.

– Правда?

– Еще ка-а-ак.

И мы отправились в Вашингтон. Ужин проходил в «Хилтоне», где когда-то стреляли в Рональда Рейгана. Это было вскоре после трагедии 11 сентября, так что у меня началась паранойя из-за объявленных повышенных мер безопасности. Когда мы туда приехали, там творился настоящий ад. Снаружи было около пяти тысяч телекамер и всего один металлодетектор с парой охранников. Мне пришлось уцепиться за пиджак Греты, чтобы протиснуться сквозь толпу.

А мой помощник Тони – относительно небольшого роста парень – перелез веревку и прошел за металлодетектором, но этого никто не заметил. Это была шутка, приятель. Я мог бы пронести туда хренову баллистическую ракету – никто бы слова не сказал.

Во время ужина у меня начался страшный приступ паники. Сижу я, этакая недоделанная рок-звезда, в одном зале со великими умами и лидером свободного мира. Какого *хрена* я там делаю? Что все эти люди от меня хотят? *«Семейку»* показывали всего пару месяцев, и мой мозг едва успевал обрабатывать информацию.

В конце концов, я сдался. Я больше не мог высидеть там ни секунды, не нажравшись в говно. Так что выхватил у официанта бутылку вина, налил себе бокал, осушил его, налил еще бокал, отлично пошло, и так, пока бутылка не закончилась. Потом взял еще одну. Шерон тем временем пристально смотрела на меня через стол. Я ее игнорировал. «Не сегодня, любимая», – подумал я.

Потом в зал вошла первая леди, а за ней Джордж Буш. И первыми словами президента, когда он дошел до подиума, были: «Мы с Лорой считаем за честь оказаться здесь сегодня. Спасибо за приглашение. Какая чудесная у нас сегодня аудитория: самые влиятельные люди Вашингтона, знаменитости, голливудские звезды… и Осси Озз-берн!»

К тому времени я уже хорошенько надрался и, как только услышал свое имя, запрыгнул на стол, как пьяный урод, и крикнул: *«И-и-и-и-их-ха-а-а-а-а-а-а!»* Весь чертов зал всполошился. Но я был *в говно*, поэтому не знал, когда остановиться. Я так и стоял там и

орал: *«И-и-и-и-и-их-ха-а-а-а-а-а-а!»* – пока все тысяча восемьсот человек не замолкли.

Буш смотрел на меня. *«И-и-и-и-и-их-ха-а-а-а-а-а-а!»* – крикнул я опять. Молчание.

«*И-и-и-и-и*...»

– Хорошо, Оззи, – оборвал Буш.

В записи слышно, как он говорит: «Вот это, возможно, было ошибкой».

Наконец я слез со стола – вообще-то, думаю, меня оттуда стащила Грета. Потом Буш стал рассказывать обо мне анекдот: «Оззи известен тем, что написал много больших хитов: «Party with the Animals», «Face in Hell», «Bloodbath in Paradise»...»

Я уже собирался снова залезть на стол и сообщить ему, что ни одна из этих песен, в общем-то, не стала хитом, но он уже начал подходить к кульминации.

«Оззи, – сказал он. – Моя мама обожает твои песни». Зал просто взорвался.

После этого я почти ничего не помню.

С тех пор, как я сходил на тот ужин, люди продолжают спрашивать меня, что я думаю о Буше. Но я не могу сказать, что у меня есть какое-то мнение на этот счет, потому что недостаточно разбираюсь во всей этой политической фигне. Но ведь *кто-то* же за него голосовал, так? В 2000 *и* 2004 годах. И думаю, всё это безумное террористическое дерьмо началось задолго до того, как Буш пришел к власти. Сомневаюсь, что все эти люди сидели в своей пещере и вдруг подумали: «О, глядите, Буш в Белом доме. Давайте врежемся на самолетах во Всемирный торговый центр».

Дело в том, что в Америке я всего лишь гость, и не мне в данном случае о чем-то судить. Я всё время пытаюсь объяснить это Джеку: «Не говори здесь о политике, потому что ты не американец. Тебе просто скажут: «Убирайся из нашей страны, если она тебе не нравится»». Мы неплохо заработали в Америке и должны быть благодарны.

Еще через месяц я встречался с королевой.

Она подошла ко мне и пожала руку, после того, как я исполнил песню на празднике, посвященном Золотому юбилею коронации. Потрясающая женщина, я очень ее уважаю. В следующий раз я встретил ее довольно скоро, на выступлении Королевского варьете. Я стоял рядом с Клиффом Ричардом. Она окинула нас двоих

взглядом, сказала: «О, так *вот что* такое разнообразие, не правда ли?» – и рассмеялась.

Я решил, что в то утро Шерон подмешала мне немного кислоты в хлопья.

Но, если говорить серьезно, в целом я лажу с королевской семьей. Сейчас я даже стал послом благотворительной организации «Prince's Trust», поэтому несколько раз встречался с Чарльзом. Очень хороший парень. Пресса любит трепать его имя, но, если избавиться от монархии, то чем ее заменить? Президентом Гордоном Смачный-Пердеж Брауном? Лично я считаю, что королевская семья делает чертовски много полезного. Люди думают, что Виндзоры живут в своем дворце и всю жизнь просто сидят со скипетром в руках и смотрят телик, но на самом деле они работают на износ. Им некогда передохнуть. И в год эти люди зарабатывают Великобритании неимоверную сумму денег.

С политиками я чувствую себя не так комфортно. Встречаться с ними всегда как-то странно и немного жутко, причем неважно, с кем именно. Например, я встречался с Тони Блэром во времена *«Семейки Осборнов»* на церемонии вручения наград «Гордость Британии». Он был вроде ничего, такой очаровательный. Но у меня в голове не укладывалось, что наши молодые солдаты гибнут на Ближнем Востоке, а у него есть время тусоваться с поп-звездами.

Блэр подошел ко мне и сказал: «Знаешь, я когда-то играл в рок-группе».

Я ответил: «Охотно верю, премьер-министр».

– Но у меня не получалось разобрать аккорды песни «Iron Man».

Я хотел сказать: «Черт подери, Тони, какая ошеломительная новость. У тебя война с Афганистаном, люди подрываются на минах, а ты считаешь, что всем не насрать с высокой колокольни на то, что у тебя не получалось разобрать аккорды песни «Iron Man»?»

Но политики все одинаковые, так что нет никакого смысла слишком раздражаться по этому поводу.

Через какое-то время после того, как *«Семейка»* вышла в эфир, оказалось, что я всем вдруг понадобился. У нас дома замутилась вечеринка, и на нее пришла Элизабет Тейлор. Для меня это было самое сюрреалистическое событие в моей жизни, потому что, когда я был маленьким, папа как-то сказал мне: «Я хочу, чтобы ты увидел самую красивую женщину в мире». А потом разрешил не ложиться спать и посмотреть *«Кошку на раскаленной крыше»*. Именно такой для меня всегда была Элизабет Тейлор – самой красивой женщиной

в мире. Но, конечно, я даже не помню, что ей сказал, потому что снова был бухой.

Из всех знакомств, что случились в то время, самым большим впечатлением, наверное, стало знакомство с Полом Маккартни. Он был моим кумиром, когда мне еще было четырнадцать лет. Но о чем, черт побери, мне с ним разговаривать? Всё равно что пытаться завязать разговор с Богом. С чего начать? «О, я слышал, ты сотворил Землю за семь дней. Ну, и как оно?» Мы были на вечеринке по случаю дня рождения Элтона Джона: с одной стороны от меня сидел Пол, с другой Стинг, а Элтон напротив. Было ощущение, что я умер и попал в рай для рок-звезд. Но от меня совершенно никакого толку, когда надо завязать разговор с людьми, которыми я восхищаюсь. Я свято верю, что лучше всего оставить их в покое. Вот тут-то я как раз очень застенчивый. В прессе какое-то время ходили слухи о том, что мы с Полом собираемся исполнить что-то дуэтом, но, честно говоря, от него самого я ни слова об этом не слышал. И я очень рад этому, потому что, если бы это произошло, я бы обосрался от такого развития событий.

Зато Пол выступал на церемонии «Brit Awards», которую вели мы с Шерон. Помню, как Шерон повернулась ко мне на середине его выступления и прошептала: «Ты когда-нибудь мог подумать, что будешь стоять на одной сцене с битлом?»

– Да ни в жизнь. Даже в самых отчаянных мечтах, – ответил я.

Казалось, совсем недавно я смотрел на фотографию с его изображением на стене в доме номер 14 на Лодж-роуд.

Мы с Полом иногда общаемся по электронной почте. (На самом деле я говорю, а Тони печатает мои слова на компьютере, потому что у меня не хватает терпения на всё это интернет-дерьмо.) Это началось, когда я впервые услышал песню «Fine Line» в рекламе «Лексуса» и подумал: «Черт побери, неплохая мелодия, сопру-ка я ее». И как-то невзначай упомянул об этом в разговоре с одним парнем по имени Джон Роден, работавшим со мной, а он, как оказалось, работал и с Полом.

Джон спросил: «Ты ведь знаешь, кто ее написал?» Я ответил, что без понятия.

«Мой *второй* босс», – сказал он.

Естественно, после этого я оставил песню в покое.

Потом ни с того ни с сего вдруг пришло письмо, в котором написано: «Спасибо, что не спер песню «Fine Line», Оззи». С моего лица несколько дней не сходила улыбка. Так всё и началось. Мы не

часто общаемся, но, если у Пола выходит новый альбом или его третирует пресса, то я непременно черкну ему пару строк. Как-то я поздравлял Пола с выходом нового альбома *«Fireman»*. Если вы его не слышали, то послушайте, потому что он чертовски хорош!

«Семейка Осборнов» понравилась не всем.

Биллу Косби[24], например, не понравилась.

Словно старая добрая шлея под хвост попала.

Думаю, он обиделся, потому что пресса всё время сравнивала наше шоу с его передачей, а в одной из газет меня даже назвали «новым любимым папашей Америки». И Билл написал нам письмо. Там было что-то вроде: «Я видел вас по телику, и ваше сквернословие подает дурной пример».

Довольно справедливо, подумал я.

Но, знаете, ругательства – часть нашей жизни, ведь мы постоянно материмся. А весь смысл *«Семейки»* был в том, чтобы показать нас такими, какие мы есть. Должен сказать, я считаю, что запикивание ругательств только пошло передаче на пользу. В Канаде, например, ничего не запикивали, и мне показалось, что получается уже совсем не так смешно. Ведь это часть человеческой природы – не так ли? – когда нас привлекает что-то запретное. Если кто-то скажет не курить, то тебе захочется курить. Если говорят: «Не принимай наркотики», – тебе хочется их принимать. Вот почему я всегда считал, что лучший способ заставить людей перестать принимать наркоту – легализовать ее, черт побери. Примерно через пять секунд после этого люди поймут, что жизнь наркомана ужасно непривлекательна и жалка. А сейчас вокруг наркотиков сохраняется этакий ореол крутизны и протеста, понимаете?

В общем, Шерон ответила Биллу Косби.

«Остановите меня, если вы это уже слышали, – писала она, – но не стоит искать у другого соринку в глазу, если у тебя самого там бревно. А мы все знаем о вашей маленькой интрижке, про которую недавно писали все газеты, так что как насчет того, чтобы сначала навести порядок у себя дома, прежде чем нападать на наш?»

Также она заметила, что, когда в Америке включаешь телик, то там всё время то в кого-нибудь стреляют, то рубят на куски, то соскребают с асфальта, и никто и в ус не дует. Зато, если всего лишь ругнуться, и тут же моралисты поднимают шум. Если задуматься, это безумие какое-то.

Показывать убийство нормально, а ругаться, видите ли, плохо.

К чести Билла, мы получили от него очень вежливый ответ, где говорилось: «Сдаюсь, вы меня уели, извините».

Так что в итоге он отнесся к ситуации с пониманием.

Когда *«Семейка Осборнов»* так быстро стала популярной, «MTV» чуть от страха не обосрались, что они не заключили с нами долгосрочный контракт. И тогда начались все эти игры – а вы знаете, что я терпеть не могу такое дерьмо.

Но «MTV» это не остановило и всеми силами старалось меня затянуть в эту авантюру.

Вскоре после того, как рейтинги безумно взлетели, мы с Шерон ходили на передачу *«Total Request Live»*, которую снимали в здании «MTV» на Таймс-сквер. Как только эфир закончился, к нам подошел продюсер в крутом костюме и сказал: «Эй, ребята, у меня для вас сюрприз».

– Что за сюрприз? – спросил я.

– Идите за мной, и я вам покажу.

Этот парень привел нас в конференц-зал на одном из верхних этажей здания. В середине комнаты стоял массивный стол с телефонами и стульями, а из огромных окон открывался вид на горизонты Нью-Йорка.

– Вы готовы? – спросил он нас.

Я посмотрел на Шерон, а она на меня. Мы оба не понимали, какого хрена происходит. Потом парень нажал на кнопку громкой связи, и ему ответил голос, как из *Ангелов Чарли*.

– Подарок у вас? – спросила она.

– Ага, – ответил парень.

– Хорошо, дарите.

Парень залез в карман пиджака, достал позолоченный конверт и протянул его мне.

Я открыл его, а там был чек на 250 тысяч долларов.

– Что *это*? – спросил я.

– Подарок, – ответил парень. – От «MTV».

Я, конечно, не бизнесмен, но понял, что, если обналичу чек на 250 тысяч долларов, то это будет воспринято как подтверждение некой договоренности. Если деньги окажутся у меня на банковском счете, то переговоры о следующих нескольких сезонах пойдут уже совершенно по-другому. Возможно, это на самом деле был *просто* подарок. Может, они и не вели никакой хитрой игры. Но меня этот жест всё равно пугал. В кои-то веки молчала даже Шерон.

«Спасибо большое, – сказал я. – Не могли бы вы отправить его в офис моего адвоката? Такими делами занимается он».

Нашел с кем тягаться, черт подери.

К лету 2002 года у меня сложилось впечатление, что *«Семейка Осборнов»* – самая популярная тема на планете. И стресс из-за этого меня просто убивал. После срыва на президентском ужине для прессы я стал нажираться каждый день. И по-прежнему принимал столько рецептурных препаратов, сколько мне удавалось выманить у медиков, а это *много*. В какой-то момент я принимал сорок две разных таблетки в день: седативные, антидепрессанты, амфетамины, противоприпадочные средства и антипсихотические препараты. Назовите любой аналогичный препарат – я на нем сидел. Я принимал невероятное количество препаратов, и половина таблеток нужна была для противодействия второй половине.

Но ни от одной из них мне, кажется, не становилось лучше. Тремор был настолько ужасен, что я трясся, как эпилептик. Речь была отвратительной. Я даже начал заикаться – такого у меня раньше никогда не было, хотя в семье были заики. Если кто-то задавал мне вопрос, я паниковал, и к тому времени, как слова от мозга доходили до языка, они уже все перемешивались. Из-за этого я только больше нервничал, потому что решал, что это начало конца. Я был уверен, что в один прекрасный день доктор отведет меня в сторонку и скажет: «Мне очень жаль, мистер Осборн, но пришли результаты, и у вас рассеянный склероз». Или болезнь Паркинсона. Или что-то еще, настолько же ужасное.

Я стал много думать на эту тему. Помню, как смотрел отрывки *«Семейки Осборнов»* и *сам* не мог разобрать, что я там говорю. Меня, конечно, никогда не напрягало, что я там выгляжу клоуном, но, когда никто в огромной стране не понимает ни одного гребаного слова из того, что я говорю, – это уже совсем другое. Я почувствовал себя так же, как в школе, когда не мог прочитать текст в книге, а все смеялись надо мной и называли идиотом. Поэтому я стал еще больше пить и принимать еще больше таблеток. Но от алкоголя и наркотиков тремор усилился – хотя я ожидал обратного эффекта, – потому что обычно белая горячка начинается у алкоголиков, когда они *в завязке*, а не когда *пьют*. А таблетки, которые мне давали врачи, должны были унять дрожь.

Казалось, всему этому есть только одно рациональное объяснение.

Я умирал.

Каждую неделю я проходил обследование. Это превратилось в мое новое хобби. Но результаты всегда были отрицательные. Я думал, что, наверное, у меня ищут не те заболевания. Папа-то у меня умер от рака, а не от болезни Паркинсона. И я пошел к специалисту по раку.

«Слушайте, – сказал я ему, – есть ли какой-нибудь высокотехнологичный сканер, который определит, есть ли у меня рак?»

– Какой именно рак?

– Любой.

– Ну, – сказал он. – Есть… вроде как.

– Что значит «вроде как»?

– Есть такой прибор. Но им нельзя воспользоваться еще как минимум пять лет.

– Почему?

– Потому что его еще не закончили изобретать.

– А можно тогда что-то сделать?

– Всегда можно сделать колоноскопию. Хотя, знаете, я не вижу никаких предпосылок…

– Неважно, – сказал я. – Давайте сделаем.

И он дал мне набор для подготовки к процедуре. Набор представлял собой четыре бутылки жидкости, из которых две нужно было выпить днем, потом просраться, промыть кишку, выпить еще две, снова просраться, снова промыть кишку, а потом ничего не есть двадцать четыре часа. К концу процедуры через мою жопу можно было увидеть дневной свет, настолько там было чисто. Потом я вернулся к врачу.

Сначала он велел мне лечь на стол и подтянуть колени к груди. «Так, – говорит он. – Сначала я дам вам демерол. Потом введу камеру в ректальное отверстие. Не волнуйтесь: вы ничего не почувствуете. И я всё запишу на DVD, чтобы вы могли потом посмотреть его на досуге».

– О'кей.

Он делает мне укол, и, пока я жду, когда вырублюсь, я замечаю рядом огромный плоский телевизор. Потом вдруг что-то размером с небольшой дом входит мне в зад. Я визжу и зажмуриваюсь, а, когда снова открываю глаза, вижу в телевизоре изображение большой красной пещеры в высоком разрешении.

– Это у меня в жопе? – спрашиваю.

– Какого *черта* вы не спите? – спрашивает врач.

– Не знаю.

– Разве вы не чувствуете опьянения?

– Не особо.

– Совсем?

– Не-а.

– Тогда я вколю вам еще демерола.

– Как скажете, док.

И он делает мне еще укол. *А-а-ах*. Через две минуты он спрашивает: «Как себя чувствуете?»

– Хорошо, спасибо, – отвечаю, не отрываясь от фильма *«Путешествие к центру моей жопы»* по телевизору.

– Господи *боже*, – говорит он. – Вы *всё еще* в сознании? Я сделаю вам еще укол.

– Валяйте.

Проходит еще пара минут.

– А теперь, мистер Осборн? Моргните, если слышите меня!

– Моргнуть? Почему я не могу просто сказать?

– Это невозможно! Вы не человек!

– Как я могу заснуть в такой момент? – говорю. – В любую минуту вы найдете там какие-нибудь давным-давно потерянные запонки, или часы, или колготки Шерон.

– Вы не должны находиться в сознании. Я сделаю вам последний ук…

Темнота.

Когда всё закончилось, врач сказал, что нашел у меня в кишечнике пару аномальных наростов – они называются полипами – и ему нужно отправить их в лабораторию на исследование. Не о чем беспокоиться, сказал он. И оказался прав, потому что, когда пришли результаты, всё было хорошо.

Но потом я решил, что Шерон тоже нужно сделать колоноскопию, потому что она никогда не ходила на регулярный медосмотр. В конце концов, я ее так достал, что она наконец согласилась пройти процедуру перед тем, как лететь с детьми в Нью-Йорк на съемки. Когда пришли результаты, она всё еще была там. На этот раз они не были хорошими: в лаборатории нашли «раковые опухоли». Но то, как мы узнали эту новость, было не менее неприятно, чем сама новость. Женщина из хирургии позвонила Шерон на рабочий номер в Лос-Анджелесе и оставила голосовое сообщение. Результаты должен был бы сообщить ей *я*, причем лично. Вместо этого она

узнала результаты, когда девушка из офиса позвонила ей сообщить все рабочие дела за день: «О, и кстати, ты сидишь? У тебя рак».

Первым делом Шерон позвонила мне.

– Оззи, пожалуйста, не волнуйся, – сказала она. – Сегодня вечером я возвращаюсь домой, а завтра еду в больницу.

Наступила оглушительная тишина.

– Оззи, все будет хорошо. Прекрати волноваться.

– Я не волнуюсь.

Как только она повесила трубку, я буквально упал на пол и завыл. Когда я рос, никто *никогда* не излечивался от рака. Ну, врачи всегда говорили человеку, что он будет жить, но все знали, что это просто брехня, чтобы его успокоить.

Мне пришлось взять себя в руки, чтобы дождаться, когда самолет Шерон приземлится в Лос-Анджелесе. Поэтому я принял душ, побрызгался новеньким лосьоном, который Шерон обожала, и оделся в черный вечерний костюм с белым шелковым шарфом. Хотел выступить перед женой писаным красавцем.

Потом я поехал в аэропорт. Когда Шерон наконец вышла из самолета с детьми и собаками, мы обнялись и расплакались прямо у трапа. Сколько бы я ни пытался держаться молодцом, я был разбит к чертовой матери. Я и так был довольно плох *еще до* этого ракового кошмара, но он словно столкнул меня в бездну. Мои врачи работали сверхурочно и выписывали повышенные дозы всего, чего только можно. У меня было ощущение, что голова парит в метре над плечами. «Я справлюсь», – сразу сказала мне Шерон.

Потом мы поехали домой, где нас ждала команда MTV». Они сказали: «Слушайте, вы в полном праве отправить нас всех отсюда подальше. Будет, как вы скажете, вам решать!

Но Шерон не собиралась ничего отменять.

«Это же *реалити*-шоу, – сказала она. – И реальнее не будет, черт побери. Не выключайте камеры».

Какое же надо иметь мужество, чтобы ответить подобное. Такова моя жена. Крепкий орешек.

Сейчас я понимаю, что в июле 2002 года у меня был полномасштабный нервный срыв, который только десятикратно усилился из-за всего того дерьма, что я заталкивал себе в глотку круглые сутки. Недостаточно сказать, что я люблю Шерон. Я обязан Шерон жизнью. Мысль о том, что я могу ее потерять, была невыносима. Но я никогда не сдавался. Когда происходит что-то очень плохое, вокруг тебя словно образуется силовое поле, и то, что

в другое время вывело бы тебя из себя, больше не имеет значения. Это трудно описать – я просто перестроил работу мозга.

3 июля 2002 года Шерон сделали операцию. Когда всё закончилось и раковые опухоли удалили, врач сказал, что она полностью поправится. Но пока они там копались, они взяли пару лимфоузлов на анализы. Через несколько дней лаборатория подтвердила, что рак распространился и на лимфоузлы. Значит, худшее было впереди. Тогда я этого не знал, но шансы, что Шерон выживет, составляли всего около 33 процентов. Я только знал, что ей придется несколько месяцев проходить кошмарную химиотерапию.

Это были самые темные, несчастные, ужасные дни в моей жизни. Даже представить не могу, каково было самой Шерон. У нее почти сразу стали выпадать волосы, и ей пришлось носить парики. Каждый раз после химиотерапии она возвращалась домой обезвоженной, потому что ее постоянно рвало и у нее случались судороги. В первый день после больницы она была не в себе, весь второй день находилась в прострации, а на третий день у нее были судороги. И с каждым разом они только усиливались.

Однажды вечером мы с детьми ходили поужинать, а когда вернулись, Шерон была плоха как никогда: вместо одного приступа судорог у нее они шли один за другим. Мне стало чертовски страшно. Ждать «Скорую» не было времени, поэтому я побежал в форт Апачи и закричал парням с «MTV»:

– Подгоните один из своих грузовиков. Нужно везти Шерон в больницу! Прямо сейчас, будет ждать «Скорую» – станет слишком поздно.

Потом я побежал обратно в спальню, взял Шерон на руки и спустился вниз.

Когда мы вышли на улицу, эмтивишники уже подогнали грузовик. Двое членов команды сели впереди, а я залез назад – к Шерон. Мы привязали ее к каталке, но она подскакивала на ней просто с невероятной силой. Это было дико, как в фильме *«Изгоняющий дьявола»*. Спазмы были настолько интенсивными, что она словно левитировала. Когда мы домчались до больницы – за три минуты, – все медсестры забегали и закричали. Это была ужасная сцена, худшая, какую себе только можно представить.

После этого я нанял целую команду медсестер, чтобы ухаживали за Шерон на Дохени-роуд, потому что не хотел, чтобы ей пришлось снова проходить через такое. Еще я поручил агенту позвонить Робину Уильямсу, чтобы спросить, не захочет ли он прийти

поддержать Шерон. Я всегда считал, что смешить того, кто болеет, – лучшее лекарство. А когда я посмотрел фильм *«Патч Адамс»*, где сыграл Робин, я решил, что он считает так же. В общем, однажды, когда я уехал в студию, он приходил к нам, и Шерон смеялась до слез весь день. По сей день я считаю, что это лучший подарок, который я когда-либо делал своей жене, и я навсегда в долгу перед Робином. Одного спасибо за это далеко не достаточно, так ведь? Он правда замечательный человек. Но, несмотря на комедийное представление Робина, в тот вечер у Шерон опять случились судороги, и ее снова забрали в больницу.

Когда Шерон была в больнице, у меня случилась страшная паника. А вдруг она подцепит какой-нибудь случайный микроб, заразится и умрет, думал я. Сначала я велел детям носить маски и перчатки, когда они общаются с мамой. Но они притаскивали с собой собак, и это просто сводило меня с ума. Минни, собака Шерон, не отходила от нее ни на секунду во время всей химиотерапии. Я ни разу не видел, чтобы Минни ела. Ни разу не видел, чтобы она писала. К концу лечения собака была настолько же обезвожена, как и Шерон. Как-то раз я пришел в больницу, а они лежат там рядом с одинаковыми капельницами. Минни стала для Шерон ангелом-хранителем. А вот ко мне собаченция была строга. Ну, не любила она всех мужчин и точка. Даже находясь на последнем издыхании, эта собачонка всегда находила силы порычать на меня. Последним в жизни Минни стал один из ее испепеляющих взглядов в мою сторону, как будто она хотела фыркнуть.

Я сам физически страдал во время болезни Шерон, но в моем случае это было самоистязание. Утром я выпивал ящик пива, в обед выкуривал хренову тонну травы, потом пытался снова проснуться с помощью спидов, а потом шел на пробежку. По крайней мере, это немного затуманивало реальность, но в конце концов я превратился в разбитую оболочку человека. Потом как-то раз Шерон сказала мне: «Ради Бога, Оззи, иди дай пару концертов. Ты всех сводишь с ума».

Так я и сделал. К тому моменту я уже пропустил несколько концертов на фестивале «Ozzfest», но появился на сцене 22 августа в Денвере. Я так нервничал, что никому не позволял даже упоминать о раке. Едва я слышал хотя бы слово на букву «р», мне становилось страшно. Но через несколько дней, когда мы были в другом городе, – не спрашивайте, в каком, – где-то в середине

концерта, я подумал: черт побери, я больше не могу носить все это в себе. Поэтому я крикнул залу: «Я хочу рассказать вам, как дела у Шерон. У нее все хорошо, и она намерена победить рак. Она надерет ему чертов зад!»

Зрители просто сошли с ума. Клянусь Богом, они мне дали столько сил. Это был волшебный момент! Сила людей, когда они сосредотачиваются на чем-то позитивном, не перестает меня поражать. Через несколько дней после этого я пошел к физиотерапевту проконсультироваться кое о чем. «Я хочу вам рассказать, – начал он. – По вашим глазам я вижу, что вы в ужасе, но хочу, чтобы вы знали, что десять лет назад у меня было то же, что у вашей жены. И я полностью вылечился».

– Вы пережили химиотерапию? – спросил я.

– У меня даже не было химиотерапии, – ответил он.

Это была первая по-настоящему радостная новость, которую я услышал в связи с болезнью Шерон. Или, по крайней мере, первая радостная новость, которую я вообще *слышал*. В моем понимании рак приравнивался к смерти. И думаю, многие считали так же. Они говорили: «Мне очень жаль, что это случилось с Шерон», – и даже не смотрели в глаза, как будто *знали*, что она умирает. Но этот парень говорил по-другому, и в тот момент мое представление о болезни совершенно изменилось.

И врач был прав: когда химиотерапия закончилась, рак, похоже, исчез.

Помню, как пришел в больницу, а один из врачей сказал мне: «Чтобы вы правильно понимали – вашей жене придется столько же времени восстанавливаться после химии, сколько понадобилось на лечение от рака».

А я сказал: «Дайте я *вам* кое-что скажу о моей жене. В ту же секунду, как вы ее отпустите, она вскочит и убежит, и ее уже не остановить».

– Я не хочу спорить, мистер Осборн, – сказал он. – Но, поверьте, у нее будет не так много сил.

Через неделю ее отпустили. И она рванула оттуда так, что только пятки засверкали.

* * *

К тому моменту, когда мы начали снимать *«Семейку»*, Шерон не

общалась с отцом уже почти двадцать лет. Это было ужасно грустно, так как я знал, что в глубине души она его любила. Но после всего, что он сделал, Шерон перестала с ним разговаривать. Она даже детям сказала, что их дед погиб во время войны, хотя скоро они всё равно узнали правду. Я даже помню день, когда это произошло: мы все ехали в машине по Беверли-хиллз, как вдруг Шерон ударила по тормозам, развернулась в неположенном месте и подъехала к гастроному «Nate 'n Al's delicatessen».

Никто еще даже не успел спросить, какого черта она делает, как Шерон уже высунулась в окно и заорала: «Ты чертов ублюдок! ГРЕБАНЫЙ МУДАК!»

Потом я увидел на улице Дона. Он заорал на нее в ответ. Последнее, что я помню, – как он подошел к нашей машине, встал в нескольких сантиметрах от лица Шерон и назвал ее «гребаной шлюхой». Потом Шерон ударила по газам и умчалась, а он всё кашлял и плевался, стоя в облаке черного дыма от колес.

В машине тем временем царила гробовая тишина. Я был, черт побери, без понятия, как объяснить детям, что только что произошло. Потом с заднего сиденья раздался тоненький голосок Эйми.

«Мама, почему Тони Кертис назвал тебя шлюхой?» – «ПОТОМУ ЧТО ТОНИ КЕРТИС ГРЕБАНЫЙ УБЛЮДОК», – последовал ответ.

Я до сих пор без понятия, почему Эйми приняла Дона за Тони Кертиса. Может, так ей сказала Шерон, а может, она видела Тони Кертиса по телику – в то время они с Доном действительно были похожи как две капли воды. Но это не имело значения, потому что тогда Шерон рассказала детям всё.

Мы не один раз сталкивались с Доном в Лос-Анджелесе. Однажды ходили в кино в торговом центре «Сенчери Сити» и ждали на улице парковщика, который должен был подогнать нашу машину. И вдруг я увидел Дона позади Шерон.

– Пообещай, что не будешь сходить с ума, – сказал я ей.

– *А что такое?*

– Просто пообещай мне.

– Ладно, обещаю.

– Прямо за тобой стоит твой отец.

В этот момент парковщик подогнал машину. Слава Богу, подумал я.

– Садись в машину, – рявкнула Шерон.

– Ты ведь не собираешься делать ничего безумного? – спросил я

ее.

– Нет.

– Уверена в этом?

– САДИСЬ, БЛЯДЬ, В МАШИНУ.

Я сел на пассажирское сиденье и закрыл дверь. Шерон села за руль и превратилась в дьяволицу. Она опустила педаль газа в пол, заехала на бордюр и помчалась прямо на отца. Ему пришлось нырнуть в кусты, чтобы убраться с дороги. Шерон его чуть не убила – и там было около пятидесяти очевидцев. Это было ужасно.

После этого мы несколько лет ничего не слышали о Доне. Потом, в конце девяностых, умерла мать Шерон. Я не знаю подробностей, но мама Шерон тоже завернула пару поганок, и в результате Шерон с ней тоже не разговаривала. В семье Арденов царило серьезное напряжение. Они всегда друг друга оскорбляли – а это, как мне кажется, еще хуже физического насилия. В общем, примерно через год после смерти матери мы узнали от ее родственников в Англии, что Дон слег с тяжелой болезнью. Несмотря на то что они всё еще не разговаривали, Шерон нашла ему жилье поблизости. Потом мне позвонил Дэвид, брат Шерон. «У меня плохие новости, – сказал он. – У Дона болезнь Альцгеймера».

Я *не мог* не рассказать про это Шерон.

Сначала она только отмахнулась и ответила, что и так поддерживает его финансово. Но я сказал ей: «Слушай, не знаю, какие у тебя на самом деле чувства к отцу, но я тебе настоятельно советую, если есть, что ему сказать, даже если тебе хочется просто назвать его козлом, сделай это сейчас. Потому что с каждым днем он будет угасать».

Дело в том, что я никогда не верил во вражду. Не поймите меня неправильно: бывало, я сам злился на людей. Я *очень* злился, например, на Патрика Мехена или на того адвоката, который пытался выставить мне счет за выпивку, или на Боба Дэйсли. Но я не испытываю к ним ненависти и не желаю ничего плохого. Я считаю, что ненависть – бесполезная трата времени и сил. Что ты получаешь в итоге? Ничего. Я не строю из себя какого-то архангела Гавриила. Просто думаю, если на кого-то злишься – обзови его уродом, а потом забудь об этом и живи дальше. Нам не так долго жить на этой земле.

В общем, Шерон наконец решила увидеться с отцом, и он снова вернулся в нашу жизнь и даже попал в пару эпизодов *«Семейки»*. Я был этому рад – несмотря на то, что он всю жизнь называл меня

Овощем. Потом, когда Шерон решила, что нам стоит снова произнести свои свадебные клятвы, – она тогда еще проходила химиотерапию – мы пригласили Дона на церемонию в канун Нового года в отель в Беверли-хиллз. Мы провели ее в еврейском стиле – с небольшим балдахином, битьем бокалов и всем прочим.

В тот вечер многие подходили ко мне и спрашивали: «Как вам с Шерон удается так долго оставаться вместе?» А я отвечал так же, как отвечу сейчас: я постоянно говорю жене, что люблю ее; я постоянно приглашаю ее на ужин в ресторан; я постоянно удивляю ее небольшими подарками. К сожалению, тогда я еще постоянно пил и принимал наркотики, так что церемония прошла почти так же, как и сама наша свадьба: я накидался в дрова и заснул в коридоре.

Дон Арден, которого я знал с начала семидесятых, исчез. Свет горел, но никого не было дома. Это ужасная смерть. Насмотревшись на то, во что Альцгеймер превратил моего тестя, я бы не пожелал этой болезни и гребаному злейшему врагу. Несмотря на всё то, что произошло между нами за многие годы – даже несмотря на то, какую роль он сыграл в деле с Бобом Дэйсли, – мне было искренне жаль Дона в последние годы.

В конце концов мы поместили его в хоспис.

Помню, что в ушах у него постоянно образовывались серные пробки, и, когда мы его навещали, я капал ему ушные капли. Не знаю, почему я решил, что должен это делать – просто я это делал. Думаю, это как-то связано с огромной жалостью, которую я к нему испытывал. Такой злой, могущественный, страшный человек превратился в ребенка.

– Папа, – сказал однажды Джек. – Как ты думаешь, когда тебя показывают по телику, люди смеются *с* тобой или *над* тобой?

Вопрос, очевидно, беспокоил его уже давно.

– Знаешь, что, – сказал я ему. – Пока они смеются, мне всё равно.

– Но почему, пап? Тебе нравится быть клоуном?

– Потому что я всегда умел смеяться над собой, Джек. Смех помогал мне жить все эти годы.

И это правда. Меня не так сложно разозлить – хотя, чем я старше, тем больше думаю – к черту всё. Однажды всё равно всё получится. Но смех так часто спасал мне жизнь, что я сбился со счета. И началось это задолго до *«Семейки Осборнов»*. В Black Sabbath я уже был клоуном. Я всегда смешил остальных.

Но мне стало жаль Джека.

Ему, должно быть, было нелегко, особенно в первые два года съемки шоу, когда я весь трясся, бормотал себе под нос и был вечно пьяной развалиной. Если честно, даже представить не могу, каково ему было. То же самое касается Келли. Когда мы все стали мегазнаменитостями, я впервые осознал, почему юные голливудские звезды накачиваются наркотиками и через день ездят в реабилитационную клинику. Давление, которое испытываешь, просто до нелепого огромно. Причем без перерыва. Ежедневно. В первый год нашего шоу Келли исполняла песню «Papa Don't Preach» на церемонии вручения кинонаград «MTV». Ей нужно было спуститься по огромной лестнице на глазах у пялящихся на нее кинозвезд. Но она взяла быка за рога. И конечно, в итоге наслаждалась каждой минутой, проведенной на сцене, так же как и зрители.

Но у нее были проблемы, как у всех нас. И у меня просто сердце разрывалось, когда Джек тоже начал пить. Для него болезнь Шерон стала таким же тяжелым ударом, как и для меня, и дошло до того, что он стал принимать оксикодон, который в Лос-Анджелесе называют «героином для лохов». Помню, у нас из-за этого был страшный скандал, и я сказал: «Какого хрена, Джек? Почему ты всё время упарываешься? Ты никогда ни в чем не знал отказа! *В чем ты когда-нибудь нуждался?*

Он посмотрел на меня и ответил: «В отце».

Никогда не забуду этот момент.

Тогда я впервые осознал, какую цену заплатил за то, что жил так все эти годы. И какую цену за это заплатил мой сын, которого я так любил, которым так гордился, но для которого был плохим отцом. Ужасное чувство.

Я только и смог сказать: «Прости, Джек». После этого Джек завязал. А я нет.

К августу 2003 года меня так сильно трясло, что я не мог ходить, не мог ничего держать в руках и не мог разговаривать. Дошло до того, что Шерон стала злиться на моих врачей. От тех препаратов, что они мне давали, казалось, мне было только *хуже*, и никак не лучше.

И у меня появился новый врач, Аллан Роппер, который работал в той же клинике в Бостоне, где в начале девяностых мне сказали, что у меня нет рассеянного склероза. Он тогда занимался лечением болезни Паркинсона у Майкла Джея Фокса, а Шерон прочла об этом

статью в журнале *«People»*. Когда мы прилетели к нему на прием, первым делом Аллан выбросил все таблетки, на которых я сидел. Потом положил меня в больницу на пять дней и провел все мыслимые и немыслимые исследования. После этого я еще неделю ждал результатов.

Наконец мы с Шерон опять пришли к нему в кабинет, чтобы выяснить, что со мной не так, раз и навсегда.

– Кажется, я докопался до сути, – сказал Аллан. – В общем, мистер Осборн, у вас очень, очень редкое заболевание, причина которого в том, что у обоих ваших родителей в ДНК повреждена одна и та же хромосома. Под очень редким я подразумеваю один случай на миллиард. Хорошая новость в том, что это не рассеянный склероз и не болезнь Паркинсона. Плохая новость в том, что у нас даже нет названия такому заболеванию. Пожалуй, больше всего подходит синдром паркинсонизма».

– Это из-за него у меня тремор?

– Точно.

– И он наследственный? Он не имеет ничего общего с выпивкой или наркотиками?

– Алкоголь и некоторые наркотики определенно его усугубляют. Но не являются основной причиной.

– Его можно лечить?

– Да. Но сначала я должен вам кое-что сказать, мистер Осборн. Если вы не бросите пить и употреблять наркотики, вам придется найти себе другого врача, потому что мне не нужен такой пациент. Я занятой человек, ко мне очень большая очередь, и я не могу себе позволить тратить время впустую.

Я раньше никогда не разговаривал с таким врачом. И по тому, как он на меня смотрел, я понял, что он говорит серьезно.

– Хорошо, док, – сказал я. – Я буду стараться изо всех сил.

– Договорились. Вы будете принимать по две таблетки в день, и скоро ваше здоровье значительно улучшится.

В действительности позитивные сдвиги наступили гораздо раньше.

Мой тремор успокоился почти за день. Я снова мог ходить. Я перестал заикаться. Мне даже удалось вернуться в студию и записать с Келли новую версию песни «Changes».

Я обещал записать с Келли песню еще с тех пор, как назвал одну песню в альбоме *«Ozzmosis»* в честь Эйми. Моя Келли постоянно повторяла: «Почему это у Эйми есть песня, а у меня нет?» Для Джека

я тоже записал песню – «My Little Man», которая тоже вошла в альбом *«Ozzmosis»*. Так что Келли я задолжал – и в любом случае хотел ей помочь, потому что она у меня особенная девочка, понимаете? Я хочу сказать, что одинаково люблю всех своих детей, но Келли почему-то всегда оказывалась последней в очереди.

Так вот, мы записали «Changes», одну из моих любимых песен всех времен, слегка изменив слова, чтобы они подходили для отца и дочери. Получилось так здорово, что я подумал, что, возможно, мы записали рождественский хит. Потом в декабре полетели обратно в Англию, чтобы его продвигать. К тому времени я уже не пил – по распоряжению доктора Роппера, – но всё равно баловался всевозможными таблетками. Нельзя просто взять и перестать за один день быть наркоманом. Каждый день у меня был похож на русскую рулетку. В то время я сидел на хлоралгидрате, который является старейшим снотворным в мире. Но всё равно это значительный прогресс по сравнению с тем немыслимым количеством наркотиков, которое я принимал всего несколько месяцев назад, и мы с Келли без проблем приняли участие в программе *«Top of the Pops»*. Потом я поехал со своим помощником Тони на выходные в Уэлдерс Хаус.

Съемочная команда «MTV» была уже там, потому что к тому времени наша повседневная жизнь в доме всем наскучила, и телевизионщики отчаянно искали новый материал. Но снимать было особо нечего. У меня был мощный квадроцикл «Ямаха Банши 350cc» – этакий снаряд на колесах, – и я часами гонял на нем по полям. Большую часть выходных я занимался только этим. И в понедельник утром, 8 декабря – когда песня «Changes» поступила в продажу, – я рассекал на нем как всегда.

Думаю, к этому моменту съемочная команда немного разочаровалась. Они даже выключили камеры. Помню, как слез с квадроцикла, чтобы открыть ворота, потом закрыл их, когда все прошли, опять залез на квадроцикл, понесся по грязной дороге, а потом ударил по тормозам, когда спускался по крутому склону. Но беда в том, что у квадроцикла нет ручки газа, как у мотоцикла. Только рычажок, который нажимаешь вперед-назад и едешь быстрее или медленне. И очень легко нажать на него случайно, пока пытаешься удержать квадроцикл, особенно когда он держится неустойчиво. Именно это и произошло, когда я доехал до низа берега: передние колеса попали в выбоину, моя правая рука соскользнула с ручки и нажала на рычажок, мотор взревел как

безумный, квадроцикл вылетел из-под меня и перевернулся в воздухе, а меня сбросил на траву. Примерно миллионную долю секунды я думал, что всё не так уж плохо.

А потом сам квадроцикл всеми четырьма колесами рухнул на меня.

Хрусть.

Когда я открыл глаза, у меня в легких было полно крови, а шея сломана – так потом сказали мне врачи.

«Ясно, *теперь* я точно помру», – подумал я.

Верьте или не верьте, но во всем этом виноваты нацисты. Та выбоина в земле была небольшой воронкой от немецкой авиабомбы, которую сбросили во время войны. Тогда я этого не знал, но, оказывается, вокруг Уэлдерс Хауса их полно. Немецкие летчики приссывали долетать до крупных городов, где их могли сбить, и сбрасывали бомбы на Бакингемшир, докладывали о выполнении задания и сваливали домой.

Следующие две недели жизни я почти не помню. Первые несколько часов я всё время то приходил в сознание, то снова отключался. У меня есть смутное воспоминание о Сэме, моем охраннике, который поднял меня, положил к себе на квадроцикл и повез через поле. Потом я помню какие-то проблески сознания о машине «Скорой помощи» и о куче докторов.

– Как вы доставили его в скорую? – спросил один из них.

– Положили его на квадроцикл, – ответил голос, который я не узнал.

– Его могло парализовать! Господи Боже, у него же *шея* сломана. Ему крупно повезет, если он снова сможет ходить.

– Но как нам *надо было* вывезти его из леса?

– За ним уже вылетел вертолет.

– *Мы этого не знали*.

– Ну, ясно.

А дальше всё как в тумане.

Как оказалось, последнее, что я сделал перед тем, как потерять сознание, – это потянул врача за рукав и прошептал ему на ухо: «Что бы вы ни делали – не испортите мне татуировку».

Шерон была в Лос-Анджелесе, поэтому Тони позвонил ей и дал трубку главному врачу. Он всё рассказал, и они договорились, что меня отправят в хирургию.

Ранен я был очень серьезно. Кроме шеи, сломал еще восемь

ребер и проколол легкие, поэтому в них заливалась кровь. А еще сломалась ключица, перерезав при этом главную артерию на руке, поэтому в нее не поступала кровь. Какое-то время врачи думали, что им придется отрезать руку совсем. После операции меня ввели в искусственную кому, потому что только так мой организм мог перенести боль. Если бы я тогда окочурился, то такой конец был бы мне как раз под стать: я ведь всю жизнь пытался войти в такую «искусственную кому». Меня продержали в ней восемь дней. Потом начали медленно приводить обратно в сознание. Еще шесть дней ушло на то, чтобы я полностью очнулся. И всё это время мне снился самый что ни на есть гребаный безумный сон. Он был таким ярким и правдоподобным, что больше напоминал галлюцинацию. Могу сказать только, что медики накачали меня какой-то первоклассной наркотой, потому что я до сих пор помню этот сон в мельчайших деталях, как будто это произошло вчера.

События начинались в Монмутшире, где мы репетировали с Black Sabbath и я начинал работать сольно. Дождь лил как из ведра. Я стоял в коридоре в студии «Rockfield», передо мной простирался забор в камуфляжной сетке, как в окопах во время Второй мировой войны. Слева – окно. Я посмотрел в него и увидел в нем Шерон на вечеринке. Она меня не видела, а я ее видел. После вечеринки я пошел за ней и увидел, как она встречается с красивым богатым парнем, у которого свой самолет. Во сне я подумал – вот моя жена, и она от меня уходит. Мне было ужасно грустно. У этого парня на заднем дворе была посадочная полоса, а в конце полосы лежало большое ружье. Потом он вдруг меня видит, и я дарю ему телескопический прицел ночного видения, потому что хочу ему понравиться. Парень велит мне валить на хрен, и я снова почувствовал себя отвергнутым. В этот момент все гости с вечеринки прибегают на лужайку. Толпа всё растет, пока не превращается в большой музыкальный фестиваль.

Появляется Мэрилин Мэнсон. Полная бредятина, приятель.

Потом я оказываюсь в самолете этого богатого парня, который летит в Новую Зеландию, а на борту подают разливной «Гиннесс». Думаю, это как-то связано со свадьбой моего сына Луиса в Ирландии, на которую я не попал, потому что лежал в больнице. В Новой Зеландии был канун Нового года. Там был Джек – у него были совершенно высветленные волосы, и он пускал петарды. Потом его арестовали.

Тут во сне появляется Donovan и начинает играть «Mellow

Yellow».

Еще более странным этот сон делало то, что я время от времени приходил в сознание, и некоторые его моменты пересекались с реальностью. Например, во сне я думал, что живу рядом с закусочной, но на самом деле моя кровать была недалеко от больничной кухни, поэтому я чувствовал запах еды. Потом я увидел своего гитариста Зака Уайлда – что во сне мне показалось невозможным, потому что он жил в Америке. Но, как потом оказалось, он на самом деле прилетал меня навестить.

Еще я видел, как он в платье с оборочками танцует со шваброй и ведром.

Но вот этого уже на самом деле *не было*.

Во всяком случае, я думаю, что не было.

«Оззи, *Оззи,* ты меня слышишь?» – это была Шерон.

Почти через две недели меня наконец вывели из комы.

Я открыл глаза.

Шерон улыбнулась и коснулась лица носовым платком. «У меня для тебя новости», – сказала она, сжав мою руку.

– Мне приснился сон, – сказал я ей, прежде чем она успела продолжить. – Ты ушла от меня к богатому парню с самолетом.

– О чем ты говоришь, Оззи? Не глупи. Никто ни от кого не уходит. Все тебя любят. Ты должен посмотреть на цветы, которые тебе принесли поклонники. Ты будешь тронут. Они прекрасны.

Она снова сжала мою руку и сказала: «Ты хочешь узнать новости?»

– Ну что? Дети в порядке?

– Вы с Келли заняли первое место. Вы наконец-то это сделали, черт побери.

– С песней «Changes»?

– Да! Ты даже рекорд побил, Оззи. Ни у кого еще путь по чартам на самую вершину не занимал тридцати трех лет. Только Лулу приблизилась к этому результату.

Мне удалось улыбнуться.

– Ты так пытаешься поднять мне настроение? – спросил я. И засмеялся.

Не очень хорошая идея, когда у тебя сломано восемь ребер.

Вообще-то я терпеть не могу Рождество. Конечно, если ты алкоголик или просто не дурак выпить, то Рождество – лучшее, что есть на свете. Но если человек не пьет, то тут сплошное мучение. А

еще меня бесит тот факт, что каждому надо купить подарок. Не потому, что я жадный, а потому что надо сделать, потому что так принято, а не по желанию.

Я всегда считал, что это полная чушь.

Но Рождество 2003 года стало исключением. Может, мы с Келли и не заняли первое место – Майл Эндрюс и Гэри Джулс обогнали нас в последнюю неделю со своим кавером на песню «Mad World». Зато я выжил. Что вообще невероятно, если задуматься. Единственное, о чем я грустил в Рождество, – это то, что ни один из моих старых друзей из оригинального состава Black Sabbath не позвонил мне и не сказал, что им нравится песня «Changes», или просто не поздравил с этим событием. Даже если бы они позвонили и сказали, что это не песня, а кусок дерьма, всё же было бы лучше, чем молчание. Неудивительно, что в Монмутшире шел такой сильный дождь, пока мне снился сон.

Ну и ладно, приятель. Ничего страшного.

Больница Уэксхем-Парк, где я лежал в коме, была лучше некуда. Но под конец я все-таки разругался с врачебным персоналом. Я хотел домой, потому что уже належался, но получил в ответ, что домой мне нельзя ни в коем случае. Тогда я еще не мог ходить, на шее у меня был бандаж, рука безжизненно болталась, и я пребывал в мучительной агонии. Но тот чертов сон не давал мне покоя. Я вбил себе в голову, что Шерон летает по миру на частном самолете с джакузи, и ее трахает какой-то миллиардер. Я решил, что пока я в больнице, мне ее не вернуть. Но к тому времени, как Шерон примчалась в больницу с детьми, чтобы в миллионный раз сказать, что всё хорошо и это просто сон, было уже поздно: мне удалось выписаться. Так что Шерон пришлось поставить мне больничную койку в Уэлдерс Хаус и нанять медсестру, чтобы вытирала мне жопу и стряхивала член. Несколько недель я мог передвигаться по дому только на кресле-каталке, на ночь меня относили наверх спать.

Наконец я совершенно поправился, хотя этого особенно никто не ожидал. Кратковременная память у меня ухудшилась, может, из-за возраста, а может, из-за снотворного. И в грудной клетке по сей день полно винтиков, болтиков и металлических прутьев. Когда я прохожу через металлодетектор, тот орет так, что Пентагон трубит тревогу.

Но мне грех жаловаться, понимаете? Помню, как я вернулся в Америку впервые после той аварии и пошел к врачу на осмотр. Он просветил мне грудь ренгеном, посмотрел на снимок и присвистнул.

– Хорошая работа, – сказал он. – Наверное, это дорого. Во сколько обошлось? В семизначную сумму? Восьмизначную?

– Вообще-то, ни во сколько, – ответил я.

Он не верил своим ушам.

– Что вы имеете в виду?

– Национальная служба здравоохранения, – сказал я, пожав плечами.

– Матерь Божья, – удивился он. – Неудивительно, что вы, англичане, терпите такую погоду.

Как только я встал с кресла-каталки и снял бандаж, настало время пересматривать контракт с «MTV» – *в который раз*. Я бы не выдержал еще один сезон *«Семейки»*.

Хватит – значит, хватит.

К тому времени «MTV» уже всё равно испортили передачу, пытаясь выжать из нее последние деньги. Было такое ощущение, что ее показывают круглые сутки. А когда так переусердствуешь, людям становится скучно. Хочется, чтобы люди дома говорили: «О, девять часов. Пора смотреть *«Осборнов»*. Хочется, чтобы они бросали свои дела и шли смотреть шоу. Но когда ее показывают каждый вечер, они думают: «*Да ну,* завтра будет повтор». То же самое произошло с передачей *«Who Wants to be a Millionaire?»*. По началу она была великолепна, а потом от нее уже некуда было деться.

Еще одна проблема в том, что за три года мы сняли всё, что только могли снять, поэтому в последнем сезоне пришлось идти на ухищрения. И мы стали так знамениты, что каждый раз, как выходили из дома, нас окружала толпа людей. Всё стало слишком искусственным, а это прямо противоположно тому, ради чего изначально задумывалась *«Семейка»*.

И шоу закончилось. К 2005 году передачу закрыли, форт Апачи разобрали, и команда уехала. Вскоре после этого съехали Джек и Келли. Но мне нравится думать, что мы оставили свой след на телевидении. Особенно на «MTV». Они так полюбили всякие реалити-шоу, и теперь приходится не спать до трех часов ночи, чтобы застать хотя бы один музыкальный клип. Конечно, многие пытались поиметь что-то с *«Семейки Осборнов»*, когда она уже закончилась. Но я никогда не сомневался в том, кто ее *истинные* создатели.

Это сами Осборны.

Одним из больших преимуществ шоу стало то, что Шерон удалось продолжить успешную карьеру на телевидении. После того, как она прошла химиотерапию, всё, чего я хотел, – чтобы она была счастлива. Когда ей предложили стать судьей в передаче *«The X Factor»*, она с радостью согласилась. А когда Шерон решила уйти из передачи через четыре сезона, я сказал ей: «Слушай, ты точно уверена, что хочешь это сделать? Если да, то я тебя полностью поддерживаю». И в конце концов, для нее всё сложилось к лучшему, потому что сейчас она с удовольствием снимается в передаче *«America' s Got Tallen»*.

Должен признаться, я думал, что моя жизнь станет чуть более нормальной, когда *«Семейка Осборнов»* закончится. Ага, никаких, черт возьми, шансов. Для начала Уэлдерс Хаус три раза чуть не сгорел. Потом я чуть не убил грабителя среди ночи у себя в ванной.

Клянусь, такое безумное дерьмо случается только со мной.

Если бы не мой чертов мочевой пузырь, я бы этого парня даже не увидел. Но я всю ночь швандраю туда-сюда. А все потому что пью слишком много жидости, даже когда не бухаю. Я завариваю себе чашку чая размером с супницу. И выпиваю больше десяти таких в день. Что бы я ни делал, всё делаю сверх меры.

В общем, взлом случился перед рассветом в понедельник, 22 ноября 2004 года. Я проснулся, чтобы отлить, и, к счастью, до этого принял только свои обычные таблетки, так что не шатался и не сшибал углы. Я встал с кровати и голышом побрел в ванную, где расположена ниша с небольшим туалетным столиком. Включил свет, поднял сиденье и случайно бросил взгляд на этот туалетный столик.

Он был там: парень ростом с меня, с головы до ног одет в черное, на лице хоккейная маска – присел на корточки, но спрятаться ему было негде.

Трудно описать, какой страх испытываешь в момент, когда такое происходит. Но потом скорость реакции берет верх. Как только парень понял, что я его заметил, то ломанулся к окну и попытался вылезти. Почему-то – Бог знает, почему, если учесть, какое я трусливое дерьмо, – я рванул за ним и схватил за шею до того, как он успел вылезти. В результате грабитель лежит на спине и пялится на меня, а я держу его рукой за горло. Вдруг я думаю: так, а что дальше? Мы пробыли в такой позе целую вечность, не говоря не слова, пока я принимал решение, что делать дальше.

Если тащить его обратно в дом, решил я, то у него может оказаться фомка или пистолет. А на улице может ждать сообщник,

который готов помочь. Мне точно не хотелось драться в четыре утра, так как я почему-то не надел свой костюм Рэмбо. И я подумал, почему бы мне просто не убить ублюдка? Он ведь у меня дома, а я его как-то и не приглашал. Но неужели я хочу жить с осознанием того, что лишил кого-то жизни, когда мог просто отпустить?

В конце концов, я просто выкинул ублюдка из окна второго этажа. Я слышал, как он пересчитал ветки деревьев по пути вниз. Потом посмотрел, как он ковыляет через поле, скуля при каждом шаге. Хорошо, если он что-то сломал.

Ублюдок двинул ювелирных украшений на два миллиона фунтов, и копы его так и не поймали. Украшения были застрахованы, но полную стоимость так вернуть и не удалось. Думаю, нужно было крикнуть Шерон, чтобы включила сигнализацию, но тогда я об этом не подумал. И она ничего не знала об этом, пока всё не закончилось.

Это ведь просто вещи, правда? А могло быть намного хуже. Вор мог ударить меня по голове бейсбольной битой, пока я спал. Он мог изнасиловать Шерон. Знаете же, как народ в баре понтуется: «Ох, *вот бы* это случилось со мной, черт побери, я бы этому ублюдку показал», – но, поверьте, когда вас вот так застают врасплох, всё по-другому.

После того случая я купил пару ружей, так что, если появится еще один подобный крендель, так легко он не отделается. Опять же, не уверен, смогу ли я выстрелить в человека. С пушками надо быть чертовски осторожным. Мой отец всегда говорил, что, если идешь на кого-то с оружием – неважно, каким, – нужно быть абсолютно готовым пустить его в ход, иначе человек увидит в твоих глазах сомнение, отнимет у тебя оружие и использует против тебя. И тогда тебе *точно* несдобровать.

На следующий день после кражи пресса просто с ума сходила, как и от любой истории с моим участием. «ГОЛЫЙ ОЗЗИ В ЯРОСТИ ИЗБИЛ ВОРА У СЕБЯ ДОМА», – гласил заголовок газеты *«The Sun»*. Потом другие газеты отправили репортеров в Астон написать о том, как я ограбил магазин одежды «Sarah Clarke's» и как смешно, что я жалуюсь на то, что сам стал жертвой ограбления. Честно говоря, это сравнение высосано из пальца. Я был обычным глупым ребенком, когда грабил магазин «Sarah Clarke's»; я не был ночным вором-профессионалом. И я усвоил свой урок.

В 1965 году одежда, которую я стащил, стоила примерно двадцать пять фунтов, и мне тогда казалось, что это все деньги мира. Никогда

бы не поверил, что сорок лет спустя у меня кто-то двинет вещей на два миллиона фунтов, и всё равно у меня останется столько денег, что я особо этого и не замечу. Это просто нелепо. Моя жизнь не должна была так сложиться. Но, поверьте, я благодарен Провидению. Не проходит и дня, чтобы я не вспомнил, откуда я родом, где теперь оказался, и что никто в здравом уме не поставил бы гроша ломаного на то, что моя жизнь сложится именно так.

Заметки пациента Хидден-Хилс, Калифорния, 2009 год

«Ладно, мистер Осборн, я задам вопрос, – сказал док. – Вы когда-нибудь принимали запрещенные психоактивные вещества?»

Это был новый парень, к которому я обратился, когда решил завязать. Я почти сорок лет травил себя бухлом и таблетками, так что мне показалось, что пора оценить ущерб, который я себе нанес.

– Ну, – ответил я, слегка прокашлявшись, – как-то я курил траву.

– И всё?

– Ага, и всё.

Док всё задавал мне провокационные вопросы и сверялся со своими записями.

Потом оторвался от них и спросил: «Вы *уверены*?»

– Ну, – сказал я, снова немного прокашлявшись, – еще я принимал «спид». Давным-давно, понимаете?

– То есть только марихуану и немного «спида»?

– В общем, да.

Док снова обратился к записям. Но через некоторое время снова оторвался от них.

– Вы *абсолютно* уверены, что употребляли только марихуану и «спид»?

– Я полагаю, что в свое время снюхал пару дорожек старой доброй вафельной пыли, – ответил я. Вот теперь я только начал разогреваться.

– Значит, марихуана, «спид» и несколько дорожек кокаина?

– Вроде того.

– Уверены в этом?

– Ага.

– Я просто хочу убеди…

– А героин считается?

– Да, героин считается.

– А, тогда еще героин. Но это было один или два раза, если что.

– *Уверены*, что всего один или два раза?

– А, да. Хреновый наркотик, этот героин. Вы сами пробовали?

– Нет.

– Слишком много блевотины, на мой вкус.

– Может вызывать интенсивную рвоту?

– Только зря алкоголь переводить.

– Ладно, – оборвал доктор. – Давайте на этом остановимся. Есть ли какие-нибудь наркотики, которые вы *не* принимали, мистер Осборн?

Молчание.

– Мистер Осборн?

– Я таких не знаю. Снова молчание.

Наконец док спросил: «А как дела с алкоголем? Вы упоминали о нем. Сколько порций в день?»

– О, должно быть, примерно четыре. Плюс-минус.

– Вы не могли бы конкретизировать?

– Бутылок «Хеннесси». Но бывает по-разному.

– Это как?

– Зависит от того, на сколько я вырубаюсь между этими бутылками.

– И вы пьете только «Хеннесси»?

– Пиво же не считается?

Док покачал головой, тяжело вздохнул и потер глаза. Он выглядел так, как будто хочет пойти домой. Потом спросил: «А вы курите, мистер Осборн?»

– Время от времени.

– Какой сюрприз. Сколько в день, как вам кажется?

– Ой, ну, около тридцати.

– Сигарет какой марки?

– Сигар. Сигареты я не считаю

Док сильно побледнел. Потом он спросил: «Как давно вы поддерживаете такой режим?»

– А какой сейчас год? – спросил я.

– 2004-й.

– Значит, примерно сорок лет.

– В вашей истории болезни есть что-то еще, о чем мне нужно знать? – спросил док.

– Ну, – ответил я, – однажды меня сбил самолет. А еще я сломал шею на квадроцикле. Потом я дважды умирал во время комы. Еще у меня примерно сутки был СПИД. А еще я считал, что у меня рассеянный склероз, а оказалось, что синдром паркинсонизма. Еще я как-то сломал пополам небный язычок. Несколько раз у меня был трепак и пара припадков, когда я принял кодеин в Нью-Йорке и сам себя изнасиловал в Германии. Вот и всё, пожалуй, если не считать злоупотребления рецептурными препаратами.

Доктор кивнул.

Потом прокашлялся, ослабил себе галстук и сказал: «У меня к вам последний вопрос, мистер Осборн».

– Валяйте, док.

– *А почему вы все еще живы?»*

Он был прав: нет ни одного логичного медицинского обоснования тому, почему я всё еще жив. Еще меньше причин, почему я почти здоров. Сейчас у меня со здоровьем много проблем, это правда.

У меня не очень хорошо работает кратковременная память с тех пор, как я упал с квадроцикла. Но у меня теперь есть специальный врач-специалист, который работает со мной. Еще у меня легкое заикание. Зато сердце у меня в прекрасной форме, а печень как новенькая. После миллиона анализов всё, что обнаружил у меня доктор, – «слегка повышенный уровень холестерина». Но это едва ли необычно для 60-летнего мужчины, который вырос на бутербродах с салом и картошке фри.

Честно говоря, никогда не думал, что доживу до седьмого десятка, не говоря уже о том, чтобы быть при этом вполне жизнеспособным. Если бы, когда я был маленьким, меня поставили в ряд с другими ребятами с нашей улицы и спросили, кто из нас доживет до 2009 года, у кого из нас будет пятеро детей и четверо внуков, деньги и дома в Бакингемшире и Калифорнии, я бы ни за что не назвал себя. Мне довольно часто приходится смеяться, потому что я вырос вопреки всей системе. В пятнадцать лет меня выпустили из школы, хотя я даже одного предложения нормально прочитать не мог.

Но в конце концов я выиграл.

Мы все выиграли: я, Тони, Гизер и Билл. И чувствую я себя великолепно. Лучше, чем когда-либо.

Не скажу, что у меня вообще нет проблем. Например, я побаиваюсь встреч с новыми людьми, хотя эта боязнь волнообразна. А еще я очень суеверный. Когда я занимаюсь в спортзале, то всегда делаю больше тринадцати повторов. *Всегда.* И ни при каких обстоятельствах не ношу одежду зеленого цвета. Зеленый цвет меня почему-то пугает. Понятия не имею, почему, – может, потому что когда-то у меня была зеленая машина, и она постоянно ломалась. Клянусь, трезвость превратила меня в какого-то экстрасенса. Например, я говорю Шерон: «Интересно, как поживает такой-то?» И человек, которого я не видел несколько лет, на следующий день появляется откуда ни возьмись.

Нечто подобное со мной случилось, когда умерла принцесса Диана. За неделю до аварии мне приснился сон. Он был настолько

правдоподобный, что я рассказал его Тони Деннису. А потом, через несколько дней, ее не стало.

«Не хотел бы *я сам* тебе присниться, черт побери», – ответил Тони.

Люди спрашивают, правда ли я сейчас *по-настоящему* трезв.

Но я не могу ответить им так, как они бы хотели. Всё, что я могу сказать – это что я трезв сегодня. Это всё, что у меня есть. И по-другому не будет.

Но, конечно, сейчас я трезвее, чем в последние сорок лет. Я сильно надрался несколько лет назад, после концерта в Праге. Пиво было такое хорошее, приятель, что я просто не удержался. А я был с Заком, моим гитаристом, с которым алкоголику тусоваться опасно. Этот парень заливает в себя рюмки одну за другой с невероятной скоростью. Он как машина. Это был незабываемый вечер. После прогулки по городу мы вернулись в мой номер на девятом этаже необычного высотного отеля и принялись за мини-бар. А потом, примерно в час ночи, мне в голову пришла одна мысль.

– Знаешь, чего я *ни разу* не делал? – сказал я Заку.

– Наверное, список очень короткий, приятель, – ответил он.

– Серьезно, Зак, – сказал я. – Есть одна рок-н-ролльная штука, которую я так и не сделал за все эти годы.

– Какая?

– Я ни разу не выбрасывал телик из окна гостиницы.

– Черт, чувак, – сказал Зак. – С этим надо что-то делать.

Мы вытащили телик из шкафа, подтащили к окну и стали открывать окно. Но все спроектировано так, чтобы окно открывалось всего на несколько дюймов. Поэтому нам пришлось сломать затвор тяжелым пресс-папье, чтобы окно открылось на ширину, достаточную для того, чтобы в него высунуть

50-дюймовый телевизор.

А потом мы как следует его толкнули.

Вжу-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-х-х-х-х-х-х!

Он полетел вниз, пролетел восьмой этаж, седьмой этаж, шестой этаж, пятый этаж, четвертый этаж…

– Там что, внизу какой-то парень курит? – спрашиваю я у Зака. А телевизор, заметьте, всё находится в полете.

– Не волнуйся, – ответил Зак. – Он стоит в километре.

БА-БАХ!

Надо было видеть, как эта штука разбилась, приятель. Срань господня. Прямо как будто бомба взорвалась. Бедный парень,

который курил, чуть свою сигарету не проглотил, хотя стоял на другом конце площади.

Когда нам стало скучно пялиться на обломки, я залез в нишу, где был телик, и притворился, что читаю новости подобно диктору. Зазвонил телефон. Это был менеджер отеля.

– Могу ли я поговорить с мистером Осборном? – сказал он. – Произошел… случай.

– Его здесь нет, – ответил Зак. – Он на телевидении.

В общем, менеджер отеля просто переселил меня в другой номер, потому что окно сломалось, а, когда я уезжал, в мой счет добавили пункт «разное» на 38 тысяч баксов! Они сказали, что в этом номере теперь целый месяц никто не сможет поселиться. Но это чушь собачья. Заку выписали счет на

10 тысяч. А еще взяли с нас тысячу за бухло из мини-бара.

Но, в каком-то смысле, все это стоило того.

Когда я оплатил счет, то понял, что больше не хочу быть таким человеком. Дошло до того, что я подумал: и что ты будешь делать, Оззи? Ты так и останешься человеком, который и так одной ногой в могиле, пока не кончишь так же, как другие безумные рок-н-ролльщики? Или вылезешь из этой ямы?

Другими словами, я опустился на самое рок-н-ролльное дно. Этот путь занял у меня сорок лет, но я наконец его прошел. Я испытывал к себе отвращение. Мне всё в себе не нравилось. Я боялся жить, но и боялся умереть.

А это жалкое существование, поверьте. Поэтому я решил вести трезвый образ жизни. Сначала я бросил сигареты. Люди спрашивают: «Как, черт побери, *ты это* сделал?» – но я так устал покупать пластыри, отрывать их, курить, снова налеплять, что подумал: «*На хрен это всё*», – и просто бросил. Мне просто надоело курить.

Потом я так же поступил с бухлом. Когда я уже какое-то время не пил, то спросил Шерон: «Можно мне теперь выпить?»

А она ответила: «Ты достаточно взрослый, чтобы самому принимать решения».

– Но я не очень хорошо принимаю решения, – возразил я. – Они всегда неправильные.

– Но ты *хочешь* выпить, Оззи? – спросила она.

В первый раз в жизни я честно ответил «нет». Раньше, когда я переставал бухать, то всегда думал о хороших временах, по которым скучал. Теперь всё, о чем я думаю, – это как хорошие

времена всегда – *всегда,* черт побери, – сменялись плохими.

Даже не могу сказать, сколько сейчас стоит пинта пива. И знать не хочу. И это удивительно, учитывая, что почти вся моя жизнь вращалась вокруг паба. Мне это просто больше не интересно. Недавно я был в отеле «Беверли-Хиллз», где столкнулся с Ронни Вудом из The Rolling Stones. Он выглядел пьяненьким. И я подумал: «Черт побери, он всё еще жив». Еще на церемонии вручения наград я недавно встретил Кита Ричардса. «Как дела, Кит?» – спросил я. Он ответил: «Ты знаешь, для живой легенды весьма неплохо». А я чуть было не сказал: «*Живой?* Кит, епты, да мы с тобой гребаные ходячие мертвецы».

Вообще-то многие мои прежние собутыльники всё еще держатся. Но они входят в тот возраст, когда организм уже не справляется. Один из них не так давно умер от цирроза печени. А после похорон все пошли в паб. Все стояли у бара в черных повязках на руках и дубасили ром с соком. «Вы что, пытаетесь его догнать?» – спросил я их.

Но именно так принято в Англии – пить в пабе за того, кто только что убил себя тем, что слишком много пил в пабе. Такова культура алкоголиков. Когда я был моложе, мне казалось, что весь мир пьет. Потом я переехал в Америку и понял, что пьют только в *Англии*.

В конце концов я слез и с наркотиков. Кроме лекарств от тремора и антидепрессантов я нахожусь в зоне, свободной от наркотиков. Теперь, когда я прихожу к врачу, то первым делом говорю: «Слушайте, я наркоман и алкоголик, так что, пожалуйста, не слушайте чушь, которую я несу». На все приемы со мной ходит Тони, который играет роль страхового полиса.

У лекарств, которые я сейчас принимаю, не так много побочных эффектов, в отличие от тех, которые мне выписывали прежние врачи. Но антидепрессанты отразились на моей сексуальной жизни. У меня стоит, но оргазма нет. В итоге я могу всю ночь прыгать на Шерон, как перфоратор, но ничего не происходит. Я пробовал виагру, но к тому моменту, как она действует, Шерон уже крепко спит. Так что я лежу, передо мной стоит палатка из одеяла, и мне остается только втыкать в «History Chanel» по телику.

Когда я спросил об этом врача, он сказал: «О, вы что, до сих пор занимаетесь *сексом*?»

– Это единственное гребаное удовольствие, которое у меня осталось! – ответил я.

Кстати, у меня никогда не было желания замутить с какой-нибудь

девушкой помоложе, как это бывает у мужчин моего возраста. О чем говорить с двадцатилетней? О рынке недвижимости? О ситуации в Афганистане? Всё равно что разговаривать с ребенком.

Я в завязке уже около четырех или пяти лет. Я не считал. Не знаю точной даты, когда я завязал. Это же не чертова гонка. Я просто встаю с постели каждое утро, *не* пью и *не* принимаю наркотики. Но по-прежнему избегаю собраний анонимных алкоголиков. Мне кажется, люди просто заменяют зависимость от алкоголя на зависимость от этой программы. Я не говорю, что она не помогает, потому что многим она и правда пошла на пользу. Но изменения должны происходить внутри *меня*.

Кстати, терапия всё равно мне очень помогла, хотя сначала я этого вообще не понимал. Я совершил ту же ошибку, что и в случае с реабилитационным центром, – решил, что меня вылечат. Но суть в том, чтобы облегчить проблему, говоря о ней вслух. Она помогает потому, что, если что-то не обсуждать, то оно так и остается у тебя в голове, убивая тебя.

Еще у меня есть куратор – Билли Моррисон, гитарист из Camp Freddy. Мы познакомились с ним на этой программе. Если я чувствую, что мне хочется выкурить косячок, потому что он поможет мне написать песню – я звоню Билли. И эта мысль уходит. Он скажет: «Ты дунешь, первые две минуты тебе будет хорошо, но к концу дня ты уже будешь хлестать скотч бутылками». И это работает, потому что напиваешься как раз из-за того, что обманываешь сам себя.

Но сам я не смог бы стать куратором. У меня большая проблема с доверием к людям, и, как я уже сказал, я не хожу на собрания, поэтому так и не прошел двенадцать необходимых уровней. И мне в этом мешает не Бог, потому что необязательно верить в Бога, чтобы пройти программу. Нужно просто признать, что есть высшая сила – ее символом может быть просто лампа в углу комнаты. Поэтому кто-то верит в природу, в океан, в свой член – что только в голову не придет.

Одна из особенностей трезвой жизни в том, что, если я сейчас сорвусь, то, скорее всего, умру. Когда бросаешь, иммунитет словно падает с обрыва. Пара стаканчиков – и ты всё. Так что, когда я не на гастролях, то почти никуда не хожу. Мне и не нужно: у меня есть жена, друзья, собаки – всего семнадцать штук – и есть земля. Надо видеть наш новый дом в Хидден-Хиллс. Настоящий особняк рок-

звезды. Когда я лежу в постели, мне нужно просто нажать на кнопку – и из пола выезжает плоский телевизор, повисая у меня над головой. А сортиры! Черт побери, приятель, жаль, что мой старик не дожил до того, чтобы посмотреть на мой сортир. Когда я был маленьким, то ходил в ведро, потому что у нас в доме не было туалета, а теперь у меня компьютеризированные японские супертолчки с подогревом сиденья, функцией подмывания и сушки жопы, которые включаются простым нажатием кнопки. Еще пара лет – и там будет роботизированная рука, которая будет вытаскивать из меня говно, чтобы мне даже тужиться не пришлось.

Жизнь у меня не так уж плоха, скажу я вам.

И я всё время стараюсь себя чем-нибудь занять. Например, пересдать экзамен на права. Почти все эти сорок лет я водил машину, но без прав и, как правило, пьяным. Так что хочу всё сделать как надо, пока не откинул сандалии. Кстати, инструктор хочет, чтобы я учился водить машину, оборудованную двумя рулями. Чушь собачья. Я ему сказал: «Мы будем ездить на моем «Рендж-Ровере» или не будем вообще». Но, судя по последнему уроку, я не удивлюсь, если в следующий раз инструктор придет в шлеме. Он считает меня сумасшедшим. Каждый раз, когда я поворачиваю за угол, он вздрагивает так, как будто я соревнуюсь на смелость с водителем грузовика.

Думаю, его можно понять, учитывая, сколько всякой всячины говорили обо мне за все эти годы. «Он откусил голову летучей мыши». Ладно. «Он откусил голову голубю». Справедливо. Но я не какой-нибудь убийца щеночков или дьяволопоклонник и не склоняю своих фанатов стрелять себе в башку, хотя все эти слухи постоянно меня преследуют. Люди приукрашивают рассказы, понимаете? Как дети на школьном дворе. Один говорит: «Джонни порезал палец», – но, когда слух доходит до другой стороны площадки, то Джонии уже отрезал себе гребаную голову.

Сейчас, когда я дома, то пишу картины и слушаю в наушниках ранние альбомы The Beatles. На самом деле это просто каракули. Я в этом не силен – просто рисую узоры и придумываю странные фигуры ярких цветов – как в поп-арте шестидесятых. Зато так я держусь подальше от неприятностей. А еще я собираю всякие нацистские сувениры. У меня есть флаги, эсэсовские кинжалы, кожаные плащи и всё такое – но едва ли я могу развешивать по дому свастику – ведь моя жена наполовину еврейка. Большинство предметов, которые я покупаю, в итоге оседают у Лемми,

увлекающимся этой темой еще больше меня.

Его дом надо видеть, приятель. Там как в музее.

Сейчас я провожу с семьей больше времени, чем за всё то время, пока я пил. Эйми, Келли и Джек делают большие успехи. С Джесс и Луисом я тоже теперь вижусь постоянно. Ум они унаследовали от Тельмы: Джесс – инспектор, а Луис закончил юридический. Они подарили мне четырех внуков, и это просто невероятно. И я до сих пор каждое воскресенье говорю по телефону со своей сестрой Джиной. «Есть новости? – спрашиваю я у нее. – У всех всё в порядке?»

У Black Sabbath тоже всё в порядке, но сейчас идут споры о том, кому принадлежит название. Я считаю, что оно принадлежит нам четверым поровну. Посмотрим, что будет, но надеюсь, всё разрешится, потому что я очень уважаю Тони Айомми. Я уже давненько не общался с Гизером – потому что он всё время сидит дома, уткнувшись в книгу. Зато общался с Биллом. Он не пьет и не принимает наркотики уже двадцать пять лет. Если бы вы знали его четверть века назад, то поняли бы, что это не что иное, как чудо.

Что до меня, то я хочу до конца своих дней остаться рок-н-ролльщиком. Я точно больше не хочу сниматься на телевидении, за исключением рекламы, если она смешная. Знаете, раньше меня расстраивало, что люди меня не понимают, но потом я сделал на этом карьеру. Иногда я даже переигрываю, потому что от меня этого ждут.

Полагаю, единственная мечта, которая у меня еще не сбылась, – записать альбом, который выйдет на первое место в Америке. Но если этого не произойдет, то мне всё равно грех жаловаться. Мне удалось сделать почти все остальное. Я хочу сказать, что очень благодарен за то, что я – это *я*, что я здесь и могу наслаждаться своей жизнью.

Если я проживу на день меньше, то всё равно уже получил гораздо больше, чем мне было положено. Единственное, о чем я прошу, – если окажусь где-нибудь в больнице и выживу из ума – просто отключите меня от аппаратов. Но сомневаюсь, что до этого дойдет. Зная себя, скорее всего, я выберу более глупый способ умереть. Например, споткнусь о порог и сломаю себе шею. Или задохнусь от того, что таблетка пойдет не в то горло. Или на меня насрет птица и заразит каким-нибудь инопланетным вирусом. Смотрите, что случилось с тем квадроциклом: я несколько десятков

лет принимал смертельное сочетание алкоголя и наркотиков, но меня чуть не убило то, что я налетел на выбоину на своем же участке, когда ехал со скоростью три километра в час.

Не поймите меня неправильно: я не волнуюсь о таких серьезных вещах каждый день. Я пришел к убеждению, что все в жизни нам уготовано заранее. Так что всякий раз, когда случается какое-нибудь дерьмо, с этим ничего нельзя поделать. Нужно просто переждать. И в конце концов смерть придет, как она приходит ко всем.

Я сказал Шерон: «Что угодно, только не кремируй меня». Я хочу, чтобы меня положили в землю в каком-нибудь красивом саду, а на могиле посадили дерево. Желательно дикую яблоню, чтобы дети могли сделать из меня вино и нажраться в говно.

И я не питаю иллюзий о надписи на надгробии.

Я закрываю глаза и так ее и вижу:

Оззи Осборн, родился в 1948 году.
Умер, хрен знает, когда.
Он откусил голову летучей мыши.

Благодарности

Моей дорогой жене Шерон, которая всегда была со мной, – я люблю тебя.

Моим замечательным детям: Эйми, Келли, Джеку, Джессике и Луису. Моим удивительным внукам: Айзи, Гарри, Мие и Элайдже.

Колину и Метт Ньюманам; без вас у меня бы ничего не получилось.

Моим братьям и сестрам: Полу, Тони, Айрис и Джиллиан, и, конечно, моей чудесной старшей сестре Джине – которая всегда была мне второй мамой, а не сестрой, – и, конечно, моим зятьям – Норману Расселлу и Тому, и моему племяннику Терри.

Моим дорогим маме и папе, благодаря которым всё это стало возможным.

Джине и Дину Мазлинам и их детям, Оливеру и Амелии.

Моим замечательным друзьям – Билли и Джен Моррисонам – которые помогли мне вернуться.

Моим старым друзьям в Black Sabbath: Биллу Уорду, который всегда меня поддерживал. Да благословит тебя Бог. Тони Айомми и Теренсу «Гизеру» Батлеру.

Спасибо вам, моей команде, вы – моя большая семья: Майкл Гуаррачино, жена Денни и сын Джесс; Джон Фентон и жена Сэнди; Кевин Томпсон; Сильвана Арена; Линн Сигер; Клэр Смит; Дэвид и Шерон Годманы; Джуд Алькала; Боб Трой; Саба; Дари; Трино; Стив и Мелинда Варга, Люки и Скарли (кто тебя так назвал?).

Особая благодарность моему лучшему другу Тони Деннису (ну что, сынок, выпьем по пинте, у папы лодка, а у мамы велик).

Моим дорогим друзьм, миссис Долорес Роадс; Питу Мертенсу, его жене Даниэль и дочери Фиби; Глории Батлер; и моему другу и

сопродюсеру Кевину Черку.

Антонии Ходжсон, которая подала мне безумную идею написать эту книгу.

Крису Эйрсу, моему соавтору по этой книге. Спасибо, что превратил мои рассказы из жизни в книгу. Без тебя я бы не справился.

Заку и Барбарэнн Уайлдам, моему крестнику Джессу, Хэйли-Рэй и Хендриксу Уйалду.

Моей группе: Майку Бордену и его семье; Мерили, Эбби и Вайлет; Бласко и его жене Кэрол; Адаму Уэйкману и его семье.

И всем моим четвероногим ангелам, которые гадят в моем доме каждый день.

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ, ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:
https://eksmo.ru/b2b/

Звоните по телефону:
+7 495 411-68-59, доб. 2261

ВАШ ЛОГОТИП НА ОБЛОЖКЕ

ВАШ ЛОГОТИП НА КОРЕШКЕ

ОБРАЩЕНИЕ К КЛИЕНТАМ НА ОБЛОЖКЕ

Примечания

1

Воспоминания других людей о событиях в этой книге могут отличаться от моих. Я не собираюсь с ними спорить. За последние сорок лет я принимал алкоголь, кокс, кислоту, метаквалон, клей, микстуру от кашля, героин, флунитразепам, клоназепам, викодин и много других веществ с длинными названиями, которые не поместятся в этой сноске. Во многих случаях я находился под воздействием сразу нескольких веществ из этого списка. И я не чертова *Британская энциклопедия*, скажем так.

То, что вы здесь прочтете, вытекло из желе, которое я называю своим мозгом, когда я спросил его, как прошла моя жизнь. Ни больше ни меньше…

Вернуться

2

Мистер Магу (англ. – Mr. Magoo) – комедийный персонаж, вечно попадающий в неловкие ситуации и неприятности. Герой множества мультфильмов и одноименного полтометражного фильма 1997 года производства.

Вернуться

3

Ронни Баркер (англ. – Ronnie Barker) – английский комедийный актер и писатель, носивший большие очки в толстой оправе.

Вернуться

4

1 английская пинта = 0,57 литра.

Вернуться

5

Сноудон – высочайшая вершина Великобритании южнее Шотландского высокогорья.

Вернуться

6

Делия Смит (англ. – Delia Smith) – английский повар и популярная телеведущая.

Вернуться

7

Тедди-бои (англ. Teddy Boys) – молодежная субкультура, существовавшая в 1950-е гг. в Великобритании.

Вернуться

8

Мо́ды (англ. Mods) – британская молодежная субкультура, сформировавшаяся в конце 1950-х гг. и достигшая пика в середине 1960-х гг.

Вернуться

9

«Оззи Зиг ищет группу». – *Прим. пер.*

Вернуться

10

«Geezer», англ. «старый хрыч». – *Прим. пер.*

Вернуться

11

«Сан-Франциско: убедитесь, что у вас в волосах цветы». – *Прим. пер.*

Вернуться

12

«Астон: убедитесь, что у вас из рожи торчит стекло». – *Прим. пер.*

Вернуться

13

«Brick», англ. «кирпич». – *Прим. пер.*

Вернуться

14

Бобби Чарлтон – известный актер, да? – *Прим. ред.*

Вернуться

15

Я не понимаю.

Вернуться

16

Прощай, пока.

Вернуться

17

«Harry» в американском варианте созвучно с «hairy», англ. «волосатый»; «bollocks», англ. «яйца». – *Прим. пер.*

Вернуться

18

«Starshine», англ. «сияние звезд» – *Прим. пер.*
Вернуться

19

«Butt», англ. «задница» – *Прим. пер.*
Вернуться

20

Сок с алкоголем. – *Прим. пер.*
Вернуться

21

«Slack haddock», англ. «вялый окунь». – *Прим. пер.*
Вернуться

22

Ле́мми (англ. Lemmy, настоящее имя Ian Fraser Kilmister – И`эн Фрейзер Килмистер) – британский бас-гитарист и вокалист, основатель и бессменный участник рок-группы Motörhead. Умер 28 декабря 2015 года.
Вернуться

23

«Пивной фестиваль». – *Прим. пер.*
Вернуться

24

Билл Косби (англ. Bill Cosby) – американский актер, известный прежде всего по комедийному сериалу «The Cosby Show», в котором он играл отца семейства.
Вернуться